

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СИБИРСКОЙ ИСТОРИИ

Коллективная монография

Часть 11

Издательство
Нижевартовского
государственного
университета
2016

ББК 63.211
И 91

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Нижевартовского государственного университета

Исследование осуществлено в рамках исполнения государственных работ в
сфере научной деятельности, задание № 2014/801

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных и
естественнонаучных дисциплин Южно-Уральского государственного
университета (НИУ) (филиал в г. Нижневартовске) *В.В. Митрофанов*;

кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой гуманитарных и
естественнонаучных дисциплин Южно-Уральского государственного
университета (НИУ) (филиал в г. Нижневартовске) *И.Г. Рябова*

Авторы:

М.М. Чореф (разд. I, гл. 1), *Я.Г. Солодкин* (разд. I, гл. 2—4), *А.В. Спичак*
(разд. I, гл. 5), *О.П. Цысь* (разд. I, гл. 6), *С.С. Бытко* (разд. I, гл. 7),
В.В. Митрофанов (разд. I, гл. 8), *М.В. Угрюмова* (разд. I, гл. 9), *Л.В. Алексеева*
(разд. I, гл. 10), *А.Б. Храпцов* (разд. I, гл. 11), *Э.Р. Шамсиева* (разд. II, гл. 1),
В.Ю. Софронов, *А.В. Зеленин* (разд. II, гл. 2), *М.Ф. Еришов* (разд. II, гл. 3),
И.А. Силаева (разд. II, гл. 4), *В.Н. Зубов* (разд. II, гл. 5),
А.С. Иванов (разд. II, гл. 6), *Л.В. Алексеева* (разд. II, гл. 7)

**И 91 Источниковедческие и историографические аспекты сибир-
ской истории:** Коллективная монография. Ч. 11 / Под общ. ред. Я.Г. Со-
лодкин. — Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 2016. — 402 с.

ISBN 978-5-00047-333-7

В очередной части ежегодного издания по проблемам источникове-
дения и историографии прошлого Сибири рассматриваются многие
дискуссионные, недостаточно изученные, а порой и вовсе обойденные
вниманием ученых проблемы, анализ которых имеет важное значение
для осмысления ряда существенных политических, социальных, эконо-
мических и историко-культурных явлений в судьбах Азиатской России
XVI—XX вв.

Для ученых, краеведов, студентов, всех интересующихся историей
Сибири последних столетий.

ББК 63.211

ISBN 978-5-00047-333-7

© Издательство НВГУ, 2016

Раздел I

**ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ
ИСТОРИИ СИБИРИ XV—XX вв.**

Глава 1

КИТАЙСКАЯ МОНЕТА В СИБИРИ: ПРИЧИНЫ ПРОНИКНОВЕНИЯ И ХАРАКТЕР ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

На территории Сибири регулярно находят древние монеты. Многие из них не несут на себе кириллических легенд. Так что их определение представляет собой серьезную проблему для неподготовленного исследователя. В результате значительная часть сибирских нумизматических артефактов так и не стала полноценным историческим источником. Мы находим эту проблему крайне важной. И с целью приблизить ее разрешение попытаемся объяснить проникновение в наш регион китайской монеты.

Сразу же определимся, что объектом изучения станут не современные нам выпуски и реплики древним монетам, в изобилии привозимые туристами и регулярно находимые на территории региона, а также не серебро конца XIX — начала XX в., которое свободно проникало в Сибирь в силу своей очевидной металлической стоимости, а литые круглые бронзы с квадратными отверстиями¹ — так называемые цяни и их фракции², выпускавшиеся в Поднебесной многочисленными государственными денежными дворами и частными лицами с VII до начала XX в. (Быков 1969; Hartill 2005; Lacouperie 1892). Дело в том, что их находки извест-

¹ О технологии их производства см.: (Hartill 2005: XIX; Чореф 2016).

² Речь идет о монетах, впервые выпущенных в ходе реформы денежного обращения, проведенной императором Гаоцзу (618—626) — первым государем из династии Тан (Hartill 2005: 105, № 14.1). В ходе нее в обращение поступили монеты с надписью «開元通寶» (Kai Yuan Tong Bao), которую можно перевести как «ходячая монета Кай-юань» или «инаугурационная валюта» (Быков 1969: 17, 18). Примечательно то, что на цянях первых выпусков отсутствовал девиз правителя. Так, фраза «武德» (Wǔdé) — «военные добродетели», являвшаяся лозунгом Гаоцзу, не известна на монетах его литья. Вернее всего, это было сделано для сохранения монетного типа при наследниках этого государя. Таким образом, мы можем констатировать факт, что монеты с легендой «開元通寶» являлись торговой валютой. Так что не случайно бронзы государей из дома Тан стали объектами массового подражания (Смирнова 1981: 35; Hartill 2005: 106, № 14.16, 14.17).

ны далеко за пределами Поднебесной. Нас же заинтересовало то, что на Дальнем Востоке и в Сибири находят разновременные цянни, выпущенные с X по середину XIX в. (Барина 2012: 73—79; Сенотрусова, Мандрика, Тишкин 2014: 72—78; Самарин 2011: 160—174; Самарин 2013; Степанов 2012: 147—154; Шавкунов 1960: 238—243). Складывается впечатление, что эти монеты поступали в наш регион на протяжении длительного периода. Основываясь на этом, многие исследователи пришли к выводу, что коренные жители Сибири издавна контактировали с Китаем, отдавая должное монетам его литья. А это, в свою очередь, свидетельствует о высокой степени развития товарно-денежных отношений в нашем регионе уже в глубокой древности.

Мы находим этот тезис очень важным. Поставив перед собой цель проверить его, попытаемся определить период и выявить причину проникновения китайских монет на Дальний Восток и в Сибирь, а также определить характер их использования.

Начнем со статистики находок. Известно, что клады и единичные находки китайских монет зафиксированы на Алтае (Серов 2000: 47—48), в нижнем течении Ангары (Сенотрусова, Мандрика, Тишкин 2014: 72—78), на Сахалине (Кикучи, Миякэ, Накамура 2006: 485—488; Самарин 2011: 160—174; Самарин 2013), в Туве и Хабаровском крае (Шавкунов 1960: 238—243), а также в Якутии (Степанов 2012: 147—154). Как видим, ареал обращения цянней достаточно широк.

Есть все основания считать, что в позднеантичный период и в Средневековье цянни знали и использовали гунны (Кызласов 1992: 57), древние тюрки (Кызласов 1992: 72), уйгуры (Кызласов 1992: 75), жители Средней Азии (Кызласов 1992: 189; Смирнова 1981: 35; Hartill 2005: 106, № 14.16, 14.17), а также подданные Золотой Орды (Кызласов 1992: 189). Причем эти монеты, безусловно, являлись платежными средствами. Действительно, обильная эмиссия стандартизированных цянней позволила им не только монополизировать денежное обращение Поднебесной, но и завоевать рынки соседних государств и племенных территорий. Учитывая это обстоятельство, допускаем, что развитые народы Дальнего Востока и Сибири могли воспринимать китайские бронзы как ходячую монету.

На первый взгляд этот факт ожидаем и вполне объясним. Дело в том, что Дальний Восток и Приморье входили в зону политического и экономического влияния древних и средневековых китайских государств (Баринаова 2001). В любом случае, продукция ремесленников Поднебесной активно проникала на Север (Березин 2002: 161—162; Богданова-Березовская 1975: 131—149; Киселев 1947: 94—96; Лубо-Лесниченко 1969: 70—78; Лубо-Лесниченко 1975; Ожередов, Плетнева, Масумото 2008: 136—157). Так что есть все основания полагать, что для расчетов с китайцами могли использовать их же монеты.

Сразу же заметим, что этот постулат отнюдь не нов. Вопросу проникновения китайских артефактов в Сибирь посвящена серия трудов Е.Б. Баринаовой (Баринаова 2001; Баринаова 2011; Баринаова 2012: 73—79; Баринаова 2015). Исследователь пришла к выводу, что литые монеты, как, впрочем, и иные предметы материальной культуры Поднебесной, могли проникнуть на Дальний Восток и в Сибирь в результате развития торговли, а также установления дипломатических контактов (Баринаова 2001; Баринаова 2011; Баринаова 2012: 73—79; Баринаова 2015).

Действительно, с этим выводом трудно не согласиться. Местные жители вполне могли привыкнуть к использованию китайских ремесленных изделий, равно как и монет. Так что не стоит удивляться тому, что эта точка зрения ныне считается общепринятой. Однако мы не считаем ее логичной, а доводы ее сторонников — убедительными. Дело в том, что большая часть общностей средневековой Сибири, в силу довольно низкой стадии их социального развития, вряд ли могла использовать цяни исключительно в качестве платежных средств. Кроме того, в Сибири, как, впрочем, и в иных слабо развитых регионах Евразии, сокровища составляли из золотых и серебряных изделий³ (Смирнов 1909). Учитывая это обстоятельство, полагаем, что цяни исполняли иную функцию, не связанную с формированием накоплений, и, следовательно, не являлись платежными средствами. Попытаемся ее установить.

³ Заметим, что в нашем регионе обращались китайские серебряные слитки (Быков 1969: 20—21). И это не удивительно, поскольку они являлись полноценными платежными средствами.

Начнем с отслеживания фактов использования китайских монет. И первым делом обратим внимание на обычаи жителей Дальнего Востока — региона, активнее всего контактирующего с сопредельными районами Поднебесной. Известно, что у нивхов бытовала традиция вплетения в основание девичьих кос матерчатого украшения, расшитого пуговицами, металлическими бляшками и китайскими бронзовыми монетами (Михайлова 2005: 39). Примечательно и то, что у орочей, удегейцев, а также у хантов (рис. 1), манси и эвенков известны весьма схожие обычаи. Они украшали прически кусками ткани или кожаными полосками, расшитыми бисером, раковинами каури, пуговицами, а подчас и монетами (Михайлова 2005: 39). Что интересно, во второй половине XIX в. на эти изделия шли и биллоны российского чекана⁴ (рис. 2).

Следует также обратить внимание на то обстоятельство, что на Дальнем Востоке цяни активно использовали и для расшивки верхней плечевой одежды (Федорова 1988: 77—78). Судим по тому, что у всех народов региона отмечен обычай крепить на женские халаты из ткани или рыбьей кожи металлические подвески и, в частности, китайские бронзовые монеты (Федорова 2005: 129). Примечательно и то, что эта традиция бытовала у приобских кочевников, причем еще во второй половине XIX в. Судим по тому, что ханты также расшивали одежду монетоподобными жетонами (Чореф 2015: 5—16; de Pauly 1862) (рис. 3).

Сразу же заметим, что находим этот факт крайне важным. Ведь очевидно, что охотники тундровых и таежных зон не могли непосредственно участвовать в торговле с Китаем, а также заключать соглашения с его правителями. В таком случае, они не могли получить цяни по схеме, предложенной Е.Б. Бариновой. Причем коренные жители Западной Сибири не могли поддерживать регулярную меновую торговлю с племенами Дальнего Востока. Ведь их общности жили в условиях натурального хозяйства. В любом случае, у них не было ни оснований, ни возможности освоить

⁴ Мы находим это обстоятельство очень важным. Оно убедительно свидетельствует о неразвитости денежного обращения даже в позднейший, российский период. Кроме того, на этом примере прослеживается традиция использования монет как материала для составления традиционных украшений.

бронзовые китайские монеты как средства платежа. Тем не менее, цзяни распространились повсеместно, причем в качестве знаковых элементов оформления традиционной одежды. Попробуем объяснить это явление.

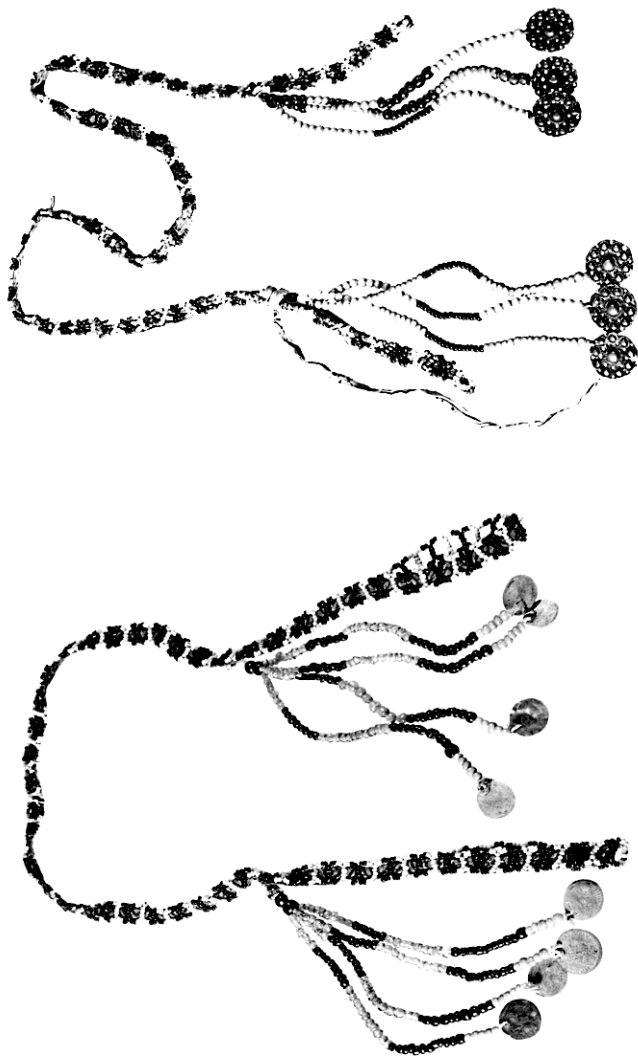

Рис. 1. Накосные украшения. Ханты (МАЭ № 51 1—140, МАЭ № 5093—7)

Рис. 2. Серьги. Эвены (МАЭ № 445—13)

Рис. 3. Ханты (по Г.-Ф. Паули)

Но первым делом уточним представления о внешнем виде китайских монет, найденных на территории Сибири. Для этого обратимся к материалам из частных коллекций. Просмотрим сообщения об их находках, размещенные на сайте Клуба коллекционеров, краеведов и кладоискателей Дальнего Востока (antikvarovnet.ru: 1). Здесь опубликована весьма интересная фотография (рис. 4), на которой приведены изображения небольшой группы китайских монет. Все они довольно поздние, выпущенные при правителях из династии Цин. Так, бронзы, изображенные на рис. 4: 2, 3, 5, 9, 10 отлиты при императоре Цяньлу⁵ (1735—1796), что следует из легенды «通寶乾隆» (Qian Long Tong Bao) — «ходячая монета эры правления Цяньлун», различимой на их аверсе. Она содержит девиз этого государя «乾隆» (Qian Long) — «Непобедимое и славное». Также в подборке представлена куда более поздняя монета (рис. 4: 4), отлитая при внуке вышеупомянутого правителя — императоре Даогуане⁶ (1820—1851). На ее аверсе различима надпись «通寶道光» (Dao Guang Tong Bao) — «ходячая монета эры правления Даогуан», в состав которой входит девиз правителя «道光» (Dao Guang) — «Целенаправленное и блестящее». К сожалению, на фотографии не приведены изображения оборотных сторон монет, так что установить центры их производства не представляется возможным⁷.

В любом случае, очевидно, что эти бронзы однотипны и различаются лишь надписями. Все они — наименьшего номинала, цяни. Обращались эти монеты одновременно, вплоть до начала денежных реформ, проведенных в правление императора Сяньфена⁸ (1851—1861). Напомним, что этот государь неоднократно

⁵ Личное имя этого государя — Айсиньгёро Хунли.

⁶ Его маньчжурское имя — Айсиньгёро Мяннин.

⁷ На реверсе цянй династии Цин размещали маньчжурскую надпись с указанием монетного двора.

⁸ Личное имя этого государя — Айсиньгёро Ичжу. Его девиз «咸豐» (Xian Feng) переводится как «Вселенское процветание». Но этот лозунг не соответствовал действительности. Правление Сяньфена ознаменовалось второй Опиумной войной (1856—1860 гг.), а также потерей в 1860 г. Восточной Маньчжурии.

ухудшал стопу бронзовой⁹ монеты и выпустил неполноценные бронзы новых номиналов — вплоть до 1000 цяней (Быков 1969: 34—35; Hartill 2005: 334—393, № 22.675—22.1120). Следовательно, у нас есть все основания считать, что заинтересовавшая нас выборка могла сформироваться не позже второй четверти XIX в., т.е. пока входящие в ее состав цяни могли находиться в обращении на территории Поднебесной. Основываясь на этом, вроде бы можно датировать ее правлением Даогуана или же первыми годами правления Сяньфена. Но мы так не считаем.

Рис. 4. Китайские монеты, найденные на Дальнем Востоке (частное собрание)

Дело в том, что подобная схема датирования применима исключительно для нумизматических комплексов, сформировавшихся на территории с развитыми товарно-денежными отношениями (Чореф 2013: 191—215). Но, как мы уже установили, коренные жители Дальнего Востока и Сибири не использовали цяни в качестве средств платежа. В таком случае для выяснения периода поступления этих монет в наш регион попытаемся воспользоваться методикой, разработанной нами при исследовании варварских кладов, сформировавшихся в поздней античности на территории Таврики (Чореф 2013: 191—215). Полагаем, что она вполне применима, т.к. первоначальные владельцы изученных нами северопричерноморских монетных собраний находились на той же стадии социального развития, что и коренные жители

⁹ При Цинах цяни стали лить из сплава, содержавшего не более 50% меди (Быков 1969: 33). Во второй половине XIX в. монеты стали изготавливать из латуни (Быков 1969: 33).

Дальнего Востока в конце XVIII — начале XIX в. Кроме того, они контактировали с развитыми государствами: в первом случае — с Римской империей, а во втором — с Россией и с Цинским Китаем. Как правило, эти взаимоотношения выражались в установлении меновой торговли. При этом на Дальний Восток и в Сибирь проникали товары, производимые более развитыми соседями. Допускаем, что определенным спросом пользовались и монеты. Полагаем, что они ценились за свой металл и использовались в качестве элементов традиционных украшений. Тем более, что во второй половине XIX в. китайские литые монеты значительно обесценились (Быков 1969: 33, табл. XVIII)¹⁰ и, следовательно, стали пригодны для выгодного экспорта на сопредельные территории.

Попытаемся обосновать этот тезис. Для этого обратим внимание на внешний вид изучаемых монет. Как хорошо видно, почти все они были подвергнуты обработке. В большинстве из них просверлены дополнительные отверстия (рис. 4: 1, 4—10). А у монеты, представленной на рис. 4: 2, подрезан гурт, в результате чего она стала зубчатой. Безусловно, эти изменения не были случайны. И, очевидно, они не могли быть обусловлены потребностями денежного обращения. Полагаем, что заинтересовавшие нас множественные дополнительные отверстия были проделаны для того, чтобы крепить монеты на одежде или же на конской сбруе. Становится очевидным, что китайские бронзы даже на Дальнем Востоке ценились не как платежные средства, а как дешевый металл, годный для изготовления элементов украшений или бытовых предметов.

В качестве подтверждения этого тезиса рассмотрим подборки монет, опубликованные И.А. Самариным (Самарин 2011: 160—174; Самарин 2013). Этот исследователь издал цяни и их фракции, найденные на территории Сахалина. Сразу же заметим, что ему удалось арибутировать все эти находки. Однако ученым было опущено весьма важное обстоятельство. Дело в том, что во всех изданных им монетах были проделаны дополнительные от-

¹⁰ Причиной тому стали торговля опиумом и войны с Англией и Францией, приведшие к оскудению запасов серебра и, следовательно, к удешевлению оставшейся в обращении медной монеты.

верстия. Да, он обратил на это внимание, но не попытался или не смог его объяснить. Мы же находим этот факт весьма примечательным. Заметим, что он укладывается в выработанную нами концепцию использования цянй на Дальнем Востоке и в Сибири. Безусловно, что жители Сахалина также нашивали китайские монеты на одежду.

Собственно, этим обстоятельством можно объяснить формирование комплекса из Охтинского района Сахалинской области, изданного И.А. Самариным. Вернее всего, это сокровище сформировалось из элементов традиционных украшений, хранимых поколениями как родовая драгоценность. Именно этим обстоятельством, а не длительностью и активностью контактов с Китаем, следует объяснять наличие в комплексе разновременных монет. Дело в том, что они могли поступить на Сахалин в тот период, когда на острове бытовала мода расшивать одежду металлическими бляшками, к которым относили и китайские монеты.

Перейдем к выводам. Полагаем, что все изученные нами нумизматические комплексы, содержащие цяни, образовались не вследствие развитости контактов коренных жителей Дальнего Востока и Сибири с Китаем, а стали своеобразным свидетельством длительного сохранения моды, распространенной у жителей изучаемого региона. Бытовала же она, судя по использованию билонных монет российского чекана, еще в конце XIX в. Учитывая это обстоятельство, заключаем, что датирование комплексов или единичных находок цянй на территории нашего региона возможно только с учетом этого обстоятельства. Оно, собственно, определяет верхнюю границу периода использования китайской литой монеты в нашем регионе.

Что же касается времени поступления цянй, то, вернее всего, они завозились в те периоды, когда монеты прежних эмиссий выпадали из обращения в Поднебесной в результате изменения монетной стопы. Ведь обесцененные монеты экспортировать было выгоднее всего.

Итак, проведя небольшое нумизматическое исследование, мы сформулировали и вынесли на научное обсуждение наше видение на причину и обстоятельства поступления цянй на Дальний Восток и в Сибирь. Надеемся, что оно будет благосклонно принято научной общественностью. В свою очередь планируем выяснить

обстоятельства и определить период обращения прочих восточных монет из нашего региона — с арабиграфичными надписями. Намереваемся приступить к разрешению этой задачи в ближайшем будущем.

Литература

Баринава Е.Б. 2001. Влияние материальной культуры Китая на процессы инкультурации Средней Азии и Южной Сибири в домонгольский период, II в. до н.э. — начало XIII н.э.: Дис ... канд. ист. наук. Москва: Российский университет дружбы народов.

Баринава Е.Б. 2011. Влияние материальной культуры Китая на процессы инкультурации Средней Азии и Южной Сибири в домонгольское время. Москва: ИЭА РАН.

Баринава Е.Б. 2012. Проникновение китайской материальной культуры в Южную Сибирь в домонгольское время // Вестник Томского государственного университета 362, 73—80.

Баринава Е.Б. 2015. Китай и Южная Сибирь в древности: два вектора взаимодействия: Монография. Москва: Новое время.

Березин Д.Ю. 2002. Бронзовые предметы со стоянки Окуневка // Алкин С. В. (отв. ред.). История и культура Востока Азии. Т. 2. Новосибирск: ИАЭТ СО РАН, 161—162.

Богданова-Березовская И.В. 1975. К вопросу о химическом составе зеркал Минусинской котловины // Лубо-Лесниченко Е.И. Привозные зеркала Минусинской котловины. (К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири). Москва: Наука, 131—149.

Быков А.А. 1969. Монеты Китая. Ленинград: Советский художник.

Кикути Т., Миякэ Т., Накамура К. Самарин И.А. 2006. «Китайские монеты цянь в истории Сахалина, эпоха Средневековья и Нового времени» // Вестник Сахалинского музея 13. Южно-Сахалинск, 119—130, 485—488.

Киселев С.В. Из истории торговли енисейских кыргызов // Краткие сообщения института истории материальной культуры. Москва; Ленинград. Вып. XVI, 94—96.

Кызласов Л.Р. 1992. Очерки по истории Сибири и Центральной Азии. Красноярск: Красноярский университет.

Лубо-Лесниченко Е.И. 1969. Бронзовые зеркала Минусинской котловины в предмонгольское и монгольское время (II—XVI вв.) // Страны и народы Востока. Вып. VIII. Москва: Наука, 70—78.

Лубо-Лесниченко Е.И. 1975. Привозные зеркала Минусинской котловины. (К вопросу о внешних связях древнего населения Южной Сибири). Москва: Наука.

Михайлова Е.А. 2005. Съемные украшения народов Сибири // Павлинская Л. Р. (отв. ред.). Украшения народов Сибири: Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. LI. Санкт-Петербург: Наука, 12—117.

Ожередов Ю.И., Плетнева Л.М., Масумото Т. 2008. Металлические зеркала в Музее археологии и этнографии Сибири им. В.М. Флоринского ТГУ: формирование и исследование собрания // Культуры и народы Северной Азии и со-

пределных территорий в контексте междисциплинарного изучения. Вып. 2. Томск: Томский государственный университет, 136—157.

Самарин И.А. 2011. Коллекция китайских монет цянъ из Охтинского района Сахалинской области // Вестник Сахалинского музея 18, 160—174.

Самарин И.А. 2013. Китайские монеты цянъ в истории Сахалина, эпоха Средневековья и Нового времени. Южно-Сахалинск: Сахалинская областная типография.

Сенотрусова П.О., Мандрика П.В., Тишкин А.А. 2014. Находки китайских изделий в средневековых памятниках нижнего течения Ангары // Теория и практика археологических исследований. Т. 2. № 10, 72—78.

Серов В.В. 2000. Монеты «кай юань тун бао» с территории Алтайского края и Республики Алтай // VIII Всероссийская нумизматическая конференция: тезисы докладов и сообщений. Москва: ГИМ, 47—48.

Смирнов Я.И. 1909. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, найденной преимущественно в пределах Российской империи. Санкт-Петербург: Императорская археологическая комиссия.

Смирнова О.И. 1981. Сводный каталог согдийских монет. Бронза. Москва: Наука.

Степанов А.Д. 2012. Ритуальный клад сунских монет в Якутии // Известия Лаборатории древних технологий 9. Иркутск: Иркутский государственный технический университет, 147—154.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. 2011. Металлические зеркала как источник по древней и средневековой истории Алтая (по материалам Музея археологии и этнографии Алтая Алтайского государственного университета). Барнаул: Азбука.

Тишкин А.А., Серегин Н.Н. 2013. Китайские изделия из археологических памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии // Теория и практика археологических исследований. № 1(7), 49—72.

Федорова Е.Г. 1988. Украшения верхней плечевой одежды народов Сибири // Таксами Ч.М. (отв. ред.). Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 42. Материальная и духовная культура народов Сибири. Ленинград: Наука, 86—104.

Федорова Е.Г. 2005. Украшения плечевой одежды народов Сибири (народы Приамурья, Приморья, Сахалина, долганы, якуты, народы Южной Сибири) // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. 51. Украшения народов Сибири, 120—169.

Чореф М.М. 2013. К вопросу о периодизации денежного обращения в Таврике в период римского господства // Stratum plus 4, 191—215.

Чореф М.М. 2015. К вопросу об атрибуции реплик восточных монет, использовавшихся для составления монист коренными народами Сибири // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Коллективная монография. Ч. 10 / Солодкин Я.Г. (ред.). Нижневартовск: Нижневартовский государственный университет, 5—16.

Чореф М.М. 2016. К вопросу о технологии монетного литья в византийском Херсоне // Studia Historica Europae Orientalis. Вып. 8. Минск: Республиканский институт высшей школы (в печати).

- Шавкунов Э.В. 1960. Нумизматические находки на Дальнем Востоке в 1956—1958 гг. // Материалы и исследования по археологии СССР. № 86, 238—243. antikvarovnet.ru: 1: Клуб коллекционеров, кладоискателей и краеведов Дальнего Востока: Главная страница. г. Благовещенск. URL: <http://antikvarovnet.ru/viewtopic.php?f=78&t=2542&start=345> (дата обращения: 01.02.2016).
- de Pauly T. 1862. Description ethnographique des peuples de la Russie. Saint-Pétersbourg: Imprimerie de F. Bellizard.
- Hartill D. 2005. Cast Chinese Coins. Bloomington: Trafford Publishing.
- Lacouperie P. 1892. Catalogue of Chinese Coins from the VIIth Cent. B. C., to A. D. 621: Including the Series in the British Museum. London: Trustees of the British Museum.

Глава 2

САВВА ЕСИПОВ О ПЛЕНЕНИИ КНЯЗЯ СЕЙДЯКА (ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДНОГО ЛЕТОПИСНОГО РАССКАЗА)

К числу центральных событий «второго Сибирского взятия», последовавшего за «Ермаковым» (с 1586 г., когда русскими была заложена Тюмень), относится пленение основателем Тобольска письменным головой Д.Д. Чулковым бека Кашлыка Сейдяка (Сейтека, Саййид Ахмада Тайбугида, Саид-Ахмеда или Сеид-Ахмеда ибн Бекбулата) (Худяков 2011: 106; Худяков 2014: 234—242). Такое представление восходит к ЕЛ, где этому событию посвящена одна из самых пространных глав.

Как утверждал дяк трех кряду сибирских архиепископов, вскоре после закладки Тобольска Сейдяк с царевичем Казачьей (Казахской) орды Салтаном (казахским султаном Ораз-Мохаммадом или Ураз-Мухаммедом¹¹) и Карачей (мурзой, ранее являвшимся визирем или «думчим» хана Кучума¹²) в сопровож-

¹¹ Титул Ораз-Мохаммада (султан) принят в ЕЛ за имя собственное, что присуще многим источникам русского происхождения (Каган 1989: 139—141; Миллер 2000: 446). Такое имя, кстати, в России XVII столетия не было редкостью (Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. 1979. Ч. 1: 206, 207, 215; Ч. 2: 78; Осадный список 1618 г. 2009: 601, 614, 662).

¹² Недавно выяснилось, что его звали Маметом (Беляков 2014: 63). Уход Карачи в верховья Иртыша, точнее, в междуречье Тары и Оми, к Юлымскому (Юлымскому, Ялымскому и т.п.) озеру в летописях единодушно рассматривается как «отшествие» от хана его «думного», не пожелавшего повиноваться беглому «царю», т.е. измена визиря Кучуму (ПСРЛ 1987: 33, 39, 59—60, 85—86, 94, 112, 124, 134, 184, 247, 309, 362; СЛ 2008: 28, 73, 300, 339, 429), что противоречит недавно высказанному мнению, будто в этом месте находилась зимняя ставка самого могущественного в оценке Г.Ф. Миллера татарского мурзы Сибирского юрта (Матвеева, Аношко 2014: 21; Миллер 1999: 236). Едва ли, думается, подобно Н.И. Никитину стоит и утверждать, следуя позднему Кунгурскому летописцу, что, не сумев захватить Искер, Карача вновь присоединился к Кучуму (Никитин 1993: 86).

дении 500 воинов отправился на Княжий луг¹³, где «начаша пущати ястребы за птицами». Воевода Д. Чулков предложил Сейдяку приехать в недавно «срубленный» русскими город¹⁴ «советовати о мирном поставлении», и князь со свитой и сотней воинов¹⁵ (которым Чулков «оружия ... повеле положить вне града») направились в Тобольск. Там в воеводском «доме» и приступили к переговорам о заключении мира, когда же следом знатные гости начали друг за другом пить чашу за здоровье (это должно было, по убеждению Чулкова, показать, что «агаряне» не «мыслят зла»¹⁶), то все трое поперхнулись, и рассудив, что они «хотят их (русских. — Я. С.) смерти предати», «Богу бо обличающ[у] их (Сейдяка, Салтана и Карачу. — Я. С.)», «воинские люди» стали «побивати поганных». Сейдяк, Салтан и Карача были схвачены и связаны, впущенные с ними в Тобольск татары перебиты, а оставшиеся у его стен в страхе бежали; покинули свой город даже жители Кашлыка (Искера).

Степень достоверности приведенного рассказа (ПСРЛ 1987: 66—68) о пленении «бесурманскихъ князей» (которых затем, о чем упоминается в следующей главе ЕЛ, отправили в Москву)¹⁷,

¹³ Как сообщается в ПЛ, Княжий луг находился в двух поприщах от Тобольска, «позать того места», где затем был выстроен Знаменский монастырь (ПСРЛ 1987: 136). Этот луг простирался от Чувашева мыса, что на восточном берегу Иртыша, до «Тобольского города» (Миллер 1999: 270).

¹⁴ Точнее, Д. Чулков был письменным головой, а Тобольск представлял собой в то время острог.

¹⁵ Их взял с собой Сейдяк, а «не русская сторона согласилась на сотню», как подчас утверждается (Ярков 2011: 48).

¹⁶ В других главах ЕЛ, как и в анализируемой, встречается и последнее выражение, и имеется словосочетание «на бегение устремися», а также оборот, сходный с фразой «яко змия ухапिति хотя» (ПСРЛ 1987: 52, 55, 57, 61).

¹⁷ Впоследствии этот рассказ часто редактировался (ПСРЛ 1987: 35, 41, 97, 115—116, 126—127, 136—137, 187, 253—254, 312—313, 365—366; СЛ 2008: 304, 350, 440—441). Так, если автор ЕЛ, повествуя о пленении бека Искера, казахского султана и недавнего ханского вельможи, подчеркнул роль божественного провидения, то в Забелинском виде этой «гистории» «на первый план выходит исконный фольклорный мотив победы над врагом с помощью хитрости», причем вносятся явно вымышленные обстоятельства (/Покровский, Ромодановская/ 1987: 18; Ромодановская 1994: 56—57; Ромодановская 2002: 125, 279—281). Как читаем в Абрамовской разновидности «Сказания» Есипова, Чулков пригласил гостей, которых сопровождали сто человек «для береженья», в горницу, а Сейдяка, Салтана и Карачу схватили, посчитав, что они «мыслят зло»

историки и литературоведы, обходясь, впрочем, без какой-либо аргументации, определяют далеко не единодушно. С точки зрения ряда ученых, ЕЛ запечатлела устное предание (Адрианов 1893: 542; Карамзин 1989: 16; Лихачев 1947: 400; Ромодановская 1994: 56; Ромодановская 2002: 125, 279)¹⁸, другие же, начиная с Г.Ф. Миллера, находят данный рассказ, источником которого могут считаться воспоминания очевидцев (Солодкин 2005: 87—88), вполне правдоподобным (Беляков 2007: 31; Преображенский 1972: 52; Соколова 1989: 508; Шашков 2004: 11; Щеглов 1993: 46; Ярков 2011: 48, и др.)¹⁹.

А.П. Ярков и Е.А. Рябина обратили внимание на то, что Сейдяк как мусульманин не мог пить вино (Рябина 2011: 91;

«на государя» тогда, когда воевода помахал платком. Согласно Лихачевскому летописцу, у Чулкова было «ястие припасено», князю, царевичу и мурзе, которых «обличила своя совесть», связали руки и ноги. В ПЛ пленение Сейдяка рассматривается как победа над ним «божественным праведным промыслом». В поздних редакциях Сибирского летописного свода упоминается о толмачах, посланных Чулковым к Сейдяку, и предложении выпить чашу вина «по своей вере» за здоровье царя Федора Ивановича. (В Уваровском виде Нарышкинской редакции этого свода сообщается, что вначале такую чашу выпил тобольский воевода). В Бузуновском летописце говорится о том, что Чулков «повеле вне града оставшихся татар посети, и посекоша (их. — Я. С.) без остатку», но вместе с тем сказано о бегстве тех «поганных», которые остались на лугу после того, как сотня других вошла в Тобольск.

Е.И. Дергачева-Скоп полагала, что в Румянцевском летописце о пленении Сейдяка сообщается под 7095 (1586/87) г. (Дергачева-Скоп 2000: 47). Точнее, в этом летописце (обоих видов), как и в ЕЛ, к указанному году приурочено основание Тобольска и упоминается про «взятие» русскими людьми вскоре после сооружения будущей столицы Сибири властителя Кашлыка, что, таким образом, могло случиться и в начале 7096 г.

¹⁸ М.О. Акишин оценивал интересующий нас рассказ как анекдотичный (Акишин 2004: 43).

¹⁹ Заметим, что Л.В. Соколова ошибочно считала Д. Чулкова воеводой, а Сейдяка (вслед за С.Ф. Платоновым и Р.Г. Скрынниковым) — ханом.

А.Т. Шашков уточнил, что Сейдяк, Салтан и Карача были пленены осенью 1587, а не год спустя, как на основании Ремезовской летописи считали, а то и продолжают утверждать некоторые исследователи (Шашков 2001: 16, 18; Шашков 2004: 11), или в 1589 г. (Бахрушин 1955: 253). А.Р. Ивонин и В.Я. Басин произвольно отнесли рассматриваемый эпизод «покорения Сибири» к 1578 и 1580 гг. соответственно, причем В.Я. Басин находил, что знатных невольников отправили из Тобольска в Москву лишь в 1588 г. (Басин 1971: 86, 87; Ивонин 2003: 37).

Ярков 2011: 48)²⁰. Сомнительно также, что этот «владелец» Кашлыка направился к Тобольску, тем более на «потеху», с 500 воинами, ведь, по наблюдению Г.Ф. Миллера, в Искере (до бегства отсюда Кучума) «кроме хана, его семьи и людей, ... могли жить только немногие знатные татары» (Миллер 1999: 228; Маслюженко, Рябинина 2014: 140)²¹. 500 татар наряду с русским гарнизоном явно не поместились бы и в Тобольском остроге. Спрашивается также, почему Сейдяк, согласившись вести там переговоры, не потребовал у Чулкова заложников («заклада»), на предоставление которых, например, в 1609 г. изъявляли готовность воеводы Томска, добиваясь приезда туда телеутского князя Обака с мурзами для приведения «под высокую руку» московского госу-

²⁰ В оценке А.П. Яркова Сейдяк, согласившись встретиться в Тобольске с Чулковым, пусть и в сопровождении сотни безоружных воинов (что, кстати, внушает сомнения), «оказался неспособным политиком и простодушным человеком» (ср.: Миллер 1999: 270). Если верить «слогателю» ЕЛ, однако, решение о приезде в русскую крепость приняли совместно «начальный князь», Салтан и Карача, а последний простодушием явно не отличался. Кстати, случаи ареста либо умерщвления приглашенных на пиры знатных лиц известны также за середину и самый конец XVI в. (Бахтин 2012: 293, 356, 368; Кушева 1963: 285).

Как сообщается в ПЛ, первый воевода Пелыма князь Федор (вернее, Петр) Горчаков местного князя Аблегирима, «призвав в город, поимал» (ПСРЛ 1987: 136).

²¹ Впрочем, зиму 1582—1583 гг. в недавней столице Кучума провела «дружина» Ермака, состоявшая как минимум из 500 «воев» (свидетельство одного из поздних синодиков тобольского Софийского собора о гибели «под Чувашию» 107 русских, подобно Р.Г. Скрынникову, следует признать недостоверным), а в конце лета — первые недели осени 1584 г. в Кашлыке нашлось место помимо «ермаковых казаков» (их осталось едва ли менее 150) и, видимо, не одного десятка татар трем сотням стрельцов князя С.Д. Болховского.

На взгляд Д.И. Копылова, путь отряду воеводы И.А. Мансурова к Кашлыку преградил царевич Али (Алей) (Очерки истории Тюменской области 1994: 43). Предпочтительнее мнение Н.М. Карамзина о том, что этот воевода не рискнул вступить в бой с Сейдяком (Карамзин 1989: 15). Судя по ЕЛ и сочинениям ее «круга», Али пробыл в Кашлыке недолго (Миллер 1999: 260; Трепавлов 2012: 48) и едва ли располагал крупными силами, от сражения с которыми уклонился Мансуров. Вспомним также, что старший сын Кучума занял этот город в конце весны — начале лета 1585 г., с уходом отсюда отряда И. Глухова, а Мансуров подошел к бывшей ханской столице примерно в середине осени того же года (в конце ее он заложил Обский городок). Не исключено, однако, что Есипов или его предшественник, сочинивший «писание», «распространенное» дьяком Тобольского архиерейского дома, дабы оправдать отступление Мансурова, преувеличил силы татар, собравшихся на подступах к Искеру.

даря (Миллер 1999: 309, 310, 415, 417)²². Примем во внимание и то, что основателям Пельма, Сургута и Тары привлеченных к их строительству вогулов, остяков и татар предписывалось не пускать в эти города, а держать рядом (Миллер 1999: 341, 348; ср. Миллер 2000: 176—177, 357; Древний город на Оби: История Сургута 1994: 94). Чулков же, по свидетельству Есипова, пригласил в недавно возведенный острог Сейдяка с многочисленной свитой.

Как представлялось Д.Я. Резуну, бек Кашлыка двинулся к Тобольску, собираясь напасть на него, однако затем решил вступить в переговоры с русскими (Резун, Шиловский 2005: 27). Но ведь татары направились не к стенам и башням Тобольска, а в его окрестности, местные служилые располагали огнестрельным оружием (возможности которого «иноземцам» довелось испытать еще в начале экспедиции Ермака), включая, видимо, «наряд». Кажется сомнительным и сообщение Есипова о том, что с пленением Сейдяка, Салтана и Карачи, истреблением охранявших их воинов четыре сотни татар, остававшиеся возле острога, в панике бежали, и их примеру тотчас последовали жители Кашлыка, которых бек не взял с собой на охоту. Возможно, когда тот с двумя приближенными очутился в плену, Чулков отправил служилых людей к Искеру, и это заставило его жителей покинуть город, ранее являвшийся столицей Сибирского ханства²³. Видимо, лишившись своего «господина», деморализованные гибелью многих татарских воинов, обитатели Кашлыка не надеялись там удержаться и (подобно Кучуму) предпочли оставить «град», который накануне часто переходил из рук в руки.

Из рассказа Есипова (писавшего, возможно, со слов тобольских служилых людей) не ясно, почему переговоры между Сей-

²² Автор СтЛ упрекал Ермака «с товарищи» в том, что они не взяли аманатов у Карачи, согласившись отправить казаков якобы для защиты его от Казахской орды (СЛ 2008: 34).

²³ Как полагал А.П. Зыков, впрочем, безосновательно, русские, взяв в плен Сейдяка, сожгли Искер (Зыков 1998: 24).

Мнение о возникновении Тобольска на развалинах Кашлыка (Бахрушин 1959: 10) неверно.

дяком и Чулковым²⁴ не могли состояться на Княжьем лугу — судя по названию, традиционном месте охоты татарской знати.

Как допустимо считать, под видом «потехи» Сейдяк (двумя годами прежде захвативший Искер) и его окружение намеревались заняться рекогносцировкой²⁵, чему, разумеется, обязан был помещать Чулков. Пользуясь тем, что бек на Княжьем лугу с сотней воинов отделился от других, письменный голова, не исключено, распорядился напасть на Сейдяка и его свиту, схватить их, следуя тайному «государеву» наказу. Версия же о «взятии» сибирского князя и его наиболее видных приближенных, запечатленная Есиповым, должна была обосновать «стольное» положение Тобольска как места, где Сейдяк потерпел поражение, пусть и не в открытом бою, но в противостоянии со служилыми людьми²⁶.

Возможно, дабы усыпить бдительность бека Искера, Чулков предложил ему вступить в переговоры, а когда появившаяся на Княжьем лугу сотня татар двинулась к Тобольску, напал на нее. Такое предположение косвенно подтверждается СтЛ, где сказано о пленении Сейдяка, раненого в сражении возле Тобольска, к ко-

²⁴ Быть может, «начальные люди» Тобольска и Кашлыка собирались обсудить на этих переговорах вопросы о совместной борьбе с Кучумом и разграничении ясачных волостей. Однако мирное соседство Старой и Новой Сибири не могло продолжаться долго. Судя по ПЛ, Тобольск основывался как плацдарм для наступления на Искер. Сохранять двоединчество в волостях, расположенных близ впадения Тобола в Иртыш, русские едва ли желали, а надеяться на существенное содействие князя из династии Тайбугидов при «истеснении» Кучума Чулков, видимо, не рассчитывал.

В.И. Сергеев, вероятно, имея в виду Сейдяка, полагал, что московские воеводы были призваны «устранить в Сибирском ханстве одну из враждовавших сторон» (Сергеев 1967: 175, 176). Такое суждение представляется нам сомнительным. Неясно, в частности, почему выбор русского правительства пал на Сейдяка, а не Кучума, и отчего, насколько известно, первые «градодержатели» Тюмени и Тобольска не добились тогда перехода «прегордого» «салтана» и нового бека Искера под власть «святоцаря» Федора.

²⁵ Мнение о том, что «строительство Тобольска не вызвало никаких возражений со стороны Сейдяка и его приближенных» (Рябинина 2011: 91), может считаться гадательным. К тому же бек Кашлыка не располагал достаточными силами для противодействия русским.

²⁶ Утверждать, будто с пленением Сейдяка «функции главного города (Западной Сибири. — Я. С.) перешли к Тобольску» (Внукова 2002: 75; ср. Никитин 1987: 15), не приходится, это случилось с образованием разряда (кстати, первого в России) 12 лет спустя.

торому «нача ... приступати» (СЛ 2008: 42—43; ср. 88—90, 103—104)²⁷.

Р.Г. Скрынникову думалось, что Чулков едва ли собирался заранее брать в плен правителя Искера, а на Сейдяка, Салтана и Карачу набросились ермаковцы, которые не могли простить последнему истребления отряда Ивана Кольца (Скрынников 1986: 266). Но сподвижников «ратоборного» атамана в то время, возможно, еще не было в гарнизоне Тобольска. К примеру, Черкас Александров, показания которого Р.Г. Скрынников считал источником занимающей нас главы ЕЛ (Скрынников 1986: 36)²⁸, видимо, впервые очутился в Сибири лишь в составе рати В.Б. Сукина и И.Н. Мясного в 1586 г., а из Тюмени в «град Тоболеск», не исключено, попал только через несколько лет (до осени 1594 г.).

Примечательно, что в ПЛ имеется ссылка на хранящееся в Посольском приказе «письмо» о пленении трех сыновей Кучума (из которых названы Алей и Алтынай), что позволило создателю этой разновидности ЕЛ дополнить текст «отписки» Ермака «с товарищи» царю Ивану о «Сибирском взятии» (ПСРЛ 1987: 133, 137, ср. 57)²⁹. (Соответствующее указание редактора «Сказания» Есипова на победу атаманов и казаков над детьми хана царевичами Алеем, Алтынаем и Ишимом справедливо считается вставкой (Зуев, Слугина 2015: 32, 42, и др.)³⁰). Про аналогичный доку-

²⁷ Известие СтЛ о гибели в бою близ Тобольска Матвея Мещеряка явно ошибочно, к тому времени этого соратника Ермака не было в живых (Солодкин 2014: 190, и др.). Маловероятно и сообщение автора указанной «исторической повести» о том, что в течение дня, предшествовавшего попытке Сейдяка овладеть Тобольском, татары торговали с его жителями. Об этом говорится и в Распространенной редакции сочинения «строгановского историографа», где сказано и о присутствии на обеде у Чулкова наряду с Сейдяком его отца и дяди, а также предложении выпить заздравную чашу не только за царя Федора, но и князей, бояр, даже атаманов и казаков.

²⁸ А.Т. Шашков полагал, что Черкас являлся переводчиком на встрече Чулкова и Сейдяка (Шашков 2004: 11).

²⁹ На основании данной ссылки нельзя подобно М.О. Акишину утверждать, что автор ПЛ работал «с документами приказа» (Акишин 2015: 53). Об упомянутом «писме» редактор мог знать и понаслышке, например, от какого-то посольского дьяка или подьячего, да и тобольского служилого человека, бывавшего в Москве.

³⁰ Заметим, что, по утверждению названных новосибирских исследователей, «Алей впервые появляется на страницах летописей уже после гибели Ермака и

мент о пленении Сейдяка, Салтана и Карачи (вероятно, отписку Чулкова) создателю ПЛ не было известно, по-видимому, к концу XVII в. такое «письмо» оказалось утраченным³¹.

Итак, следует присоединиться к выводу о том, что в основе рассказа Саввы Есипова (а может быть, его анонимного предшественника) о пленении Сейдяка, Салтана и Карачи лежит предание, бытовавшее в сибирской столице спустя несколько десятилетий после ее возникновения, когда о реальных обстоятельствах крушения «Тайбугидского государства»³², видимо, уже никто не помнил, хотя в пору создания ЕЛ еще, вероятно, были живы «литва», стрельцы и казаки, служившие в «Тобольском городе» со времени его «поставления» (Никитин 2012: 226, 229, 230).

Литература

Адрианов С. 1894. К вопросу о покорении Сибири // Журнал Министерства народного просвещения. № 3. Отд. 2, 527—550.

Акишин М. 2004. «Благородные мужи» Чулковы // Родина. Специальный выпуск: Тобольск — живая былина, 41—44.

Акишин М. 2015. Дьяки Посольского приказа и присоединение Сибири // Российская история. № 3, 45—54.

Басин В.Я. 1971. Россия и казахские ханства в XVI—XVIII вв. (Казахстан в системе внешней политики Российской империи). Алма-Ата: Издательство АН Казахской ССР.

Бахрушин С.В. 1955. Научные труды. Т. 3. Ч. 1. Москва: Издательство АН СССР.

Бахрушин С.В. 1959. Научные труды. Т. 4. Москва: Издательство АН СССР.

Бахтин А.Г. 2012. Марийский край в XIII—XVI веках: очерки по истории. Йошкар-Ола: Марийский государственный университет.

Беляков А.В. 2014. Как звали большого сибирского карачу? // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сиби-

ухода казаков из «града Сибири». В ПЛ, однако, говорится о «пришествии» этого старшего «Кучумова сына» «войною на Чюсовую» еще накануне зауральской экспедиции, обессмертившей ее предводителя (ПСРЛ. 1987: 130; ср. СЛ 2008: 82).

³¹ В 1619 г. в Посольском приказе было известно о поместных и денежных окладах Ураз-Магмета (летописного Салтана), трех сыновей Кучума и его племянника Маметкула, мурз Шейдяковых и Ш. Кадыева, но не Сейдяка с Карачей (Беляков 2005: 27, 35—36).

³² Считается, что оно было восстановлено с уходом ермаковцев из Кашлыка (Зыков 2004: 16; Шашков 2001: 44; Шашков 2004: 11, и др.). Но следом, напомним, этот «град» занял не Сейдяк, а Али.

ри: Материалы II Всероссийской научной конференции: город Курган, 17—18 апреля 2014 года. Курган, Курганский государственный университет, 63—64.

Беляков А.В. 2007. Ураз-Мухаммед ибн Ондан // Мининские чтения: Труды научной конференции. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет, 29—60.

Беляков А.В. 2005. Участие сибирского царевича Алтаная ибн Кучума в событиях Смутного времени и его судьба // Мининские чтения: Материалы научной конференции. Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет, 21—36.

Боярские списки последней четверти XVI — начала XVII в. и роспись русского войска 1604 г. Ч. 1—2. Москва, б.и.

Внукова О.В. 2002. Формирование первых сибирских гарнизонов в XVI—XVII веках // Россия и страны Запада: Проблемы истории и филологии. Ч. 1 / Солодкин Я. Г. (ред.). Нижневартонск: Нижневартонский государственный университет, 74—86.

Дергачева-Скоп Е.И. 2000. Генеалогия сибирского летописания: Концепция, материалы. Новосибирск: Редакционно-издательский отдел Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения РАН.

Древний город на Оби: История Сургута. 1994. Екатеринбург: Тезис.

Зуев А., Слугина В. 2015. Летописные известия о шертовании сибирских народов во время похода Ермака и исторические реалии // Российская история. № 3, 30—44.

Зыков А. 2004. Искер — забытая столица Сибири // Родина. Специальный выпуск: Тобольск — живая былина, 12—16.

Зыков А.П. 1998. Городище Искер: исторические мифы и археологические реальности // Сибирские татары: Материалы I-го Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск: Тобольский государственный педагогический институт, 22—24.

Ивонин А.Р. 2003. Славяно-тюркское взаимодействие в Северной Евразии (XI—XX вв.): Историософские заметки // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII—XX вв.: общее и особенное. Вып. 3. Новосибирск: Издательский дом «Сова», 24—46.

Каган М.Д. 1989. «Посольская книга Шарап-Веригина» — литературно-документальное сочинение второй половины XVII века // Труды Отдела древнерусской литературы. Т. XLII. Ленинград: Наука, 128—142.

Карамзин Н.М. 1989. История Государства Российского. Кн. 3. Т. 10. Москва: Книга.

Кушева Е.Н. 1963. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией: вторая половина XVI — 30-е годы XVII века. Москва: Издательство АН СССР.

Маслюженко Д.Н., Рябинина Е.А. 2014. Почему Кучум не стал защищать Искер? // Присоединение Сибири к России: новые данные: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: Тюмень, 9—10 декабря 2014 г. Тюмень: Тюменский государственный университет, 139—144.

Матвеева Н.П., Аношко О.М. 2014. Проблемы и перспективы изучения сибирского похода Ермака на основе комплексного источниковедения // Присое-

динение Сибири к России: новые данные: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием: Тюмень, 9—10 декабря 2014 г. Тюмень: Тюменский государственный университет, 16—26.

Миллер Г.Ф. 1999. История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 1. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН.

Миллер Г.Ф. 2000. История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 2. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН.

Никитин Н.И. 1993. «За други своя» // Военно-исторический журнал. № 6.

Никитин Н.И. 2012. О «старой» ермаковской сотне (к истории одного мифа) // Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.): К 80-летию члена-корреспондента РАН В.И. Буганова. Москва: Росспэн, 224—231.

Никитин Н.И. 1987. Сибирская эпопея XVII века: Начало освоения Сибири русскими людьми. Москва: Наука.

Осадный список 1618 г. 2009. Москва; Варшава: Древлехранилище (Памятники истории Восточной Европы XV—XVII вв. Т. VIII).

Очерки истории Тюменской области. 1994. Тюмень: Издательско-полиграфическое предприятие «Тюмень».

Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К. 1987. Предисловие // ПСРЛ. Т. 36. Москва: Наука, 3—31.

ПСРЛ. 1987. Москва: Наука.

Преображенский А.А. 1972. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII века. Москва: Наука.

Резун Д.Я., Шиловский М.В. 2005. Сибирь, конец XVI — начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: Издательский дом «Сова».

Ромодановская Е.К. 1994. Русская литература на пороге нового времени: Пути развития русской беллетристики переходного периода / Отв. ред. Л.А. Дмитриев. Новосибирск: ВО «Наука».

Ромодановская Е.К. 2002. Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск: Наука.

Рябина Е.А. 2011. Внешняя политика Кучум-хана в 1582—1598 гг. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы Международной конференции (г. Курган, 22—23 апреля 2011 г.). Курган: Курганский государственный университет, 90—95.

Сергеев В.И. 1967. Правительственная политика в Сибири накануне и в период основания первых русских городов // Новое о прошлом нашей страны: Памяти академика М.Н. Тихомирова. Москва: Наука, 174—179.

Сибирские летописи: Краткая сибирская летопись (Кунгурская). 2008. Рязань: Александрия.

Скрынников Р.Г. 1986. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск: Сибирское отделение издательства «Наука».

Соколова Л.В. 1989. Чаша государева заздравная // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2. Ч. 2. Ленинград: Наука, 508—511.

Солодкин Я.Г. 2005. Зарождение сибирского летописания: Источниковедческие очерки. Нижневартовск: Нижневартовский государственный гуманитарный университет.

Солодкин Я.Г. 2014. Являлся ли Матвей Мещеряк «последним атаманом» «дружины» Ермака? // Присоединение Сибири к России: новые данные: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 9—10 декабря 2014 г.). Тюмень: Тюменский государственный университет, 188—193.

Трепавлов В.В. 2012. Сибирский юрт после Ермака: Кучум и Кучумовичи в борьбе за реванш. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН.

Худяков Ю.С. 2011. Борьба за восстановление Сибирского ханства в XVII веке // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы Международной конференции (г. Курган, 22—23 апреля 2011 г.). Курган: Курганский государственный университет, 104—108.

Худяков Ю.С. 2014. Эпизод пленения Сейдяка и Карачи в Тобольске в 1588 году в истории взаимоотношения российских властей с сибирской татарской элитой (по материалам письменных и изобразительных источников) // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия история, филология. Т. 13. Вып. 3: Археология и этнография, 234—242.

Шашков А. 2004. Лодейный город // Родина. Специальный выпуск: Тобольск — живая былина, 7—11.

Шашков А.Т. 2001. Начало присоединения Сибири // Проблемы истории России. Вып. 4: Евразийское пограничье. Екатеринбург, 8—51.

Щеглов И.В. 1993. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири: 1032—1882 гг. Сургут: Северный дом.

Ярков А.П. 2011. Кучум и Ермак: смена темпоритма в Сибири // Западная Сибирь: история и современность: Краеведческие записки. Ч. 10. Нижневартовск; Омск: Омскбланкиздат, 21—54.

Список сокращений

ЕЛ — Есиповская летопись Основной редакции

ПЛ — Погодинский летописец

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

СЛ — Сибирские летописи: Краткая сибирская летопись (Кунгурская)

СтЛ — Строгановская летопись

Глава 3

«ПОВЕСТЬ О СИБИРИ ...» САВВЫ ЕСИПОВА И СТРОГАНОВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ ОСНОВНОЙ РЕДАКЦИИ: К РЕКОНСТРУКЦИИ ПРОТОГРАФА

Как выяснено еще С.В. Бахрушиным, ЕЛ и СЛ восходят к одному протографу. Им вслед за Р.Г. Скрынниковым можно признать не «написание», переданное ветеранами «зауральской эпопеи» в распоряжение тобольского «первопрестольника» Киприана (так считал крупнейший историк-сибиревед прошлого века), или синодик «ермаковым казакам», а раннюю летопись, возникшую в «столнейшем» Тобольске. Текст протографа передается в ЕЛ и СтЛ с разной степенью полноты; иногда же между этими «гисториями» налицо и более или менее существенные расхождения.

С точки зрения Р.Г. Скрынникова, название тобольской летописи, послужившей общим источником сочинений Есипова и анонимного «списателя», выполнявшего задание «прикамских магнатов», сохранило второе из них — «О взятии Сибирския земли, како благочестивому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси подарова Бог Сибирское государство обладати ему государю и победити Муртазелиева сына Кучюма салтана Сибирскаго и сына его царевича Маметкула взяти жива...»; дяк трех кряду тобольских архиепископов придал этому заголовку следующий вид: «О Сибирстей стране, како изволением Божиим взята бысть от рускаго полка, собранного и водимаго атаманом Ермаком Тимофеевым и своею храброю и предоброю дружиною и со единомысленною», т.к. накануне получил «разрешение на поминование Ермака» (Скрынников 1979: 93, 94, и др.)³³. Видный историк, однако, не аргументировал мысль о том, что название протографа уцелело именно в СтЛ. Заметим, что там Кучум часто представлен «салтаном» (СЛ 2008: 2, 6, 7,

³³ В.И. Сергеев не сомневался в том, что «О взятии Сибирския земли...» — это название СЛ (Сергеев: 1970: 53).

10, 11, 13—16, 22, 29)³⁴, тогда как в ЕЛ — ни разу. По словам «придворного историографа Строгановых»³⁵, «даровал Бог государю» «Сибирскую землю» (СЛ 2008: 33). На пленение ермаковцами Маметкула в СтЛ указывается неоднократно (СЛ 2008: 29, 30, 46; ср. 24, 25, 31); Есипов об этом эпизоде «Сибирского взятия» рассказывает лишь в одной главе (ПСРЛ 1987: 58—59)³⁶. Стало быть, считать строки, открывающие СтЛ, названием протографа этой «повести о поставлении городов и острогов в Сибирских землях и о отпущении в Сибирь атаманов и казаков Ермака Тимофеева с товарищи и о походе их казачьем в Сибирских странах...» (СЛ 2008: 45—46) и «сложения» Есипова едва ли стоит. Не приходится, как давно уже показано Е.К. Ромодановской, и принимать летопись софийского дьяка за «житие» Ермака. К тому же полагать, что ко времени создания ЕЛ Москва санкционировала поминовение Ермака (о чем говорится в ремезовской «Истории») не приходится (Солодкин 2015: 227—229).

Родоначальником династии сибирских царей в ЕЛ назван Он, а в СтЛ — Иван. Городом, основанным его сыном Тайбугой, объявляется то Чингиден, то Чингий (ПСРЛ 1987: 46; СЛ 2008: 17, 18)³⁷. По свидетельству Есипова, Карача, покинув Кучума, обосновался у Юлмыского озера в верховьях Иртыша, между реками Тарой и Омью. В СтЛ же читаем, что недавний ханский визирь

³⁴ С титулом султана Кучум упомянут и в приведенных сольвычегодским летописцем грамотах Ивана IV (СЛ 2008: 6, 7, 14, 15; Миллер 1999: 332, 333, 336).

³⁵ Так определял Р.Г. Скрынников «слогателя» СтЛ (Скрынников 1979: 96).

³⁶ Е.К. Ромодановская и А.Т. Шашков пришли к выводу о первичности Погодинского летописца относительно протографа ЕЛ и СтЛ. Но как тогда объяснить, что в «Повести летописной...» упоминается про десять сыновей Кучума (из которых названы трое), а Маметкул подобно «Сказанию» Есипова представлен ханским братом, а не одним из двух сыновей (наряду с Али), о чем сообщает строгановский летописец (ПСРЛ 1987: 52, 53, 58; СЛ 2008: 1, 6, 19, 21, 24, 27—29, 33, 39, 46)?

³⁷ Подобно Книге записной так называется этот «городок» и в Академической редакции Сибирского летописного свода (в данной связи говорится про «Чинги»). В Забелинском виде ЕЛ Чингий — это правитель царства, которым ранее владел Он. В Аввакумовском списке ЕЛ и ее Лихачевском виде город, на месте которого была заложена Тюмень, именуется Чингисом (ПСРЛ 1987: 36, примеч. 53; 107, 108, 118, 138, 368).

разбил свою ставку в Лымской земле, на большом озере выше реки Тары, близ реки Осмы (ПСРЛ 1987: 60; СЛ 2008: 28, ср. 73). В той же летописи сообщается, что Ермака Карача просил «оборонити» от Ногайской орды, а не от Казачьей, если верить Повести о Сибири и о сибирском взятии (ПСРЛ 1987: 61; СЛ 2008: 33). Сольвычегодский книжник, прославлявший заслуги Строгановых в «одолении» Кучума, писал о пленении ермаковцами татар в устье Тавды; летопись, вышедшая из стен Тобольского архиерейского дома, содержит упоминание в данной связи об одном татарине — Таузаке (ПСРЛ 1987: 51; СЛ 2008: 16).

Повесть о «Сибирском царстве и княжении» в ЕЛ (где в отличие от СтЛ имеется очерк географии и этнографии «Закаменской страны», рассказ про верования местных народов) сравнительно с сочинением строгановского «списателя» значительно подробнее. В этом сочинении умалчивается о том, что новый царь Чингис передал Тайбуге «княжение и власть в людех», сын Она радостным возвратился из похода по Иртышу и Оби, после чего Чингис «наипаче» Тайбуге «честь дарует», тот со всеми приближенными отправился на Туру, где в заложенном им Чингидене жил много лет и там же умер; князя Адер и Абалак скончались своей смертью, Мамет, разрушив Чингиден, что означало прекращение царства на Ишиме, основал город, который назвал Сибирью, т.е. начальным, давшим имя целой стране. В соответствующей главе СтЛ налицо лишь два оригинальных известия: Чингис «инем повеле его (князя Тайбугу. — Я. С.) тако ж звати», а по возвращении из похода на Иртыш и Обь отпрыск прежней династии состоял при ишимском царе «немногое время» (ПСРЛ 1987: 46, 47; СЛ 2008: 18)³⁸.

В СтЛ гораздо обстоятельнее, нежели в ЕЛ, говорится о появлении Ермака «с товарищи» в Сибири, начиная с определения пути, которым они достигли этой бескрайней страны (ПСРЛ 1987: 51; СЛ 2008: 11, 16). Близкий к Строгановым книжник перечислил пять атаманов, участвовавших в прославленной экспе-

³⁸ Между сопоставляемыми рассказами имеются и стилистические различия: в СтЛ читаем «призвав подобных себе» вместо «с прочими», «сам бысть царь», а не «царство сам приемлет».

диции (СЛ 2008: 8)³⁹, и сообщил, что к 540 ермаковцам⁴⁰ Строгановы присоединили 300 своих «людей» — литовцев, немцев, татар, русских (СЛ 2008: 8, 10, ср. 29), так что в Сибирь двинулись 840 «воев».

По мнению А.А. Введенского, Есипов мог опустить как «не-нужный для его концепции факт» приглашения Ермака Строгановыми из протографа двух самых известных летописей XVII в., составленных на востоке России (Введенский 1962: 84). «О призвании волских атаманов и казаков в чюсовские городки на спомогание против неверных» автор СтЛ, однако, наверняка поведал не по этому протографу (ведь в ЕЛ о Строгановых вообще умалчивается), а следуя какому-то другому источнику, возможно, документу, отложившемуся в архиве «именитых людей» (Миллер 1999: 475).

Согласно СтЛ, Таузак поведал ермаковцам не только о Кучуме (как сказано в ЕЛ), но и его князьях, мурзах и уланах⁴¹, казаки продемонстрировали ханскому придворному невиданную «сибирянами» стрельбу из пищалей. СтЛ сохранила немало подробностей сражения близ урочища Бабасан и боя, состоявшегося у Иртыша после захвата улуса Карачи, казачьего круга, где решался вопрос о том, возвращаться или вступить в битву с «кучумлянами», самой этой битвы у засеки, сооруженной по ханскому приказу возле Чувашева мыса (СЛ 2008: 16—17, 19—24; ср. 52—54). Как писал Есипов, раненого в сражении на подступах к городу Сибири царевича Маметкула его воины увезли «на он пол реки Иртыша». В СтЛ уточняется, что ханского племянника отправили за Иртыш «в малой лодийце». Там же говорится о повелении Кучума муллам «кликать» молитву, когда он узнал про «уязвление»

³⁹ В двух синодиках «ермаковым казакам» названы три их атамана. Только в СтЛ сообщается о Якове Михайлове и Матвее Мещеряке, погибшем якобы возле Тобольска. О пяти атаманах «Ермакова войска» упоминается и в Ремезовской летописи (ПСРЛ 1987: 78, 380, 381; СЛ 2008: 321, 412; Ромодановская 2002: 66, 67).

⁴⁰ О такой численности казачьей «дружины» говорится и в ЕЛ, как находил Д.Я. Резун, по свидетельству ермаковцев (ПСРЛ. 1987: 50; Очерки истории белорусов в Сибири в XIX—XX вв. 2001: 6).

Кстати, считать вслед за этим видным сибиреведом, будто ЕЛ создана на основании рассказов ветеранов «Ермаковой одиссеи», и только, не приходится.

⁴¹ О них в СтЛ говорится и ранее (СЛ 2008: 6, 12).

и бегство этого царевича, и приведен обширный плач по поводу разгрома у Чувашевой горы сибирского «салтана», который кается в опустошении строгановских острожков (в соответствующем же фрагменте ЕЛ утверждается, что «и чада родитель своих ради стражут ово пожаром, ово голодом и наготою, и от зверь скоту снесаему быти», чего не знал «беззаконный» царь). Есипов сообщает о ночевке ермаковцев и их молитве перед вступлением в город Сибирь, про что в СтЛ умалчивается, зато перечислены богатства, захваченные «русским полком» в главной резиденции Кучума (ПСРЛ 1987: 54—56; СЛ 2008: 24, 25). «Архиепископль» дьяк объяснил возвращение татар в этот город тем, что они «видяще, яко покори их Бог православным христианом»; кроме того, по замечанию автора ЕЛ, у Абалака казаки «почиша без стражи». В СтЛ об этом не сказано, но упоминается об истреблении станицы ермаковцев под Абалаком «без остатку», и более подробно говорится о состоявшемся близ названного урочища сражении (ПСРЛ 1987: 56; СЛ 2008: 27).

Бросаются в глаза и различия в описании двумя «слогателями» пленения Маметкула на Вагае. Из СтЛ узнаем, что это случилось весной, «по водополию», а Кучум находился тогда на Ишиме. Есипов же пояснил, что царевича схватили в сотне верст от города Сибири, причем в шатре, и Ермак «поведал» Маметкулу «государево жалованье»; о пленении же султана не только Кучум «много в болезни плакася»⁴², но и «весь дом его на много время» (ПСРЛ 1987: 58—59; СЛ 2008: 28).

В ЕЛ сообщается (о чем мы не прочтем в СтЛ), с какой целью Сейдяк вернулся в Сибирь из Бухары (ПСРЛ 1987: 59; СЛ 2008: 28)⁴³. При этом строгановский книжник вкладывает в уста Кучума фразу о смене чести бесчестьем (СЛ 2008: 28).

Из двух сопоставляемых летописей только в произведении сольвычегодского автора говорится о гибели атамана Никиты Пана на приступе во время похода по Иртышу и Оби, а также отписке Ермака об «усмирении» «Сибирския земли» Строгановым (которые сообщили о разгромах Кучума и пленении Маметкула в

⁴² Согласно же СтЛ, хан «не мало болезнует, скорбию велиною одержим зело».

⁴³ В ЕЛ дважды говорится о пребывании Сейдяка в «Бухарской земле», в СтЛ — только в главе о сибирских правителях.

Москву, куда вскоре с радостной вестью явились и сами) (СЛ 2008: 29—30). Следом в СтЛ повествуется о том, что казаки и сами «писали» Ивану Васильевичу о «Сибирском взятии», и тот щедро наградил приехавших к нему сеунчиков, оставшимся же за «Камнем» велел отправить «полное большое жалованье»; государь также распорядился «прислать» туда воевод, а Маметкула отправить в «царствующий град». Есипов же утверждал, что с выехавшими туда атаманом и казаками «дружина» извещала Грозного о победе над Кучумом и приведении к шерти покоренных народов, представители которых, выразившие такое желание, могли нести службу русскому самодержцу; последний, заслушав отписку, продолжает владычный дьяк, пожаловал Ермака «заочным словом», наградил и товарищей «изрядного ратоборца» (ПСРЛ 1987: 57—58; СЛ 2008: 29—31). Маметкул же, судя по ЕЛ, был пленен следом (ПСРЛ 1987: 58—59). Различия между двумя произведениями в сообщениях о поездке сеунчиков Ермака к царскому двору, как мы видим, довольно рельефны.

В ЕЛ лаконично сообщается об отправке в Сибирь воевод князя С. Болховского и И. Глухова в 7091 г. По свидетельству строгановского книжника, это случилось «во второе лето по взятии Сибирския земли» (следуя приятной неизвестным автором хронологии легендарной экспедиции, в 7091 г.); воеводы привезли казакам царское жалованье, были с радостью встречены и сами одарены (ПСРЛ 1987: 60; СЛ 2008: 31). В СтЛ объясняется, почему в первую же зиму пребывания в Сибири умерли от голода Болховский и многие служилые люди; подробнее и, главное, красочнее, чем в «Сказании» Есипова, сольвыгодский «слогатель» описывает и наступившее уже весной изобилие. Он же указывает на посылку Маметкула, причем со «многими его людьми», к Ивану IV Глуховым и неким атаманом, за что казаки вторично удостоились государева жалованья. В ЕЛ же читаем о смерти в то время Грозного, «честной встрече» знатного невольника по приказу нового московского самодержца Федора и награждении служилых людей, сопровождавших ханского племянника (ПСРЛ 1987: 60, 61; СЛ 2008: 30—33).

Сообщая о трагической участи Ивана Кольца и его «товарства», строгановский летописец упрекает «предобрых воинов» в том, что они, «оскудев» умами, не взяли у Карачи аманатов «сверх ... шер-

ти». По свидетельству Есипова, истребив отряд атамана, считающегося главным помощником Ермака в сибирском походе (Литературные памятники Тобольского архиерейского дома в XVII веке 2001: 359), «кучумляне» начали убивать казаков «по волостям и улусам». В СтЛ об этом не сказано, зато говорится о гибели направленного «в подсморт» еще одного атамана — Якова Михайлова (ПСРЛ 1987: 62; СЛ 2008: 34).

Как читаем в летописи, возникшей в начале «святительства» в Тобольске «пустынника» Нектария, осада города Сибири Карачей продолжалась со времени великого поста до «пролетия». По сведениям же строгановского книжника, она длилась с марта до первых дней лета — до той поры, когда «прилетие жь прииде, весне приспевши», а 12 июня русские во главе с атаманом Матвеем Мещеряком совершили вылазку (Ермак тогда оставался во «граде»); при этом вновь описывается весеннее пробуждение природы. О вылазке «дружины», но из кустов из Саускана, где скрывались казаки, сообщается и в ЕЛ (ПСРЛ 1987: 62; СЛ 2008: 35—36).

В СтЛ в отличие от другой интересующей нас летописи умалчивается о том, что, встречая свой смертный час, ермаковцы, заночевав на перекопи у Вагая, забыли «утвердить» стражу, а «вож и наставник казачей», «одетый железом», не сумел добраться до отплывшего струга и утонул. Сольвычегодский «слогатель», шире Есипова прибегавший к стилистике воинских повестей, отметил, что казаки спали «в пологах», Ермак, как впоследствии рассказали «нецы от язык», погиб, т.к. струг находился слишком далеко (ПСРЛ 1987: 63; СЛ 2008: 37—38).

Со смертью своего «старейшины» казаки, согласно ЕЛ, «убоявшись» «поганных», вернулись на Русь по Иртышу, Оби и через «Камень». В СтЛ говорится лишь о возвращении уцелевших ермаковцев из Сибири, но их предводителем назван Мещеряк (который накануне сокрушался вместе с соратниками о гибели «велеумного» атамана). В «тетрадах» Есипова не упоминается про то, что опустевший город, являвшийся столицей «Кучумова царства», занял Алей, к которому вскоре присоединился отец, но они быстро уступили этот «град» Сейдяку, обрадовавшемуся, узнав о гибели Ермака и оставлении его сподвижниками Кашлыка (ПСРЛ 1987: 63—64; СЛ 2008: 38, 39).

Если в «Повести о Сибири и о сибирском взятии» сказано об отправке И. Мансурова из Москвы за Урал «во второе лето по Ермакове убиении» и «поставлении» Обского городка воеводой, не рискнувшим вступить в сражение с множеством татар, собравшихся близ Искера, то согласно СтЛ, это случилось в 7094 г.⁴⁴, а после Семенова дня на Туре «мансуровцы» встретили казаков Мещеряка, которые с радостью присоединились к отряду служилых людей и поплыли до Тобола, затем участвовали в сооружении острога на Оби (напротив устья Иртыша) (ПСРЛ 1987: 64; СЛ 2008: 38—40).

Рассказ об осаде Мансуровского городка остяками в строгановской «повести» несколько полнее, чем в ЕЛ: говорится о том, что кумиру, с помощью которого «иноземцы» надеялись «мечу предать» защитников русской крепостицы, донине приносят дары «из далних городов» (очевидно, приобских), служилые отбивались «со стен городка», потерпев неудачу, остяки с тех пор перестали подходить к нему (ПСРЛ 1987: 64—65; СЛ 2008: 40—41).

Хотя в СтЛ упоминается Тюмень, в отличие от сочинения Есипова ее «слогатель» не сообщает о возведении этого «христианского града» (ПСРЛ 1987: 65, ср. 46; СЛ 2008: 18). Как уверяет строгановский книжник, когда Д. Чулкова «прислали» в Сибирь «со огненным нарядом», испугавшись, татары бежали из своей столицы, и ее заняли русские, назвав Тобольском. В ЕЛ о наряде, имевшемся в распоряжении Чулкова, не сказано, и приводится совсем другая версия основания Тобольска, причем вблизи Искера (ПСРЛ 1987: 65—66; СЛ 2008: 41—42, ср. 25; Шашков 2004: 10).

Вскоре после утверждения русских в будущей сибирской столице, как повествуется в СтЛ, Сейдяк подошел к этому городу якобы для торговли, а когда решился на приступ, многие «неверные» были перебиты, их предводителя ранили и взяли в плен; «агарян» преследовали (хотя тогда погиб атаман Матвей Мещеряк) до станов, из которых они едва сумели бежать, и с тех пор татары не смели «войною» приходить к государевым городам. В ЕЛ же, вероятно, на основании местного предания (Ромодановская 2002: 125, 279—281, и др.), рассказывается о «взятии» Сейдяка вместе с Салтаном и Карачей на пиру в Тобольске, куда их,

⁴⁴ Вернее, следуя хронологии предыдущих глав, указанные события приходятся на 7092 г. (СЛ 2008: 31).

собравшихся охотиться вблизи от этого города, пригласил Чулков (ПСРЛ 1987: 66—67; СЛ 2008: 42—43).

Между посвященными распространению божественной благодати в «Сибирской земле» строками двух произведений обнаруживаются и черты сходства (так, фраза «псаломский гром огласи» есть и в обеих летописях), и различия (в сообщениях о «поставлении» городов, церквей, монастырей, крещении «иноземцев»). Глава же «О ясажном зборе» (он, кстати, происходил при участии Строгановых), завершающая СтЛ, не имеет аналогий в «повести», «изложенной» в Тобольске 1 сентября 1636 г. В конце своих «словес» Есипов⁴⁵ признал, что «ино же написах с писания, преж мене списавшаго, нечто и стесняемо бе речью, аз же разпространих, беседуя к вашей любви» (ПСРЛ 1987: 72). Этим «писанием», как можно думать подобно Р.Г. Скрынникову, очевидно, явился протограф летописи «Сибирское царство и княжение и о взятии, и о Тоболске граде»⁴⁶ и СЛ, который, в чем мы уже убедились, автор ЕЛ действительно не раз дополнял, подобно «слодателю» из Соли Вычегодской. Последовательное сопоставление двух произведений дает возможность уточнить высказанные в историографии наблюдения о содержании данного протографа (Скрынников 1979: 87—88; Скрынников 1986: 24—27).

На взгляд Р.Г. Скрынникова, создатели ЕЛ и СтЛ «механически переписывали большие отрывки имевшегося у них под руками общего источника». Вместе с тем популярный историк считал, что так поступал лишь автор ЕЛ, книжник же, живший в Соли Вычегодской, «непременно видоизменяет текст» (Скрынников 1979: 87, 89). Эти заключения едва ли основательны, ибо протограф СтЛ и сочинения тобольского владычного дьяка до нас не дошел, да и, как установлено И.Ю. Серовой, был вторичен относительно Летописной книги о Смутном времени (Серова 1988: 31—33, 35, 36)⁴⁷.

⁴⁵ Замечание строгановского летописца, что «сия словеса о сем переходят в конец сей повести» (Р.Г. Скрынников не обратил на это внимание (Скрынников 1979: 91, и др.)) находят явную параллель в ЕЛ.

⁴⁶ Таково авторское наименование ЕЛ (ПСРЛ 1987: 72).

⁴⁷ По наблюдениям исследовательницы, автор СтЛ механически переписывал текст Летописной книги, тогда как в ЕЛ он «подвергся более жесткой переработке» (Серова 1988: 36).

В СтЛ налицо стремление подчеркнуть роль Строгановых в «усмирении» Сибири и внимание к военной стороне предыстории и хода прославленной казачьей экспедиции. По убеждению Есипова, «единомысленная и храбрая» «дружина» выполняла божественную миссию, и конкретизация рассказа, «приземляя» «полк» Ермака, «разрушила бы всю возвышенную оценку совершившихся событий» (/Покровский, Ромодановская/ 1987: 6; Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века 2001: 361, и др.). Кроме того, софийскому дьяку присуща церковнославянизация и архаизация языка, его «цветистость», возвышенность, приподнятость (Панин 2005: 445—447), что зачастую отнюдь не свойственно летописи, сложившейся в окружении крупнейших вотчинников Прикамья.

Литература

Введенский А.А. 1962. Дом Строгановых в XVI—XVII веках. Москва: Изд-во социально-экономической литературы.

Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. 2001 / Изд. подг. Е.К. Ромодановская и О.Д. Журавель. Новосибирск: Сибирский хронограф (История Сибири: Первоисточники. Вып. 10).

Миллер Г.Ф. 1999. История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 1. Москва: Изд. фирма «Восточная литература» РАН.

Очерки истории белорусов в Сибири в XIX—XX вв. 2001. Новосибирск: Новосибирский государственный университет.

Панин Л.Г. 2005. О языке русской письменности Сибири XVII—XVIII веков // Дергачева-Скоп Е.И., Алексеев В.Н. (отв. ред.) Семен Ремезов и русская культура второй половины XVII — XIX веков. Тобольск: Редакционно-издательский отдел Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской Академии наук, 429—457.

/Покровский Н.Н., Ромодановская Е.К./ 1987. Предисловие // ПСРЛ. Т. 36. Москва: Наука, 3—31.

ПСРЛ. 1987. Т. 36. Москва: Наука.

Ромодановская Е.К. 2002. Сибирь и литература: XVII век. Новосибирск: Наука. (Избр. труды).

Сергеев В.И. 1970. У истоков сибирского летописания // Вопросы истории. № 12, 45—60.

Серова И.Ю. 1988. Об источнике Есиповской и Строгановской летописей // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск: Сибирское отделение изд-ва «Наука», 30—38.

Сибирские летописи: Краткая сибирская летопись (Кунгурская). 2008. Рязань: Александрия.

Скрынников Р.Г. 1979. Ранние сибирские летописи // История СССР. № 4, 82—99.

Скрынников Р.Г. 1986. Сибирская экспедиция Ермака. 2-е изд., испр. и доп. Новосибирск: Сибирское отделение изд-ва «Наука».

Солодкин Я.Г. 2015. «Ермаково взятие» Сибири: Дискуссионные проблемы истории и источниковедения. Нижневартовск: Нижневартовский государственный университет.

Шашков А. 2004. Лодейный город // Родина. Специальный выпуск: Тобольск — живая былина, 7—11.

Список сокращений

ЕЛ — Есиповская летопись Основной редакции

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

СЛ — Сибирские летописи: Краткая сибирская летопись (Кунгурская)

СтЛ — Строгановская летопись Основной редакции

Глава 4

РАННЕЕ РУССКОЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО В СИБИРИ ПО ДАННЫМ КНИГИ ЗАПИСНОЙ (К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ИСТОЧНИКОВ СИБИРСКОГО ЛЕТОПИСНОГО СВОДА)

КЗ — старшая из сохранившихся редакций СЛС — содержит немало известий о строительстве городов и острогов в Сибири в первые десятилетия после ее «взятия» «дружиной» Ермака. Каковы источники этих известий, учеными пока не выяснено, хотя они иногда указывали на обращение тобольских «слогателей» XVII в. к документальным материалам либо устным показаниям (Копылов, Полевой 1968: 38; Миллер 1999: 498; Резун 1981: 36; Резун 1982: 75—76).

Как читаем в КЗ, создание которой вызывалось, в частности, необходимостью вести летопись строительства городов (Дергачева-Скоп 1965: 142)⁴⁸, после бегства головы Ивана Глухова и уцелевших ермаковцев из Старой Сибири она «покинута впусе с 93 году с начала (1584. — *Я.С.*) по 94-й год». Но следом, причем без упоминания о захвате города наследником Кучума Али (Алем), а затем Саид (Сеид)-Ахмедом (Саййид-Ахмадом) беком (Сейдяком), про что известно по ЕЛ и Погодинскому летописцу (ПСРЛ 1987: 64, 135, 137)⁴⁹, сказано о «посылке» воеводами В. Сукиным и И. Мясным из Тюмени, основанной в 7093 г.⁵⁰,

⁴⁸ Включение КЗ в круг кратких летописей (Дергачева-Скоп 1965: 32) следует признать заблуждением.

⁴⁹ Кстати, порой в историографии СЛС и ЕЛ не различаются. Так, В.В. Менщиков, почему-то причисляя летописи к документальным источникам, датирует последнюю началом XVIII в., но при этом ссылается на ее продолжение, имеющееся в Абрамовском виде сочинения Есипова, составленное по НР (Менщиков 2011: 123).

⁵⁰ Эту дату мы находим в Миллеровском варианте СЛС, «Истории» С.У. Ремезова (ПСРЛ 1987: 189, примеч. 34; СЛ 2008: 349, 440), тогда как в других летописных сочинениях «поставление» Тюмени относится к 7094 г. (ПСРЛ: 1987: 189, 258, 315, 345, 368; СЛ 2008: 303).

Как говорится в наказе приставам, отправленным встречать польско-литовского посла М.Б. Гарабурду (он приехал в Москву 23 марта 1586 г.), Об-

письменного головы Д. Чулкова, который в устье Тобола и Иртыша «поставил ... на горе град, и нарече ему имя Тоболеск ... в лето 7094-м году», когда сделался и «стольным». (Заметим, что о судьбе Старой Сибири с этого года в КЗ умалчивается). По свидетельству летописца, «город первой был поставлен Данилом Чулковым» «на мысу, где ныне колокольная Софийская» (ПСРЛ 1987: 138—139)⁵¹. Со ссылкой на «иные летописцы» в КЗ говорится и о «присылке» Чулкова из Москвы в 7095 г. «для Тобольскаго города поставления нарочным делом» (ПСРЛ 1987: 139)⁵². Очевидно, подразумевается ЕЛ (ПСРЛ 1987: 65—67) или одна из ее разновидностей.

При князьях Ф.М. Лобанове-Ростовском и М. Ноздроватом, воеводствовавших здесь в 100—103 гг., на Троицком мысу, по словам летописца, «срублен из лодейнова лесу город Тоболск, весь рубленой полной», и острог вокруг посада (102 г.); этот город стоял на Троицком мысу в течение 12 лет — с 7095 по 108 г., когда рубленой город перенесен «с Троицкого мысу на другую сторону Торгового звозу на мыс» — там «лодейный город» размещался «по 114-й год»; в то время при воеводах князе Р.Ф. Троекурове и

ский городок был «поставлен», а города в Старой и Новой Сибири (Искер и Тюмень) «поделаны», т.е., на взгляд В.И. Сергеева, «починены», «подправлены» (Сергеев 1976: 24). Такое мнение нетрудно оспорить. К примеру, в разрядной книге конца «державства» Бориса Федоровича сказано, что в Цареве-Борисове «на весну (1600 г. — Я. С.) город и всякие городовые крепости поделали» (Разрядная книга 1994: 71). См. также: Акты времени правления царя Василия Шуйского 1914: 69; Анпилов 1967: 43; Карамзин 1988: примеч. 254; Миллер 1999: 328, 333, 364, 367, 375, 401, 428, 429, 448, ср. 369; Миллер 2000: 289, 290, 384, 408, 564, 572, 611, 634, ср. 230, 266; СЛ 2008: 4, 7, 51, 54.

⁵¹ Согласно ГР СЛС, Чулков заложил Тобольск, «где бывала первая Троецкая церковь» (ПСРЛ 1987: 190). Об этой церкви см.: ТАД 1994: 154, 156.

⁵² Об этом идет речь и в АР СЛС (ПСРЛ 1987: 368), наиболее близкой к КЗ. В НР и ШЛ свода, а также Ремезовской летописи упоминается о строительстве Тобольска в 7095 г. там, «где ныне Софейский двор» (ПСРЛ 1987: 259, 315, 345; СЛ 2008: 349, 440).

С точки зрения В.Г. Вовиной-Лебедевой, в СЛС о «присылке» Чулкова, «поставившего» Тобольский острог, не из Москвы (на что указывал Есипов), а из Тюмени сказано под влиянием Нового летописца (Вовина-Лебедева 2004: 248). Однако соответствующее известие могло иметься еще в недошедшем до нас раннем летописном сочинении тобольского происхождения (Солодкин 2015: 29—33).

И.И. Внукове, дьяке Ф.Ф. Голенищеве, письменном голове В. Вешнякове⁵³ «обложен первой Тобольской из бревен рубленой город на другом бугре, на другую сторону звозу Базарнаго, и ныне стоит, а совершен» в начале 117 г., в воеводство князя И.М. Катырева-Ростовского с «товарыщи»; эта крепость просуществовала до 14 августа 151 г. (ПСРЛ 1987: 139, 140, 142—143, 369, 370)⁵⁴, т.е. до «большого» пожара в сибирской столице, о котором сообщается в КЗ и более поздних редакциях свода (ПСРЛ 1987: 99, 154, 201, 267, 323, 348, 372). Примечательно, что о строительстве Тобольска в 153—154 гг. в СЛС, начиная с КЗ, говорится не сразу после процитированных строк (в отличие от известий о возобновлении укреплений Тюмени и Пелыма), а в дальнейшем (ПСРЛ 1987: 154, 201, 267, 323, 348, 372). Это наводит на мысль, что источник летописных сведений о переносах тобольской крепости мог сложиться в середине 1640-х гг. О первоначальном и последующем местоположении Тобольска (до осени 1608 г.) создателю КЗ, скорее всего, стало известно по материалам приказной палаты «царствующего града» «Сибирской страны».

Согласно СЛС рассматриваемой редакции, «Тюменский город», «поставленный» в 101 г. (о чем упоминается и в «списке» Тюмени за 1628 г. (Сергеев 1960: 120)), в 149 г. «от ветхости весь развалился, и в 150-м году поставлен новой город» при воеводе князе Г. Барятинском (139, 369). Об этом, видимо, тобольский книжник узнал из приказной «справки», составленной не ранее 1641/42 г.⁵⁵

По его сведениям, под началом воевод Н. Траханиотова и князя М. Волконского, письменного головы И. Змеева Березов заложили в 101 г. «вятчаны, и пермичи, и вымичи, и усолцы», а также служилые люди (ПСРЛ 1987: 139, 369). В том же порядке они

⁵³ В действительности В. Вешняков не входил в состав этой «воеводской коллегии» (Солодкин 2012: 41).

⁵⁴ В АР добавлено, что город стоял возле «звозу Базарнаго, подле яр. Имеющееся в АР указание на то, что город, заложенный Чулковым, являвшимся воеводой «в зачатии Тобольска», простоял до 106 г. (ПСРЛ 1987: 139), стало быть, неточно, речь должна идти о 108 г.

⁵⁵ Кстати, в отписке воеводы Тюмени Ф. Веригина в Сибирский приказ за 1657/58 г. говорится о «поставлении» этого города в 148—150 гг. при воеводе князе Г. Барятинском (Миллер 2000: 632).

перечислены в березовском городском списке 1634/35 г., где названы и те же «начальные люди», и указана та же дата строительства крепости близ устья Северной Сосьвы (Миллер 2000: 684; ПССГ 1996: 74; Сергеев 1960: 118)⁵⁶. (На соответствие летописной версии основания Березова данным тобольского сыска 1636—1637 гг. обращал внимание Д.Я. Резун (Резун 1982: 29—30, 75, ср. 67)). Надо думать, что в распоряжении летописца имелась выписка из березовского «списка» или аналогичного ему документа⁵⁷.

Пелым, по версии КЗ, был заложен в 101 г. даточными людьми под началом воеводы князя П. Горчакова; «тот Пелымской первой город во 129-м году згорел» при воеводе П. Вельяминове, а два года спустя, в воеводство И. Вельяминова, сооружен новый пелымскими, тюменскими, верхотурскими, туринскими «всеми людьми» (ПСРЛ 1987: 139—140, 146, ср. 147, 369)⁵⁸. Как предусматривалось наказом П.И. Горчакову, после закладки Пельма⁵⁹ в Тобольск вместе с Н. Траханиотовым должны были отправиться «земские ратные люди: пермичи, и вятчане, и вымичи, и усольцы» (Миллер 1999: 340, 341; ср. Миллер 2000: 356)⁶⁰. О пелым-

⁵⁶ По свидетельству же двух тоболяков, Березов основали воеводы Н. Траханиотов, М. Волконский с ратными и даточными людьми из Перми, Вятки, Соли Вычегодской (ПССГ 1996: 74).

Материалы березовского сыска, да и некоторые другие документы (см., напр.: Русская историческая библиотека 1875: 351; Русская историческая библиотека 1884: 462, 567, 568; ТАД 1994: 183) не позволяют безоговорочно утверждать (см.: Со времен князя Самара: В поисках исторических корней Ханты-Мансийска 2007: 35), что ко времени начала сибирского летописания «оказались забытыми даже даты основания первых русских поселений в Западной Сибири», и о раннем этапе их истории в XVII в. «было известно крайне мало». Кстати, в 1636 г. кодские остяки помнили, что Березов основал Н. Траханиотов, а Сургут — Ф. Бяратинский с В. Аничковым. К тому же времени ницынские и ирбитские ясачные татары не забыли, что Туринский острог «стал» в 108 г. (Вершинин, Пашков 2004: 12, 15, 27; Миллер 2000: 501, ср. 282, 283, 438).

⁵⁷ О страшном пожаре в Березове в 1642 г. и затянувшемся более чем на четверть века восстановлении укреплений этого города (Березово (Очерки истории с древности до наших дней) 2008: 71—72, и др.) в КЗ не сообщается.

⁵⁸ В одном из Миллеровских списков ГР возникновение Пельма отнесено к 102 г. (ПСРЛ 1987: 190, примеч. 81).

⁵⁹ О том, что это произошло в 101 г., известно и документально (Миллер 2000: 287).

⁶⁰ Считать Н.В. Траханиотова и П.И. Горчакова основателями Пельма (Епифанов 1981: 80; Кабо 1949: 36; Кочедамов 1978: 22) можно, лишь следуя наказу о

ском пожаре 129 г. в КЗ упоминается и еще раз (ПСРЛ 1987: 146, ср. 195, 262)⁶¹, тогда как о восстановлении города при И. Вельяминове умалчивается, говорится только про его воеводство в крепости на Тавде (ПСРЛ 1987: 147)⁶². Документально известно, что Пелым в 131 г. должны были «ставить» помимо его жителей и тюменцы, туринцы, верхотурцы, тоболяки (Миллер 2000: 333, 353, 356; Русское старожильческое население Югры в конце XVI — середине XIX в.: Исследовательские материалы и документы 2007: 142, 144). В КЗ, напомним, в данной связи не сказано лишь о последних. По-видимому, о восстановлении Пельма летописец опять-таки узнал из какого-то приказного документа (Солодкин 2008: 69), где могло сообщаться и о начале этого города (хотя утверждать, что своим возникновением он обязан даточным людям, не приходится).

Тару, если следовать КЗ, под началом воеводы князя А. Елецкого в 102 г.⁶³ «ставили» «казанцы, и пермичи, и вятчаны» (ПСРЛ 1987: 140, 369). В документах о строительстве этого города в Среднем Прииртышье о вятчанах не сообщается, зато названы московские и казанские стрельцы, башкиры, «тутошние» ясачные, казанские и свияжские татары, тобольские и тюменские служилые люди (Миллер 1999: 349, 351, 352)⁶⁴.

К 103 г. в интересующей нас редакции СЛС приурочено возведение «Сургуцкого города» князем Ф. Барятинским со служилыми людьми Сургута, Березова и других городов (ПСРЛ 1987:

строительстве этого города — наказу, который, как выяснил А.Т. Шашков, был реализован лишь отчасти. Об этом свидетельствует и факт участия в возведении Пельма тюменского казака Г. Иванова (Миллер 1999: 447). Впрочем, не исключено, что этот сподвижник Ермака напрасно причислил себя к первостроителям крепости на Тавде, поскольку ошибочно упомянул о гибели Кучума в сражении с отрядом А.М. Воейкова и пленении Али (Алея) тюменскими служилыми людьми под началом Н.М. Изъединова.

⁶¹ Пельмский пожар произошел 8 июня 1621 г. (Миллер 2000: 311, 331). В Томском виде СЛС же сказано про 128 г. (ПСРЛ 1987: 319).

⁶² В других редакциях свода говорится о возобновлении города служилыми людьми либо также крестьянами (ПСРЛ 1987: 196, 263, 319).

⁶³ В других редакциях СЛС при этом говорится о 100, 103 и даже 7096 (1588) гг. (ПСРЛ 1987: 98, 190, 259, 315, 345).

⁶⁴ Утверждение В.Д. Пузанова об участии служилых Верхотурья в основании Тары, разумеется, ошибочно (Пузанов 2005: 100).

140, 369). Местных служилых тогда еще, конечно, не было; выходцы из каких городов, помимо Березова, строили крепость при впадении Сальмы в «великую» Обь, летописец умалчивает⁶⁵, что наряду с допущенным им анахронизмом («поставление» Сургута относится к лету 102 г.) заставляет отказаться от представления (Солодкин 2008: 70), будто «слогатель» КЗ располагал наказом (адресованным к тому же кроме Ф.П. Барятинского его сослуживцу письменному голове В.В. Аничкову) о сооружении «Сургуцкого города».

Основателем (в 104 г.) Нарымского и Кетского острогов в КЗ считается сургутский атаман Т. Федоров (ПСРЛ 1987: 140)⁶⁶. Как уверял он в своей челобитной 1626 г., его посылали из Нарыма «в Томской город» (вернее, на Томь), а затем в Пегую орду, где атаман «город поставил» (подразумевается Кетский острог) (Вершинин, Шашков 2004: 19, 22—23; Древний город на Оби: История Сургута 1994: 122, и др.). Конечно, тобольский летописец упомянул о закладке Т. Федоровым Нарымского и Кетского острогов не по челобитной известного сургутянина, в которой об этом прямо нет и речи, а, видимо, следуя приказной выписке о времени (в КЗ оно, кстати, определяется неточно) и основателе указанных острогов. (Нарым был заложен на четыре года раньше Кетска письменным головой И.И. Колеминым в ходе экспедиции во владения союзника Кучума князя Вони). Зная о том, что Т. Федоров являлся на первых порах приказным в Нарымском и Кетском острогах (в Нарыме атамана сменил воевода М. Хлопов) (ПСРЛ 1987: 141; см. также 191, 260, 316), летописец или составитель использованного им документа, видимо, счел, что сургутянину, который «объясачивал селькупов ... и енисейских остяков» (Александров, Покровский 1991: 81), и суждено было «срубить» названные остроги.

В 108 г., по данным КЗ, в «Сибирском царстве» Бориса Федоровича встали Верхотурье и Туринский острог. Основателем последнего («по переводу города и воевод и людей с Ло[з]вы») счи-

⁶⁵ Это Пелым, Тобольск, Березов, Обский городок; в строительстве Сургута участвовали и кодские остяки (Вершинин, Шашков 2004: 15, 27; Древний город на Оби: История Сургута 1994: 92, и др.).

⁶⁶ Эта версия повторяется и в других редакциях свода (ПСРЛ 1987: 191, 260, 316, 369).

тается И. Лихарев, а Верхотурья — воеводы В.П. Головин, И.В. Воейков, письменный голова Г. Салманов. Следом же сказано, что «Верхотурским городом» вначале управляли В.П. Головин с недавними лозьвинскими воеводами И. Нагим и И. Траханиевым (точнее, Траханиотовым), потом их (кроме Головина) сменили И.В. Воейков и Г. Салманов, который оставался «на Верхотурье» «товарищем» и нового воеводы князя И. Вяземского (ПСРЛ 1987: 140, 141, 369). Разнообразные документы, однако, свидетельствуют о том, что И.Ф. Лихарев являлся третьим по счету Туринским письменным головой (вслед за Ф.О. Яновым и Ф.К. Фофановым) (Миллер 1999: 374, 375, 377—379, 383—386, 397—401; Миллер 2000: 197—199, 208—211; Покровский 2006: 188), И.В. Траханиотов, ставший преемником И. Нагого «на Лозье», вовсе не служил в Верхотурье, тем более с ним, Г. Салманов же занял должность верхотурского письменного головы после отъезда из новой крепости И.В. Воейкова. Указанные ошибки содержались или в документах, использованных тобольским «списателем», или в верхотурской городской летописи, к которой он мог обращаться (Солодкин 2011: 71—72)⁶⁷. Очевидно, ко времени создания КЗ в приказной избе сибирской столицы не было достоверных сведений о времени и обстоятельствах «поставления» Нарымского и Кетского острогов, а также основателе Туринского острога.

Под 108 г. в КЗ говорится о закладке первого мангазейского острога посланными из Тобольска князем М. Шаховским, Д. Хрипуновым и целовальником «торговым человеком» С. Новоселовым⁶⁸. В следующем году, оказывается, воеводами Василием Михайловым сыном Кольцовым-Мосальским и Влуком Остафьевым

⁶⁷ Недавно повторенный (Ярков, Бортникова 2014: 294) тезис Д.Я. Резуна, что «согласно городовым летописям, освоение Сибири началось даже не с похода Ермака, а с основания первых русских городов», представляется по меньшей мере односторонним (Островских 1903: 42; ПСРЛ 1987: 74, 138, ср. 344).

⁶⁸ О С. Новоселове, кстати, в других источниках не сообщается.

В ГР читаем об отправке князя М. Шаховского и Д. Хрипунова в Мангазею и Енисейск с сотней «литвы», казаков, стрельцов, сыном боярским и атаманом для постройки Мангазейского острога и «в Енисейску самуюя привезть», очевидно, «под государеву руку». В других редакциях свода поясняется: «и тунгусов и самоедцев и остяков привести по их вере к шерти» (ПСРЛ 1987: 191, 259, 316, 346, ср. 98).

сыном Пушкиным был выстроен первый мангазейский город (ПСРЛ 1987: 141, 369, ср. 260, 316). Точнее, речь должна идти о В.М. Рубце Мосальском (ПСРЛ 1987: 73, 191. Примеч. 20—23, и др.) и Савлуке Пушкине.

В 109 г., по словам летописца, «проведан и поставлен Томской город острогом на Томе реке» тобольским сыном боярским В.Ф. Тырковым со служилыми Тобольска, Тары, Березова и других городов; год спустя первые воеводы В.В. Волынский и М.И. Новосильцев «первой и город Томской поставили рубленой» (ПСРЛ 1987: 141, 369)⁶⁹. В действительности Томск был заложен в 1604 г. под началом письменного головы Г.И. Писемского и В.Ф. Тыркова служилыми из Тобольска, Сургута, Березова, Тюмени (но не Тары) и кодскими остяками (Вершинин, Шашков 2004: 23—24, 27; Из истории земли Томской: 1604—1917: Сборник документов и материалов 1978: 23, 24; Миллер 1999: 402, 407; ПСРЛ 1987: 344, и др.).

Возможно, из приказной выписки в КЗ попали сообщения о том, что «в грамотах с Москвы писано к Ефиму Бутурлину (тобольскому воеводе в 106—107 гг. — Я. С.) с письмянными головами вместе», а управлявших Верхотурьем в 111—113 гг. Н.О. Плещеева и М.М. Хлопова «писмянные головы писали» (ПСРЛ 1987: 140, 142). Вряд ли летописец непосредственно располагал документами, где такими головами были названы упомянутые верхотурские администраторы, и грамотами, адресованными Е.В. Бутурлину «с товарищи».

О том, что источником КЗ послужила выписка из приказных материалов, свидетельствует и следующее обстоятельство. Летописец, перечисляя воевод Тобольского разряда за 114 г., назвал вначале администраторов Березова, Тары и Мангазеи, потом воевод, управлявших Мангазеей и Березовым в 115 г., затем тобольских «градодержателей» с 116 и 117 гг., и отметил, что «в тех же годах Тобольского разряда в городех (Верхотурье, Пельиме, Туринске, Тюмени. — Я. С.) воеводы» (ПСРЛ 1987: 143).

⁶⁹ Основателем Томска В. Тырков представлен и в более поздних редакциях СЛС, где возведение Пельима, Березова, Сургута, Нарыма, Кетска и Томска приурочено к 7099—7102 гг. (Резун 1979: 61; Резун 1982: 69, 112, 118, 145, 148, 149; ПСРЛ 1987: 190, 259, 315, 346, ср. 98). Утверждение, что в летописях начало Пельима, Березова и Сургута отнесено к 1592 г. (Харина 2008: 17), не отличается точностью.

Итак, можно заключить, что сообщения КЗ (во многом повторенные в других редакциях свода) о русском градостроительстве в Сибири в конце XVI — начале XVII вв. зачастую имеют документальную основу. Скорее всего, соответствующие известия тобольского летописца восходят к своеобразной справке, которая была составлена в приказной избе «первоимянитого града» восточной части России, подчас по материалам сысков (вроде проведенного в Березове в середине 1630-х гг.). Ряд ошибок, допущенных в КЗ, например, о времени «поставления» и основателях Нарымского, Кетского, Туринского острогов, Верхотурья и Томска, возможно, содержался уже в этом документе, хотя нельзя исключать, что его сведения были переданы летописцем не всегда точно. Представление, будто рассмотренные погодные записи отразили и устную традицию (Со времен князя Самара: В поисках исторических корней Ханты-Мансийска 2007: 36, и др.), следует отклонить.

Литература

Акты времени правления царя Василия Шуйского (1606 г. 19 мая — 17 июля 1610 г.) / Собр. и редакт. А.М. Гневушев. 1914. Москва, б.и.

Александров В.А., Покровский Н.Н. 1991. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск: Сибирское отделение издательства «Наука».

Анпилов Г.Н. 1967. Новые документы о России конца XVI — начала XVII в. Москва: Московский государственный университет.

Березово (Очерки истории с древности до наших дней). 2008. Екатеринбург: Издательский дом «Сократ».

Вершинин Е.В., Шашков А.Т. 2004. Участие служилых остяков Кодского княжества в военных походах конца XVI — первой трети XVII в. // Западная Сибирь: прошлое, настоящее, будущее. Сургут: Диорит, 10—32.

Вовина-Лебедева В.Г. 2004. Новый летописец: история текста. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин.

Дергачева-Скоп Е.И. 1965. Из истории литературы Урала и Сибири XVII века. Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство.

Древний город на Оби: История Сургута. 1994. Екатеринбург: Тезис.

Епифанов П.П. 1981. К истории освоения Сибири и Дальнего Востока в XVII веке // История СССР. № 4, 78—86.

Из истории земли Томской: 1604—1917: Сборник документов и материалов. 1978. Томск: Томский государственный университет.

Кабо Р.М. 1949. Города Западной Сибири: Очерки историко-экономической географии (XVII — первая половина XIX вв.). Москва: Издательство АН СССР.

Карамзин Н.М. 1989. История Государства Российского. Кн. 2. Т. 8. Москва: Книга.

Копылов А.Н., Полевой Б.П. 1968. Землепроходцы XVII в. и изучение Сибири // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.). Новосибирск: Наука, 36—40 (Сибирь периода феодализма. Вып. 3).

Кочедамов В.И. 1978. Первые русские города Сибири. Москва: Стройиздат.

Меншиков В.В. 2011. Этнополитические конфликты в Зауралье в XVII—XVIII вв. // История, экономика и культура средневековых тюрко-татарских государств Западной Сибири: Материалы Международной конференции (г. Курган, 22—23 апреля 2011 г.). Курган: Курганский государственный университет, 121—126.

Миллер Г.Ф. 1999. История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 1. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН.

Миллер Г.Ф. 2000. История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 2. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН.

Островских П. 1903. Мангазейская книга // Известия Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела императорского Русского Географического Общества. Т. 1. Вып. 5, 39—43.

ПСРЛ. 1987. Москва: Наука.

ПССГ. 1996: Новосибирск: Сибирский хронограф (История Сибири: Первоисточники. Вып. 7).

Покровский Н.Н. 2006. Сибирское общество XVII — начала XVIII в. по челобитным // Общественное сознание населения России по отечественным нарративным источникам XVI—XX вв. / Покровский Н.Н. (отв. ред.). Новосибирск: Сибирское отделение РАН, 180—198.

Пузанов В.Д. 2005. Военная служба годовальщиков в Сибири в XVII веке // Северный регион: Наука, образование, культура. № 1 (11), 97—112.

Разрядная книга 1475—1605. Т. 4. Ч. 1. 1994. Москва, б.и.

Резун Д.Я. 1979. Анкеты 1760-х годов как источник по истории городского летописания в Сибири конца XVII — начала XVIII в. // Сибирская археография и источниковедение. Новосибирск: Сибирское отделение издательства «Наука», 58—68.

Резун Д.Я. 1981. К истории «поставления» городов и острогов в Сибири // Сибирские города XVII — начала XX века. Новосибирск: Сибирское отделение издательства «Наука», 35—57.

Резун Д.Я. 1982. Очерки истории изучения сибирского города конца XVI — первой половины XVIII века. Новосибирск: Сибирское отделение издательства «Наука».

Русская историческая библиотека. 1875. Т. 2. Санкт-Петербург, б.и.

Русская историческая библиотека. 1884. Т. 8. Санкт-Петербург, б.и.

Русское старожильческое население Югры в конце XVI — середине XIX в.: Исследовательские материалы и документы. 2007. Москва: Галерея.

Сергеев В.И. 1976. Источники пути исследования сибирского похода волжских казаков // Актуальные проблемы истории СССР. Москва: Московский областной педагогический институт, 18—57.

Сергеев В.И. 1960. Первые сибирские города, их военное, экономическое и культурное значение // Вестник истории мировой культуры. № 3 (21), 113—124.

СЛ. 2008. Рязань: Александрия.

Со времен князя Самара: в поисках исторических корней Ханты-Мансийска. 2007. Переизд. Ханты-Мансийск: Полиграфист.

Солодкин Я.Г. 2008. О происхождении летописных датировок основания первых сибирских городов и острогов на северо-западе Сибири // Западная Сибирь в академических и музейных исследованиях: Материалы II научно-практической конференции. Сургут: Издательско-полиграфический комплекс, 68—73.

Солодкин Я. Г. 2011. Вослед Савве Есипову: Очерки по истории сибирского летописания середины – второй половины XVII века. Нижневартовск: Нижневартовский государственный гуманитарный университет.

Солодкин Я.Г. 2012. Сибирская администрация в Смутное время: к интерпретации летописных известий // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории / Солодкин Я.Г. (отв. ред.). Ч. 7. Нижневартовск: Нижневартовский государственный гуманитарный университет, 41—52.

Солодкин Я.Г. 2015. О ранних источниках тобольской «Книги записной» // Клио: Журнал для ученых. № 1 (97), 29—33.

ТАД. 1994 / Изд. подг. Н.Н. Покровский, Е.К. Ромодановская. Новосибирск: Сибирский хронограф (История Сибири: Первоисточники. Вып. 4).

Харина Н.С. 2008. Присоединение сибирских территорий и строительство первых церквей в Западной Сибири // Актуальные вопросы истории Западной Сибири. Сургут: Издательский центр Сургутского государственного университета, 16—25.

Ярков А.П., Бортникова Ю.А. 2014. Город — городок — юрт: к вопросу о происхождении оседлых поселений в средневековом пространстве Западной Сибири // Тюменский исторический сборник. Вып. XVI. Тюменский государственный университет, 291—302.

Список сокращений

АР — Академическая редакция

ГР — Головинская редакция

ЕЛ — Есиповская летопись Основной редакции

КЗ — Книга записная

НР — Нарышкинская редакция

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

ПССГ — Первое столетие сибирских городов: XVII век

СЛ — Сибирские летописи: Краткая сибирская летопись (Кунгурская).

СЛС — Сибирский летописный свод

ТАД — Тобольский архиерейский дом в XVII веке

ШР — Шлецевская редакция

Глава 5

ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМУЛЯРА ИСПОВЕДНЫХ РОСПИСЕЙ В ПРИХОДСКИХ ЦЕРКВЯХ ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ В XVIII — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Исповедные росписи (духовные росписи, исповедные ведомости) являлись документом церковного учета населения, фиксирующим его динамику и структуру. Назначением этого документа служило ежегодное подтверждение степени религиозности через исповедание и получение Святых Таинств накануне Пасхи.

Исследователи признают духовные росписи основным и весьма содержательным источником для изучения динамики посещения исповеди прихожанами разных сословий, причин их неявки, для определения количества лиц, допущенных к святому причастию от общего числа исповедовавшихся (Алексеева 1999: 72). Установлено, что эти акты дают весьма достоверные, информационно насыщенные, а в некоторых случаях — уникальные данные по истории православного населения. Исповедные ведомости содержат сведения о численном, половозрастном и социальном составе православного населения Российской империи на протяжении почти двух столетий — с конца 1730-х гг. до начала XX в. Несомненное достоинство данного источника состоит в том, что он фиксирует все категории населения — как податные, так и неподатные, отмечает лиц обоего пола и всех возрастов. Поскольку исповедные ведомости велись из года в год, а основные элементы их формуляра оставались стабильными на протяжении всего времени бытования этого источника, последний дает возможность выявить социальную структуру приходского населения в динамике, а также определить состав и границы приходов (Федоренко 2014: 13, 22).

В подготовленном протоиереем И.Л. Чижевским собрании правил церковного «письмоводства» ведение исповедных росписей отнесено к его важнейшей части (Чижевский 1881: 1).

В дореволюционный период критике источников уделялось незначительное внимание. Во второй половине XIX — начале XX в. исследования стали отличаться более критическим подходом к анализу интересующих нас документов. На сибирском ма-

териале примером могут служить работы Е. Анучина, который занимался проблемами смертности в Тобольской губернии. 1960-е гг. стали определенной вехой в изучении документов церковного учета населения. В это время выходит ряд неодинаковых в методическом отношении работ советских исследователей (Сарафанов 2006: 9—12). Считается, что задача изучения и использования учетных материалов, в том числе исповедных росписей, была впервые выдвинута В.М. Кабузаном в 1963 г. (Варламова 1989: 187—196).

С середины 1990-х гг. документы церковного учета начали интенсивно изучаться в нескольких университетских центрах России с целью рассмотрения демографических процессов. Д.О. Бохонский обратился к практике составления исповедных ведомостей (Бохонский 1998: 3—6). Е.Д. Твердюкова раскрыла информативные возможности и вопросы сохранности документов текущего церковного учета населения XIX — начала XX вв. (Твердюкова 2001: 221—231). Ю.М. Гончаров дал оценку информативных возможностей исповедных росписей как источника по истории семьи Алтайского края XIX — начала XX вв., привел примеры оформления и содержания этих документов. Исследователь относит к их числу клировые ведомости, но это два разных вида документа, преследовавших отнюдь не одинаковые цели (Гончаров 1994: 185—187). Б.Н. Миронов, Н.А. Варламова, Д.Н. и И.А. Антоновы рассматривали историю появления, законодательного регулирования и практики ведения исповедных ведомостей (Антонов, Антонова 2006; Варламова 1989: 187—196; Миронов 1989: 102—117). Д.Е. Сарафанов проследил эволюцию формуляра исповедных росписей в рамках исследования демографического развития населения Барнаула в XIX в., считая эти акты наряду с метрическими книгами и клировыми ведомостями единственными массовыми источниками, содержащими сведения о родившихся, сочетавшихся браком и умерших (Сарафанов 2006: 9—12). М.А. Маркова рассмотрела проблемы сохранности и информационные возможности исповедных росписей Санкт-Петербургской губернии как исторического источника (Маркова 2005). А.И. Федорец выявила информативные возможности исповедных росписей — массовых исторических источников по социальному составу и расселению дворовладельцев Москвы в 40-х — 80-х гг. XVIII в., проанализировала

их внутреннюю структуру и стабильность формуляра (Федорец 2014: 13, 22). Н.В. Алексеева отнесла исповедные росписи к делопроизводственным церковным документам и изучила их вместе с метрическими книгами как источники по истории практики покаяния у крестьян Русского Севера (Алексеева 1999: 73). К исповедным росписям Тобольской епархии, признавая их ценным историческим источником, обращалась Т.В. Судник (Судник 2006: 100—102).

Духовные и светские власти издавали много распоряжений с целью повышения общей народной религиозности (Знаменский 1996). Петр I строго осуждал безверие (Русак 2002), и при нем появилось несколько указов о том, чтобы все православные, кроме больных, «неопустительно» ходили к богослужению во все воскресные и праздничные дни. Реформа Петра была призвана покончить с религиозным невежеством народа, который, по выражению Духовного регламента, оказывался не в состоянии «рассудить между десным и шуим» (Знаменский 1996). Правительство Петра I законодательно закрепило учет религиозности населения Российской империи. Каждый православный христианин должен был хотя бы раз в год посетить исповедь и причащение Святых Тайн (Антонов, Антонова 2006: 249).

Историю возникновения исповедных ведомостей исследователи ведут с конца XVII в. (Бохонский 1998: 4). Постановление о необходимости их ведения было принято на Соборе 1666—1667 гг., однако, как считается, первые исповедные ведомости появились лишь в 1690 г. для выявления «скрытых раскольников», которые не ходили исповедоваться в храмы с 1721 г. Выявленные старове-ры были обязаны платить повышенные подати, а неисповедовавшие — штраф «против доходу втрое». Таким образом, исповедные ведомости являлись своего рода инструментом контроля над религиозной жизнью населения (Федорец 2014: 13).

При напряженных отношениях между старообрядцами, официальной церковью и правительством после отрешения Софьи Алексеевны от власти в 1689 г. борьба с расколом стала еще более актуальной. Именно поэтому, на взгляд Б.Н. Миронова, составление исповедных ведомостей было поддержано в 1697 г. как патриархом Адрианом, так и Петром I, и вскоре стало обязательным для всего белого духовенства страны. Однако такая мера

преследовала не только полицейскую цель (проверка политической лояльности), но и фискальную: выявленные раскольники обязывались платить повышенные подати, а неисповедавшиеся люди — штраф «против доходу втрое» (Миронов 1989: 102). Контроль над посещением исповеди начался 8 февраля 1716 г., когда Петр I приказал составлять именные годовые росписи о неисповедавшихся лицах архиереям и «духовных дел судьям» в городах, церковным старостам в уездах, и отсылать в городах губернаторам, в уездах — ландратам, а последним брать штраф (ПСЗРИ. Собр. 1. Т. V. 2991. С. 166).

Первоначально форма исповедных ведомостей была достаточно проста и представляла собой три именных списка: 1) прихожане, «бывшие у исповеди», 2) «не бывшие у исповеди» и 3) раскольники. Списки заверялись поповскими старостами (позже — благочинными) и отправлялись в архиерейские дома, откуда свои экстракты из них поступали в Святейший Правительствующий Синод (далее — Синод). В общегосударственном масштабе исповедные росписи были введены в 1718 г. (Бохонский 1998: 4). Петру I стало известно, что многие пропускают исповедь, и поэтому он подтвердил обязанность исповедаться указом от 17 февраля 1718 г. и велел повесить в населенных пунктах «печатные листы» с наставлением исполнять христианский долг. Священники и старосты обязаны были следить за выполнением этого указания и иметь рассчитанные на год книги об исповедавшихся и неисповедавшихся, присылать их в духовные приказы, брать штраф с пропустивших исповедь лиц, подавать ведомости губернаторам и ландратам о тех, кто отказывался платить штраф (ПСЗРИ. Собр. 1. Т. V. 3169. С. 544—545). Из-за того что некоторые священники, составляя данные ведомости, укрывали неисповедавшихся и раскольников, Петр I указом от 16 марта 1718 г. велел взять у них «скаски» (росписки) о том, что в росписях за 1716 и 1717 гг. они привели точные сведения (ПСЗРИ. Собр. 1. Т. V. 3183. С. 554—555).

В доношении протоинквизитора и иеродьякона Пафнутия Синоду сообщается, что указы исполняются только в Москве, в Новгородской, Псковской и Нижегородской епархиях. Синод приказал 21 февраля 1722 г. епархиальным начальствам составлять ведомости с именных росписей священников с «показанием» сведе-

ний о количестве неисповедавшихся, собранных штрафных денег и указанием места их хранения, а также о количестве раскольников, их чинов и общей суммы двойного оклада, с них взятого, месте хранения, расходах и остатке денег. В ведомости также следовало объяснить, если штрафы и двойной оклад не были взяты в полном объеме, то по каким причинам, и если ранее не было представлено данных о неисповедавшихся и раскольниках, то почему. Синод подтвердил данное указание 7 марта 1722 г. (ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI. 3914. С. 513—514).

В указе Петра I от 17 февраля 1718 г. было объявлено, что многие прихожане не ходят на службу в церковь и пропускают исповедь. Поэтому общим указом Синода и Сената от 16 июля 1722 г. подтвердил обязанность исполнения христианского долга. Священникам предписывалось иметь книгу для записи исповедавшихся и неисповедавшихся и присылать ее в духовные приказы, а тем — архиереям. Лица, отсутствовавшие в своем приходе по уважительным причинам более одного года, должны были исповедоваться по месту пребывания и получить от священников «заручные письма» (свидетельства), которые по возвращении следовало отдавать своим приходским священникам (ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI. 4052. С. 737—742). Екатерина I подтвердила обязанность посещения ежегодной исповеди и отменила штраф за уклонение от нее указом от 4 февраля 1725 г. (ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VII. 4648. С. 415). Подача исповедных и метрических книг была временно отменена 31 марта 1726 г. с целью, по мнению Б.Н. Миронова, успокоить духовенство, не желающее обременять себя излишней работой, и население, недовольное штрафом за пропуск исповеди (Миронов 1989: 103).

Данные исповедных росписей были необходимы различным учреждениям. Сенат сообщил Синоду 7 декабря 1726 г., чтобы последний отправил ведомости о неисповедавшихся в течение месяца, не более, в следующие инстанции: о посадских и принадлежащих к посадам лицах — к магистратам; о других чинах, кроме отставных солдат, драгун, матросов и крестьян, — к воеводам и камерирам, дабы они могли взять штрафы согласно этим ведомостям (ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VII. 4984. С. 712—713).

В 1728 г., несмотря на протесты духовенства, исповедные росписи вновь восстановили в виде общего списка прихожан муж-

ского и женского пола, разделенного по сословиям и чинам. В духовных консисториях на основе приходских списков должны были составляться исповедные экстракты по сословиям и представляться в Синод (Миронов 1989: 103). Он приказал 14 января 1730 г. архиереям собрать у причтов именные ведомости о неисповедавшихся и не причащающихся и прислать эти документы в Синод «неотложно» (ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VIII. 5496. С. 245).

Императрице Анне Иоанновне стало известно, что ее подданные пропускали исповедь и приобщение, что привело к увеличению числа раскольников, и поэтому она подтвердила обязанность исповеди и святого причастия указом Синоду от 4 февраля 1737 г. (ПСЗРИ. Собр. 1. Т. X. № 7226. С. 114).

Указом Сената от 16 апреля 1737 г. были утверждены формы приходских исповедных росписей (рис. 1) со сводной таблицей (рис. 2), а также епархиального экстракта или перечневой ведомости. Население прихода разделили на семь групп: духовные, военные, приказные, разночинцы, посадские, дворовые, поселение; отдельно следовало указывать взрослых и детей. Причты должны были подписать росписи по листам, подать в духовные правления, а оттуда в архиерейские дома, где их следовало разобрать по городам и уездам, изготовить генеральный экстракт и отправить в Синод. Свидетельства о посещении исповеди в другом приходе лиц вписывали в роспись прихода по месту жительства прихожанина. Приобщаться можно было только в своем приходе. В отдельные росписи надлежало внести данные о лицах, исповедавшихся не в дни святой Четыредесятницы, раздельно по чинам, указывая, кто из них причастился. Эти росписи следовало подать в духовные правления, а оттуда епархиальному начальству, от которого требовалось сравнить их с ведомостями о бывших и не бывших в святую Четыредесятницу на исповеди, составить общие перечневые ведомости и, разобрав по городам и уездам для взыскания штрафов, отослать в канцелярии городов, а оттуда в Синод (ПСЗРИ. Собр. 1. Т. X. 7226. С. 119—125).

Ф О Р М А

какимъ образомъ градскимъ и сельскимъ Священникамъ, коему нужно о своихъ прихожаняхъ именныя порознь по домамъ и по чинамъ, со ошмѣчаніемъ, по силѣ указа, кто изъ прихожанъ ихъ обоего пола людей и сколькихъ кто лѣтъ отъ рожденія, во дни Святыя чепыредесятиницы исповѣдались и причастились и кто же шокмо исповѣдался, а не причастился, также и не исповѣдался, сочинишь росписи, къ поданію оныхъ въ Духовныя, гдѣ кто вѣдомъ команды, и у себя при церквяхъ повсягодно содержать.

Росписи (или ревестри) города Тобольска, или такого то уѣзда, села или слободы, такой то церкви имрекъ Священниковъ (написать ихъ имена жъ со отчества) обрѣтающися при оной церкви въ приходѣ нижелепныхъ чиновъ людямъ, со изъявленіемъ противъ коегождо имени о бытіи ихъ въ Святую чепыредесятиницу у исповѣди и Святыхъ Таинъ причастія, и кто жъ исповѣдался токмо, а не причастился, и кто жъ не исповѣдался.

Ч и с л о .			Лѣта отъ рожденія		Показанія дѣйств.		
Духовъ или дьяковъ.	Людей.		Мужска пола.	Женска пола.	Кто были у исповѣди и Святого причастія.	Кто жъ исповѣдались, токмо не причастились а за какимъ вѣдомствомъ.	Которые у исповѣди не были.
		<i>Духовные и ихъ домашніе.</i>					
1	1	Троицкаго собора Протопопъ Иванъ Ананіевъ сынъ Соболевъ	63		Былъ.		
	1	Жена его (написать по имени и отчеству ея)		42	Была.		
	2	Дѣти ихъ:					
	2	Іоаннъ, Тобольскаго Архіерея Иподіаконъ	28			По совѣту духовника.	Не былъ.
	3	Петръ, онаго жъ Архіерея пѣвчій	25				
	2	Марія		6			
	3	Поминутаго Иподіакона Іоанна жена Евдокія		25		За случившеюся немощію.	Не былъ.
	4	Сынъ его Иподіаконъ Петръ	10	2 мѣсяцевъ.			
	4	Дочь Уліанія					
		Вышеписаннаго Протопопа родной братъ Павелъ Ананіевъ, того жъ собора Діаконъ, вдовъ и бездѣтенъ	40		Былъ.		
		Дворовые люди ихъ:					
	6	Петръ Алексѣевъ сынъ Квашинъ	42	37		Запераче-ніемъ своимъ.	
	5	Жена его Варвара Семенова			Были.		
	7	Сынъ ихъ Алексій	10	3 мѣсяцевъ.			
	6	Дочь Васса					

Рис. 1. Форма исповедных росписей.
Приложение к указу Сената от 16 апреля 1737 г.

Въ выше означенномъ дворовомъ числѣ жителей порознь по классамъ.

Всего при вышеозначенной, имректъ, церкви приходскихъ дву стахъ пятидесяти дворахъ обрѣтается.

Число обоего пола людей.	Исповѣдникъ и причастникъ.	Исповѣдникъ токмо, а не причастникъ.	Неисповѣдавшихся.	Итого.																	
			Отъ 7 лѣтъ, да въ малолѣтствѣ, преставившихъ за неучиномъ.																		
			Отъ 7 лѣтъ, да въ малолѣтствѣ, кои иже 7 лѣтъ.																		
Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.										
Духовные:																					
Протопопъ и поповъ	3	2																			
Дьякономъ	5		4	2	2	1				28	23										
Иподиакономъ, псалтырь, дьячкомъ, пономинникомъ и пономаремъ		7																			
Женъ ихъ																					
Дѣтей ихъ:																					
Мужескаго пола	5		1	2	2		4														
Женскаго пола		3		2		3		5													
Военные:																					
Шляхъ и Оберъ-Офицеровъ	4																				
Удѣльнъ оцѣнщиковъ и раздѣльныхъ солдатъ	25																				
Женъ ихъ		11																			
Дѣтей ихъ:																					
Мужескаго пола	12																				
Женскаго пола		10																			
Приказные:																					
Секретаря	1																				
Протоколиста	1																				
Переводчика	1																				
Аккураторъ	1																				
Регистраторъ	1																				
Канцеляристовъ	2																				
Подканцеляристовъ	1																				
Копистовъ	3																				
Женъ ихъ		9																			
Дѣтей ихъ:																					
Мужескаго пола	11																				
Женскаго пола		13																			
Разношники:																					
Дворцы, дѣтей Волостныхъ, городовыхъ, служилыхъ, ямщиковъ, разсыльныхъ, сторожей и Архирейскаго дому и монастырскихъ, разныхъ службъ служилыхъ	18																				
Женъ ихъ		12																			
Дѣтей ихъ:																					
Мужескаго пола	9																				
Женскаго пола		5																			
Посадские:																					
Посадскихъ	8																				
Цеховыхъ	3																				
Женъ ихъ		6																			
Дѣтей ихъ:																					
Мужескаго пола	4																				
Женскаго пола		5																			
Дворовые:																					
Всѣхъ дворянскихъ, чиноу. Дворовыхъ людей	32																				
Женъ ихъ		16																			
Дѣтей ихъ:																					
Мужескаго пола	10																				
Женскаго пола		13																			
Поселенные:																					
Крестьянъ и бѣлыхъ	85																				
Женъ ихъ		79																			
Дѣтей ихъ:																					
Мужескаго пола	32																				
Женскаго пола		35																			
Всего																					

Рис. 2. Форма исповедныхъ росписей (сводная таблица за год).
Приложение к указу Сената от 16 апреля 1737 г.

Священники протестовали и саботировали исполнение указа, т.к. его исправная реализация была равносильна проведению ежегодной переписи православного населения страны силами одного приходского духовенства. Со смертью императрицы Анны состав-

вление генеральных исповедных экстрактов по стране в целом прекратилось, а начатая работа остановилась (Миронов 1989: 104).

Синоду стало известно, что из некоторых епархий поступают неправильные ведомости. В указе от 7 октября 1738 г. были перечислены встречающиеся ошибки: 1) переплетены без необходимой подписи и без разметки листов; 2) связаны «по-тетрадно и ниже»; 3) в посылаемых конвертах «укладкой самым слабым увязанием», что было не безопасно, так как из-за дальних расстояний они могли быть повреждены. Множество росписей «продиралось и истиралось» так, что текст не поддавался чтению, тетради и листы выбивались из общей стопки, а собрать их без подписи по листам и нумерации листов оказывалось невозможно. Синод приказал перед отсылкой переплестать ведомости в городах и уездах в холст или в картузную (толстую оберточную) бумагу, если нельзя было обернуть кожей, пронумеровать, подписать по листам, приложить реестр о количестве отправленных ведомостей по городам и уездам «по-приходно» (ПСЗРИ. Собр. 1. Т. X. 7665. С. 628).

По указанным распоряжениям к 1740 г. в Синод поступили ведомости только за 1737 г., причем неполные, без сведений о сумме штрафных денег, взятых с неисповедавшихся лиц. Синод приказал 14 августа 1740 г. подавать ведомости как о людях, так и о штрафах, в 1741 г. и впредь каждый год, согласно прежним указам, а ведомости за 1738 и 1739 гг. выслать немедленно с получением указа (ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XI. 8204. С. 219—220).

Протесты духовенства и практическая неисполнимость указа 1737 г. привели синодальных чиновников к мысли об изменении порядка исповедного учета (Миронов 1989: 104). В подтверждающем указе от 17 мая 1742 г. сообщается, что ведение исповедных росписей «хоть с немалой трудностью», но исполняется. Однако из-за недостатка канцелярских служащих происходило «не малое затруднение» в работе с росписями в Синоде: «ведомости двойные», «бумаги слишком много», скоро «вмещать будет негде». Поэтому Синод приказал присылать только генеральные экстракты, а ежегодные именные ведомости церковью содержать в архиерейских домах «в добром хранении», чтобы, если они понадобятся, были «всегда в готовности» (ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XI. 8553. С. 601). Форма епархиальных исповедных ведомостей немного упростилась и включала 67 рубрик, поскольку возрастная градация прихожан от-

менялась. Население делили на раскольников и семь сословных групп (духовенство; военные; статские; разночинцы; посадские — впоследствии купцы; мещане; цеховые; и прочие городские обыватели — дворцовые, крестьяне), внутри этих групп происходило деление по полу. По каждой сословной группе требовались данные об исповедавшихся и причастившихся, о только исповедавшихся, о неисповедавшихся с указанием причин: по малолетству, по отлучкам и другим препятствиям, по «опущению» или «нерадению» (небрежному отношению к своим обязанностям) отдельно по каждому городу и уезду (Миронов 1989: 104—105).

Синод приказал 8 февраля 1745 г. присылать экстракты об исповедававшихся и неисповедававшихся с «показанием» в доношениях о том, что именные ведомости о неисповедававшихся для взыскания штрафа были отправлены в «светскую команду» и когда именно. Данное предписание исполнялось не во всех епархиях, о чем свидетельствует указ от 9 декабря 1780 г., требующий сообщать необходимые сведения в доношениях (ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XX. 15096. С. 1022—1023). Главный комиссариат просил Синод подтвердить указом, чтобы причты, которые не выслали исповедные росписи с 1744 по 1754 гг., немедленно доставили их и впредь присылали эти документы по прошествии каждого года для составления генеральных ведомостей в Комиссариат. Синод подтвердил данное распоряжение указом от 20 декабря 1754 г. и приказал архиереям отправлять ведомости в двух экземплярах: в Синод и в Комиссариат, и под табелями, представляемыми в Синод, указывать дату отправки в Комиссариат (ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XIV. 10338. С. 276).

Как полагает Б.Н. Миронов, в течение 1740—1750-х гг. Синоду удалось наладить регулярный сбор и присылку из епархий исповедных ведомостей по установленной форме (Миронов 1989: 105).

Духовные консистории дополнительно напоминали причтам церквей о необходимости наблюдения за посещением исповеди прихожан, правильном составлении духовных росписей и своевременном «доставлении». Так, в фонде Тобольской духовной консистории хранится указ от 15 апреля 1751 г. (ГБУТО «ГАТ». Ф. 156. Оп. 1. Д. 743. Л. 1а—3) и рапорты духовных лиц о его получении (ГБУТО «ГАТ». Ф. 156. Оп. 1. Д. 743. Л. Л. 6—22).

Священники, принимавшие исповедь у арестованных преступников, должны были составлять о них отдельную исповедную роспись. Сенат приказал священникам 16 августа 1764 г. «показывать» в ведомости о колодниках (арестантах, закованных в колодки), были ли они до ареста на исповеди и где именно (ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XVI. 12227. С. 889—890). Указ Сената от 17 января 1765 г. велел по прошествии каждого поста присылать ведомость об исповеди колодников с обозначением, сколько арестантов исповедовалось в каждый пост, а в месячных ведомостях подтверждать также и их раскаяние. Синод 17 декабря 1774 г. приказал архиереям готовить годовые ведомости заранее, присылать их в Синод не позднее января или февраля (ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XVII. 12312. С. 10—11). В указе от 9 декабря 1780 г. перечислены предписания ранее изданных указов (ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XX. 15096. С. 1022—1023), из чего можно сделать вывод, что они исполнялись недобросовестно.

Синод, заметив в присылаемых от «гражданского начальства» исповедных росписях и ведомостях о наложении епитимии за пропуск исповеди и святого причастия «не мало распространившееся в народе небрежение о Христианской обязанности очищать совесть покаянием и питать верующую душу таинством тела и крови Христовой», указал архиереям 10 февраля 1833 г. следить, чтобы их паства не уклонялась от исполнения христианского долга (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. VIII. Отд. 1. 5971. С. 90—91). Подтверждающий указ 1837 г. предписал после итоговой сводки в каждой ведомости составлять поименную роспись раскольников, проживающих на территории прихода по установленной форме (Бохонский 1998: 4).

Устав духовных консисторий от 27 марта 1841 г. утвердил один экземпляр росписей представлять в консисторию или духовное правление к 1 октября посредством благочинного. Консистории из ведомостей должны были составлять табель по форме и представлять Синоду ежегодно (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XVI. Отд. 1. 14409. С. 223). В 1841 г. из ведомостей исключили неопределенную сословную группу — «разночинцев», а после отмены крепостного права — «дворовых» (Миронов 1989: 105). Согласно уставу духовных консисторий, епархиальное начальство обязано было «прилагать особенное попечение», чтобы миряне ежегодно

исповедовались и причащались святых тайн. Исповедные росписи признавались доказательством бракосочетания в случае возникших сомнений в метрических книгах или если брак в последних не был зафиксирован. При невозможности получения метрического свидетельства, при отсутствии или неточности данных метрических книг, духовные росписи также могли служить доказательством рождения от законного брака. В таких случаях исповедные росписи проверяли, начиная с указанного года рождения до года производства дела. Имея в виду столь важное значение этих актов как в церковном, так и гражданском отношениях, приходские причты должны были вести исповедные росписи «со всей исправностию». Неправильное ведение исповедных росписей, замеченное неоднократно, каралось понижением звания священников до причетников (Чижевский 1881: 69—70).

Упрощенная форма исповедных росписей была утверждена Синодом 15 октября 1846 г. (Бохонский 1998: 4). На основании указа Синода от 24 сентября 1858 г. кроме исповедных росписей в каждом приходе требовалось ежегодно составлять частный реестр всех неисповедавшихся (кроме детей) с указанием количества лет уклонения от исповеди. О тех, кто три года подряд не исполнял христианский долг, было необходимо доносить епархиальному начальству (Чижевский 1881: 69—70).

Причты церквей выдавали свидетельства о принадлежности к православию «предъявителям купеческих капиталов» из метрических или исповедных книг во исполнение указа Николая I за 1854 г. Синод, «желая дать единообразие», утвердил четыре формы свидетельств об исполнении христианского долга указом от 31 декабря 1856 г.: 1) «искони состоящим в православии»; 2) «новоприсоединенным из раскола к православной церкви»; 3) «новоприсоединенным из раскола к единоверческой церкви» и 4) «чужеприходным» (Руководственные для православного духовенства указы... 1879: 495—497).

Священнослужители исповедовались у своего благочинного, который, согласно уставу духовных консисторий, обязан был вести особую исповедную роспись по установленной форме и по окончании года, не позднее января, представлять ее архиерею (ПСЗРИ. Собр. 2. Т. XVI. Отд. 1. 14409. С. 222). Можно сделать вывод, что православное население неохотно исполняло свой хри-

стианский долг, почему многочисленными указами подтверждались обязанность посещения исповеди и святого причастия и своевременное составление и доставка в Синод исповедных росписей.

Форма, установленная в 1737—1742 гг., и степень охвата исповедными росписями различных социальных групп населения, оставались без существенных изменений вплоть до 1917 г. Со временем каждая графа ведомости содержала все более конкретную информацию. Для поддержания церковного учета на должном уровне синодальные чиновники осуществляли постоянное наблюдение за поступлением исповедных ведомостей, контролировали их точность, штрафовали «нерадивых священников». Неослабное внимание Синода к правильному ведению отчетности на местах обеспечило с середины XVIII в. регулярное поступление исповедных росписей из приходов в консистории, а исповедных экстрактов — из консисторий в Синод (Миронов 1989: 104—106).

Главная ответственность за правильность ведения всего церковного «письмоводства» по постановлению главного присутствия по делам православного духовенства, высочайше утвержденному 16 апреля 1869 г., лежала на настоятеле прихода. Поэтому настоятель был обязан требовать от псаломщиков, чтобы исповедные росписи составлялись своевременно по окончании Успенского поста, и в них точно указывались все жители прихода, живущие в нем как постоянно, так и временно, с точным «показанием» возраста, отметками о посещении или пропуске исповеди и причастия и объяснением причины пропуска. Обязанностью благочинного по церковному «письмоводству», согласно данной ему инструкции, был тщательный контроль за тем, чтобы исповедные книги подготавливались заблаговременно, и чтобы для этого при всех церквях к началу году были заготовлены тетради. Благочинным также предписывалось проверять, своевременно ли заполняются исповедные книги, не укрываются ли раскольники, представляются ли священно- и церковнослужителями реестры о не бывших у исповеди и причастия, с «показанием», кто сколько лет не исполняет свой христианский долг и какие были приняты меры убеждения (Чижевский 1881: 3—7).

Проверка исповедных росписей по принятому издавна обычаю, как свидетельствует труд И.Л. Чижевского, почти во всех приходах производилась так: причетники, взяв исповедную рос-

пись за прошлый год, ходили по домам, узнавая у прихожан о родившихся и умерших, и отмечая этих лиц как поступивших и выбывших в приходе, указав причину. Отметка об исполнении христианского долга проставлялась со слов прихожан. Такая проверка была не всегда удобна и верна. По мнению протоиерея И.Л. Чижевского, единственной целью обхода домов прихожан мог быть только сбор сведений о живущих в приходе раскольниках и «чужеприходных» лицах, которые проживают в приходе более года и еще не были на исповеди. Автор предлагал следующий способ ведения духовных росписей: во время исповеди псаломщик должен был сесть за стол в притворе и взять с собой исповедную роспись за прошлый год и тетрадь, скрепленную благочинным или настоятелем прихода; каждому исполнившему исповедь лицу требовалось назвать псаломщику свое звание, фамилию, имя и отчество; если данное лицо постоянно проживало в приходе, псаломщику следовало только поставить в росписи над его фамилией отметку, а если оно временно проживало в приходе, то записать в новую тетрадь (в том числе и возраст). Учет динамики прихожан И.Л. Чижевский призывал вести так: каждую неделю или по окончании месяца (можно и немедленно) всех умерших за это время отметить в росписи крестами, а родившихся приписать карандашом к их родителям, причем такую запись можно вести и в отдельной тетради, вписывая номера умерших и отцов новорожденных. Таким образом, ко времени написания новой росписи проверка уже была бы готова (Чижевский 1881: 74—75). Впрочем, остается неизвестным, какого метода придерживались причты Тобольской епархии.

Важность ведения духовных росписей подтверждает законодательно закрепленная обязанность указывать в одном из учетных документов приходских церквей — клировых ведомостях — сведения о наличии и сохранности этих документов. По указу Синода от 31 марта 1829 г. такие данные показывали в 17-м пункте клировых ведомостей (Чижевский 1881: 14—27).

Исследователи отмечают, что духовные росписи не позволяют представить исповедную практику по истечении Великого поста, а также могут содержать заведомо ложную информацию. В этом случае восполнить пробел помогают алтарные книги — своеобразный годичный календарь-график исповеди, который предна-

значался для внутреннего пользования в церквях, хотя их ежемесячное заполнение контролировалось консисториями (Алексеева 1999: 73). Видимо, именно из-за того, что духовные росписи мало интересовали консистории, они плохо сохранились в архивах.

В государственных архивах Тобольска и Кургана нами обнаружены исповедные росписи за 1787—1920 гг. Плохая сохранность исповедных росписей до конца XVIII в. (как и других церковных документов) объясняется рядом объективных и субъективных причин, например тем, что причты церквей еще только привыкали к новым требованиям содержать в сохранности церковные документы, документы хранились в негодных для этого местах, документация уничтожалась пожарами. Самые ранние исповедные росписи, найденные другими исследователями, датируются и 1718—1729 гг. (Санкт-Петербургская губерния) (Маркова 2005: 21), и 1737 г. (Москва) (Федорец 1989: 255) — временем выхода указа об обязательном ведении и форме этих документов.

Нами изучены духовные росписи 10 церквей Тобольской епархии, 26 дел, включавших исповедные ведомости, которые велись от 1 года до 42 лет.

В каждой церкви причт составлял исповедные ведомости (или росписи), в которых по чинам указывались бывшие и не бывшие на исповеди и у Святого Причастия, а также причины их пропуска. Ведомости поступали в Тобольскую духовную консисторию, что подтверждает «Опись делам о представлении Благочинными и др. лицами разных отчетных сведений». В консистории по приходским ведомостям составляли епархиальные генеральные экстракты о бывших и не бывших на исповеди и у Святого Причастия: указывалось место (город, заказ), количество церквей, дворов, душ обоего пола и далее по чинам и полу количество исповедавшихся и причастившихся, исповедавшихся и не причастившихся, не бывших у исповеди, отдельно показывали новокрещенных и раскольников. Население делили на семь категорий, в таблице поясняли, кто относится к каждой из них: духовные (протопопы, попы, дьяконы, дьячки, пономари), военные (штат обер- и унтер-офицеров и рядовых солдат), приказные (секретари, канцеляристы, подканцеляристы), разночинцы (дворовые дети бывших отставных солдат, служивых ямщиков и прочих раз-

ных служителей), посадские (посадские и цеховые), дворовые (вышеуказанных чинов дворовые люди), поселяне (крестьяне и бобыли). Жены и дети «показывались» по сословию мужа и отца (ГБУТО «ГАТ». Ф. 156. Оп. 1. Д. 2980. Л. 1—7). За экстрактами следовала ведомость о неисповедавшихся с обозначением по городам, уездам и по чинам количества не бывших у исповеди и причины («за нерадением», «за отлучкой») отдельно мужчин и женщин (ГБУТО «ГАТ». Ф. 156. Оп. 1. Д. 2980. Л. 8—10). Из духовной консистории ведомости о неисповедавшихся отправляли в Главный комиссариат вместе с промеморией (сопровождающим документом), о чем сообщается в самой ведомости (ГБУТО «ГАТ». Ф. 156. Оп. 1. Д. 2980. Л. 10 об.—11). Генеральные экстракты отправляли в Синод вместе с «покорнейшим доношением», в котором писали: «По Ее Императорского Величества из Святейшего Правительствующего Синода указом Тобольской духовной Консистории повелено исповедаемых священно- церковнослужителей именных духовных росписей сочинены... во исповеди и святого причастия всякого чина и обоего пола людей... генеральные экстракты верно, в Святейший Правительствующий Синод повсегодно по силе оных Ее Императорского Величества указов, каковы в означенных обстоятельствах эти генеральные экстракты в Тобольской духовной Консистории сочинены, таковы в оригинале при сем покорнейшем доношении и представляются...». На обратной стороне документ подписали члены консистории. В фонде консистории остался черновик доношения, в котором имеются пометки и исправления (ГБУТО «ГАТ». Ф. 156. Оп. 1. Д. 2980. Л. 35).

Духовную роспись, составленную за один год, называли «ряд». Вот пример: «Ведомость, учиненная Тобольской епархии города Сургута Соборной Троицкой церкви священно- церковнослужителями состоящим в приходе разного чина людям на 1797 год». Ведомость содержала две таблицы: духовную роспись и метрическую книгу. В исповедной росписи указывали номер записи, «имена живущего в доме семейства», возраст (отдельно мужчин и женщин), исповедавшихся (отдельно в январскую, майскую и сентябрьскую «треть») и неисповедавшихся. В конце указывалось общее количество домов и людей (раздельно по полу) в приходе, и итоговые данные по таблице. Документ подпи-

сывали все члены причта и пономарь (ГБУТО «ГАТ». Ф. 189. Оп. 1. Д. 1. Л. 5 об.—13 об.). Далее располагалась сводная таблица, составленная согласно установленным правилам, и запись о составлении епархиальной ведомости по данным из приходской росписи: «С означенных духовных росписей именной ведомости о бывших и небывших во исповеди для внесения в генеральные Святейшему Синоду епархиальные в Сургутском духовном правлении табель сочинена» (ГБУТО «ГАТ». Ф. 189. Оп. 1. Д. 1. Л. 14); такие записи вносились и впоследствии. С 1798 г. метрические книги стали составляться отдельно. Сводные таблицы исповедных росписей за 1796—1838 гг. не изменились, всегда соответствовали требованиям, заголовки граф часто не заполнялись. Исповедная роспись за 1806 г. уже имела обложку, на которой сказано: «Ведомость упраздненного города Сургута Соборной Троицкой церкви священно- церковнослужителей на 1806 год». Колонку об исповедавшихся лицах уже не делили на трети года, графа о неисповедавшихся имеется только в начале ведомости. В росписях за 1807—1809 гг. налицо обе графы. С 1810 г. росписи стали составляться в полной мере по установленной в 1737 г. форме, то есть стали учитывать не только исповедавшихся и не исповедавшихся, но и исповедавшихся и не причастившихся. В исповедных росписях отсутствуют подписи членов причта и благочинного (ГБУТО «ГАТ». Ф. 189. Оп. 1. Д. 1. Л. 15—632). Росписи за 1839 г. имели обложку, заполнялись по всем правилам от руки, прихожан делили по сословиям, содержали сводную таблицу; единственный недостаток в том, что нет подписей (ГБУТО «ГАТ». Ф. 189. Оп. 1. Д. 15. Л. 1—25). В ведомости за 1842 г. уже имеются подписи членов причта (ГБУТО «ГАТ». Ф. 189. Оп. 1. Д. 18. Л. 1—29). Росписи за 1843 г. имели обложку, были написаны от руки на обычной бумаге. Вместо записи в графе «Показание действия» указывалось на посещение исповеди в конкретный пост в колонке «Означение постов», которую делили на четыре графы с указанием поста (Василия, Петра, Успенский, Христо-Рождественский); отдельно учитывали не бывших на исповеди. К росписи прилагалась ведомость о лицах православного исповедания, в которой в первой графе приводились названия прихода и церкви, следом «показывали» количество дворов «по четыре души», а затем отдельно по сословиям и полам количество испове-

дававшихся и причастившихся, посетивших только исповедь и не бывших у исповеди с объяснением причины (по малолетству, по отлучкам и другим причинам, «по опущению»). Роспись подписывал священник, ведомость о людях православного исповедания — все члены причта (ГБУТО «ГАТ». Ф. 189. Оп. 1. Д. 21. Л. 1—37). Роспись за 1845 г. имела обложку, реквизит «Наименование вида документа», была составлена от руки с делением прихожан на сословия. Основная графа имела название «Звание, имя, отчество и фамилия», далее следовала колонка «Показание действия исповедавшихся и причастившихся», разделенная на 4 поста, и графа «Неисповедавшиеся по малолетству, отпускам, опущению и другим причинам». Сводная таблица отсутствовала, экстракт был составлен согласно правилам (ГБУТО «ГАТ». Ф. 189. Оп. 1. Д. 28. Л. 1—41). Ведомость за 1846 г. оформлена аналогичным образом (ГБУТО «ГАТ». Ф. 189. Оп. 1. Д. 31. Л. 1—40). В ведомости 1847 г. встречаются как обычные листы, так и печатная форма, имеется обложка. В 1851 г. сводная таблица была напечатана, присутствуют подписи причта и надпись о количестве дворов и верности документа. Ведомости за 1852—1855 гг. написаны от руки, в 1852 г. отсутствуют подписи. В конце росписи за 1853 г. есть запись о проверке документа в духовном правлении: «Один ряд росписей препровождается для хранения в церковный архив. За песца...». Документ 1855 г. имел обложку (ГБУТО «ГАТ». Ф. 189. Оп. 1. Д. 41. Л. 1—235).

Рассмотренные исповедные росписи Булашевской Покровской церкви с. Булашевского Тобольского уезда за 1802—1829 гг. практически не отличались по оформлению, составлялись на один год и содержали 15—25 страниц, в целом соответствовали установленным требованиям, за исключением того, что в сводной таблице (табеля росписей) отсутствовала графа. Некоторые росписи имели обложку (титульный лист), где по центру указывалось название документа, село, церковь, в которой они были заведены, год, на который составлялись, количество душ мужского и женского пола, зарегистрированных в данном году, например, «Духовные росписи Булашевского села Покровской церкви Священно церковно служителей учрежденные ... Тобольского уезда на 1806 годъ». В начале текста приводилось наименование вида документа, например: «Ведомости, учиненные Тобольского подго-

родного Березовского села о жительствовавших в оном приходе разного звания людей на 1802й годъ». Исповедные росписи за 1802—1829 гг. представляли собой две таблицы — основную и итоговую. Основная таблица содержала следующие графы: номер («число») домов; номер («число») по порядку (отдельно мужчин и женщин); перечисление членов семей с надписью «духовные»; количество лет (отдельно мужчин и женщин); «показание действия» в три графы — кто был у исповеди и святого причастия, кто исповедовался, «которые у исповеди не были». За основной таблицей располагалась итоговая, с названием «итого в ... приходе», однако не за каждый год. Таблица содержала сведения по чинам («нижеписанных чинов»): духовных («попов, диаконов, пономарей, их жен и детей»); разночинных («отставных солдат, ямщиков, их жен и детей»); военных («солдат, их жен и детей»); поселян (отдельно «мещан, их жен и детей», «крестьян, их жен и детей», всего). Указывалось количество исповедавшихся и причастившихся, только исповедавшихся и неисповедавшихся (отдельно мужчин и женщин), а также общее количество мужчин и женщин. Подписывали исповедные росписи священник, диакон («дьячек») и пономарь (в конце документа). В росписи за 1820 г. до подписи указано «Съ сих росписей точная копия в хранение при церковном Архивъ оставлена». С 1822 г. в рассмотренных архивных росписях до подписи добавляется «В чем свидетельствую...» (ГБУТО «ГАТ». Ф. 130. Оп.1. Д. 6. Л. 1—653).

Духовные росписи Николаевской церкви Усть-Суерской слободы Курганского уезда, относящиеся к 1803—1804 гг., написаны от руки на листах простой бумаги по установленной форме. На первом листе книги указано, что она велась 30 лет, однако сохранились сведения только за 2 года (ГКУ «ГАКО». Ф. 13. Оп. 1. Д. 2. Л. 1—27). Исповедные росписи за 1852—1857 гг. имели обложку с указанием на наименование вида документа — «Духовная роспись» — и заголовком к тексту, например, «Курганского округа, Усть Суерской слободы, Николаевской церкви за 1853 год». Росписи оформлены аналогично предыдущим ведомостям, за исключением того, что в верхней части первой страницы годовой росписи указано наименование вида документа — «Ведомость» или «Роспись» (верная формулировка), и заголовок к тексту, например: «Учиненная Священно- церковнослужителями

Курганского Ведомства Усть Суерской Слободы Никольской Церкви, обретающихся при оной Церкви в приходе нижеявленном людям со изъявлением против каждого имени о бытии их в святую четыредесятницу у исповеди и святого причастия были и кто не были, кто исповедались только и не причастились за 1853 й Год». В данной книге заголовок к тексту имеет незначительное отступление от формы: две части предложения поменяли местами. На первом листе книги указано, что она была проверена в духовном правлении и возвращена в церковь для хранения, проставлена дата и подписи протоиерея и столоначальника. За сводной таблицей следовало свидетельство причта о верности росписи, например: «Сверх вышеизложенного в том нашем приходе Николаевском приписных ничьих домов не числится и в означенных домах этих жителей и приписных никакого чина и возраста людей под укрывательством не обнаружится, которые в сей росписи показаны исповедавшимися и святых таинств причастившимися, то все подлинно исповедовались и святых тайн причастились. А которые показаны неисповедавшимися и святых тайн непричастившимися, то точно они неисповедались и святых тайн непричастились, и будет же из оного нашего показания по какому-либо доносу явится хоть мало что ложного мы подвергнем себя строжайшей ответственности, в том и подписуемся». Роспись заверена подписями членов причта (священник, дьякон, дьячек) и благочинного пономаря. Последний, сверив приходской и консисторский варианты ведомостей, в конце документа (реже на титульном листе), например, писал: «В 17 е число Сентября исповедные Духовные Росписи были поверяемы, и все три ряда, по поверке оказались между собой согласны и правильны, в чем и свидетельствую: в должности Благочинного Село Николаевской Священник Григорий ...» (ГКУ «ГАКО». Ф. 13. Оп. 1. Д. 54. Л. 1—318).

Исповедные ведомости за 1879—1884 гг. Усть-Суерской Николаевской церкви Курганского уезда имели обложку, на которой указывались наименование вида документа, название церкви и год; все данные вносились от руки. Росписи составлены согласно установленной форме, на обычной бумаге от руки и на гербовой бумаге на типографской форме (ГКУ «ГАКО». Ф. 13. Оп. 1. Д. 88. Л. 1—312). Надпись благочинного встречается в конце или на

обложке; запись после сводной таблицы тоже есть. Трафарет духовных росписей за 1901—1909 гг. соответствует установленной форме, напечатан на гербовой бумаге, однако периодически встречаются и простые листы бумаги с составленными от руки росписями. В верхней части типографской формы указывалось наименование вида документа «ВЕДОМОСТЬ», оставлялось место для названия церкви, ее местонахождения и года, после печатался заголовок к тексту по установленной форме: «обретающимся при оной церкви в приходе нижеявленном чинов людям, со изъявлением против каждого имени о бытии их в святую четьредесятницу у исповеди и святых таин причастия, и кто ж исповедался только, а не причастился, и кто не исповедался». В сентябре каждого года после проверки духовной росписи благочинный оставлял свое заключение и дату в верхнем правом углу первого листа, и заверял своей подписью; слева от надписи указывался номер, например: «Настоящий ряд духовных росписей по проверке с подлинным, предназначенным в Консисторию, возвращается причту Усть Суерской церкви для хранения в архиве» (ГКУ «ГАКО». Ф. 13. Оп. 1. Д. 117. Л. 1—762). Сводные таблицы духовных росписей за 1901—1909 гг. составлены на типографской форме, согласно правилам. Под таблицей следовало указывать общее количество дворов и помещать заверяющую надпись, подписываться были должны все членам причта (священник и псаломщики), например: «При означенной церкви считается дворов 557 и 1 душа. В составленной, село Усть Суерским причтом, сей ведомости лица обоего пола, означенные у исповеди Святого Причастия, действительно были, а лица помеченные не бывшими подлинно не были, лиц же под укрывательством вне записи в Усть Суерском приходе не находится, что и удостоверяем своим подписом» (ГКУ «ГАКО». Ф. 13. Оп. 1. Д. 117. Л. 754).

Духовная роспись Обдорской Васильевской церкви с Обдорского Березовского уезда за 1813 г. написана от руки по форме, отсутствуют заглавия граф, сводная таблица и подписи. В роспись за 1815 г. уже стали включать заголовки, но потом опять решили пропустить эти сведения. Отсутствует реквизит «Наименование вида документа», указан только год. В ведомости отсутствуют данные о не бывших у исповеди, даже глава об исповедавшихся и не причастившихся практически не заполнялась

(ГБУТО «ГАТ». Ф. 699. Оп. 1. Д. 12. Л. 1—22). Правильность росписей проверял повытчик и писал об этом на обороте последнего листа: «Смотрены: Повытчик Александр Лукин». В росписи 1816 г. присутствует сводная таблица, подписанная членами причта. С 1820 г. прихожан стали делить по сословиям, начали указывать название документа (ГБУТО «ГАТ». Ф. 699. Оп. 1. Д. 14. Л. 1—97). В ведомостях за 1836—1850 гг. опять же отсутствует реквизит «Наименование вида документа». Относительно 1836 г. есть заголовки колонок, сводная таблица и подписи. Роспись была проверена в духовном правлении, о чем на обороте последнего листа сделана запись: «Росписи и метрики свидетельствованы в Канцелярии Духовного Правления, которые оказались по свидетельству исправны ... 7 го февраля. Столоначальник Губернский Секретарь В. Попов». С этого года в трех последних графах росписей, там, где не было записи, ставили прочерк. Росписи за 1837—1844 г. аналогичны ведомости за 1836 г. В росписи за 1845 г. есть графы об исповедавшихся и причастившихся, и только об исповедавшихся поделены еще на 4 колонки с названием постов: Великий, Петровский, Успенский, Христо-Рождественский. Начиная с 1846 г. для записи ведомостей стали использовать печатную форму, однако название документа не указывали, сводную таблицу составляли от руки. Ведомость за 1849 г. составлена от руки (ГБУТО «ГАТ». Ф. 699. Оп. 1. Д. 17. Л. 1—154). Ведомости за 1852—1853 гг. составлены от руки по форме, нет реквизита «Название вида документа» и сводной таблицы, экстракт оформлен по правилам. Для росписи за 1854 г. уже использовали печатную форму на обычной бумаге, сводная таблица и экстракт отсутствуют. Документ 1855 г. снова составлен от руки, нет сводной таблицы и экстракта (ГБУТО «ГАТ». Ф. 699. Оп. 1. Д. 18. Л. 1—96).

Исповедные росписи Спасской церкви с. Ишимского одноименного уезда 1822 г. имеют обложку, написаны от руки по установленной форме. За сводной таблицей следуют подписи благочинного священника и пономаря (ГБУТО «ГАТ». Ф. 156. Оп. 9. Д. 1356. Л. 1—33).

Духовная роспись Обдорской Петро-Павловской церкви с. Обдорского Обдорской волости Березовского уезда за 1824 г. имела обложку, оформлена по форме, от руки, название документа не

указано, в сводной таблице отсутствуют заголовки граф. Под сводной таблицей расположены подписи членов причта: «священник Николай Карпов руку приложил». На обороте последнего листа указано, что документ был проверен в духовном правлении (ГБУТО «ГАТ». Ф. 704. Оп. 1. Д. 3. Л. 1—14). Исповедная роспись за 1851 г. написана от руки по правилам, с реквизитом «наименование вида документа», на обороте последнего листа присутствует надпись духовного правления о проверке документа, сводная таблица отсутствует, экстракт составлен, подписи есть. В росписи за 1852 г. отсутствуют и сводная таблица, и экстракт (ГБУТО «ГАТ». Ф. 704. Оп. 1. Д. 54. Л. 1—37). Ведомость 1857 г. составлена также от руки, есть сводная таблица и подписи (ГБУТО «ГАТ». Ф. 704. Оп. 1. Д. 66. Л. 1—13). В ведомости за 1867 г. на обороте последнего листа имеется надпись духовного правления с подписями члена правления и исполняющего должность столоначальника и запись: «Обдорскому причту». Сводная таблица имеется, под ней по форме (что редко исполнялось) указано: «раскольников нет» (ГБУТО «ГАТ». Ф. 704. Оп. 1. Д. 81. Л. 1—5). Ведомости с 1880 г. уже заполнялись в таблице, напечатанной на гербовой бумаге. На обороте последнего листа надпись о верности документа уже писал благочинный. После сводной таблицы отсутствует запись священника о достоверности росписи (ГБУТО «ГАТ». Ф. 704. Оп. 1. Д. 99. Л. 1—9). Аналогичная роспись за 1884 г. имеет обложку (ГБУТО «ГАТ». Ф. 704. Оп. 1. Д. 105. Л. 1—7). Ведомости за 1886 (ГБУТО «ГАТ». Ф. 704. Оп. 1. Д. 106. Л. 1—21) и 1910 (ГБУТО «ГАТ». Ф. 704. Оп. 1. Д. 156. Л. 1—19) гг. оформлены так же, но сохранились не в полном объеме.

Исповедная ведомость Ваховской Богоявленской церкви с. Ваховского Сургутского уезда за 1861 г. содержала реквизит «Наименование вида документа», составлялась и на обычной бумаге, и на листах с напечатанной таблицей. На обороте последнего листа встречаем запись: «Сия роспись в березовском духовном правлении в правильности поверена и ... обращается из одного ... причту для хранения в их церковном архиве. Декабря 21 д. 1861 г.», подписана членом правления и писцом. Росписи последующих лет составлялись периодически на напечатанной форме (рис. 3), сводная таблица (рис. 4) часто отсутствовала. Надпись о количестве дворов и верности документа священники стали де-

лать не сразу, даже после появления на форме строчки «При означенной церкви считается дворов» (в 1870 г.). Гербовую бумагу стали использовать (не с первого листа и не весь документ) с 1876 г., а с 1880 г. ведомости уже целиком заполнены на гербовой бумаге (рис. 5) (ГБУТО «ГАТ». Ф. 493. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—539).

Вѣдомость *Учиненная Пономикомъ Александромъ Березовскимъ въ Священства Сургутскаго уезда с. Ваховской Богоявленской церкви (въ священство церковнослужителей).*
 обрѣтающимся при оной церкви въ приходѣ нижеявленныхъ чиновъ людямъ, со изъявленіемъ
 противъ коегождо имени о бытіи ихъ въ Святую Четырдесятницу у Исповѣданъ и Святыхъ
 Таинъ причастія, и ктожъ исповѣдался токмо, а не причастился, и ктожъ не исповѣдался, 1864.

Число		Люд. и.	Лѣта отъ рожденія.		Показанія дѣйства.		
Мужеска пола.	Женска пола.		Мужеска пола.	Женска пола.	Кто были у Исповѣданъ и Святаго При- частія.	Ктожъ исповѣ- дался токмо, а не причасті- лся, и за ка- кимъ виносло- віемъ.	Которые у Исто- вѣдъ не были.
1.	1.	Свѣдѣнныя Иванъ Ко- лѣсовъ Березовск.	44.	"	Иванъ Ко- лѣсовъ		
"	1.	Иванъ Колѣсовъ, дѣла свѣдѣнныя	"	42.			
"	2.	Иванъ	3.	"	"	"	ниша
"	2.	Николай	"	11	Иванъ Ко- лѣсовъ		
"	3.	Николай	"	8.			
"	4.	Иванъ Ко- лѣсовъ	"	5.	"		

Рис. 3. Первая страница исповедной росписи Ваховской Богоявленской церкви с. Ваховского Сургутского уезда за 1864 г. (Государственное казенное учреждение «Государственный архив Курганской области». Ф. 493. Оп. 1. Д. 1. Л. 69)

246

255

Всего при вышеозначенной церкви жителей Православного исповѣданія.	Число лицъ, не бывшихъ у исповѣдїи.												Итого.	
	Исповѣдавшихся и причастившихся.		Исповѣдавшихся, но не причастившихся.		По малодѣтельству.		По отлучкамъ и другимъ препятствїямъ.		По отсутствїю.		По оупрежденїю.			
	Муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	муж.	жен.	Обоимъ половъ.	
Духовнаго вѣдомства	4	8.	..	..	1	2.	..	..	..	..	5	10.	15.	
Военныхъ	..	..	..	..	..	..	..	..	..	..	..	..	..	
Статскихъ	..	..	..	..	..	..	..	..	..	..	..	..	..	
Купцовъ, мѣщанъ, цеховыхъ и прочихъ городскихъ обывателей . . .	..	..	..	..	..	..	..	..	..	..	..	..	..	
Дворовыхъ <i>Акимовъ 20.</i>	324.	321.	29.	29.	62.	64.	..	..	101.	74.	519.	491.	1010.	
Крестьянъ	13.	23.	..	..	2	2.	1.	..	..	..	16.	25.	41.	
Итого	344.	352.	29.	29.	65.	71.	1.	..	101.	74.	540.	526.	1066.	
Сверхъ того раскольниковъ													..	
Всего													540. 526. 1066.	

При означенной церкви считается дворовъ

155.

Рис. 4. Сводная таблица духовной росписи Ваховской Богоявленской церкви с. Ваховского Сургутского уезда за 1880 г. (Государственное казенное учреждение «Государственный архив Курганской области». Ф. 493. Оп. 1. Д. 1. Л. 255)

694
498

ВѢДОМОСТЬ *Учрежденная Высочайшимъ Императорскимъ Высочайшимъ Сургутскимъ Уезднымъ Свѣтлымъ Соборомъ, Высочайшею Царскою Высочайшею повелѣніемъ.*

собрѣтшіимся при Своей церкви въ приходѣ нижеподписанныхъ чиниковъ мѣлахи, со изъясненіемъ, противъ когѣмъ имѣни и бытіи ихъ въ святыхъ Четырехдесятницъ и въ Исповѣданіи и Святыхъ Чинихъ причастія, и ктоже исповѣдался токмо, и не причастился, и ктоже не исповѣдался.

Число			Адресъ въ рожденіи.	Показанія дѣйств.		
Адресъ въ дѣлѣ.	Адресъ въ дѣлѣ.	Адресъ въ дѣлѣ.		Кто былъ и исповѣданъ и причастился въ святыхъ чинихъ.	Ктоже исповѣданъ токмо, и не причастился, и за какою виною.	Ктоже не исповѣданъ и не причастился.
		1890 г. 20				
1	1	Родился въ Сургутскомъ уездѣ, въ селѣ Родилово, въ 1850 г.	40			
		Мужчина, въ дѣлѣ, въ 1850 г.	40			
		Родился въ Сургутскомъ уездѣ, въ селѣ Родилово, въ 1850 г.	40			
		Мужчина, въ дѣлѣ, въ 1850 г.	40			
		Родился въ Сургутскомъ уездѣ, въ селѣ Родилово, въ 1850 г.	40			
		Мужчина, въ дѣлѣ, въ 1850 г.	40			
		Родился въ Сургутскомъ уездѣ, въ селѣ Родилово, въ 1850 г.	40			
		Мужчина, въ дѣлѣ, въ 1850 г.	40			

Рис. 5. Первая страница исповедной росписи Ваховской Богоявленской церкви с. Ваховского Сургутского уезда за 1873 г. (Государственное казенное учреждение «Государственный архив Курганской области». Ф. 493. Оп. 1. Д. 1. Л. 398)

Духовные росписи Белогорской Свято-Троицкой церкви Березовского округа за 1867—1901 гг. (ГБУТО «ГАТ». Ф. 653. Оп. 1. Д. 10. Л. 1—405) составлены по установленной форме, с 1870 г. на гербовой бумаге, имеют обложку. Под сводной таблицей — определение общего количества дворов, подписи причта. На обратной стороне последнего листа документа написано: «Белогорскому причту. Белогорское Духовное Правление возвращает Вам сию копию исповедных росписей, обревизованную оным правлением, для хранения в церковном архиве. Ноября 31 дня 1867 года». Слева от записи расположен номер, под ней подписи члена правления и столоначальника (ГБУТО «ГАТ». Ф. 653. Оп. 1. Д. 10. Л. 17 об.). Под сводной таблицей читаем: «Оба ряда росписей ведены исправно. Благочинный иерей Василий Чемсов» (ГБУТО «ГАТ». Ф. 653. Оп. 1. Д. 10. Л. 31).

Исповедные росписи Мужевской Михаило-Архангельской церкви с. Мужы Куноватской волости Березовского уезда за 1883—1890 гг. (ГБУТО «ГАТ». Ф. 700. Оп. 1. Д. 10. Л. 283) имеют стандартную обложку и составлены на гербовой бумаге. Вначале записаны прихожане, посетившие исповедь и прошедшие причастие, а после те, кто был только на исповеди; в этой графе записывалась причина пропуска причастия — «по нерадению». В конце таблицы указано общее количество дворов, имеется запись священника о верности данных, его подпись. Вслед за сводной таблицей еще раз обозначено количество дворов и проставлены подписи членов причта. На обороте последнего листа росписи либо после сводной таблицы содержатся записи благочинного о возвращении документа для хранения в архиве, номер и подпись (ГБУТО «ГАТ». Ф. 700. Оп. 1. Д. 10. Л. 1—39 об.). Ведомости за 1905—1908 гг. оформлены на гербовой бумаге по форме, но без сводной таблицы, в росписи 1906 г. отсутствует реквизит «наименование вида документа», т.е. для первого листа документа не использовали специальный лист с трафаретом названия. В документе 1908 г. есть обложка (ГБУТО «ГАТ». Ф. 700. Оп. 1. Д. 33. Л. 1—42; Д. 34. Л. 1—87). В росписи за 1911 г. соблюдены все правила, однако нет записи священника о верности документа. В росписи за 1912 г. отсутствует сводная таблица, ведомости 1913—1914 гг. имеют обложку и сводную таблицу (ГБУТО «ГАТ». Ф. 700. Оп. 1. Д. 37. Л. 1—169).

На титульном листе исповедных ведомостей Тобольской Богоявленской (Богородской) церкви г. Тобольска за 1886—1918 гг. указано наименование вида документа «Книга», ниже заголовка к тексту: «данная на основании Указа Тобольской Духовной Консistorии, от 21 го Марта 1877 года за № 2852, Благочинным Тобольских градских церквей Причту Градо-Тобольской Богоявленской церкви для записывания в оную, начиная с 1 го Сентября, в последовательном порядке, исповедавшихся и причастившихся, или только исповедавшихся как во время паств и в другое время по желанию и другим причинам, так и при болезнях с тем, чтобы на основании записи этой книги, делаемы были за год, с 1 Сентября одного года, по 1 е Сентября другого, отметки бытия на исповеди и у Св. Причастия Прихожан в приходских исповедных ведомостях и на основании сих-же записей выдаваемы были ис-

поведавшимся и причастившимся свидетельства или сведения о бытии их у исповеди и св. Причастия, если они того будут просить». Таблица содержала семь граф, отличающихся от установленной формы: месяц и число; номера по порядку (отдельно мужчин и женщин); звание, должность или чин, имя, отчество и фамилия; «года от рождения мужеска пола»; «года от рождения женска пола»; «жительствоует в своем доме или на квартире». Ведомость в конце каждого года подписывали причт церкви (священник и псаломщик) и благочинный (ГБУТО «ГАТ». Ф. 78. Оп. 1. Д. 60. Л. 1).

К духовным росписям прилагались ведомости «о прибывших и убывших» лиц среди православного населения прихода за год. В верхней части документа указывалось наименование вида документа — «Ведомость», ниже располагался заголовок к тексту: «составленная священно- и церковнослужителями села Усть-Суерской Николаевской церкви, Курганского уезда, Тобольской Епархии о прибывших и убывших за время с 1 го Июля 1908 года по 1 ое Июля 1909 года». Ведомость содержала следующие сведения: «в 1908 м году состояло на лицо», в течение года прибыло (отдельно через рождение, через браки и «не числившиеся в исповедных росписях»), в течение года убыло (по причине смерти, выхода замуж), «в 1909 м году состоит налицо»; причем все графы делились по полу. Под ведомостью ставили подписи все члены причта (ГКУ «ГАКО». Ф. 13. Оп. 1. Д. 117. Л. 754 об.). Отдельно составлялись и списки по всем случаям изменения количества людей. Данные вносились отдельно по каждому населенному месту, после чего расписывались члены причта. Данные списки состояли из пяти граф: номера по порядку (отдельно мужчин и женщин); графа, содержащая причину динамики; номера росписи за год (раздельно по полу). Такие ведомости подписывали все священно- и церковнослужители церкви и благочинный. Когда книга была полностью исписана, благочинный на последней странице проставлял количество листов и заверял надпись своей подписью (ГКУ «ГАКО». Ф. 13. Оп. 1. Д. 117. Л. 755—759).

Такие реестры велись и в других церквях и могли иметь незначительные отличия в заглавиях граф, например, в «реестре прибылых и убылых душ мужского и женского пола Белогорской Троицкой церкви священно- церковнослужителей за 1883 год»

содержатся следующие сведения: «в минувшем 1882 году было наличным душ к 1883 году», «к тому в 1883 году прибыли через рождение», «чрез браки из других приходов», «итого», «из сего числа выбыло чрез смерть», «чрез браки в другие приходы», «итого», «затем состоит на лицо к 1883 году», «общее», т.е. дополнительно вносилось общее количество прибывших и выбывших. Реестр подписал исполняющий должность псаломщика (ГБУТО «ГАТ». Ф. 653. Оп. 1. Д. 10. Л. 297).

При обнаружении ошибок в исповедных ведомостях вопрос рассматривала Тобольская духовная консистория, о чем свидетельствует, к примеру, «дело о не написании священником Тимофеем Удинцовым прихожан своих семи душ в духовные росписи 1752 г.» (ГБУТО «ГАТ». Ф. 156. Оп. 1. Д. 1221. Л. 1—12). Чтобы избежать штрафа, присутствующие духовного правления писали доношение преосвященному архиерею. С протопопа, допустившего ошибку, консистория взимала штраф, о чем свидетельствует «дело по доношению архимандрита Александра Енисейского Спасского монастыря о священнослужителях Енисейского заказа, не сдавших вовремя духовные росписи и троечастные метрики» 1770 г. (ГБУТО «ГАТ». Ф. 156. Оп. 2. Д. 2360. Л. 4) и «доношение архимандрита Исаака Невьянского Богоявленского монастыря о священниках Богородской церкви Невьянской слободы не приславших духовные росписи» 1769 г. (ГБУТО «ГАТ». Ф. 156. Оп. 2. Д. 2111. Л. 1).

Таким образом, исповедные росписи в приходских церквях Тобольской епархии составлялись согласно установленным правилам. Итоговая запись о количестве дворов и верности сообщаемых сведений ставилась обычно после сводной таблицы, но могла помещаться и до нее. Надпись благочинного о проверке росписи и возвращении в церковь на хранение в архиве проставлялась в различных частях документа.

В духовных росписях, составленных от руки, почти всегда отсутствовала запись священника после сводной таблицы о количестве дворов и достоверности документа. Такая таблица часто отсутствовала, экстракт имеется в небольшом числе исповедных ведомостей. Духовные росписи проверялись в духовных правлениях, а с появлением должности благочинного — благочинными,

после чего делалась запись на обороте последнего листа, содержащая также номер и подпись, иногда дату и адресата.

При сравнении исповедных росписей Тобольской епархии с результатами изучения этих документов церквей г. Барнаула выяснилось, что тобольские причты старались вести указанные документы по установленным правилам, а барнаульские священники, помимо этого, делали названные акты более подробными, чем требовали церковные власти: выделяли в духовных ведомостях значительное большее число групп (денщики, богадельщицы и др.), а в экстракте объединяли их в уже обозначенные «сословия» (Сарафанов 2006: 15).

Исповедные книги признавались современниками очень важными актами как в церковном, так и в гражданском отношении. От причтов церквей требовали вести их правильно и своевременно, а благочинные и настоятели церквей были обязаны следить за этим. Духовные росписи являются ценным историческим источником, свидетельствующим о динамике религиозности населения отдельных приходов, отражающим масштабы демографических процессов. Данные массовые источники, содержащие сведения о родившихся, сочетавшихся браком и умерших, могут быть использованы в демографических, территориально-географических, социальных и генеалогических исследованиях, при определении социокультурного облика отдельных населенных пунктов и степени их социальной однородности.

Литература

Алексеева Н.В. 1999. Церковные делопроизводственные документы как источник по изучению практики покаяния у крестьян Русского Севера в XVIII—XIX вв. // Проблемы археографии и источниковедения отечественной истории. Вологда: Русь, 71—76.

Антонов Д.Н., Антонова И.А. 2006. Метрические книги России XVIII — начала XX в. Москва: Российский государственный гуманитарный университет.

Бохонский Д.О. 1998. Источники по истории Олонецкой епархии // Исследования молодых ученых по отечественной истории. Тамбов: Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, 3—6.

Варламова Н.А. 1989. Исповедальные ведомости 1737 г. как источник по истории населения Петербурга // Вспомогательные исторические дисциплины (далее — ВИД) 20. Ленинград: Наука, 187—196.

Высочайше утвержденный Устав духовных консисторий // Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). Собр. 2. Т. XVI. Отд. 1. 14409. 221—263.

Гончаров Ю.М. 1994. Исповедные росписи как массовый источник по истории купеческой семьи на Алтае в конце XIX — начале XX в. // Кирюшин Ю.Ф. (отв. ред.). Палеодемография и миграционные процессы в Западной Сибири в древности и средневековье: Тезисы докладов конференции. Барнаул: Изд-во АГУ, 185—187.

Государственное бюджетное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее — ГБУТО «ГАТ»).

Государственное казенное учреждение «Государственный архив Курганской области» (далее — ГКУ «ГАКО»).

Знаменский П.В. История Русской Церкви. URL: iliya-monastery.org/books/1148038578.Znamensky.pdf (дата обращения: 29.01.2016).

Маркова М.А. 2005. Первичные документы по учету населения Санкт-Петербургской губернии в XVIII — первой половине XIX вв. как исторический источник: Метрические книги, исповедные росписи, ревизские сказки: Дис. ... канд. ист. наук. Санкт-Петербург.

Миронов Б.Н. Исповедные ведомости — источник о численности и социальной структуре православного населения России XVIII — первой половины XIX в. // ВИД 20, 102—117.

Руководственные для православного духовенства указы Святейшего Правительствующего Синода. 1721—1878 гг. 1879 / Изд. В.А. Маврицкого. Москва: Типография М.Н. Лаврова и К.

Русак В.С. 2002. История Российской Церкви. 2-е изд., испр. и доп. Интернет-версия под общей редакцией Его Преосвященства Александра (Миланта), Епископа Буэнос-Айресского и Южно-Американского. URL: www.textfighter.org/teology/History_Church/rusak/v_1744_godu_sinod_otmenil_zap_reschenie_svyaschennikam_hodit_v_doma_prihojan_dlya_soversheniya_molebnov.php (дата обращения: 7.03.2014).

Сарафанов Д.Е. 2006. Материалы церковно-приходского учета населения как источник для изучения численности и демографического развития населения Барнаула в XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Барнаул.

Судник Т.В. 2006. Исповедные росписи как исторический источник // Россия и мир: история и современность: Тезисы VIII межвузовской конференции студентов и молодых ученых. Сургут: РИОСурГПУ, 100—102.

Твердюкова Е.Д. 2001. Источники по учету населения Новгородской губернии XIX — начала XX вв. // Историография и источниковедение отечественной истории. Санкт-Петербург: СПбГУ, 221—231.

Указ Анны Иоанновны, данный Синоду «О понуждении подданных греко-русского исповедания, чтобы ежегодно исповедовались и приобщались Святых тайн» // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XI. 8204. 219—220.

Указ Екатерины I, объявленный из Сената «О не взыскании, впредь до указа, с поселян штрафных денег за не хождение на исповедь» // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VII. 4648. 415.

Указ Петра I, объявленный графом Мусиным-Пушкиным «О даче священникам трехмесячного срока для представления сказок, по сущей справедливости, о бывших на исповеди, неисповедавшихся и о раскольниках, под опасением за утайку подвергнутся лишению духовного чина и наказанию по суду гражданскому» // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. V. 3183. 554—555.

Указ Петра I, объявленный графом Мусиным-Пушкиным «О хождении разночинцам посадским и поселянам в воскресные дни и господские праздники в церковь, о исповеди повсегодно, о подаче священникам ведомостей о неисповедавшихся, и о взыскании с таковых штрафов; о не торговании в воскресные дни и господские праздники никакими товарами, и о выборе во всякие должности таких, которые ежегодно исповедываются» // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. V. 3169. 544—545.

Указ Петра I, объявленный из Сената «О хождении на исповедь повсегодно, о штрафе за неисполнение этого правила, и о положении на раскольников двойного оклада» // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. V. 2991. 166.

Указ Сената «О ведомостях штрафным деньгам за небытие у исповеди и за распространение раскола» // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VII. 4984. 712—713.

Указ Сената «О штрафах, положенных с уклоняющихся от исповеди и Святого причастия и об обязанностях в этом отношении духовных и светских начальств» с приложением форм исповедных ведомостей // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. X. № 7226. 114.

Указ Сената «Об определении ученых священников для увещевания преступников и о назначении в ведомостях, посылаемых в экспедицию о колодниках, были ли колодники до поимки на исповеди и где именно» // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XVI. 12227. 889—890.

Указ Сената «Об увещевании и исповедовании колодников и об означении в присылаемых ведомостях, сколько в которой пост исповедовало» // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XVII. 12312. 10—11.

Указ Сената и Синода «О показании Священникам в книгах о исповедавшихся и не явившихся на исповедь прихожан, о штрафах за небытие на исповеди о наблюдении священникам, чтобы прихожане их ходили в церковь по праздничным дням, о не совершении таинств раскольническим учителям и о нераспространении раскольникам их лжеучения» // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI. 4052. 737—742.

Указ Синода «О не пресылании в Святейший Синод из епархий и из прочих подчиненных Синоду мест поименных ведомостей об исповедавшихся и неисповедавшихся» // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XI. 8553. 601.

Указ Синода «О присылке ведомостей из духовных Правлений в губернские и провинциальные канцелярии о неисповедавшихся» // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XIV. 10338. 276.

Указ Синода «О присылке ведомостей о не бывших на исповеди и о раскольниках, и о штрафных деньгах в Святейший Синод» // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VI. 3914. 513—514.

Указ Синода «О присылке об исповедавшихся и неисповедавшихся ведомостей в переплет» // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. X. 7665. 628.

Указ Синода «О подтверждении епархиальным начальствам, употреблять неослабное попечение, дабы никто из христиан не уклонялся от исповеди и Св. Причастия» // ПСЗРИ. Собр. 2. Т. VIII. Отд. 1. 5971. 90—91.

Указ Синода «О сборе штрафных денег за небытие на исповеди и у Святого причастия и об увещании со стороны Духовного начальства, чтобы миряне исполняли эту Христианскую обязанность» // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. VIII. 5496. 245.

Указ Синода «Об отсылке ведомостей о не бывших на исповеди из Консисторий в светские присутственные места для взыскания штрафа» // ПСЗРИ. Собр. 1. Т. XX. 15096. 1022—1023.

Федорец А.И. 2014. Исповедные ведомости как исторический источник по социальному составу и расселению дворовладельцев города Москвы в 40-х — 80-х гг. XVIII в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Москва.

Чижевский И.Л. 1881. Церковное письмоводство: Собр. правил, постановлений и форм к правильному ведению одного / Сост. на основании законов и указов св. правительствующего Синода. 2-е изд., испр. и доп. Харьков: Типо-Литография Окружного Штаба.

Глава 6

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИНСПЕКЦИОННЫХ ПОЕЗДОК ЕПАРХИАЛЬНЫХ АРХИЕРЕЕВ НА ТОБОЛЬСКИЙ СЕВЕР В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Со времен своего возникновения, в том числе и в синодальный период истории Русской Православной церкви, одной из ключевых фигур в организации и руководстве приходской жизни являлся епархиальный архиерей. По законодательству (церковному и государственному) в его компетенцию входило не только наблюдение за «сохранением чистоты нравов и доброго порядка» в епископском округе, за своевременным замещением в ней вакантных должностей (рукоположение, поставление в низшие должности клира, смещение духовных лиц) (Сборник действующих... 1885: 103), но и надзор за всеми важнейшими вопросами, касающимися существования прихода: утверждение места строительства храма, соответствующих финансовых документов, надзор за правильным ведением богослужения и обрядности.

Как отмечал П.В. Знаменский, «полномочия епархиальной власти, по закону Петра I, должны были простираться на все церковные учреждения и на всех людей, находящихся в епархии, без исключения» (Знаменский 2009: 822). Преосвященный осуществлял свои властные функции через органы епархиального управления — духовную консисторию, духовные правления, благочиния. От последних поступали рапорты, доношения, полугодовые отчеты, «именные» о состоянии каждого прихода ведомости, что позволяло составить представление о религиозной жизни прихода, соблюдении духовенством своих обязанностей, о содержании и строительстве церквей, ведении документации и т.д.

Однако, без сомнения, наиболее достоверную информацию такого рода можно было получить только в ходе поездок архиерея (или викария) и его свиты непосредственно по епархии с целью личного ознакомления с положением дел на местах. Ревизия духовных правлений, монастырей и приходов считалась важнейшей в числе «непременных» служебных забот архиереев. Эту

форму контроля и Св. Синод, и некоторые архиереи признавали едва ли не одной из главных (Смолич 1996: 307).

В отечественной историографии роль сибирских преосвященных в организации церковного управления затрагивалась в ряде обобщающих трудов по истории Русской Православной церкви (Смолич 1996: 263—316; Дулов, Санников 2006: 17—22; Малашин 2011). Однако специальных исследований, в которых раскрываются методы и механизмы епархиального управления, особенности взаимодействия архипастырей и паствы, проведено сравнительно немного. Характеристика инспекционных поездок архиереев как одной из форм епархиального управления содержится преимущественно в дореволюционной историографии.

Данная тема на примере Тобольской епархии была впервые затронута в биографических очерках Николая Алексеевича Абрамова (Абрамов 1998: 297—316; 1869: 103—115). Основоположник исторического краеведения в Западной Сибири не только обобщал и излагал доступный ему документальный материал, но и был непосредственным свидетелем и участником встречи архиепископа Георгия (Ящуржинского) в Березове в 1846 и 1848 гг. (Абрамов 1998), поэтому он имел возможность поделиться личными впечатлениями о поездке преосвященного на Тобольский Север.

В аналогичном жанре биографического жизнеописания писал и замечательный сибирский историк, богослов Александр Иванович Сулоцкий. Его очерки о тобольских архипастырях Антонии (Знаменском), Евгении (Казанцове), Георгии (Ящуржинском) (Сулоцкий 2000i: 521—547), насыщенные массой фактов из документов семинарского и консисторского архивов, имеют не только историографическое значение. Например, А.И. Сулоцким были записаны воспоминания людей, сопровождавших епархиальных архиереев во время поездок на Тобольский Север, в частности, архиепископа Антония, приводятся сведения из архивных источников, не сохранившихся до настоящего времени (Сулоцкий 2000i: 524; 2000b: 548—553).

Используя ранее опубликованные в Тобольских епархиальных и губернских ведомостях, в духовном журнале «Странник» исторические статьи Н.А. Абрамова, А.И. Сулоцкого, А.К. Недосекова, протоиерей Михаил Петрович Путинцев приводит в «Жизнеописании Тобольских архипастырей» краткую «характеристику нрав-

ственного облика» и основные вехи биографии «почивших иерархов», в том числе Евгения (Казанцева), Георгия (Ящуржинского), Варлаама (Успенского) (Путинцев 1892: 106—107, 109, 127, 142—143). Данная работа выполнялась по поручению правящего преосвященного Иустина (Полянского) (для чего автора специально вызвали из Березова в Тобольск), что предопределило высказанные М.П. Путинцевым суждения и выводы.

Все названные историки старались подчеркнуть заслуги тобольских и сибирских архиереев, их ревностную заботу о подведомственном духовенстве и пастве. Основное внимание уделялось описанию отдельных поездок в целом и различного рода интересных фактов, связанных с путешествиями на Север. Оценки предпринятых по их результатам мер давались самые лестные: «Везде, где он видел по исповедным росписям, что прихожане неленно исполняют христианский долг говения, исповеди и Св. причащения, — он был ласков и приветлив как с духовенством, так и с мирянами, поощряя наградами достойных служителей церкви, награждал священников набодренниками, причетников посвящая в стихарь», — писал М.П. Путинцев о Варлааме (Успенском) (Путинцев 1892: 142). Духовно-назидательные задачи в таком случае могли превалировать над научными. Вне предмета исследования, по объективным причинам, оказывались поездки, предпринятые преосвященными в конце XIX — начале XX в.

После длительного перерыва, связанного с исключением из области научных интересов церковной тематики в советский период, с 1990-х гг. возобновляется изучение данной проблемы отечественными исследователями. Опять же приоритет отдается работам биографического жанра (Софронов 1998; Исаков, Дмитриенко 2002; Гуличкина 2006: 31—74; Фефелова 2012: 20—23), авторы которых старались рассказать читателю о возглавлявших сибирские епархии архиереях, восстанавливая сравнительно полную и достоверную картину прошлого православия в Сибири. Однако, как и ранее, инспекционные поездки затрагиваются лишь вскользь, в рамках других, более широких сюжетов (Шашков 2003).

Основу настоящего исследования составили несколько групп источников, как опубликованных, так и архивных. Последние были обнаружены в фондах Государственного архива г. Тобольска,

где сохранились два дела о поездках епископа Феогноста и архиепископа Варлаама в Березовский округ.

Наиболее информативным источником следует признать «Дневной дорожный журнал» епископа Варлаама за 1865/66 гг., содержащий подробное описание поездки архипастыря. Там приводятся даты посещения населенных пунктов, сведения о проведенных им богослужениях и молебнах, о ходе и результатах осмотров и ревизий церковного имущества и документации, оценки профессиональных качеств приходского духовенства (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 788. Л. 122—123).

О том, что аналогичные источники создавались и ранее, свидетельствует А.И. Сулоцкий. Он сообщает, что во время своего путешествия архиепископ Евгений (Казанцев) вел журнал, копия с которого из каждого города отправлялась в Святейший Синод (Сулоцкий 2000d: 245).

В дальнейшем подобного рода документы сменили «Путевые журналы». Этот документ носил, как правило, более формальный характер. В журналах начала XX в. обращается внимание на общее состояние прихода и личные качества священно- и церковнослужителей: внешний облик храмов, характеристика практически каждого настоятеля обозреваемых церквей с «отметками о поведении и неисправности», наложении взысканий и поощрений и др. (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 18. Д. 126. Л. 34—54). Епархиальному архиерею вменялось в обязанность также посещение сельских церковно-приходских школ, поощрение наиболее ревностных в деле просвещения священников. Исчезает информация о поездке как таковой с бытовыми подробностями и хронологией происходивших в ее ходе событий.

«Путевые», как и «дневные дорожные», журналы предназначались для передачи в Тобольскую духовную консисторию с целью принятия соответствующих мер для исправления обнаруженных упущений и недостатков.

Еще одна группа источников — материалы периодической печати. С 1894 г. путевые заметки сопровождавших во время инспекций архиерея лиц стали публиковаться на страницах «Тобольских епархиальных ведомостей» (далее — ТЕВ) (Прот. М. Л. ф 1896: № 17. 391—395; № 18. 417—420; № 19. 443—446; № 20. 453—457; Священник М. Макаров 1915: № 36. 549—550; № 46—

47. 751). В этом случае описание поездки подвергалось литературной обработке, нередко носило характер путевых бытовых и этнографических зарисовок, включало иногда даже отрывки из поучений епископа, произнесенных при встречах с прихожанами.

Уточнению датировки перемещений владыки по епархии способствуют помещенные в ТЕВ официальные объявления, расписания «Служений Архипастыря», в том числе сообщавшие о времени и месте проведения молебнов, божественных литургий и всенощных бдений в населенных пунктах Обского Севера (ТЕВ 1910: 193—195).

Следует также выделить документы, связанные с подготовкой и ходом архиерейских поездок. Ведущую роль здесь играет дело-производство духовной консистории, которая вела переписку, с одной стороны, с канцелярией обер-прокурора, с другой — с духовными правлениями и благочинными. В вышестоящие учреждения отправлялись уведомления об отъезде и приезде владыки в епархиальный центр, о размере потраченных сумм. О предстоящем прибытии архиерея в Березов и Сургут информировались местные благочинные, сообщавшие впоследствии о ходе подготовительных мероприятий к приему инспекции. Велась соответствующая переписка и со светскими властями: губернатором, земскими заседателями, казенной палатой.

Вопросы, связанные с планированием и финансированием поездки, обсуждались в Тобольской духовной консистории, что находило отражение в журналах его заседаний.

Регламентирующее значение имели законодательные акты, среди которых особое место занимает «Духовный регламент» 1721 г., согласно которому архиерей обязан был «в год или в два года единожды объезжать и посетить епархию свою» (ПСЗРИ-1. № 3718; ПСЗРИ-2. № 1952) с целью контроля за деятельностью подчиненных ему духовных правлений и других подведомственных учреждений. Необходимость подобного рода объездов и обзоров епархии аргументировалась ссылками на «Деяния Апостолов» и некоторые из посланий апостола Павла.

Тем же «Духовным регламентом» определялся порядок проведения обследования обзореваемых приходов. Летнее время рассматривалось как «угоднейшее к посещению», когда «хлеб, рыба, корм конский дешевле», «когда не надобе сена, а дров мало тре-

ба», из-за чего издержки будут меньше. Архиерей на второй или третий день по прибытию «собрал градских и сельских пресвитеров, священную литургию совершит, по Литургии со всеми Священники отпоет молебен о здравии и победе Державнейшаго Монарха, о исправлении и благосостоянии церквей, о обращении раскольников, о благорастворении воздуха, о обилии плодов земных и прочая». Следовало ему произнести поучительное слово народу и священству.

Можно было также провести тайное дознание через «меньших церковников» о службе пресвитеров и дьяконов, искусно проводить о делах и проступках как духовенства, так и «приходских людей». Епископу необходимо было иметь при себе списки «обозреваемых» священно- и церковнослужителей. Сопровождающим архиерея служителям следовало вести себя соответствующим образом: «чтоб в посещаемых городах и монастырях благочинно и трезво пребывали» (ПСЗРИ-1. № 3718. П. 17).

В последующем это требование к епархиальному служению сохранялось, на что указывает высочайшее повеление от 13 апреля 1828 г., по которому епархиальные архиереи как представители высшей церковной власти на местах обязаны были «своим личным усмотрением» осуществлять надзор за благочинными, «за исправностью и благоповедением причтов», и поэтому каждый год некоторую часть епархии требовалось проверять лично, о том доносить Синоду (ПСЗРИ-2. № 1952).

Хотя, как уже отмечалось, необходимость инспекционных поездок обуславливалась законодательством, тем не менее очевидно, что на решение архиереев отправиться на Север могли влиять и конкретные политические, социально-экономические факторы.

В частности, можно связать поездку Антония (Знаменского) с проводившейся в России в 1803—1804 гг. реформой народного образования и последующим созданием государственной сети общеобразовательных учебных заведений. Преосвященного Антония (Знаменского) А.И. Сулоцкий характеризует как «глубоко ученого архипастыря», «полезного администратора», который до своего архиерейства в Тобольске был ректором Петербургской академии, а в Сибири стал «особенным ревнителем образования» (Сулоцкий 2000с: 624). М.П. Путинцев, сообщая об усиленных заботах владыки Антония «об умножении образованного духо-

венства» в своей епархии, отмечает значительный рост к 1806 г. «семинарских учеников», рассматривая это, в том числе, и как следствие устройства начальных («русских») школ при некоторых духовных правлениях, а также при Енисейском (Спасском), Томском (Алексеевском) и Кондинском (Троицком) монастырях. Обозревая свою обширную епархию, владыка внушал духовенству необходимость «приготовления детей к семинарии» и открытия «полезных учреждений», для чего следовало изыскивать возможные средства (Путинцев 1892: 86—87; Цысь 2012: 44—45).

Особой задачей Тобольского архиерейского дома являлось дело христианского просвещения аборигенов. Миссионерские экспедиции оказывались тесно связанными с общими проблемами реформы управления «ясашными народами», выяснением перспектив развития различных районов Северо-Западной Сибири.

Как известно, в первой четверти XVIII столетия необходимость решения миссионерских задач предопределила направление неоднократных поездок митрополита Филофея (в схиме Федора) на Север — вниз по Иртышу и Оби к «остякам» и «вогулам». В следующем столетии государственная власть выдвигает просветительскую деятельность среди «инородцев» как одну из приоритетных для Русской Православной церкви.

Этим изменениям сопутствовала не только преобразовательская деятельность М.М. Сперанского в Сибири (1819—1821 гг.), а также инспекторская проверка сенаторов Б.А. Куракина и В.К. Безродного (1827—1828 гг.), но и церковная ревизия преосвященного Евгения (1828—1829 гг.). Вследствие жалобы сенаторов на злоупотребления со стороны приходского духовенства в отношении крестьян (в основном обвинения в вымогательстве за браки и другие требы) по Высочайшему повелению Св. Синод предписал преосвященному Евгению (Казанцеву) произвести ревизию «как пастырю опытному и беспристрастному, тем более, что почти все дела, по которым случились жалобы по епархии, случились до назначения его в Тобольск» (Путинцев 1892: 105). При этом архиепископу следовало обозреть всю епархию, на местах производить следствия, о результатах которых доносить в Св. синод. Преосвященный с большой энергией взялся за порученное

ему дело и уже в следующем 1829 г.⁷⁰ наряду с другими отдаленными районами вверенного ему края посетил Тобольский Север.

Кроме того, 24 декабря 1828 г. издается синодальный указ «Об учреждении в Тобольской и Казанской епархиях миссионеров для обращения в православие инородцев», который потребовал от архиепископа Филарета (Амфитеатрова) и епископа Евгения (Казанцева) разработки проектов специальных учреждений в Поволжье и Сибири (Смолич 1996: 290, 292).

Тобольский архиерей перед путешествием в «низовую» край ознакомился с материалами, посвященными крещению остяков и вогулов Филофеем (Лещинским). В результате поездки он убедился в том, что остяки, считающиеся христианами, не имеют о вере должного понятия (Шашков 2003: 38). О том, какое впечатление на него произвело положение дел в Березовском крае, свидетельствует тот факт, что Евгений (Казанцев) выразил желание оставить свой пост и, по примеру своего предшественника, заняться миссионерским служением. Однако в этом ему было отказано Св. синодом. Тем не менее одним из важнейших итогов поездки Евгения стало учреждение в 1831 г. Обдорской миссии. Как заметил И.К. Смолич, в XIX столетии миссионерство находилось в руках епархиальных архиереев, от которых и зависел его успех.

С миссионерской работой, так или иначе, были связаны практически все поездки на Север преосвященного Антония (Каржавина, 1897—1910) и Евсевия (Гроздова, 1910—1912). С 1880-х гг. инспекции помимо прочего увязывались и с решением проблем развития народного образования.

В период с 1803 по 1917 гг. на Тобольской кафедре пребывало в сане епископа (или архиепископа) 20 человек. Средняя продолжительность службы преосвященных составляла 5—6 лет. Наименьший срок управления епархией пришелся на 1831 г. — всего четыре месяца, а наиболее продолжительные периоды управле-

⁷⁰ Приведенную дату находим в работах А.И. Сулоцкого «Архиепископ Евгений (Казанцев) как архипастырь Тобольский» и М.П. Путинцева в его сочинении «Описание биографии всех Тобольских и сибирских архиепископов и митрополитов 1621—1891 гг.», тогда как А.Т. Шашков поездку архиепископа Евгения (Казанцева) относил к лету 1832 г. (Шашков 2003: 38).

ния оказались связаны с деятельностью Амвросия (Келембета, 1806—1822 гг.) и Антония (Каржавина, 1897—1910 гг.).

К настоящему времени нам известно о 18 поездках на Тобольский Север 11-ти епархиальных архиереев, управлявших Тобольской епархией в течение XIX — начала XX столетий.

В статье Н.А. Абрамова, посвященной обозрению церковью Березовского округа архиепископом Георгием (Ящуржинским), отмечается, что с 1702 по 1829 гг. из 13 тобольских владык лишь трое посещали Север: Филофей (Лещинский) (1712—1714, 1716 гг.), Антоний (Знаменский) (1803 г.) и Евгений (Казанцев) (1829 г.) (Абрамов 1868: 63—93).

Почему появление епархиальных архиереев в крае было столь редким? Причины попытался выяснить еще А.И. Сулоцкий. Он указывал, что обозрение сибирскими епископами и митрополитами вверенной им паствы в XVII—XVIII вв. не могло производиться «частью по чрезвычайной обширности своей епархии, простиравшейся с запада на восток от Урала до Камчатки...», частью «по неудобству путей сообщения и неимению средств к дальним и продолжительным путешествиям по Сибири за скудостью архиерейских доходов» (Сулоцкий 2000i: 521). Исключения, связанные с деятельностью святителя Филофея, объясняются предписанием Петра I об обращении в христианство сибирских язычников, на что были отпущены значительные средства из казны. Поездка Антония (Знаменского) оказалась возможной благодаря накопленным его предшественником архиепископом Варлаамом (Петровым) суммам Тобольского архиерейского дома (Сулоцкий 2000i: 522—523). В XVIII — начале XIX в., как указывал А.Доброклонский, штатных окладов из казны на содержание духовных правлений, разъезды епархиальных властей и чиновников по округам не предусматривалось, поэтому возмещение этих расходов возлагалось на приходы (происходило за счет сборов с духовенства) (Доброклонский 1999: 1920).

С 1828 г. на архиерейские поездки стали выделяться прогонные деньги. Согласно высочайшему указу от 13 августа 1802 г., нашедшему подтверждение в высочайшем повелении от 15 апреля 1828 г., казенная палата должна была отпускать прогонные суммы «для начальников епархий, со всеми находящимися при них лица-

ми... Архиепископам и Епископам — на двенадцать лошадей» (ПСЗРИ-2: № 1953; Сборник действующих... 1885: 111).

Однако долгое время ситуация мало менялась, и выезды епархиальных архиереев за пределы Тобольска не приобретали регулярного характера, чему по-прежнему способствовали специфические условия края — удаленность от административного центра, малая плотность населения, неразвитость путей сообщения. В Сибири даже визиты в крупнейшие города осуществлялись со значительными перерывами. Как отмечалось в одном из отчетов об обозрении преосвященным Авраамием епархии, составленном в 1886 г., «Омск нечасто имеет удовольствие видеть и слышать архипастыря. Со временем последнего посещения города епархиальным архиереем (Ефремом) прошло 8 лет» (ТЕВ 1886: 324). Что уж в таком случае говорить об отдаленных, слабозаселенных районах, каким в данный период являлся Тобольский Север? Здесь появление главы епархии было еще более редким, хотя и значимым для местного населения событием.

Необходимо указать и на такой фактор, как изменение границ епархии в результате административных преобразований. А.И. Сулоцкий обращал внимание на то, что преосвященному Евгению (Казанцеву), чтобы «обревизовать епархию свою», состоявшую в первой трети XIX в. из Тобольской и Томской губерний и Омской области, приходилось проводить в разъездах по 1,5—2 месяца, преодолевать до 6 тыс. верст в год (Сулоцкий 2000а: 239). Образование в 1834 г. Томской, а в 1895 г. Омской епархий существенно уменьшило территорию, подведомственную Тобольскому преосвященному, и, соответственно, объективно увеличило возможность для его появления в ходе инспекционных поездок в населенных пунктах севера Западной Сибири.

Вполне очевидно, что развитие пароходного сообщения, кардинально улучшившего условия путешествующих, способствовало желанию и возможности архиереев совершить обследование северных районов. По замечанию А.И. Сулоцкого, путешествие на паровых судах «сравнительно с плаванием на дощаниках, весьма большая разница и по отношению к скорости, и в особенности в отношении к безопасности... Пароходы по Оби вниз от Самарова до Березова и Обдорска стали изредка ходить с недавнего времени» (Сулоцкий 2000i: 529). Первая поездка преосвя-

щенного на Север на паровом судне, принадлежавшем купцу Корнилову (кстати, члену Православного миссионерского общества), состоялась в августе — сентябре 1873 г. (Миссионер 1875: 172). Поэтому если за 1800—1860-е гг. нам известно о семи таких инспекционных поездках (т.е. в среднем раз в 10 лет), то за последнюю четверть века, предшествовавшую революции, их состоялось уже девять (в среднем раз в 3 года).

Нельзя не обратить внимание и на то обстоятельство, что значительная часть архиерейских поездок на Обской Север связана с именами конкретных архипастырей. Так, особой энергией и инициативой в этом отношении отличались епископы Георгий (Яшуржинский) и Антоний (Каржавин), неоднократно бывавшие в «низовом крае».

Об общем количестве, времени, продолжительности и используемых средствах передвижения дает представление таблица 1.

Таблица 1

**Поездки епархиальных архиереев на Тобольский Север
в XIX — начале XX в.**

Год	Сроки	Епархиальный архиерей / даты управления епархией	Средства передвижения	Территория ревизии
1803	Лето	Антоний (Знаменский) 1803–1806	Дощаник	Березовский и Сургутский уезды
1829	Лето	Евгений (Казанцев) 1825–1831	Дощаник	Березовский край
1846	Январь – февраль	Георгий (Яшуржинский) 1845–1852	Конные упряжки	Березовский и Сургутский край
1848/1849	Декабрь – февраль	Георгий (Яшуржинский) 1845–1852	Конные упряжки	Березовский и Сургутский край
1851/1852	Декабрь – январь	Георгий (Яшуржинский) 1845–1852	Конные упряжки	Сургутский край
1861	15 февраля – 15 марта	Феогност (Лебедев) 1856–1862	Конные упряжки	Березовский и Сургутский край
1865/1866	25 ноября – 13 января	Варлаам II (Успенский) 1862–1872	Конные упряжки	Березовский и Сургутский край
1873	Август – сентябрь	Ефрем (Рязанов) 1874–1880	Пароход	Березовский край
?	Лето	Авраамий (Летницкий) 1885–1889	Пароход	Березовский край

1894	27 августа – 23 сентября	Агафангел (Преобра- женский) 1893–1897	Пароход	Березовский край
1896	26 июня – 14 июля	Агафангел (Преобра- женский) 1893–1897	Пароход	Сургутский уезд
1897/ 1898	Декабрь – январь	Антоний (Каржавин) 1897–1910	Конные и олени упряжки	Березовский край
1902	Январь – февраль	Антоний (Каржавин) 1897–1910	Конные упряжки	Сургутский и Березовский уезды
1904	Сентябрь	Антоний (Каржавин) 1897–1910	Пароход	Березовский уезд
1909	Январь	Антоний (Каржавин) 1897–1910	Конные упряжки	Березовский, Сургутский уезды
1910	19 июля –12 августа	Евсей (Гроздов) 1910–1912	Пароход	Березовский уезд
1911	13–30 июня	Евсей (Гроздов) 1910–1912	Пароход	Сургутский уезд
1915	21 июля – 9 августа	Варнава (Накропин) 1913–1917	Пароход	Березовский уезд

Природно-климатические условия не позволяли отправляться в дорогу в период распутицы — осенью и весной, когда северные районы оказывались фактически отрезаны от остальной страны из-за ледовой обстановки и разлива рек. Более благоприятным временем в данном отношении являлась зима, во время которой устанавливался санный путь, и можно было по земским трактам по руслу Иртыша, Оби, их крупных притоков достигнуть любого населенного пункта края.

Летом передвижение осуществлялось опять же единственно возможным способом — по рекам на судах различных типов. Использование гребцов и силы ветра в качестве движущей силы делало плавание на дощаниках весьма опасным и снижало привлекательность водного пути. Вот как рассказывает А.И. Сулоцкий о путешествии Антония (Знаменского) в 1803 г.: «...во время его дальнейшего следования к Березову на Оби поднялась страшная буря; волны били как бы на море, дощаник бросало по волнам как щепку, волны вливались даже на палубу, почему все находившиеся с владыкой: диаконы, иподиаконы, певчие, прислуга — уже прощались между собой и заочно со своими родными, плака-

ли, кричали, словом сказать, все отчаивались в жизни. Преосвященный Антоний сохранил полное присутствие духа: при общем смятении, при общем отчаянии один он оставался тверд и непоколебим, всех плакавших, отчаявшихся успокаивал, утешал, обнадеживал помощью Божиею, за всех молился с воздетыми горе руками и, наконец, вставши на корме судна, начал петь: *на Тя, Господи, уповахом, да не постыдимся вовеки*. И он не постыдился, не обманулся в своем уповании: буря утихла, утлое судно осталось цело и невредимо...» (Сулоцкий 2000i: 524—525). Аналогичный случай произошел на Оби и с преосвященным Евгением (Казанцевым) в 1829 г., и в 1851 г. на Иртыше с Георгием (Ящуржинским) (при обозрении им церквей Бухтарминского и Усть-Каменогорского края).

Таким образом, более или менее частое посещение преосвященными своих епархий во многом зависело как от величины последних, так и от удобств путей сообщения. Тобольская епархия по площади территории равнялась нескольким европейским государствам. Поэтому Обь-Иртышский Север лишь благодаря развитию пароходства перестал быть «пасынком своего отечества, и его православные насельники начинают назидаться богослужением и согреваться словом своих архипастырей» (Поездка... 1891: 1). Вплоть до 70-х гг. XIX в. обозрения «низового края» были сопряжены с множеством трудностей, неудобств, а иногда и опасностей для епархиальных архиереев и сопровождавших их лиц. В конце XIX — начале XX в. из девяти известных нам поездок три были предприняты зимой. Все они относятся к служению епископа Антония (Каржавина), считавшего необходимым бывать на Севере в январе — во время ярмарок, на которые съезжались «ясачники к русским селам и высылкам» (Шемановский 2005: 254, 272).

Надо учесть, что некоторые селения Березовского уезда расположены были на так называемой Большой Оби, куда пароходы почти не заходили, как и в селения по Северной Сосьве и Ляпину. Например, села Няксимвольское и Щекуринское они посещали как правило один раз в год (ТЕВ 1910: 481). Это обстоятельство также способствовало выбору зимы для архиерейских инспекций. В остальных случаях для ревизии приходов выбиралось летнее

время и регулярные пароходные рейсы различных коммерческих фирм.

Путешествие архиерея тщательно готовилось. Специально составлялся маршрут, где указывались расстояния между населенными пунктами, предполагаемые места для остановки и ночлега путников (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 788. Л. 85—87 об). Архиепископом Варлаамом II (Успенским) было предписано с программы «Архиерейского годового отчета» снять копию для того, чтобы сведения во время ревизии собирать в соответствии с указанной программой «в тех частях, кои поручены ему будут при предстоящем обозрении» (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 788. Л. 26 об.). М.П. Путинцев констатировал, что Евгений (Казанцев) производил ревизию «самую подробную и внимательную, согласно данной ему Св. Синодом инструкции» (Путинцев 1892: 106).

О предстоящей поездке епархиальный архиерей должен был известить губернскую канцелярию, написав лично начальнику губернии, чтобы «дать знать гражданской власти о сроках и запланированном маршруте своего проезда». В таком письме формулировалась просьба стандартного содержания: «Снабдите меня к 21 числу сего месяца подорожною с имеющей быть при мне свитою и ризницею, подорожною на 12 лошадей за указанные прогоны, и в случае недостатка почтовых лошадей для проезда дорогами проселочными предписать, кому следует, давать лошадей обывательских без остановки и задержания» (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 788. Л. 24—25). Для проезда зимой необходимо было использовать почтовых лошадей, а в случае их нехватки земской полиции следовало предоставлять обывательских лошадей.

О том, что преосвященный отлучается из епархиального города, специальным рапортом секретарь духовной консистории уведомлял Св. синод. Канцелярия консистории через привычную систему рассылок распоряжений информировала благочинных (а те — подведомственные им причты) о прибытии архиерея (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 776. Л. 4—4 об).

Сохранившаяся в фонде Tobольской духовной консистории переписка между консисторией и Tobольской казенной палатой позволяет утверждать, что решение финансовых вопросов служебной командировки возлагалось на протоиереев (чаще — ключаря) кафедрального собора. Так, сопровождавшему епископа Ев-

севия (Гроздова) в Сургутский уезд протоиерею Е. Феникову предписывалось «выдать прогонных денег под расписку 1137 руб. 60 коп., особую тетрадь для записи приходно-расходных денег по поездке для обозрения церквей» (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 18. Д. 795. Л. 140 об.). Протоиерей, руководствуясь уставом Духовной консистории (ст. 332) и определенной Св. синодом сметой о «прогонном кредите» (п. 3, ст. 1), Высочайшим указом от 14 апреля 1841 г. (Сборник действующих... 1885: 101—112), вносил в «шнуровую книгу» данные о пройденном пути, расходе указанной суммы, в случае передвижения на лошадях — расписки ямщиков о полученном вознаграждении.

Деньги бралась из экономических сумм архиерейского дома. По возвращении шнуровая книга просматривалась архиереем, духовной консисторией, затем представлялась в казенную палату на проверку. Контрольное отделение тобольской казенной палаты сверяло транспортные расходы, «обозрев доставленную шнуровую книгу..., нашла ее составленной верно» (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 776. Л. 10). Тобольское окружное казначейство компенсировало из казны затраченные архиерейским домом средства. В результате, например, на оплату проезда Феогноста (Лебедева) в 1861 г. было израсходовано 625 руб. 32 коп. (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 776. Л. 5), Варлаама (Успенского) в 1865 г. — 628 руб. 29 коп. Помимо этого, выделялись средства на «путевое содержание». В 1865 г. они составили 520 руб. 5,5 коп. (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 788. Л. 26 об.). В 1911 г. 1137 руб. 60 коп., необходимых для поездки в Сургутский уезд, были заимствованы из венчи́ко-молитвенного капитала, состоящего на счетах консистории (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 18. Д. 795. Л. 140—141).

Затраты на прогоны рассчитывались из нормы 1,5 коп. серебром на лошадь — на 1 версту (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 788. Л. 26), т.е. в целом 18 коп. на версту (на 12 лошадей). С конца XIX в. стоимость проезда возросла до 3 коп. за каждую лошадь и версту⁷¹. Кроме того, еще три лошади дополнительно выделялось для сопровождавшего преосвященного архиерея

⁷¹ Размер прогонных сумм был изменен согласно утвержденному Высочайшему Определению Св. Синода от 7 января 1889 г.

(ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 18. Д. 795. Л. 140, 144). Таким образом, стоимость проезда архиерея и его свиты в этот период составляла уже 45 коп. на версту.

Маршрут проезда и «шнуровая книга» на прогоны составлялась в виде таблицы (табл. 2).

Таблица 2

**Маршрут поездки епископа Феогноста в Березовский край в 1861 г.
От города Тобольска до Обдорска и обратно
(ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 776. Л. 7—7 об.)**

Название станции	Расстояние (версты)	Нормативы на прогоны по Высочайшему именному указу от 14 апреля 1828 г.	Общая сумма расходов
От Тобольска через с. Демьянское до Самаровского	560	12 лошадей, 1,5 коп. серебром за версту	100 руб. 80 коп.
От Самарова до Кондинского монастыря	290	12 лошадей, 1,5 коп. серебром за версту	52 руб. 20 коп.
От Кондинского монастыря до г. Березова	215	12 лошадей, 1,5 коп. серебром за версту	38 руб. 70 коп.
От Березова до с. Обдорского и обратно	735	12 лошадей, 1,5 коп. серебром за версту	132 руб. 30 коп.
От Березова до Кондинского монастыря	215	12 лошадей, 1,5 коп. серебром за версту	38 руб. 70 коп.
От Кондинского монастыря до с. Самаровского	290	12 лошадей, 1,5 коп. серебром за версту	52 руб. 20 коп.
От Самарова до Сургута и обратно	609	12 лошадей, 1,5 коп. серебром за версту	109 руб. 62 коп.
От Самарова до с. Демьянского и до Тобольска	?	12 лошадей, 1,5 коп. серебром за версту	100 руб. 80 коп.

Общая продолжительность поездок большую часть рассматриваемого периода составляла не менее месяца. Однако в начале XX в. в связи с увеличением скорости пароходов на поездки затрачивается около трех недель.

Расстояние по суше, которое преодолел во время ревизии архиерей, равнялось в 1865 г. 3490,5 верстам (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 788. Л. 26 об.). Длина водного пути от Тобольска до Обдорска (обычного конечного пункта маршрута) с заходом в Березово и обратно достигала 2774 версты, от Самарова до Сур-

гута и обратно — 608 верст (Дунин-Горкавич 1996: 1, 30—31). Соответственно преосвященный Агафангел (Преображенский) во время поездки 1894 г. (маршруты поездок 1865 и 1894 гг. в целом совпадали) преодолел на пароходе 3454 версты. Как видно, протяженность пути не зависела от вида транспорта, т.к. и зимой, и летом, передвижение осуществлялось по руслам рек — по льду или воде.

В начале XX в. преосвященные старались посетить самые отдаленные места, ранее не привлекавшие внимания архиереев. Так, в 1910 г. епископу Евсевию удалось познакомиться не только с «постановкой миссионерского дела в Обдорской противуязыческой миссии, с бытом первых насельников низового края...», но и совершить божественную литургию в миссионерской церкви стана Хэ и организовать крестный ход на Обскую губу с чином освещения воды (Епархиальные известия 1910: 193—195). В поездку 1911 г. он продлевает свой маршрут на восток вверх по Оби в сторону границы с Томской епархией до Пирчинского острова, который находился в 550 верстах от Сургута на восток (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 18. Д. 795. Л. 142—143). В 1915 г. епископ Варнава (Накропин) попытался достичь селения Хэ в Обской губе, но из-за разыгравшейся бури цель была достигнута лишь отчасти. Пароход не смог причалить к берегу и бросил якорь в прибрежных водах (Священник М. Макаров 1915: 579).

Бытовые условия, в которых находились архиерей и его спутники во время поездки, нельзя было назвать комфортными. Как отмечал А.И. Сулоцкий, для преосвященного Георгия (Ящуржинского) одному из «низовских» (с Оби) священников вместе с земским заседателем пришлось «нарочито просекать» дорогу в лесу от Иртыша к Сургуту и далее на р. Вах. Часть пути епископ ехал на оленях «по снежному океану, при 40 градусах мороза» (Сулоцкий 2000i: 530). Для отдыха останавливались под открытым небом, где прямо на снегу разводили костер, готовили чай и варили пельмени (в качестве начинки использовались рыба, капуста и редька), запасенные еще в Тобольске. Спустя более чем полвека ситуация с питанием почти не изменилась. Так, Г.М. Дмитриев-Садовников в публикации за 1915 г. приводит свои наблюдения, относящиеся к началу XX в.: «Едущим в Низовой край необходимо делать обширные запасы съестного, так как во встречаю-

щихся на Оби селах за исключением, по-видимому, Обдорска, трудно достать что-либо» (Г. Д-С. 2003: 342).

Организация путешествия на пароходе велась аналогичным образом, но не требовала уже столь значительных сумм. Билет на пароход фирмы «Курбатова и Игнатова» от Тюмени до Томска стоил 22 руб. для пассажиров 1-го класса и 14 руб. — 2-го класса. Багаж обходился в 10 коп. за пуд. Поэтому при проезде на водном транспорте можно было израсходовать, по крайней мере, вдвое меньше денег, чем на лошадях (реально — в несколько раз).

Вместе с архиереем поездку совершали духовные и светские лица, помогавшие ему в проведении ревизии: протоиереи (среди них часто — ключарь кафедрального собора), протодьякон Тобольского кафедрального собора, столоначальник, келейник, служители, иногда певчие. Общее их число обычно не превышало десяти. В обязанность протоиерея входила проверка церковной документации, приходно-расходных книг, осмотр святых антиминсов, даров, мира, утвари, ризницы, церковной библиотеки (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 1687).

Так, во время ревизии епископа Евсевия сургутских церквей, проходившей с 13 июня по 30 июня 1911 г., его сопровождали ключарь Тобольского кафедрального собора протоиерей Евгений Фениксов и протодьякон Евлампий Пелымский (Поездка... 1910: 481).

Архиерею, если он не мог посетить какую-либо отдаленную территорию, но желал оттуда получить сведения от доверенного лица, оказывали помощь приходское духовенство и настоятель Кондинского монастыря. Например, в октябре 1865 г. настоятель Кондинского Свято-Троицкого монастыря иеромонах Амос получил из консистории подорожную для разъездов, 50 руб. прогонных денег и указ, предписывающий ему сдать монастырское имущество казначею иеромонаху Неофиту, а самому отправиться с ревизией в дальние приходы Сургутского края; материалы проведенной проверки позднее следовало предоставить преосвященному Варлааму II (Успенскому). (Назначен на управление в монастырь с 1865 г.) (см.: Абрамов Н.А. 1998: 459). Епископа Евсевия (Гроздова) от Тобольска до с. Самарова сопровождали благочинный церквей Тобольского уезда Александр Марсов, от с. Самарова до Томска и обратно — благочинный градо-сургутских и

уездных церквей священник Иоанн Селихов (Поездка... 1910: 487—495).

Ни в церковном уставе, ни в книгах, изданных для духовенства, не было указаний на то, как следует встречать епархиального преосвященного. Тем не менее, со временем выработался определенный порядок встречи, который следовало соблюдать. Во-первых, члены причта ко времени прибытия епархиального начальства обязывались быть в храме. Духовным правлениям и благочинным предписывалось приготовить заблаговременно всю отчетность за три года и «ученые свои проповеди, а также и все те сведения, которые требуются разосланной на сей предмет программой ведомости, которую все благочинные и должны прилагать к своим рапортам и подавать при въезде в благочинье» (ГУТО ГА. Ф. 156. Оп. 11. Д. 788. Л. 16). Березовское духовное правление 9 декабря 1865 г. рапортом в консисторию сообщало, что ведомости «О свечных доходах при церквях Березовского округа», «О людях Православного исповедания бывших и не бывших у исповеди и Святого Причастия», «О присоединившихся к Православной церкви из разных сект при церквях Березовского округа» и другие за 1863—1865 гг. подготовлены (ГУТО ГА. Ф. 156. Оп. 11. Д. 788. Л. 67—77).

Для организации проезда от благочинных требовалось предоставление карты своего благочинья, «дабы видеть как и какими дорогами должно проехать в те или другие приходы и после выехать на главный тракт, не обращаясь, по возможности, назад и подымаясь вперед» (ГУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 10. Л. 245).

Чтобы «сберечь время», архипастырь в 1865 г. предписал сургутскому благочинному В. Кайдалову с дьяконом доехать до ближайшей церкви в с. Селиярово, куда прибудет он к 1 декабря, и, захватив с собой описи церквей, приходно-расходные книги, представить для ревизии (ГУТО ГА. Ф. И-156. Оп. 11. Д. 788. Л. 26 об.—27). Кроме того, предписывалось уведомить благочинных, что «во всяком случае, где будут церкви, там будут совершаться общественные службы, судя по времени выезда в село. Божественные литургии непременно должны быть во дни въезда моего и ранее 10-ти часов... В дни въезда моего в село и ранее 10 часов их не начинать, если я еще не прибыл в село и после 10-ти

часов или 10 ½ уже начинать и без моего приезда» (ГУТО ГА. Ф. И-191. Оп. 1. Д. 10. Л. 245).

Причт, церковный староста к предстоящей ревизии готовили все церковные документы: опись имущества, метрические, приходно-расходные книги, венчико-молитвенную книгу, богослужебный журнал и др. Все помещения в храме следовало открыть для обозрения. По правую сторону алтаря, близ царских врат требовалось положить коврик и поставить кресло для архипастыря, зажечь паникадило и свечи. При приближении архипастыря со свитою производился «красный звон». Раскрыв царские врата, облаченный в епитрахиль и фелонь с крестом на блюде священнослужитель вместе с дьяконом и псаломщиком ожидал архипастыря при входе в храм. Приблизившись, архипастырь целовал крест, священник — руку владыки. Затем в храме совершалось краткое молебствование, проводилась проверка документов и общего состояния храма.

Подводя итог, следует отметить, что на протяжении XIX — начала XX в. частота поездок, скорость передвижения все время возрастали. В результате в начале XX в. из экстраординарного они превратились для Тобольского Севера пусть и в нечастое, но вполне обыденное событие. Если в XVIII — первой трети XIX в. местный житель мог ни разу не увидеть своего владыку, то теперь при желании это можно было сделать как минимум несколько раз.

Значительно улучшились условия, в которых находился архиерей и сопровождающие его лица во время путешествия, в первую очередь за счет развития пароходного сообщения. Путники теперь вряд ли могли подвергнуться опасности замерзнуть в дороге или же оказаться в бурных водах Оби и Иртыша. Разумеется, мало изменившаяся плотность заселения региона, разбросанность церквей на огромных пространствах не давали возможность надолго задерживаться в приходах и заставляли ограничиваться посещением лишь относительно крупных селений — центров благочиний: Березова, Сургута, Обдорска. Даже Самарово, не говоря о более мелких приходах, инспектировалось от случая к случаю. Однако в путевых журналах начала XX в. содержатся сведения и об общении архипастыря с прихожанами, о службах в маленьких сельских церквях, оказавшихся на пути его следования. Без всякого сомнения, епархиальные архиереи постепенно становились

ближе к своей пастве, могли лучше вникнуть в их повседневные нужды, помочь в решении текущих проблем.

Литература

Абрамов Н.А. 1998. Георгий Яшуржинский, архиепископ Тобольский и Сибирский (1845—1852) // Город Тюмень. Из истории Тобольской епархии. Тюмень: Софт-Дизайн.

Абрамов Н.А. 1869. Евлампий, архиепископ Тобольский и Сибирский // Странник. Т. I. Отд. 1.

Абрамов Н. 1868. Прибавление к статье «Георгий Яшуржинский, архиепископ Тобольский и сибирский». Благодарственное письмо на имя преосвященного из города Березова от 31 мая 1840 года // Странник. Т. 4. № 11. Отд. I.

Г. Д-С. С реки Оби. 2003 // Сибирский листок: 1912—1919 / Сост. В. Белобородов (при участии Ю. Мандрики). Тюмень: Мандр и К.

Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске» (далее — ГУТО ГА в г. Тобольске).

Гуличкина Г.Г. 2006. «Муж во истину духа апостольского» // Святитель Макарий (Невский). Не отчаиваюсь в Божией помощи: Сборник писем / Сост. Г.Г. Гуличкина. Москва: Изд-во Сретенского монастыря.

Доброклонский А.П. 1999. Руководство по истории Русской церкви: Материалы по истории русской церкви. Москва: Крутицкое подворье, Общество любителей церковной истории.

Дулов А.В., Санников А.П. 2006. Православная церковь в Восточной Сибири в XVII — начале XX веков. Ч. II. Иркутск: Издательство ИГУ.

Дунин-Горкавич А.А. 1996. Тобольский Север: В 3 т. Т. 2: Географическое и статистико-экономическое описание страны по отдельным географическим районам. Приложения. Москва: Либерия.

Епархиальные известия // Тобольские епархиальные ведомости (далее — ТЕВ). 1910. № 17. Отдел офиц.

Знаменский П.В. 2009. История Русской Церкви // История Русской церкви: классические исследования. Директмедиа Паблишинг. (электронный диск)

Епархиальные известия. 1910 // ТЕВ. № 17. Отдел офиц.

Исаков С.А., Дмитриенко Н.М. 2002. Томские архиереи: Биографический словарь. 1834—2002. Томск: Изд-во Томского университета.

Малашин Г.В. 2011. Красноярская (Енисейская) епархия РПЦ: 1861—2011 гг. Красноярск: Восточная Сибирь.

Миссионерское путешествие преосвященного Ефрема, епископа Березовского в 1873 году. 1875 // Миссионер (еженедельное издание Православного миссионерского общества). № 22.

Обозрение епархии Преосвященным Авраамием. 1886 // ТЕВ. № 17—18. Отдел неофиц.

Поездка Его преосвященства, Преосвященнейшего Евсевия, епископа Тобольского и Сибирского, для обозрения церквей Тобольского и Березовского уездов. 1910 // ТЕВ. № 20. Отдел неофиц.

Поездка Преосвященного Макария в Кетский край в 1891 г. 1891 // Томские епархиальные ведомости. № 11.

- ПСЗРИ-1. Т. 6. № 3718.
 ПСЗРИ-2. Т. III. № 1952.
 ПСЗРИ-2. Т. III. № 1953.
- Прот. М. Л-ф. 1896. Поездка Преосвященного Агафангела в г. Сургут и далее по рр. Ваху и Югану // ТЕВ. № 17. Отдел неофиц.; № 18. Отдел неофиц.; № 19. Отдел неофиц.; № 20. Отдел неофиц.
- Путинцев М. 1892. Описание биографии всех Тобольских и сибирских архиепископов и митрополитов 1621—1891 гг. Омск: Типография А.К. Демидова.
- Софронов В. 1998. Светочи земли Сибирской. Биографии архипастырей Тобольских и Сибирских (1620—1918 гг.). Екатеринбург: Уральский рабочий.
- Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания. 1885 / Сост. Т. Барсов. Т. 1. Санкт-Петербург: В синодальной типографии.
- Священник М. Макаров. 1915. Посещение Его Преосвященством, Преосвященным Варнавою, Епископом Тобольским и Сибирским Северного края // ТЕВ. № 36. Отдел неофиц.; № 46—47. Отдел неофиц.
- Смолич И.К. 1996. История русской церкви. 1700—1917. Кн. XVIII. Ч. I. Москва: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря.
- Сулоцкий А.И. 2000a. Архиепископ Евгений (Казанцев) как архипастырь Тобольский // Сочинения: В 3 т. Т. 2: О сибирском духовенстве / Под ред. В.А. Чупина. Тюмень: Издательство Ю. Мандрики.
- Сулоцкий А.И. 2000b. Дополнение к биографии преосвященного Антония Знаменского, бывшего с 1802 по 1803 гг. епископом Вологодским // Сочинения: В 3 т. Т. 2: О сибирском духовенстве / Под ред. В.А. Чупина. Тюмень: Издательство Ю. Мандрики.
- Сулоцкий А.И. 2000c. Иркутский архиепископ Михаил II // Сочинения: В 3 т. Т. 2: О сибирском духовенстве / Под ред. В.А. Чупина. Тюмень: Издательство Ю. Мандрики.
- Сулоцкий А.И. 2000d. Сочинения: В 3 т. Т. 2: О сибирском духовенстве / Под ред. В.А. Чупина. Тюмень: Издательство Ю. Мандрики.
- Сулоцкий А.И. 2000i. Тобольские архипастыри: Антоний (Знаменский), Евгений (Казанцев) и Георгий (Яшуржинский) // Сочинения: В 3 т. Т. 2: О сибирском духовенстве / Под ред. В.А. Чупина. Тюмень: Издательство Ю. Мандрики.
- Фефелова О.А. 2012. Выпускник Киевской академии в Сибири: Амвросий (Келембет), архиепископ Тобольский и Сибирский (1806—1822 гг.) // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). № 3 (118).
- Цысь В.В. 2012. Школы Югры во второй половине XVIII — начале XIX вв. // Ежегодник Нижневартовского краеведческого музея. № 2.
- Шашков А.Т. 2003. Церкви и монастыри Северо-Западной Сибири и их библиотеки // Книжные сокровища Югры: Рукописные и старопечатные книги из собраний города Ханты-Мансийска / Сост. С.А. Белобородов, Н.А. Мудрова, А.В. Полетаев, Е.А. Полетаева, И.В. Починская, А.Т. Шашков. Екатеринбург: Волот.
- Шемановский И.С. 2005. Избранные труды / Авт. вступ. ст. Л.Ф. Липатова. Москва: Советский спорт.

Глава 7

ТРИ РУКОПИСНЫХ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ СБОРНИКА ИЗ ОТДЕЛА РЕДКИХ КНИГ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Сложно переоценить роль рукописной книги в процессах формирования идеологии старообрядческих согласий в Сибири. Пользуясь непререкаемым авторитетом, книжность использовалась защитниками старой веры для «выстраивания» догматической полемики с миссионерами официальной церкви, а также духовными лидерами других старообрядческих толков. Именно в ходе дискуссий старообрядцы устанавливали пробелы в аргументации своих догматических положений, следом же происходило обновление идеологии старолюбцев, необходимое для более успешного доказательства ими своих идей в дальнейшем.

Первостепенную роль в полемической деятельности старовров играли компиляции сочинений. Благодаря точному отбору произведений, а также строгому соблюдению их внутренней последовательности в сборнике составители стремились достичь наиболее глубокого воздействия на потенциального читателя. Взаимодополняя и логически продолжая друг друга, главы сборников должны были обеспечить подробное освещение актуальных догматических вопросов или формирование эмоционального фона для полемики с новообрядцами.

Одним из характерных образцов старообрядческой компилятивной традиции является сборник из Научной библиотеки Томского государственного университета (далее — НБ ТГУ), хранящийся под расстановочный шифром В-27502. У сборника отсутствует переплет, а также значительная часть листов; уцелел лишь текст на листах 69—125. Несмотря на это компиляцию необходимо считать вполне репрезентативной для научного исследования, и на ее примере можно отчетливо выявить характерные особенности структурного оформления старообрядческих сборников.

Первой фразой, встречающейся в сборнике, оказывается следующая: «...овия огнем опаляя, иным же ребра ломая, и теми и иными озлобляя нестерпимо весма умучи» (НБ ТГУ. В-27502: 69).

Эти слова, как и часть следующего за ними текста, принадлежат «Повести о сибирских страдальцах» С. Денисова, посвященной последствиям Тарского бунта 1722 г. Основной мотив включения этого произведения в сборник — подготовка читателя к восприятию последующих глав и доказательство истинности старообрядческого вероучения на чувственном, эмоциональном уровне. Данная цель достигается благодаря прославлению Денисовым мучеников за веру, столь почитаемых всеми защитниками старой веры (Покровский 1998: 247).

«Стояние за древнее благочестие» воспринималось староверами как наиболее убедительное доказательство истинности своего вероучения. Интересно, что «Повесть о сибирских страдальцах» прославляет не только смирение защитников старой веры перед жестокостью правительственных команд, но и религиозные самоубийства, к которым регулярно прибегали староверы в эпоху радикальных политических реформ (Пругавин 1885: 107). Так, в продолжении мы читаем: «...от древняго благочестия не отпадаху, в домех своих затворяющеся и, зелие зажегще, вседомовне сожигахуся, и паки, ножи себе режуще и ужи удавляюще, умираху» (НБ ТГУ. В-27502: 69).

Крайне любопытным представляется то, что повесть в сборнике оканчивается на повествовании о гонении властей на старообрядцев Ишима и отправке плененных в Тару. Вместо оригинального заключения далее следует текст, который принадлежит, вероятнее всего, самому составителю сборника. Необходимо отметить, что подобная разновидность правки, заменявшая первоначальный текст сочинений новыми конструкциями, была весьма распространена среди старообрядческих книжников (Титова 2011: 4) и была призвана включить произведение в общую идеологическую концепцию сборника. Так, если фрагменты «Повести о сибирских страдальцах» направлялись на критику никонианства, то авторское заключение углубляло полемику и имело целью склонить читателя к идеям конкретного старообрядческого согласия.

Устойчивые полемические мотивы позволяют нам без особого труда распознать толк, взгляды которого отстаивал составитель сборника. С первых же строк мы можем заметить крайнюю радикальность автора, не характерную для старообрядческих книжни-

ков начала XX в.: «Никониане вси от мала до велика во едином лице антихристовом состоятся» (НБ ТГУ. В-27502: 71). Вслед за этим автор рассуждает о недопустимости принятия от властей «раскольнического звания» (имеется в виду запрет записываться в раскольнические списки), критикует действия властей в борьбе со старообрядческими книгами, а также прибегает к эсхатологическим построениям о совершившемся пришествии антихриста и учиненных им разорениях храмов.

Подобный стиль ведения полемики произвольно отсылает нас к беспоповскому направлению старообрядчества, ряд согласий которого не утратил своей радикальности даже с изданием указа 1905 г. В дальнейшем мы сможем уверенно определить составителя сборника как последователя страннической ветви староверия. Это становится возможным благодаря многократно повторяющимся призывам «...скрыся и бегствовати нача» (НБ ТГУ. В-27502: 76). Далее автор рассуждает о чрезвычайном «размножении» старообрядческих согласий в последние времена и крайней малочисленности приверженцев истинной церкви.

Таким образом, замена оригинальной концовки обеспечила превращение поморской «Повести о сибирских страдальцах» в странническое полемическое произведение. Наряду с этим новая концовка позволила странникам в рамках одного произведения полемизировать как с внешним противником (официальной церковью), так и с другими старообрядческими согласиями. Интересно, что концовка, также устанавливающая ментальную преемственность между странниками и тарскими мучениками, в своих полемических основаниях очень сходна с основным текстом повести и опирается исключительно на «чувственное» доказательство истинности старообрядческого вероучения. Это, в свою очередь, позволяет предполагать, что концовка была включена в главу не в результате заимствования, а создавалась специально для данного сборника.

Следом в сборнике помещена выборка указов разных времен, касающихся раскольников (всего 7) (НБ ТГУ. В-27502: 80—88). Полные выходные данные, по которым можно было бы проверить подлинность актов, имеют лишь четыре из них. Большинство представленных в сборнике указов мы вправе определить как подложные. Является ли их появление результатом деятельности

составителя сборника, стремившегося дискредитировать противников путем привлечения фиктивных документов, либо же их использование уже имело традицию в старообрядческой книжности, а составитель лишь неосознанно стал ее продолжателем, не удосужившись проверить приводимые данные, определить затруднительно. Подлинным же является лишь указ от 8 февраля 1716 г. «О [...] положении на раскольников двойного оклада».

Использование нормативных правовых актов в контексте сборника представляется, безусловно, уместным, если принять во внимание содержание концовки «Повести о сибирских страдальцах». Напомним, что основным мотивом ее переработанной концовки было неподчинение антихристу и недопустимость принятия «раскольниковского звания» от властей. Подборка указов в данном случае призвана объяснить читателю негативные последствия записи в раскольниковские списки, а также укрепить доверие к сборнику читателей, оставшихся равнодушными к эмоциональным доказательствам из предыдущей главы.

Аналогично указу 1716 г. «подложные» указы были призваны обострить эсхатологические ожидания читателя путем изображения правительственных гонений на защитников древнего благочестия. Каждый указ, логически продолжая предшествующий или предыдущие, демонстрирует читателю сцены обложения старообрядцев двойным окладом; розыска странствующих учителей и потаенных раскольников; борьбы со старопечатными и рукописными книгами; насильственного принуждения к «поданию сказок» в правительственные канцелярии. С каждым новым постановлением возрастает накал страстей за счет урезания прав старообрядцев. У читателя формируется впечатление о наступлении последних времен. Показывается, что даже незначительное в своей сути отступление (согласие на обложение двойным окладом) неизбежно влечет за собой последующие, что, в свою очередь, приводит к еще большему угнетению истинной церкви со стороны «антихристовых жрецов».

Немаловажным представляется и хронология выбранных указов, охватившая широкий исторический промежуток. Кроме обозначения года издания указа, книжник обязательно снабжал его пересказ пояснением о том, при каком императоре он появился. Столь незначительный факт имеет, однако, серьезное идеологи-

ческое значение. Таким образом, дискредитируя всех правителей XVIII в. (за исключением Павла I), составитель неявно развивает в сборнике идею расчлененного антихриста. Данная идея была разработана старообрядческими полемистами того времени и пользовалась большой популярностью среди беспоповцев, т.к. представляла антихриста в виде последовательно сменяющих друг друга царей и тем самым давала староверам моральное право на антиправительственный протест.

Далее в качестве примера малодушия и раболепия перед нечестивыми властями приводится копия одной из «сказок», поданной, по утверждению составителя, «во вторую ревизию» 2 марта 1745 г. Автор «сказки» некий Артемий Федоров, проживающий в деревне Федоровской Двинского уезда, обращается к майору Илье Агареву с просьбой записать его в раскольниковский оклад. Копия не выпадает из общего контекста компиляции, а подобно другим его частям вносит свой вклад в формирование общей идейной концепции сборника (НБ ТГУ. В-27502: 88).

Вслед за этим составитель сборника представляет читателю компилятивную подборку выписок из Священного Писания и святоотеческих текстов (НБ ТГУ. В-27502: 89—91). Подобные подборки цитат были весьма распространены в старообрядческой книжной традиции и являлись универсальной формой доказательства в ходе религиозной полемики с инославными. Главная задача подобных компиляций — «привязать» идеологию отдельного согласия к общехристианской религиозной традиции. За счет широкого цитирования священных книг автор добивается внешней видимости того, что вероучение его церкви основывается на строгом следовании догматике, а не является результатом «греховных мудрствований».

Конечной целью своей работы компилятор определяет доказательство необходимости бегства из осквернившегося мира. Эта цель представляется сугубо универсальной, т.к. наряду с критикой никонианства она неявно определяет согласие странников как лучший образчик борьбы с царством антихриста. Для достижения своих намерений составитель приводит обширный комплекс цитат, направленных на прославление мучеников за веру, жертвующих своим телом в пользу спасения души. По мнению старообрядца, «дань тому велено давать, кто не гонит и житие

мирно творит» (НБ ТГУ. В-27502: 89 об.). Развивая это положение, он обращается к толкованию слов Христа о воздаянии кесарю кесарева. Рассуждения подкрепляются цитатами из священных текстов и сводятся к заключению о том, что дань можно по ошибке отдать не кесарю, а дьяволу.

Далее составитель развивает идеи неприятия антихристового «начертания на челе» и эсхатологические мотивы о крушении царства антихриста и грядущем пришествии Христа. Весомым аргументом в данном случае становится утверждение о том, что царствование в мире богопротивных сил будет непродолжительным, и мучиться исповедниками истиной веры придется недолго. Заканчивается компиляция формулировкой идеи о расчлененном антихристе. Так, по утверждению составителя, антихрист — «многих лиц собрание» (НБ ТГУ. В-27502: 91). В предыдущей части книги концепция расчлененного антихриста была представлена лишь косвенно. Данная глава приводит к окончательному оформлению этой концепции и тем самым органично входит в общую полемическую структуру сборника.

Следующей его частью стала «Сказка Соловецкого монастыря, чего ради не приемлют новоизложенныя веры» (НБ ТГУ. В-27502: 92—98 об.). В отличие от предшествующих глав, призванных склонить читателя к «истинной вере» путем эмоционального воздействия, «Сказка...» имела своей целью ведение полемики на догматической основе. Сочетание в сборнике эмоциональных и богословских аргументов должно было ускорить приобщение сомневающихся читателей к староверию и снабдить уже состоявшихся старообрядцев максимальным количеством возможных аргументов для ведения полемики с никонианами. Наконец, включение богословских прений в состав компиляции могло обуславливаться желанием составителя расширить аудиторию сборника за счет читателей, предпочитающих обстоятельную дискуссию абстрактным славословиям.

В «Сказке...» приведены наиболее расхожие аргументы, использовавшиеся противниками реформ патриарха Никона на протяжении всей истории старообрядческого протеста. В частности, читатель утверждает в мысли о нарушении никонианами церковных книг, истинного сложения перстов и «молитвы Иисусовой». Вслед за этим, по убеждению автора, были изменены чин

погребения, церковное пение, литургия, церковный звон и «все без остатку». Официальная церковь, таким образом, представляется читателю не только изменившей христианским догматам, но и открыто противопоставляющей себя истинному православию.

Здесь мы встречаем и чрезвычайно популярный в среде староверов аргумент о том, что никонианские священники принуждают мирян «ходить по-татарски без крестов». На страницах «Сказки...» также звучит не менее распространенный тезис об именовании никонианами Христа грешным. Дальнейшие аргументы развивают тему нарушения истиной традиции исповедниками официальной церкви. Так, четырехконечные кресты, называемые автором «латинскими крыжками», являются, по его мнению, очевидным выступлением против традиции. Окончательное развитие эта тема приобретает в конце произведения, когда старообрядец утверждает, что никониане заставляют ругать прародителей.

Весьма остроумным представляется один из аргументов «Сказки...», редко встречающийся в полемических старообрядческих сочинениях. По словам автора, никониане ходят с распущенными по глазам волосами, «аки паны или опальные тюремные сидельцы».

Несмотря на широкий пласт догматической аргументации, отраженной в произведении, «Сказка Соловецкого монастыря» не избавлена от солидной доли эмоциональности, присущей главам из начала сборника. Большинство доводов лишь намечено, не имеет отсылок к Священному Писанию или трудам святых отцов, и потому, учитывая специфику старообрядческой книжности, может быть признано совершенно неубедительным.

Выбор столь слабого в догматическом отношении произведения в контексте сборника приобретает осязаемый смысл. Весьма краткая и эмоциональная «Сказка...» становится лишь вступлением к завершающей главе компиляции, более разработанной в богословском отношении. Таким образом, составитель смягчил переход от произведений, лишенных догматической подоплеки и «выстроенных» за счет прославления мучеников за веру, к части, основой которой является скрупулезная критика никонианского учения.

Последним из включенных в сборник произведений сборника стала челобитная («Сказка») священника Лазаря, посланная к

Алексею Михайловичу (НБ ТГУ. В-27502: 99—125). Сочинение состоит из 30 глав и содержит развернутую богословскую аргументацию, направленную на защиту старой веры. Так, челобитная подробно раскрывает полемику об истинном крестном знамении, исправлении старопечатных книг, греческих церковных учителях и др. (Юхименко 2009: 91).

Все рассуждения об истинном кресте в сборнике дополняются изображениями четырехчастных крестов и «латинских крыжей» (НБ ТГУ. В-27502: 99 об., 125). Подобные графические «комментарии» имеют важное полемическое значение. Восьмиконечный голгофский крест изображается составителем киноварью вместе со всей традиционной атрибутикой символа: адамова голова, копье, губка, надпись «Царь славы» и пр. В противоположность ему четырехконечный крест изображен черным цветом, имеет равностороннюю форму, а также сильно уступает по размерам кресту-гогофе. Визуальное сравнение должно было обеспечить видимое преимущество «верному» кресту и еще раз убедить читателя в преимуществе старообрядческого вероучения.

Необходимо отметить, что внутри сборника «Сказка» Лазаря оказывается прочно связанной со «Сказкой Соловецкого монастыря». Первая служит для того, чтобы придать аргументированность диспуту с миссионерами официальной церкви, в то время как вторая формирует у читателя острое эмоциональное неприятие никонианских реформ. Стоит ли считать совпадением и тот факт, что оба оканчивающих сборник произведения были написаны в 1668 г.?

Обратимся к другой книге, представляющей культуру старообрядческого рукописного наследия. Интересующий нас книжный экземпляр хранится в НБ ТГУ под расстановочным шифром В-27238. Фолиант занимает 144 листа и датируется 50—70 гг. XIX в.

Сборник открывается широко распространенным в старообрядческой рукописной традиции «Святого Максима Исповедника сказанием к любящим Бога» (НБ ТГУ. В-27238: 1—3). Причиной помещения в начале компиляции именно этого произведения послужило желание составителя с первых строк «привязать» книгу к святоотеческой духовной традиции. Подобный прием был весьма распространен среди старообрядцев и имел своей главной

целью доказательство соответствия содержания книги традиционному церковному учению (Карпов 1998: 8). Таким образом автор защищал свой труд от обвинений в вольнодумстве и «греховном мудрствовании». Одновременно с этим открывающая сборник глава устанавливает характер всей компиляции, выдвигая на первый план нравоучительные мотивы.

В произведении называются «дела», туманящие умы иноков. Так, на трех листах представляются грехи, разбитые на группы (по четыре в каждой). В этой части компиляции автор не прибегает к обсуждению последствий грехов или способов борьбы с ними, а ограничивается лишь их подробным перечислением.

Вторую главу сборника составляет «Иное сказание о образе греховном. По четырем образам всяк грех являет» (НБ ТГУ. В-27238: 3—7 об.). Уже само название главы дает исследователю богатый материал. Очевидно, что употребление определительного местоимения «иное» имеет здесь смысл лишь при наличии фиксированного контекста. Контекстом при этом выступает первая глава сборника. Обе части в результате оказываются соединены общей смысловой «нагрузкой». Необходимо отметить, что взаимодополнение произведений было наиболее устойчивым элементом старообрядческой компилятивной традиции и присуще подавляющему большинству книжных памятников (Никаноров 2013: 70).

Рассуждения о «четырех образах», являющих всякий грех, также семантически связывают вторую главу со «Сказанием Максима Исповедника...». Четыре образа в данном случае противопоставляются Святой Троице и выступают символом человеческого греха. Именно этот мотив звучит в первой главе, разбивающей грехи на «четырёхсоставные» группы. В дополнение к этому отметим, что идея о четырех греховных образах, вероятнее всего, берет свое начало из старообрядческой критики «трегубой» аллилуйя. Недаром именно в результате этих догматических рассуждений в полемике староверов закрепилось убеждение в том, что оглашение троекратной аллилуйя имеет своей сутью прославление антихриста взамен трех образов Троицы.

«Иное сказание...» продолжает развивать нравоучительные мотивы, подробно разбирая такие грехи, как пьянство и чревоугодие. Автор произведения тщательно устанавливает причины,

порождающие человеческий грех. Заключительным лейтмотивом второй главы становится побуждение читателя к исповеди собственных грехов. Таким образом, мы можем наблюдать развитие содержания сборника, заключающееся в методичном углублении его содержания в каждой последующей главе.

Третья глава (НБ ТГУ. В-27238: 8—31 об.) открывается искусно выполненной заставкой и представляет собой компилятивную подборку нравоучительных текстов и молитв, соединенных вместе, по всей видимости, самим составителем сборника. Основным мотивом главы становится противостояние искушениям дьявола, приходящим человеку во сне. Молитвы здесь выступают как действенное средство борьбы с осквернением от дьявола. Среди предлагаемых читателю молитв представлены «Молитва святого Василия Великого», две «Молитвы Иоанна Златоуста», «Молитва искушающегося во сне», «Молитва Пресвятой Богородице от ночного искушения».

Немаловажным можно считать и месторасположение главы в общей структуре произведения. Следует думать, что одной из ее целей было дополнение второй части сборника, а именно — ее заключения, побуждавшего исповедовать грехи. Приведение в книге полного текста молитв взамен лишь краткого их перечисления побуждало читателя к их практическому использованию. В общем контексте второй и третьей глав их употребление должно было наставлять аудиторию в убеждении, что церковная жизнь обязана пронизывать весь повседневный быт человека, а не иметь отвлеченный характер.

Четвертая глава сборника также представлена нравоучительной компиляцией, на этот раз — выборкой правил из «Первого послания к Амфилохию, епископу Иконийскому» Василия Великого (НБ ТГУ. В-27238: 32—38). Первоначально составитель резюмирует основные положения посланий, рассуждая о принципиальных различиях еретиков и раскольников, а также возможности принятия от них крещения. Развиваются темы о необходимости покаяния еретиков и способах их возвращения в русло Церкви. За этим следует критика древних ересей.

Даже старообрядческие сборники, не относящиеся к полемическому жанру, пронизаны в своей основе полемическими мотивами. Не стал исключением и данный сборник из собрания НБ

ТГУ. Так, в соответствии с устоявшейся традицией старообрядцы воспринимали свой протест как аналогичный противостоянию Церкви с первыми христианскими ересями. Благодаря этому, избегая прямой полемики с никонианами, автор представляет сторонников церковной реформы продолжателями дела марконитов или валентиниан.

Одновременно стоит обратить внимание на умеренность взглядов составителя сборника. Так, в третьей главе книжник говорит о недопустимости осуждения грешника. Взамен этого он предлагает осуждать сам грех (НБ ТГУ. В-27238: 4 об.). Столь редкая для староверия тактичность, несомненно, выделяет нашего составителя из общего числа старообрядческих идеологов. Относительно соблюдения традиций старообрядческой книжности, он, напротив, проявляет себя последователем строгого канона. Последнее наиболее отчетливо наблюдается в характере цитирования сочинений отцов Церкви. Автор не позволяет себе исказить оригинальный текст композиции даже в случае ее явного противоречия с личными убеждениями. Так, составитель не решается исключить из текста слова Василия Великого о браке (НБ ТГУ. В-27238: 35) даже будучи, как позже выяснится, явным противником семейных отношений.

Следующая глава представлена правилом Петра Александрийского «О отвергшихся во время гонений и паки кающихся» (НБ ТГУ. В-27238: 39—40). Эта часть сборника оказывается логически связанной с предшествующей ей главой и продолжает развивать проблематику возвращения вероотступников в лоно истинной Церкви. Интересен и полемический подтекст данного правила. В контексте всей компиляции правило святого Петра продолжает ассоциативный ряд (старообрядцы — первые христиане, никониане — древние еретики), обеспечивая необходимую критику идеологических противников староверия и не превращая при этом «душеспасительную» книгу в полемический трактат.

Крайне интересной представляется нам шестая глава сборника, включающая предисловие «Послания к Летоию, епископу Мелитинскому» Григория Нисского (НБ ТГУ. В-27238: 41—41 об.). Основной идеей данного отрывка, не играющего заметной роли в общем контексте компиляции, стал призыв «избегать грехов и желаний». Ввиду малой информативности, а также незна-

чительного объема отрывка можно заключить, что, несмотря на соответствие предисловия общей назидательной направленности сборника, включение его в состав компиляции произошло лишь с целью обеспечения необходимого символизма. Использование трудов *трех* святых отцов должно было оказать дополнительный эмоциональный эффект на читателя. В свою очередь, выбор третьего святителя (Григория Нисского) обуславливался, вероятнее всего, его общим, совместно с Василием Великим, трудом по обработке церковного догмата Святой Троицы.

В седьмой части сборника читатель находит «О завещаниях Божественных на Апостол и о жительствах святых отцов предание» (НБ ТГУ. В-27238: 42—57 об.). Сочинение устанавливает нормы христианской жизни и призвано служить практическим руководством для устройства религиозно-бытовой жизни староверов. В частности, оговариваются постулаты богослужения и канонических праздников, проповеди, таинств, а также повседневного питания. Необходимо отметить суровый характер предписаний. Правила регламентируют каждый день старовера и напоминают собой устав скитской жизни.

Для большинства старообрядческих толков была характерна жесткая догматизация норм религиозной и бытовой жизни. Поэтому, как необходимо отметить, что включение данной главы явилось следствием свойственного старообрядческому менталитету стремления к идеализации повседневности и достижению жизненного идеала (Мальцев 1999: 193).

Кстати, в ряде случаев основой для структурного оформления старообрядческих сборников выступал принцип «идеального старообрядца», предполагавший развитие у читателя комплекса ценных для староверия качеств. Среди них готовность к мученичеству, полемическая одаренность, образованность, высокая нравственность, безоговорочное исполнение религиозных догматов. Подобная система наблюдается в сборнике В-27238. Каждое отдельное сочинение вносит вклад в формирование у читателя конкретных личностных качеств, в то время как специфика сборника соединяет их в целостную структуру, формируя идеальный с точки зрения старообрядчества тип личности.

Продолжением этой части сборника становится догматический трактат «О коленопреклонении. Яко не подобает правOVER-

ному не радеть о них» (НБ ТГУ. В-27238: 58—62). Как и следует из заголовка, текст сочинения регламентирует богослужебные нормы и полностью вписывается в содержательный контекст центральных глав сборника, посвященных установлению предписаний и контролю за их соблюдением.

Более интересной оказывается девятая часть компиляции, также не выпадающая из оговоренной ранее тематики. Она представлена сочинением «О том, что не презирати иноку [...] своего истинного правила» (НБ ТГУ. В-27238: 62 об.—81 об.). Содержание главы сводится к размышлениям о необходимости соблюдения всей совокупности догматов и правил христианской жизни. Авторские соображения подкрепляются осуждением духовной лени и иноков, «не внимающих своему спасению» (НБ ТГУ. В-27238: 66 об.). Данная глава имеет чрезвычайно важное значение в общем построении произведения. В частности, именно она главным образом обеспечивает контроль за соблюдением религиозных норм, установленных в предыдущих главах. За счет развернутой экспансивной аргументации составитель воздействует на читательскую аудиторию, побуждая сохранять стойкость и исполнять обременительные положения, излагавшиеся в предыдущих частях книги.

После приведенного отступления составитель вновь обращается к установлению норм религиозной жизни. На этот раз он пользуется «Правилем христианского паче иноческого жития» (НБ ТГУ. В-27238: 82—87 об.), регламентирующим церковное пение и порядок молитвы. Кроме регулирования церковного устава, сочинение также развивает морально-нравственную риторику, подвигая читателя к чтению, воздержанию, снисхождению, ожиданию Второго пришествия.

Десятая глава оказывается заключительной в «блоке» произведений, посвященных нравоучительной тематике. Следующие сочинения приобретают отчетливую полемическую ориентацию и открываются «Кратким объявлением. В чем наше состоит разделение с вами» (НБ ТГУ. В-27238: 88—108 об.). В отличие от «Правил...» Петра Александрийского, использованного составителем сборника для полемики с никонианами, «Краткое объявление...» направлено на критику смежных старообрядческих согласий.

Отсутствие в данном и последующем произведениях развернутой оценки сторонников церковной реформы дает исследователю богатый материал. Из авторской концепции, в частности, следует, что полемика с никонианством не была главной задачей составителя компиляции, уделявшего, как видим, преимущественное внимание внутренним разногласиям старообрядческих толков. Вторым важным наблюдением становится очередное подтверждение устойчивой и строгой структуры, присутствовавшей в старообрядческих сборниках. Несмотря на развернутую полемику староверов с представителями официальной Церкви во второй половине XIX в., все полтора десятка представленных в сборнике произведений исключают или допускают крайне ограниченный объем прений с «нововерами», что, конечно же, не может быть случайностью.

Возвращаясь к «Краткому объявлению...», подчеркнем, что данное сочинение, безусловно, является авторским текстом и изначально создавалось как часть изучаемой нами компиляции. На это указывает несколько значимых аргументов. Первый — отсутствие широкого хождения текста в старообрядческой книжной культуре; второй — жесткая привязка сочинения к конкретному старообрядческому согласию, не наблюдаемое в других частях книги.

В произведении отражены догматические взгляды старообрядческого автора и осуждаются ношение немецкого платья, снисхождение христиан до блуда, а также, что наиболее показательно, брачные отношения. В тексте широко представлена критика как «новоженства», так и «староженства». Последнее окончательно убеждает нас в приверженности автора одному из наиболее радикальных беспоповских согласий — филипповству, отрицавшему брак ввиду его греховности после «наступления последних времен». Развитие эсхатологических настроений также обнаруживает себя в тексте, что было обусловлено, по всей видимости, намерением автора отвратить читателей от более лояльных к староженам поморцев и федосеевцев.

Сочинение критикует отцов и матерей, «живущих в блуде» и приобщающих своих детей ко греху. Вслед за этим говорится о недопустимости совместного моления с грешниками и возможном наказании для юношей, «восхищающих» молодых девиц (НБ

ТГУ. В-27238: 108 об.). Данный текст, в противоположность предыдущим частям книги, носит весьма «агрессивный» характер, не допуская компромиссов в отношении вероотступников большего или меньшего порядка. Исходя из этого, место для помещения сочинения было выбрано очень удачно. Радикальная критика убеждений в самом начале сборника, отличных от филипповских, могла внушить антипатию приверженцам других толков или сомневающимся, не успевшим полноценно влиться в среду безбрачников, в то время как ближе к заключению книги читатели успевают увериться в обстоятельности убеждений книжника-составителя и более лояльно относятся к специфическим особенностям мировоззрения его согласия.

Вслед за этим составитель помещает в сборнике фрагменты из Большого Катехизиса (НБ ТГУ. В-27238: 115—129 об.), подробно разъясняющие наиболее актуальные для старообрядцев проблемы православного богословия, в частности, естество ангелов, таинства крещения и покаяния. Немаловажным стоит считать тот факт, что заключительные полемические части сборника являются самыми объемными произведениями в книге. Это в очередной раз подтверждает, что элемент диспута в старообрядчестве играл значительную, а иногда преобладающую роль даже в книжных памятниках, не относящихся напрямую к жанру полемических сочинений.

Сборник завершает фрагмент «Из книги летописной. Повесть о последних летах» (НБ ТГУ. В-27238: 130—144), где приводятся легендарные свидетельства исторического характера, способствующие развитию эсхатологических ожиданий у читателя и оставляющие последнего после ознакомления со сборником с чувством надвигающегося апокалипсиса.

Выявленная система построения компиляции дает нам право высоко оценивать полемический талант составителя книги и говорить о соответствии сборника В-27238 традиционным канонам построения старообрядческих сборников. Доказательством эффективности устоявшихся принципов составления сборников также могут служить «читательские отзывы», расположенные на завершающем листе памятника: «Воистину, ныне все отметають святое крещение; лукав всех ведет в преисподной ров» (НБ ТГУ. В-27238: 144).

В НБ ТГУ находится еще один образец старообрядческого рукописного сборника, отличающийся своей крайне нестандартной структурой. Он хранится под шифром В-26395. Старообрядческие композиционные произведения обычно существовали в двух основных разновидностях — как компиляции цитат и как сборники авторитетных сочинений. Обе разновидности имели характерную полемическую направленность и благодаря грамотной выборке текстов, продуманному их расположению внутри книги имели целью оказать идеологическое влияние на читателя и склонить его на позиции старой веры.

Зачастую старообрядцы не гнушались цитированием книг своих идеологических оппонентов. Отечественные исследователи книжной культуры староверов издавна отмечали наличие широкого пласта «никонианской» литературы в библиотеках старообрядческих проповедников. В большинстве случаев эти книги собирались старообрядцами с целью ознакомления с новейшими аргументами церковных миссионеров. Большое значение имело также поддержание религиозного энтузиазма общины, возбуждавшегося под влиянием межконфессиональной полемики. Однако мы можем наблюдать и случаи того, как старообрядцы пользовались изданиями официальной Церкви для формирования собственных идеологических представлений. Наиболее актуальной данная тенденция стала для некоторых умеренных согласий рубежа XIX—XX столетий.

Изучаемый нами сборник также относится к началу XX в. Книга насчитывает 130 листов рукописного текста, разбитого на два вертикальных столбца. Особую ценность книга приобретает ввиду своей необычной компоновки. Сборник представлен текстами двух авторов, занимавших диаметрально противоположные идеологические позиции. Один из них — старообрядческий проповедник, второй — православный миссионер. Листы сборника становятся для них своего рода «полем брани», на котором каждый стремится показать превосходство своих убеждений, а также собственную выдержку и осведомленность в религиозных вопросах. Сама книга, где используются формы посланий, приобретает черты эпистолярного жанра.

Кроме нестандартной концепции сборника привлекает внимание его крайне любопытная внутренняя организация. Тексты раз-

ных авторов не следуют друг за другом, а располагаются в книге параллельно. Так, левый столбец занимают рассуждения старообрядческого проповедника, правый — православного миссионера. Необычное построение имеет практическую значимость. По всей видимости, оппоненты прибегли к данному выходу для обеспечения паритета сторон в ходе диспута.

Особенности книжной полемики определяют преимущество автора, выступающего во вторую очередь. Значимым фактором здесь является то, что отвечающий на вопросы отталкивается от ранее написанного текста своего оппонента и имеет возможность не только убедительно опровергать все его выпады, но и вести собственную полемику, прибегая к аргументам, отсутствующим в тексте противника. Таким образом, первый автор оказывается не в состоянии отвести положения своего оппонента, что ставит его в заведомо неравное положение в споре. Ввиду особенности склада человеческого сознания последние фрагменты разговора запоминаются прочнее всего, что также определяет превосходство текстов, размещенных в заключении книги.

Разбивка страниц на два столбца должна была компенсировать упомянутые погрешности и обеспечить равные условия полемики для обоих оппонентов. Но ряд указанных недочетов устранить не удалось, т.к. тексты авторов формировались одновременно и книжник, заполнявший столбцы позже, все же «играл» на преимуществах и просчетах в аргументации своего противника.

Из-за повреждения в сборнике В-26395 утеряны первые 5 листов текста. По этой причине мы не можем установить предысторию конфессионального диспута. Загадкой остаются обстоятельства знакомства старообрядческого проповедника и миссионера РПЦ, а также мотивы, определившие их столкновение. Более того, мы не можем знать и того, имела ли место реальная встреча полемистов, либо их взаимодействие происходило лишь через посредников.

Лист 6 сборника открывается описанием некоей беседы между старообрядческими проповедниками, с одной стороны, и миссионерами официальной Церкви — с другой (НБ ТГУ. В-26395: 6). Исходя из текста, можно установить, что встреча была весьма представительной, т.к. среди защитников реформ Никона автор левого столбца называет, помимо «прочих», семь священников, а

также известного в противораскольнических кругах полемиста Николая Игнатьевича Касаткина. Мы узнаем, что на беседе с целью обеспечения порядка также присутствовал урядник (НБ ТГУ. В-26395: 6 об.).

Книжник повествует о крайне напряженной обстановке, сложившейся в ходе диспута. Так, двое священников «выступили из границ христоподражательного смирения», а прочие приверженцы официальной церкви «вмешивались в разговор с ругательством» (НБ ТГУ. В-26395: 6). По словам автора, они были готовы «на кулаках нас поднять», урядник же «стоял на стороне буйной партии» (НБ ТГУ. В-26395: 6 об.). Старообрядческий автор дает нам ответ на причины выбора им столь специфического способа полемики с «ревнителями новизны». По его словам, в диспутах с представителями РПЦ не обеспечивается равноправие, что и заставило его «обратиться к письменной беседе» (НБ ТГУ. В-26395: 6 об.). Благодаря этому становится очевидным, что автор текста из левого столбца стоял на позициях защитников старого обряда. Не менее важным представляется то, что он являлся непосредственным свидетелем описываемых событий (на это указывает специфическое использование им личных местоимений).

Далее старообрядец называет место проведения беседы — село Грамотино Пошехонского уезда Ярославской губернии (НБ ТГУ. В-26395: 7). Данный факт сужает радиус нашего поиска и явственно указывает на «собеседование» 13 декабря 1892 г., проходившее в этом селе между представителями РПЦ и старообрядцами Спасова согласия, в котором также принимал участие Н.И. Касаткин (Потехина 2014: 195).

Старообрядец следом продолжает осуждение общей атмосферы и порядков проходившего диспута. Особую его критику снижало грубое обращение одного из участников к спасовцам в ходе беседы: «в самом начале обозвал раскольников» (НБ ТГУ. В-26395: 7). Этот факт косвенно подтверждает предполагаемую нами датировку диспута, т.к. именование староверов «раскольниками» имело место вплоть до опубликования в 1905 г. указа «Об укреплении начал веротерпимости». Прочным доказательством это, однако, признать нельзя, поскольку наиболее фанатичные миссионеры продолжали называть противников обрядовых ре-

форм XVII в. «раскольниками» и в течение последующих двух десятилетий.

Здесь же спасовец обращает внимание на тот факт, что оскорбил их не Н.И. Касаткин, а «какой-нибудь многоученый профессор» (НБ ТГУ. В-26395: 7). За этим следует ожесточенная критика «мирской мудрости» — светского образования, вплоть до начала XX в. неприемлемого у некоторых старообрядческих толков. Автор призывает «не отвечать безумным по безумию» (НБ ТГУ. В-26395: 8). Стоит, однако, упомянуть про то, каким образом предстает в рассказе беспоповца Н.И. Касаткин и некоторые бывшие с ним священники. Автор утверждает, что православный миссионер и пять священнослужителей «держали себя скромно, благородно и прилично священническому сану» (НБ ТГУ. В-26395: 6).

Далее обратимся к параллельному тексту на правой половине книжных листов. Начальные тезисы православного книжника тематически не соотносятся с текстом автора-старообрядца. Миссионер критикует попытки старообрядцев полемизировать с официальной Церковью. По его мнению, критика не может повредить истинной Церкви, а попытки приписать РПЦ отступление от Христа являются страшнейшим преступлением. Большое внимание уделяется доказательству истинности господствующей Церкви. Миссионер обличает расхожий аргумент староверов об отступлении 1666 г. Доводом для него становится то, что Церковь так и не понесла наказание за мнимую «измену», а следовательно, отступничества не произошло (НБ ТГУ. В-26395: 6—7 об.). Православный проповедник пользуется и другими полемическими приемами для обоснования превосходства своего вероисповедания. Значимым обвинением становится упрек староверов в доносительстве, имевшем место, по его уверениям, с первых лет раскола. Миссионер объявляет, что старообрядцы уже в XVII в. начали активно обращаться к официальной власти с «доношениями» против Никона, в то время как Ветхий Завет не поощряет наущничество (НБ ТГУ. В-26395: 7 об.—8).

Опытные православные миссионеры стремились убедить оппонентов-старообрядцев, пользуясь их собственной системой доказательств, оперируя при этом массой цитат из священного писания. Культура староверов, в значительной степени связанная с

древнерусской книжной традицией (для которой, в свою очередь, характерно широкое и точное цитирование источников), была особенно восприимчива к подобным методам аргументации. Однако полемист, о котором идет речь, напротив, избегает привлечения широкого пласта цитат. Косвенно это может свидетельствовать о том, что пропагандист целью своей деятельности видел не склонение на позиции РПЦ своего оппонента, а обращался к православным, в руки которых мог попасть данный сборник, дабы предотвратить их отступление от веры.

Видимо, составителем сборника вначале был старообрядец, заполнивший левые столбцы книги ранее своего противника. Православный миссионер вступил в дискуссию на последующем этапе, оформив тезисы на правой стороне листов. На это, в частности, указывает вторичный характер некоторых его аргументов. Повествование «отталкивается» от текста старовера и периодически использует просчеты в его доказательствах. Исходя из комментариев, мы также можем установить, что в отличие от своего противника православный проповедник не являлся свидетелем упомянутого в начале сборника «собеседования» 1892 г., более того, был плохо осведомлен об участниках и основных направлениях данного диспута.

Представитель Спасаго согласия подробно излагает главные аргументы сторон. По его свидетельству, православные священники продолжали в ходе обсуждения исходить из рассуждений относительно права староверов называться Апостольской Церковью. Нетовцы, в свою очередь, на очередные обвинения православной стороны в раскольничестве прибегли к доводу о том, что староверы «все предания соблюдают». Это, по мнению беспоповцев, явственно доказывает их принадлежность к древлеправославной Церкви (НБ ТГУ. В-26395: 9—10).

За этим следует крайне эмоциональная реакция православного книжника. Весьма язвительно он замечает, что не согласен с именованием старообрядцев «раскольниками», но лишь поскольку староверы «никогда не были в Апостольской Церкви и потому ее не раскалывали» (НБ ТГУ. В-26395: 9). В крайне грубой манере он критикует и неумелых, по его представлениям, миссионеров, неспособных искусно одолеть в диспуте своих противников. Сам же диспут проповедник называет не иначе как «смешным» (НБ

ТГУ. В-26395: 9 об.). Интересно, но представитель РПЦ не пытается скрыть особую эмоциональность, возобладавшую в нем в ходе эпистолярного спора. Наиболее темпераментные элементы своей речи проповедник выделяет крупными прописными буквами.

Тем временем беспоповец, продолжая обсуждение минувшего спора, сетует на светские власти и цензуру, мешающие печатать «необходимые для диспута книги» (НБ ТГУ. В-26395: 10 об.). Из подобного рода заверений мы можем сделать ряд предварительных выводов. По всей видимости, диспут 1892 г. закончился не в пользу старообрядческой стороны, ввиду чего автору (левого столбца) понадобилось внятное оправдание своего богословского поражения. Его оппонент, однако, не склонен обвинять в несостоятельности староверов, сложившиеся правовые порядки. Признавая малочисленность полемической литературы у староверов, он объясняет это обстоятельство в большей степени редкостью старопечатных фолиантов, а также многочисленными фактами их утери или порчи (НБ ТГУ. В-26395: 11).

Продолжая полемику, нетовец обращается к подробным рассуждениям о символе веры, а также объясняет сущность Соборной Церкви. Так, старообрядец объявляет сопричастниками Церкви всех истинных верующих, «не взирая ни на время, ни на звание» (НБ ТГУ. В-26395: 11 об.). К их числу он не относит приверженцев РПЦ как отступивших от заветов Святых Отцов. Православный миссионер в ответ на данный упрек обличает беспоповца, оперируя сочинениями Максима Грека. Таким образом, мы можем констатировать наличие значительного полемического опыта у представителя официальной Церкви. Обращение к авторитету Максима Грека служило весьма искусным методом ведения спора. Являясь «культовой фигурой» для старообрядческой литературной традиции, Максим Грек, равно как и его труды, не мог быть подвергнут существенной критике, что весьма затрудняло ведение дальнейшей полемики для сторонников старого обряда (Гурьянова 2012: 26). Мастерство православного составителя лишь подтверждает и демонстрируемое им прежде знание широкого пласта трудов по защите старого обряда (НБ ТГУ. В-26395: 10 об.).

Однако православный автор постепенно все более выходит за рамки сдержанной полемики. Крайне эмоционально он реагирует

на положения, выдвинутые в параллельном столбце старообрядческим оппонентом. Показательны следующие выражения: «...молчи, треклятый. Мы веруем во единого Бога Отца» (НБ ТГУ. В-26395: 11 об.). Миссионер в своих рассуждениях опирается на довод о несокрушимости истиной Христовой Церкви. Свою речь он завершает весьма приземленно — обвинением своего оппонента в несторианстве. Характерный именно для старообрядцев полемический ход, как мы видим, здесь ставит на службу представитель официальной Церкви.

Старообрядческий книжник тем временем обращается к генезису церковного учения. Он признает роль греков в качестве первых церковных учителей и, более того, указывает на святость жития первых греческих апологетов христианства. По его словам, вера во Христа первоначально сохранялась именно благодаря заступничеству чинов, поставленных от константинопольского патриарха (НБ ТГУ. В-26395: 14). В дальнейшем же характер рассуждений сменяется обличениями. Выводы старовера сводятся к утверждению, что восточная Церковь, несмотря на многочисленные заимствования у греков и долгое греческое покровительство, ввиду своей беспрекословности в вопросах веры более не может терпеть «чинимых отхождений». Конечной точкой размежевания Церквей он признает Флорентийский собор и заключение унии с папой (НБ ТГУ. В-26395: 16—17). Приведенные рассуждения не были оригинальными построениями книжника, а являлись устоявшимся образцом в старообрядческой полемической традиции. На это указывает также дальнейшая отсылка автора к крайне популярной в среде староверов средневековой идее «Москва — Третий Рим» (Першина 2013: 48).

Тем временем рассуждения православного миссионера претерпевают значительные изменения. Взамен крайне эмоциональных сравнений старообрядцев со змеем, искушающем людей в райском саду, речевые обороты исполняются ласки и христианского сочувствия: «Древо одно. Ветвей много. Не отламывайтесь от дерева, братие» (НБ ТГУ. В-26395: 16). Эмоциональная «оттепель», однако, продолжается совсем недолго. В ответ на утверждение старовера о том, что православная вера неизменно сохранилась только у одних русских, он вновь прибегает к остротам:

«Господи! Помилуй сына моего, яко беснуется» (НБ ТГУ. В-26395: 24).

Далее тексты книги наполняются взаимной критикой. Старообрядческий проповедник обращается к традиционной для беспоповства манере диспута, заключающейся в использовании эсхатологических предсказаний и устрашении читателя установлением в мире власти антихриста. В свою очередь, миссионер развивает собственную полемическую линию, не связанную с текстом своего оппонента, обращаясь к критике беспоповского направления староверия. Среди его аргументов мы встречаем обвинения противников реформ Никона в неимении причастия и священнического чина, поругании храмов. Оба автора используют весьма примечательные полемические приемы. Представитель официальной церкви вновь ссылается на Максима Грека в надежде сделать собственные рассуждения более весомыми для старообрядческой аудитории (НБ ТГУ. В-26395: 27—35). Старовер, в свою очередь, также обращается к литературе своих идеологических оппонентов, точнее, к книге преподавателя Московской духовной академии Н.Ф. Каптерева «Характер отношений России к православному Востоку в XVI и XVII вв.» (НБ ТГУ. В-26395: 22—32).

Мотивы приверженца старых обрядов в данном случае также исходили из потребности представить убедительные доказательства для читателя и заодно максимально затруднить ведение полемики для православного оппонента. Факт использования старовером подобной литературы может считаться многозначительным. Безусловно, интересующий нас старообрядец относился к прогрессивно настроенным кругам русского раскола, образовавшимся в конце XIX в. в результате смягчения конфессиональной политики государства. Одной из характерных черт данного интеллектуального течения, не привязанного к конкретному согласию, стало использование в полемических целях светской, а иногда и инословной литературы, что являлось непозволительным для более консервативных кругов русского староверия (Пругавин 1884: 190). Другим подтверждением значительного влияния на старообрядческого автора светской культуры и новаторских идей становится указание последним выходных данных цитируемой литературы, что опять же было весьма нехарактерно для консер-

вативных книжников (Зольникова 2001: 166). Позднее на листах сборника старовер вновь обнаруживает свои взгляды, называя Российское государство «империей». Стоит учесть, что даже весьма умеренные течения старообрядчества избегали использования слов, вошедших в употребление в результате иностранного влияния. Так, по свидетельству преподавателя Тобольской духовной семинарии И.Я. Сырцова, представители поморского согласия молятся за царя, но не называют его императором, т.к. «слово это нерусское и древние цари не назывались императорами» (Сырцов 1883: 491).

Далее на страницах сборника мы находим весьма примечательное заявление православного миссионера. Он признается, что некогда был сам сопричастен расколу и присоединился к некоему расколоучителю Николаю Фирстову, который «обошел весь мир, но православных не нашел» (НБ ТГУ. В-26395: 38). Разочаровавшись в официальной Церкви и во всех знакомых ему толках староверия, Фирстов с еще двумя «старичками», подобно множеству других, занялись созданием собственного христианского течения, в наибольшей степени удовлетворяющего их индивидуальные религиозные нужды.

Крайне любопытны попытки героев повествования дать начало собственному согласию. Налицо значительный материал, раскрывающий этапы, специфические черты и трудности зарождения новой конфессии. Среди них особенно выделяется актуальная для беспоповства проблема отсутствия священства и соответственно невозможность исполнения большинства церковных таинств. Эту задачу, однако, успешно разрешили старообрядцы «второго поколения». Уже к концу XVIII столетия была выработана подробная богословская аргументация необходимости отказа от священства и передачи части духовных функций мирским руководителям общин. Значительный опыт других согласий на-верняка собирались использовать и в общине Фирстова.

Однако расколоучитель и его сторонники, отказавшись признавать нравственное право священства проводить обряд крещения, столкнулись с другой смежной проблемой — отсутствием у всех троих «истинного крещения». Выход из этой ситуации был найден весьма специфический. По свидетельству автора, бросили жребий, дабы решить, кому придется креститься самостоятельно.

После этого самокрещенцу предстояло обратиться и двух своих единомышленников (НБ ТГУ. В-26395: 38 об.). Вопрос о том, являлось ли столь оригинальное решение изобретением Фирстова или же такая практика использовалась и ранее, а была лишь заимствована, заслуживает отдельного рассмотрения.

По всей видимости, миссионер прибег к описанию личного опыта отношений с расколом с целью демонстрации несостоятельности противников официальной церкви и абсурдности некоторых решений, к которым те вынуждены прибегать. Стоит отметить, что здесь имеет место использование компилятивного принципа построения текста. Так, особенно значительным приведенный пример представляется в контексте предшествующего повествования, где, напомним, православный автор осуждал практики беспоповских согласий. Абстрактные рассуждения о несообразности поисков «образцовой веры» дополняются почти юмористической иллюстрацией того, во что могут вылиться подобные искания. Данный вывод можно счесть весьма любопытным, ибо компилятивное «устройство» текстов являлось характерной чертой старообрядческой книжной традиции, унаследованной от древнерусской литературы. Возможно, ориентируясь на беспоповскую аудиторию, миссионер прибег к заимствованию традиционных для нее методов полемики с целью усиления авторитетности собственного текста в глазах рядовых староверов.

Следом мы узнаем про личность собеседника миссионера. Последний в пылу диспута мимоходом называет фамилию оппонента — Комиссаров. Это вскрывает подоплеку рассматриваемой дискуссии и объясняет ряд неясных ранее моментов. Уроженец Вологодской губернии Аввакум Анисимович Комиссаров известен своей активной пропагандистской деятельностью в защиту Спасова согласия. По утверждению Е.А. Потехиной, именно Комиссаров являлся главным оппонентом Н.И. Касаткина в ходе собеседования в Грамотино 1892 г. (Потехина 2014: 195). Тогда Касаткину не удалось внятно отстоять позиции нетовцев, чем, вероятно, и были обусловлены сетования старовера в начале сборника на «агрессивное» поведение православных в ходе диспута. В дальнейшем поражение привело к написанию объемного сочинения «Вечная правда. Ответы на восемь вопросов миссио-

нера Н.И. Касаткина», опубликованного в промежутке между 1895 и 1899 гг. (Потехина 2014: 196).

Интересно, что в ходе данной дискуссии Аввакум Анисимович не ссылается на текст своей книги, однако регулярно обращается к цитируемым в ней трудам. Можно также заметить, что повествование Комиссарова в сборнике структурно повторяет текст его полемиического трактата. В обоих произведениях имеются сходные разделы, посвященные преследованиям старообрядцев за веру, критике греческих обрядов, защите церковной преемственности староверов. Следует заключить, что текст сборника был в значительной степени вдохновлен содержанием «Вечной правды». Причины замалчивания этого произведения в беседе предстоит еще установить.

Подтверждаются и сделанные ранее выводы о характере взглядов Аввакума Анисимовича. Согласно Ю.В. Муртаевой, Комиссаров стоял у истоков раскола новоспасовщины, разрешавшей в противовес «глухой нетовшине» строительство отдельных молитвенных домов, совершение брака, пострижение в иночество (Муртаева 2013: 115).

В продолжении А.А. Комиссаров дополняет свою критику греческой обрядности расхожими аргументами о порче книг, искажении символа веры, введении четырехконечного креста и др. (НБ ТГУ. В-26395: 41—57). Данный набор аргументов был впервые сформулирован иеромонахом Геронтием в тексте «Пятой соловецкой челобитной» и с тех пор оставался почти неизменным. По всей видимости, Аввакум Анисимович таким образом стремился дополнить собственные эмоциональные суждения набором надежных богословских аргументов, способных удовлетворить даже взыскательных читателей. Каждый из представленных доводов подробно «обговаривается» спасовским начетчиком и раскрывает всю полноту старообрядческой духовной мысли.

В ответ на приведенные обвинения православный миссионер в характерном для себя стиле обвиняет оппонента в «бесовском лукавстве», после чего обращается к защите новопечатных книг, прибегая к описанию исторических сюжетов (НБ ТГУ. В-26395: 43—56). При этом указывается, что некогда и старообрядцы принадлежали к истинной Церкви, но отпали от нее в 1666 г. Здесь нас могут заинтересовать два любопытных факта. Первый из них

— использование православным кириллических числительных, что было характерно для приверженцев староверия, второй — отсылка к 1666 г. как времени окончательного размежевания Церквей (НБ ТГУ. В-26395: 48). Последнее особенно необычно в силу того, что ошибочная по своей сути дата 1666 г. возникла в среде староверов для того, чтобы номинально привязать реформу Никона к числу зверя, описываемому в Откровении Иоанна Богослова (13:18) и таким образом обосновать наступление царства антихриста. Ввиду этого крайне несообразным представляется использование даты сторонником официальной иерархии. Объяснить подобный просчет можно лишь тем, что в мировоззрение миссионера могли проникать элементы старообрядческой идеологии, например, в результате продолжительного пребывания в среде староверия и работы с текстами его адептов. Сходные случаи заимствования идей беспоповцев проживавшими в непосредственной близости от них православными неоднократно приводятся в дореволюционной литературе (Александров 1882: 3).

Комиссаров, в свою очередь, продолжает «наступление» на вероисповедную реформу посредством критики написания имени «Исус» в его «никонианском» варианте. Данной проблематике старообрядец посвящает подробнейшую статью в левом столбце сборника, ссылаясь при этом на ряд светских исследователей вопроса. Его оппонент тем временем методично продолжает защиту обрядов, не акцентируясь на каком-либо из вопросов излишне подробно, а взамен приводя доводы общего характера. Интересен один из его аргументов. В очередной раз миссионер обращается к авторитету Максима Грека, утверждая, что смерть преподобного последовала по вине старообрядцев (НБ ТГУ. В-26395: 64 об.). Столь явное, на первый взгляд, заблуждение несет в себе элемент метафоры. Пользуясь тем, что в вину Максиму Греку вменяли порчу им богослужебных книг, миссионер объявляет его противников «старообрядцами», указывая на принципиальную схожесть методов тех и других.

Третья крупная статья старообрядческого проповедника посвящена «поливательному» крещению (НБ ТГУ. В-26395: 66 об.—78 об.). Споры вокруг приемлемости последнего взамен полноценного погружения в купель занимали значительное место в полемике староверов с «никонианами». Однако остается загад-

кой, почему именно вопросам о написании имени Христа и обливания старOVER уделит столь пристальное внимание, в то время как остальные пункты противостояния, несмотря на подробный обзор, в сборнике явно уступают им по объему.

Миссионер, однако, не спешит отвечать на выпады своего противника, методично развивая тему истинности исправленных в результате реформы книг. В своих размышлениях он исполняется колкостями в сторону Аввакума Анисимовича, называя того «комиссаром». Крайне примечательным представляется один из аргументов, используемых православным книжником. Он обращается к авторитету страдальцев, мучимых в древности за истинность церковных книг. Подобный полемический оборот, крайне характерный именно для проповедников староверия, по всей видимости, применяется здесь для воздействия на старообрядческую аудиторию. Этот пример в очередной раз явственно обнаруживает значительное взаимное влияние двух противостоявших друг другу течений христианства.

Четвертый вопрос, рассматриваемый в сборнике Комиссаровым, направлен на доказательство прав приверженцев Спасова согласия называться приемниками Апостольской Церкви. Глава имеет прочную привязку к предыдущим текстам старовера. Включение ее в состав сборника объясняется необходимостью предложить читателю «истинную Церковь» взамен осужденных ранее Русской и Греческой. Доводы старовера здесь не отличаются какой-либо оригинальностью: получается, что они «лучше всех следуют канонам» (НБ ТГУ. В-26395: 85). Предугадывая вопросы оппонента, старовер оправдывает малочисленность «истинной Апостольской Церкви», часто вменявшуюся в вину старообрядческим согласиям. По его словам, учение Христа и вовсе первоначально снизошло лишь к двенадцати апостолам и 120 бывшим с ними людям. Предчувствуя следующий вопрос, Комиссаров переходит к рассуждениям о дозволении в случае необходимости крещения детей их отцами и дьяконами, приводя в пример исторические свидетельства (НБ ТГУ. В-26395: 90—95). Подобный стиль спора был весьма характерен для старолюбцев.

По утверждению Н.С. Гурьяновой, форма «вопрос-ответ» служила излюбленным методом полемики староверов. В представлении исследовательницы в подобных случаях описываемое

на страницах книг противостояние имело мало общего с реальным диспутом и выступало исключительно как авторский прием (Гурьянова 2001: 16—17). Первоначально старообрядцы прибегали к осуждению какого-либо явления или постулированию собственных идей. Вслед за этим приводились возможные возражения оппонентов, опровергаемые в дальнейшем. Зачастую ряд важных толкований и аргументов православной стороны мог опускаться с целью создания впечатления о безоговорочном богословском преобладании позиций (Гурьянова 2013: 196).

При чтении сборника мы сталкиваемся со сходной ситуацией. Отвлечшись от абстрактных умственных построений, миссионер обращается к критике высказанных Аввакумом Анисимовичем объяснений, представляя на суд читателя собственные аргументы. Признавая возможность совершения таинств, в случае нужды, «простецами», представитель православной стороны сетует на неправомерность сравнения нынешних времен с примерами из прошлого (НБ ТГУ. В-26395: 95 об.—96 об.).

Продолжая отстаивать право на номинальную преемственность нетовцев от первых христиан, Комиссаров обращается к библейским сюжетам и прослеживает историю Церкви. Позднее автор дополняет собственные рассуждения непосредственным перечислением иерархов, выступавших хранителями православия от возникновения раскола и до формирования Спасова согласия (НБ ТГУ. В-26395: 135).

Утверждение истин вновь быстро сменяется перечислением и критикой возможных контраргументов православной стороны. На этот раз старовер попытался выступить против расхожего обвинения в отсутствии у беспоповцев церквей. Аввакум Анисимович говорит о допустимости поклонения Богу в любых удобных молящемуся местах, опираясь в своих рассуждениях на евангельские тексты. Собственное игнорирование церквей автор объясняет тем, что «в церковь лукавую нельзя входить» (НБ ТГУ. В-26395: 115—126). Его противник подхватывает тему диспута и предлагает читателю собственный ответ на рассматриваемый вопрос. Признавая возможность домашней молитвы, миссионер отстаивает особую пользу «совокупного вопля к Богу» (НБ ТГУ. В-26395: 125 об.—126).

Примечательно, что оба автора заканчивают спор при помощи сходного полемического приема — апелляции к эмоциональности своих читателей. Данный «ход» вполне обоснован и лишний раз свидетельствует о взаимодополнении отдельных частей старообрядческих сборников. В частности, предыдущие догматические рассуждения, включавшие большое число книжных отсылок, должны были заинтересовать критически настроенную публику. Эмоциональные же аргументы имели своей целью привлечь в число сторонников читателей, наиболее восприимчивых к примерам самоотверженного мученичества.

С этой целью старообрядческий книжник приступает к описанию притеснений, которым подвергаются современные старообрядцы. В качестве гонителей в его повествовании выступают как светские власти, так и несправедливые церковные иерархи, допускающие нападки на христиан. В ответ миссионер и вовсе прибегает к «уничтожающему» сравнению раскольников с иудейским народом, требовавшим распятия Христа.

Мы можем наблюдать, как умственные построения старообрядческих книжников предреволюционной России замысловато переплетались с историей, моралью, богословием, заимствовали и модернизировали идеи предыдущих поколений старолюбцев. Не менее существенными следует считать установленные благодаря сборнику факты значительного проникновения методов пропаганды и даже элементов идеологии в творчество антираскольнических миссионеров. Удалось определить одного из участников переписки — старообрядческого проповедника А.А. Комисарова. Выяснение же личности его православного собеседника остается темой самостоятельного исследования.

Страннические сборники из НБ ТГУ являются характерными образчиками старообрядческой компилятивной традиции рубежа XIX—XX вв. Можно заключить, что разные главы сборников выполняли отличные друг от друга функции (обеспечение эфатического или догматического доказательства истинности староверия). Между тем, смежные друг с другом произведения взаимодействовали между собой и часто развивали схожую полемическую тематику. Общая концепция сборников по замыслу составителей должна была окрашивать борьбу староверов с никонианами в яркие эмоциональные тона, а вслед за этим плавно пе-

реходить к богословским произведениям, предоставляющим читателю убедительные доводы для ведения самостоятельной полемики.

Литература

Александров И. 1882. Разговоры о вере с наставником Спасова согласия Аввакумом Анисимовым и наставниками других согласий. Москва: Братство св. Петра митр., 68.

Гурьянова Н.С. 2000. К вопросу о складывании системы авторитетов в старообрядчестве // Источники по русской истории и литературе: Средневековье и Новое время. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 16—23.

Гурьянова Н.С. 2001. О двух экземплярах Кормчей книги // Гуманитарные науки в Сибири (далее — ГНС) 3, 52—56.

Гурьянова Н.С. 2013. О сборнике, составленном Мануилом Петровым // Рукописи XVI—XXI вв.: исследования и публикации. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 191—218.

Гурьянова Н.С. 2012. Старообрядческие сборники и миссионерская деятельность Русской православной церкви в начале XVIII в. // ГНС 3, 24—27.

Зольникова Н.Д. 2001. Работа урало-сибирских староверов-часовенных с книгой в XX в. // ГНС 3, 64—69.

Карпов С.П. 1998. Научное и педагогическое значение археографических исследований Московского университета // Мир старообрядчества. Живые традиции: результаты и перспективы комплексных исследований русского старообрядчества 4. Москва: РОССПЭН, 7—11.

Мальцев А.И. 1999. Статьи Никиты Семенова (1860 г.) и раскол страннического согласия // История Церкви: изучение и преподавание. Материалы научной конференции, посвященной 2000-летию христианства. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 193—197.

Муртаева Ю.В. 2013. Старообрядцы Спасова согласия Ковровского уезда (середина XIX в. — 1917 г.) // Провинциальный город в истории России: материалы научной конференции. Шуя: ПолиЦентр, 113—117.

Никаноров И.Н. 2013. Постановление легендарного старообрядческого собора и сборник «Отеческие завещания» // ГНС 4, 67—71.

Першина М.В. 2013. Тюменский старообрядец И.Р. Легостаев и Русский Хронограф 1620 г. // ГНС 3, 48—52.

Потехина Е.А. 2014. История старообрядчества в полемическом трактате «Вечная правда» // Православие в славянском мире: история культура, язык. Олштын: Ун-т Варми и Мазур, 194—207.

Пругавин А.С. 1884. Запросы и проявления умственной жизни в расколе // Русская мысль 1, 161—198.

Пругавин А.С. 1885. Самоистребление. Проявления аскетизма и фанатизма в расколе (очерки, аналоги, параллели) // Русская мысль 1, 77—111.

Сырцов И.Я. 1883. Современное состояние раскола в Тобольской епархии // Тобольские епархиальные ведомости (далее — ТЕВ) 23—24, 58.

Титова Л.В. 2011. К вопросу о происхождении «Ответа православных» дьякона Федора Иванова // ГНС 4, 3—7.

Юхименко Е.М. 2009. Один из первых старообрядческих учителей священник Лазарь: уточнения к биографии // Уральский сборник. История. Культура. Религия. Вып. 7. Ч. 2. Екатеринбург: Изд-во УрГУ, 83—96.

Глава 8

НЕИЗВЕСТНАЯ РУКОПИСЬ О СИБИРСКИХ ИНОРОДЦАХ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ

История современной Сибири продолжает активно привлекать внимание исследователей всех направлений научного знания. Интерес к народам, населявшим неизвестные территории Зауралья, прослеживается, начиная уже со «Сказания о человецех незнаемых в восточной стране и языцех розных», которое встречается в древнерусских рукописях с XVI по XVIII в. Оно представляет собой первое полуреальное, полуфантастическое описание сибирских народов, которые собирательно называются в нем «самоедь», что идентично терминам «инородцы», «дикари». Под ними понимались ненцы, ханты и манси. Известно их описание: «Сия же люди не велики возрастом, плосковиды, носы малы, но резвы велми и стрелцы горазди, а ездят на оленех и на собаках, а платье носят соболие и оленье, а товар их соболи». Самый ранний список Сказания, который хранится в Государственной национальной библиотеке, был издан Н. Фирсовым (Фирсов 1886). Но научный анализ Сказания с привлечением других списков был сделан Д.Н. Анучиным (Анучин 1890: 227—313), издавшим его по Соловецкому списку с разночтениями еще по нескольким рукописям XVI—XVIII вв. Вскоре текст Сказания из собрания Погодина был издан А.А. Титовым (Титов 1890: 3—6).

На протяжении XVII—XVIII вв. земли к востоку от Урала продолжали привлекать многочисленных исследователей, были организованы и научные экспедиции, снаряженные правительством.

В XIX в. появляется большой массив литературы о сибирских народах, авторами изданных книг, журнальных публикаций и неизданных рукописей, которые оседали в архивах, были путешественники, купцы, миссионеры, этнографы, лингвисты, историки, в том числе и иностранцы, прежде всего европейцы. Все они во время путешествий вели разного рода дневники, путевые записки, в которые заносили сведения о городах, населенных пунктах, стойбищах, их планировке и внешнем виде, размерах, численности населения и образе его жизни, болезнях, культуре,

обрядов, путях и маршрутах передвижения и их состоянии, географические, о флоре и фауне, статистические данные (Лерберг 1819; Кастрен 1860; Даль 1877; Завалишин 1862; Павлов 1878; Финш, Брэм 1882; Гондатти 1982; Чугунов 1890). Эти сведения представляют важный исторический источник, они были предметом научного анализа М.П. Алексеевым (Алексеев 1932: 1936).

В связи с этим вызывают интерес и источники другого рода, прежде всего, делопроизводственные — отчеты чиновников по итогам обзоров территорий, ревизионных поездок, вводимые в научный оборот и в настоящее время (Митрофанов 2014а: 145—153; Митрофанов 2014б: 103—129; Митрофанов 2014в: 183—191).

Немало опубликовано научно-популярных и краеведческих материалов (Карьялайнен 1912: 47—49; Инфатьев 1907) и в конце XIX — первой трети XX в. Так, П.П. Инфатьев издал несколько небольших книг историко-художественного содержания, где через художественный образ нарисовал достоверную картину быта коренного населения, при этом дал краткие исторические справки с черно-белыми иллюстрациями, предназначенные для народных библиотек (Инфатьев 1909а; Инфатьев 1909б; Инфатьев 1911). Следует упомянуть и книгу Старцева (Старцев 1928).

Среди ярких исследователей истории сибирских народов XIX в. следует назвать имена Н.И. Делиля (Пекарский 1865), Н.В. Сорокина (Сорокин 1873), П.А. Словцова (Словцов 1886), прекрасный труд С.К. Патканова, который и сегодня оценивается как «не имеющий себе равных ни в русской, ни в иностранной литературе, и являющийся вообще одним из наиболее выдающихся трудов в этнографической литературе о финно-угорских народах» (Патканов 1891).

Специальные исследования были выполнены В.И. Лядовым (Лядов, 1860: 275—395) — известным педагогом и писателем и др.

Выдающийся российский педагог и просветитель инородцев Н.И. Ильминский много путешествовал не только по России, он был в Египте, Ливане, Палестине, Сирии, где изучал богословскую литературу у известных шейхов, знал многие языки (греческий, латинский, французский, немецкий, арабский, татарский и турецкий), что помогало ему в разносторонней деятельности.

Вскоре после смерти просветителя вышла книга авторитетного историка русской церкви, профессора П.В. Знаменского, кото-

рая является самой полной его биографией (Знаменский 1892). О неординарности личности Н.И. Ильминского свидетельствуют и воспоминания, оставленные К.П. Победоносцевым (Победоносцев 1892), с которым он переписывался.

Педагогическая, просветительская, публикаторская и научная деятельность Н.И. Ильминского высоко оценивалась при его жизни, сохраняются эти оценки и сегодня (Исхакова 2002), его творчество было предметом диссертационных исследований (Ярославская 2007; Грачев 1995; Сиренко 2009). С.В. Грачев особо подчеркнул, что «во многом благодаря деятельности Н.И. Ильминского как ученого-лингвиста, переводчика и издателя, удалось привлечь молодые национальные силы к созданию словарей, учебно-методической и вероучительной литературы для этносов Поволжья, с опорой на живой разговорный язык и этнопсихологические особенности нерусских учащихся». Специальное исследование посвящено архиву видного ученого, в котором отмечается, что Н.И. Ильминский — «православный миссионер, ученый-востоковед, неустанный труженик на поприще народного просвещения»; труды Н.И. Ильминского ставят его в один ряд с выдающимися личностями не только Поволжья, но и всего нашего Отечества. Он существенно продвинул миссионерскую деятельность Русской православной церкви во второй половине XIX столетия, сформировал свою знаменитую педагогическую систему, повлиял на форму просвещения нерусского населения России, явился инициатором возникновения национальных интеллигенций кряшен (крещеных татар), чувашей, черемисов (марийцев), мордвы, вотяков (удмуртов) (Колчерин 2010).

М.З. Хабибуллин и М.А. Кострюков в своей монографии отмечают, что Н.И. Ильминский первым поднял «вопрос о более определенной постановке миссионерских кафедр» (Хабибуллин, Кострюков 2012: 45).

Архив Н.И. Ильминского сегодня во многом описан, публикуются материалы из эпистолярного наследия, выявляются неизвестные работы. Например, А. Колчерин выявил по архивным материалам 867 корреспондентов, писавших Н.И. Ильминскому.

Архивные находки расширяют наши представления о многообразной деятельности выдающегося просветителя инородцев. В архиве Н.И. Ильминского хранится интересная рукопись о ко-

ренных жителях Томской губернии, место расселения которых локализовано рекой Чая. Она имеет название «Остяки. Промысловая жизнь, семейная жизнь, обычаи, верования, предания» (НА РТ. Ф. 968. Оп. 1. Д. 75. Л. 1—46 об.). Структурно текст разделен автором на 4 раздела: «Промысловая жизнь остяков», «Семейная жизнь остяков», «Обычаи остяков», «Суеверия остяков и предания их». Написана она ровным мелким почерком, по ходу ее написания автор вносил исправления, вставки, дополнения, отдельные места зачеркнуты (в публикации оговорены только последние и вставки).

Сразу возникла мысль, что эта рукопись принадлежит известному просветителю. В списках публикаций Н.И. Ильминского этот труд не упоминается, нет на него и ссылок в исследованиях. Однако дальнейшие изыскания, прежде всего, сравнение почерка, которым написана рукопись, и почерка Н.И. Ильминского отвергло предположение о его авторстве. К тому же не встречается и сведений о пребывании Н.И. Ильминского в местах, о которых рассказывается, как и об участии автора в описываемых событиях, при этом в рукописи указывается и конкретная дата: «Я был свидетелем, как в юртах Костенкиных в 1874 году...», «мне случилось однажды ночевать в доме одного остяка» (см. *Приложение*). Следовательно, рукопись принадлежит одному из корреспондентов выдающегося исследователя малочисленных народов. Атрибутировать ее на этапе обнаружения не удалось, требуются дальнейшие изыскания в первую очередь огромного пласта эпистолярных материалов, личного архива Н.И. Ильминского. В них, возможно, имеются упоминания об этой рукописи. Возможен поиск и по образцам почерка корреспондентов ученого-просветителя. Есть еще одна важная деталь, которая поможет установить автора, указывавшего, что им составлена «книга для остяков»⁷². «В ней находится все необходимое для первоначаль-

⁷² Единственными серьезными работами до последнего времени были краткая грамматика и словарь, выпущенные А. Кастреном в 1849 г. (Castren A. Versuch einer Ostjakischen Sprachlehre nebst kurzem Wörterverzeichnis. St. Petersburg, 1849), и словарь Паасонена, выпущенный в 1926 г. (Paasonen H. Ostjakisches Wörterbuch. Nach den Dialekten an der Konda und am Jugan. Helsingfors, 1926). Следовательно, эта книга, как и перевод Евангелия, остаются специалистами неизвестны.

ного знания: азбука, молитвы, сказки, где можно видеть Бога и что нужно знать о нем, Священная История, объяснение значения праздников и как должен жить Христианин и кроме всего этого уже переведено мною на остяцкий язык Евангелие».

В первом разделе рукописи очерчена территория расселения остяков, подробно характеризуются занятия оседлых и кочевых остяков, численность которых небольшая. Автором перечислены все сезонные работы остяков: сенокос («помочи»), осенний и весенний сбор кедровых шишек, среди способов рыбной ловли названы ломка ям и неводная рыбалка, затем лесной промысел, заготовка жира и порса. Особо выделена промышленная заготовка рыбы, дана подробная характеристика найма на работы, его условия, обман со стороны промышленников нанятых остяков. Упомянуты редко встречаемые виды охоты, например, охота на лошадях за лисами. Одновременно автор ярко рисует картины природных явлений, погодных условий, образ жизни во время перечисленных занятий. В следующих разделах содержится информация, отвечающая их названиям, а также редкой ценности информация об обрядовой жизни (сватовство, свадьба убёгом, венчания, похорон и др.).

Публикация рукописи о жителях инородческих волостей Томской губернии явится очередным шагом к познанию жизни малочисленных народов Томской губернии во второй половине XIX в. Автором проводится мысль о том, что изменение образа жизни и, прежде всего, внутреннее перерождение остяков связано с распространением христианства. Эта точка зрения роднит неизвестного пока автора с Н.И. Ильминским, активным поборником распространения христианства среди нерусских народов. Именно христианское учение, по их мнению, несет свет культуры, влечет за собой смягчение нравов у сибирских инородцев. При этом отмечается недостаток деятельности православного духовенства и русского человека на этом пути. Рукопись, по всей видимости, была направлена на просмотр Н.И. Ильминскому для получения отзыва или содействия в ее публикации.

Современные исследователи, изучающие этнокультуру народов территорий, описанных в рукописи, указывают на принадлежность их к селькупам, к тому же редкой языковой группы.

Хотя в ряде официальных публикаций констатируется, что жители относятся к осяткам (Список... 1929).

Ценность рукописи заключается и в том, что в ней нарисована история, образ жизни, культура, обряды небольшой группы томских осятков. Думается, что новая работа займет должное место в перечисленном выше списке образцов дневников и воспоминаний, этнографических записок о жизни томских осятков во второй половине XIX в.

Во время подготовки текста к публикации возникла проблема уточнения написания и перевода отдельных инородческих слов, приведенных в тексте рукописи. К сожалению, в этой сфере специалистов немного. Знатоки культуры и носители языка ханты в г. Нижневартовске не смогли оказать помощь в прочтении слов, сделав предположение, что язык селькупский. Специалисты научно-исследовательского отдела хантыйской филологии и фольклористики Обско-угорского института прикладных исследований и разработок также затруднились дать научную консультацию по переводу. На просьбу откликнулись специалисты-этнографы и лингвисты г. Томска. А. Персидская отождествила ряд слов с селькупским языком, которым она и занимается, другие оказались, по ее мнению, из других языков. Вероятно, на названных территориях проживали осятки, которые взаимодействовали не только с русским населением, но и с соседними сибирскими этносами. Это обстоятельство является основой для дальнейших поисков.

Отдельные сведения по интересующим нас проблемам содержатся в недавних публикациях томских исследователей. По сведениям Н.А. Тучковой, «селькупское население на Чае проживало как на ее истоках, так и непосредственно на среднем и нижнем течении этой реки». Исследовательница пишет о неоднородности населения этой местности: «в середине XVIII в. это население тоже было как минимум двукомпонентным, так как один из ее истоков Paraby-ki (ныне Парбига), вероятно, был также, как и низовья Парабели, заселен группой Parbe и назван по этнониму этой группы, тогда как приток Парбиги — Бакчар (Музур) — и собственно Чая были заселены другой группой с иным этнонимом Künku» (Тучкова 2012: 136—139). Автор обратила внимание на то, что еще Г.Ф. Миллер писал: «вдоль Чаи, от Устья и до [рч.]

Музура [Бакчара], а также на ½ дня пути вверх по Музуру живут остяки Чаинской волости Томского уезда, которые называют свой род Künku-aimak» (Миллер 1996).

Н.В. Сайнакова пишет о группе «селькупов-шёшкупов, носителей группы селькупов-шёшкупов, носителей шёшкупского диалекта» (Сайнакова 2015: 107), которые проживали в этих же местах. По ее сведениям, «на сегодняшний день территория Иванкинского поселения (Иванкины юрты (Кудряшова 2000: 186—205) упоминаются и в рукописи. — В. М.) Колпашевского района Томской области является фактически единственным сохранившимся традиционным населенным пунктом, где проживают потомки среднеобских селькупов — особой подгруппы селькупского этноса, в диалектном и этнокультурном отношении имеющей ряд специфических отличий как от центральной группы селькупов (чумылькупов), так и от южных селькупов (сюсюкумов)». Исследовательница утверждает: «к сожалению, никогда эта группа не являлась объектом специального изучения; в научной литературе нет работ, отдельно посвященных этнокультурной специфике населения именно данной местности».

Но оказывается, что 140 лет назад была написана интересная работа, которая остается неизвестной. Ее публикация будет содействовать разрешению многих вопросов, о которых пишет Н.В. Сайнакова, как то: «уточнение границ расселения, а также выявление специфики хозяйственной жизни и бытового уклада», что «позволит в будущем более точно освещать этнокультурные процессы всего Нарымского Приобья и, в частности, более детально описывать этногенез селькупов» (Сайнакова 2015: 107—115). В статье томской исследовательницы приводятся лаконичные сведения «о священном мысе Попаргесог», об «идоле», стоявшем в самом поселке. О нем, кстати, содержатся сведения и в «тетрадах экспедиции Г.И. Пелих, датированных 1961 г.», в которых имеются записи Н.А. Томилова, сделанные в Иванкино от В.Г. Иткуповой: «...В Иванкино стоял столб-идол. Вырезан в виде человека. Ему поклонялись. На Согур носили куколки, лоскутки и головы животных (угощали лесного духа). А лесной идол смотрел, кто, сколько принес, тому и зверей на охоте соответственно давал» (Сайнакова 2015: 107—115).

Таким образом, немногочисленные исследования, появившиеся в последние годы, свидетельствуют о явном интересе к истории этносов, проживавших в Томской губернии в бассейне реки Чаи. Необходимо указать, что современные этнографы ставят вопросы, на которые пытался ответить пока не известный нам автор. Лингвистам следует внимательно изучить приводимые в рукописи слова, соотнести их с этническими носителями и определить их этимологическое значение.

Выражаю искреннюю благодарность за уточнения в написании и переводе отдельных остяцких слов старшему преподавателю Национального исследовательского Томского политехнического университета Анастасии Персидской и аспиранту Томского государственного педагогического университета Виктору Варде, за уточнения в написании названий географических объектов и населенных пунктов — главному библиотекарю историко-краеведческого отдела Томской областной библиотеки им. А.С. Пушкина Т.Г. Бурматовой.

Литература

Алексеев М. П. 1932. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарии. Т. 1. Ч. 1. Иркутск: Крайгиз.

Алексеев М.П. 1936. Сибирь в известиях западно-европейских путешественников и писателей. Введение, тексты и комментарии (вторая половина XVII века). Т. 1. Ч. 2. Иркутск: Крайгиз.

Анучин Д. 1890. К истории ознакомления с Сибирью до Ермака // Древности 14, 227—313.

Гондатти Н.Л. 1888. Следы язычества у инородцев Северо-Западной Сибири. Москва: Типография Е.Г. Потапова.

Грачев С.В. 1995. Педагогическая система Н.И. Ильминского и ее развитие в теории и практике просвещения нерусских народов Поволжья (вторая половина XIX — начало XX века): Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород.

Даль Х. 1877. Описание двух экспедиций в реку Обь членами Императорского общества для содействия русскому торговому мореходству графом А.Е. Комаровским, А.К. Трапезниковым, А.М. Сибиряковым, В.Н. Собащниковым и И.В. Черняевым в 1876 и 1877 годах / Составлено начальником экспедиции Х. Далем. Москва: б.и.

Завалишин И.И. 1862. Описание Западной Сибири Ипполита Завалишина. Москва: В тип. Грачева и комп.

Знаменский П.В. 1892. На память о Николае Ивановиче Ильминском. К 25-летию Братства св. Гурия. Казань: Издание братства святителя Гурия.

Инфатьев П.П. 1907. Вогулы: Месть шамана: Вор: Исторический очерк: Исторический рассказ: Рассказ из жизни вогулов. Санкт-Петербург: Издание А.Ф. Девриена.

Инфатьев П.П. 1909а. Остяки: Дети сироты: Очерк из жизни Остяков. Санкт-Петербург: Издание А.Ф. Девриена.

Инфатьев П.П. 1909б. Этнографические рассказы: Из жизни татар, киргизов, калмыков, башкир, вогулов и самоедов. Санкт-Петербург: Издание А.Ф. Девриена.

Инфатьев П.П. 1911. Рассказ из жизни остяков. Очерк. Санкт-Петербург: Издание книжного магазина П.В. Луковникова.

Исхакова Р.Р. 2002. Деятельность Ильминского и его системы (Историография проблемы). Казань: Изд-во Казан. ун-та.

Карьялайнен К.Ф. 1911. Путевые записки / Пер. с финского В. Болотова // Сибирские вопросы 47—49.

Кастрен М.А. 1860. Путешествие Александра Кастрена по Лапландии, северной России и Сибири (1838—1844, 1845—1849) // Магазин землеведения и путешествий: Географический сборник. Т. VI: Собрание старых и новых путешествий. Ч. II. Москва: Издатель Николай Фролов, Тип. Александра Семена.

Колчерин А. 2010. Архив Н.И. Ильминского как источник по истории просвещения и христианизации инородческого населения России: Дис. ... канд. богословия. Санкт-Петербург.

Кудряшова Т.К., Кудряшова Д.А., Ким А.А. 2000. Юрты Иванкины: взгляд в прошлое // Земля Колпашевская. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 186—205.

Лерберг А.Х. 1819. Исследования, служащие к объяснению древней русской истории А.Х. Лерберга / Изданы на немецком языке по определению Императорской С.-Петербургской академии наук Ф. Кругом / Перевел Д. Языков. Санкт-Петербург: Тип. Деп. народного просвещения.

Лядов В.И. 1860. Зауральские финны-остяки // Рассвет. Т. 7. № 9. 275—395.

Миллер Г.Ф. 1996. Путешествие по воде вниз по Томи и Оби от Томска до Нарыма. 1740 год // Сибирь XVIII века в путевых описаниях Г.Ф. Миллера. Новосибирск, 172—186.

Митрофанов В.В. 2014а. Обзорение Найденова Пельмского края в 1826 г. как исторический источник // «Присоединение Сибири к России: новые данные»: Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Тюмень: Из-во ТюмГУ, 145—153.

Митрофанов В.В. 2014б. Пельмский край в обзорении Найденова (1826 г.) // Источниковедческие и историографические аспекты сибирской истории: Коллективная монография. Ч. 9 / Под общ. ред. Я.Г. Солодкина. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 103—129.

Митрофанов В.В. 2014в. Приложения // Пять столетий Югры: проблемы и решения, итоги и перспективы: Коллективная монография. Ч. IV / Под общ. ред. проф. Л.В. Алексеевой. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гос. ун-та, 183—191.

Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 968. Оп. 1. Д. 75. Л. 1—46 об.

Остяки и самоеды. Путешествие в Западную Сибирь д-ра О. Финша и А. Брэма. 1882. Москва: Тип. М.Н. Лаврова и К^о.

Павлов А. 1878. 3000 верст по рекам Западной Сибири. Очерки и заметки из скитаний по берегам Туры, Тобола, Иртыша и Оби А. Павлова. Тюмень: Издана И.И. Игнатов.

Патканов С.К. 1891. Стародавняя жизнь остяков и их богатыри, по былинам и сказаниям // Живая старина 3—4.

Пекарский П.П. 1865. Путешествие академика Никола Иосифовича Делиля в Березов в 1870 году. Санкт-Петербург: Тип. Императ. Акад. Наук.

Победоносцев К.П. 1892. Из воспоминаний о Н.И. Ильминском // Русский Вестник 2.

Сайнакова Н.В. 2015. Новые материалы по этнографии и микроистории территории юрт Иванкиных на Оби // Вестник Томского государственного педагогического университета 2 (155). Томск, 107—115.

Сибирь в XVII веке: Сборник старинных русских статей о Сибири и прилежащих к ней землях. 1890 / С предисл. А. Титова. Москва: Тип. Л. и А. Снегиревых, III—IV, 3—6.

Сиренко Ю.В. 2009. Развитие системы призрения и воспитания детей-сирот Уфимской губернии XIX — начала XX веков: Дис. ... канд. пед. наук. Оренбург.

Словцов П.А. 1886. Историческое обозрение Сибири. 2-е изд. Санкт-Петербург: Тип. И.Н. Скороходова.

Сорокин Н.В. 1873. Путешествие к вогулам: отчет представлен Отделению антропологии этнографии при Казанском обществе естествоиспытателей Н. Сорокина с восемью таблицами и картой. Казань: Лито- и типография К.А. Тилли.

Список населенных мест Сибирского края. 1929. Т. 2: Округа Северо-Восточной Сибири. Новосибирск: Новосибирск, 78.

Старцев Г. 1928. Остяки: социально-этнографические очерки. Ленинград: Прибой.

Тучкова Н.А. 2012. О расселении селькупов в Приобье по топонимическим данным Г.Ф. Миллера // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin) 1 (116), 136—139.

Фирсов Н. 1866. Положение инородцев северо-восточной России в Московском государстве. Казань: Университетская типография.

Хабибуллин М.З., Кострюков М.А. 2012. Казанское востоковедение XIX — первой половины XX вв.: П.К. Жузе: Монография. Казань: ЯЗ, 45.

Чугунов С.М. 1890. Антропологический очерк остяков Сургутского края. Антропологическая поездка к остякам Сургутского края летом 1890 года. Письма из Сургута помощника прозектора Томского Императорского Университета С. Чугунова. Томск: Тип. М.Ф. Картамышевой.

Ярославская Е.В. 2007. Образовательная система миссионерских православных организаций Среднего Поволжья второй половины XIX — начала XX веков: на материалах Казанской и Симбирской губерний: Дис. ... канд. пед. н. Ульяновск.

ОСТЯКИ. ПРОМЫСЛОВАЯ ЖИЗНЬ, СЕМЕЙНАЯ ЖИЗНЬ, ОБЫЧАИ, ВЕРОВАНИЯ, ПРЕДАНИЯ

Промысловая жизнь остяков

Остяки инородных волостей Чаинской⁷³, Большечурубаровской, Малочурубаровской⁷⁴ и Порубежных волостей живут большей частью оседло в юртах близ самого берега реки Обь.

Их юрты — это несколько бедных избушек, стоящих без всякого порядка и то на низких, а не высоких берегах Оби или ее притоков, по юрам, как называют здесь, а поэтому их юрты ежегодно весенним разливом реки затопляются водою, так что в большую воду и сообщения между домами бывают не иначе как на лодках, а иногда вода добирается и в самую избу, и тогда хозяин поневоле ищет где-нибудь для себя пристанище в поле на высоком месте или в доме своего соседа, которого еще не затопило водою. Между тем крестьянские селения большею частью расположены на высоких материнских, а не низовых, как у остяков, а потому их селения водою никогда не затопляет. Сами остяки вполне сознают, что лучше бы было, если бы их юрты стояли на местах высоких, но оставляют их на прежних местах, где поселились их деды и прадеды. Или уже раздельная степь, покрытая лучшими лугами, какие возможны в здешнем краю, или близость и раздолье воды, или уже природные остяцкие леса, которые остяки преодолеть не может. И в Европейской России есть большие реки, и они также разливаются на несколько верст и даже на десятки верст, но там разлив воды стоит неделю, две или три, но

⁷³ Чаинская укрупненная волость (район), центр — село Подгорное, Нарымский уезд (Нарымский край) — в Российской империи название северной части Томского уезда (Томского округа), расположенного по обоим берегам Оби (до 1822 г. Нарымский округ, затем — Тогурское отделение); граничил с севера с Тобольской губернией, с северо-востока и востока — с Енисейской.

⁷⁴ По Г.Ф. Миллеру инородческая (остяцкая) Большая Чурубаровская волость на западном берегу Оби начинается немного ниже Малой Чурубаровской волости и простирается на 15 верст (<http://www.vostlit.info/Texts/rus16/Miller/text7.phtml?id=10255>).

разлив Оби продолжается с половины апреля, иногда до августа месяца. Причиною такого продолжительного половодья надобно положить суровость здешнего северного климата. Когда южные реки Бия, Катунь и Томь тронутся, тогда в местах, где протекают реки Кеть, Вах и Томь стоит еще совершенно зима. Когда тронется Чулым и Кеть, то вода этих рек спирает разлив верхних рек, а потом Вах и Томь сопрут воду и вода стоит в разливе пока весною и летом не доберутся до самого Обдорска и Ледовитого моря. По этой же самой причине, мне кажется, в этой стороне и первенствуют только два направления ветра: юго-восточный и северо-западный или как их называют здесь — верховский и низовский. А весною и осенью эти ветры всегда бывают сильны и порывисты. С разливом рек у здешних остяков начинается настоящий рыбный промысел, который не прекращается, впрочем, и зимою, разумеется, только для прилежных, а не ленивых. В это время и ленивый делается уже промышленником, потому что и ему рыба сама в пояс лезет, и остяк из дневного лова лучшую часть кушает сам. Рыба вычищается, кладется в котел и варится, соль для этого кушанья остяку не требуется. Когда рыба сварилась, тогда из котла выливают воду, а рыба выкладывается на стол или у кого есть, то на тарелки. Вся семья садится вокруг стола и едят руками, как говорится до отвалу и без хлеба. Уха же вся бросается, остяк ест ее только тогда, когда мало рыбы, а теперь ее довольно. В это время рыба не только дается самому остяку, но и его семейству, дается собакам и даже кормят ею и коров, и овец. Мелкая же рыба — ельцы и плотва — отбирается и идет на приготовление жира и порса⁷⁵. Ей распарывают брюхо и вынимают внутренности, эти внутренности складывают в котел и вытапливают из них жир или на огне, или в печи, вытапливают долго, чтобы частички жира не остались бы. Жир выплывает наверх котла, тогда его снимают в особенную посуду и он готов к употреблению. Оставшиеся же на дне внутренности выбрасыва-

⁷⁵ Порса (сушеная рыба) — «остяцкие семечки». Мелкую рыбу (окунь, чебаки, караси) без обработки («у рыбы все свое») раскладывают на железных листах и устанавливают на остывающих углях в печи. Сушат несколько ночей подряд. Рыба равномерно усыхает до хрустяще-хрупкого состояния. Если истолочь такую рыбу в ступе, получится рыбная мука.

ют собакам. Этот жир в особенности у бедных остяков идет для освещения во время зимних долгих вечеров, его употребляют и богатые, даже иногда вместо масла в кушаньях. Жарят на нем все съедобное, иногда просто в чашке ставят на стол во время обеда, и, обмочив в него хлеб, чтобы он пропитался жиром, подают его как самое лучшее кушанье, иногда ставят его на стол, когда пьют чай и также подают с хлебом. Но сказать по правде, и вкус этого жира, и запах его донельзя отвратительный и для непривычного, и вообще не для остяка, он может служить вместо рвотного порошка. Этим жиром пропитывается все тело остяков, даже белье и одежда их. Это какой-то ихний неприятный запах. Остяки этот жир вовсе не очищают, следовало бы этот приготовленный ими жир протопить в печи еще раза два или три и уварить хорошенько, тогда он очищается, не имеет никакого запаха, а вкусом не уступит хорошему прованскому маслу. Рыбу же, из которой вынут внутренности для жира, не снимая с нее чешую, втыкают на тоненькие приготовленные прежде как иглы длинные лучинки, одну к другой несколько десятков и исподтишка жарят у разложенного огня. Или же под деревянную решеткою разводят на сильный огонь и, положив эти лучинки с рыбою на решетку, исподтишка поджаривают ее, а потом сохраняют ее до употребления. Едят ее остяки прямо с костями, только очищают шелуху, которая остается как у копченой селедки или за неимением рыбы толкут ее и толченую уже варят в котле. Любопытно посмотреть в это время на остяков, все семьи находятся в это время на чистом воздухе, каждая возле своего разложенного огня. Над огнями на трехколях висит котел, в нем вытапливается жир, около огня на двух колях лежит жердь, а к этой жерди отвесно приставлены палочки с нанизанною на нее⁷⁶ рыбою. Вся семья сидит тут, бабы чистят рыбу, мужчины смотрят за жарящеюся рыбою и переворачивают палочки к огню той стороною, которая еще не поджарилась, ребятишки валяются и бегают по земле и шалят по-своему, даже собаки лежат поодаль и ждут своей подачи. Это самое счастливое и веселое время для остяков. Когда рыба будет уже вся приготовлена на порс и жир, тогда мужчины, а иногда и женщины вместе с ними, опять отправляются добывать рыбу, а добыв-

⁷⁶ Описка, правильно: «на них».

ши опять, продолжают приготовление жира и порса и непременно всею семьей, они не делают так, чтобы один из семьи или двое промышляли бы, а прочие приготавливали бы жир и порс. Остяк наловит и сделает, тоже надобно отдохнуть и полениться, хотя и в промысле нет никакого труда. Когда у него еще есть рыба, он не заботится о будущем, а когда ее нет, пошел и зачерпнул сетью. Это время у них называется жированием и для них самое веселое и счастливое. Оно продолжается до самого покоса. В течение этого времени остяки также приготавливают впрок рыбу, суша ее на солнце, но только все это делается без соли, а потому не имеет никакого вкуса. Если же попадается остяку нельма или стерляди и налимы (они все это время промышляют всякими ловушками), то остяк ее оставляет для продажи, к этому времени приезжают скупщики и скупают рыбу. Тогда у остяка бывают деньги, и он запасает на них что нужно для дома, закупает чай, табак, холст, хлеб, и остатки денег, а иногда даже и не остатки, идут на вино. Остяк любит быть весел, любит выпить, но всегда уже выпьет до чрезвычайности, почти до безумия, и тогда он не прочь поваляться в грязи и подраться, в воспоминание прежних остяцких богатей.

Многие из крестьян, пользуясь этим пристрастием остяков к пьянству, отправляются в юрты с вином и выманивают у них за вино почти весь их промысел. Остяк не умеет воздержаться от вина, а потому пропивает всю рыбу, которую он заловил и даже отдает за бесценнок зверя, которого поймал зимою, но не успел еще продать.

В конце июня или в июле месяце вода спадает и открываются покосы из-под воды и трава, которая росла и под водою, растет скоро и вырастает совершенно, пригреваемая июньским и июльским солнышком, и с половины июля остяк уже отправляется на покос. Если покос близко к юртам, то он там никогда не ночует, а к ночи идет домой, а выходит он косить из дому не ранее, когда совершенно выпится и когда со своею семьей он напьется чаю. Чай пьют они кирпичный. Солнце уже высоко, но остяк никогда не встает рано. Приезжайте в юрты даже в мае в 7 часов, и вы найдете, что вас встречают только собаки громким лаем, но хозяева их все еще покоятся сном праведников, и только разбуженные собаками, они начинают невольно вставать, потом кое-где

закурится дым из труб, но когда еще в печи нагорят угли, тогда начинают наставлять самовары, а бабы между тем приготавливают обед. Остяки вылезают из-под своих пологов, почесываются, и кое-как расклемавшись, принимаются пить чай, а потом уже спустя около двух часов, поправившись со всем, отправляются на покос. Торопиться косить им незачем, потому что жатвы у него нет, он хлеба не сеет и скотины держат понемногу, всего две, три коровы, и две, три лошади, сено для них нужно только на зиму, а с ранней весны до поздней осени вся его скотина пасется на роскошных сырых или степных лугах. Но для этой вольной пастбы есть только два неудобства, иногда скотину давит медведь, а иногда близ озер родится трава вѣх, ядовитая для коров, и они объедаются ею, тогда корова начинает пухнуть, потом падает, с нею делаются судороги и часа через два она пропадает. Так у остяка продолжается покос медленно, не торопясь, с долгими утренниками — это косьба; но сгребание сена в копны, и метка его в стога и еще медленнее, а у других уборка сена в стога уже производится помочами. Любопытны эти помочи. Дня за два или за три до назначенного дня помочи хозяин отправляется в селенье, где есть кабак для закупки вина, и покупает, смотря по своему состоянию и по числу людей, которых он намеривается звать на помочь. Положим, например, что он купит 1 ½ ведра, но в кабаке уже остяк непременно выпьет, если у него еще остались деньги от покупки вина, то он выпьет тут на деньги стаканчик или два, потом из купленного для помочи вина отольет бутылку себе на дорогу. Дороги здесь сухопутной нет, а надобно ехать на маленькой лодке, вот он поехал домой, едет, едет и потянет немного из бутылки. Так с маленькими остановками он доезжает до юрт, где живет его сват или зять, или кто-либо знакомый, которого надобно позвать на помочь, остяк непременно заедет к нему, звать его на помочь, а как он под хмельком, а под хмельком человек обыкновенно делается добрее и проще, то наливает вина бутылку и потчует свата, при этом удобном случае и сам он выпьет. И благо ему, если он выпьет не слишком, или сват (не*) остановит его, тогда он еще привезет вино домой в целости, но если он не сдержит себя, или сват будет также жаден к вину и попросит еще вина, тогда вся помочь оканчивается тут у свата и вина к помочи надобно покупать снова. Если же денег более нет или и эти упот-

ребленные деньги на вино он занял, тогда помочь лопнет и остяк уже сам волею, не волею, а должен убирать сено. Но положим, что он счастливо довезет вино до своих юрт, как только приехал он, тотчас же из привезенного вина он наливает бутылку и потчует своих семейных, затем приходят к нему соседи, их надобно попотчевать и из привезенного вина уже убывает $\frac{1}{2}$ ведра. Потом на другой день надобно остяку опохмелиться, а когда у него есть вино, то его не удержит никто, и не уговорит никто, и он опять начинает вчерашний пир, опять приходят соседи, их тоже надобно попотчевать, хотя и менее вчерашнего. Наконец настает день, назначенный для помочи, все остяки выпались, бабы истопили печи и приготовили обед во всех избах, и приглашенные на помочь собираются к хозяину помочи. Он здесь их попотчует чаем и потом все на лодках отправляются на покос, потому что каждый из помочан пообедал дома. Часа за два до заката солнца все помочане возвращаются в юрты и тотчас же расходятся по домам, но дома, сложив рабочие орудия, приходят немедленно к хозяину помочи, каждый помочанин с своею посудой, куда хозяин помочи наливает каждому помочанину бутылку вина и разве некоторым из них подает тут же по рюмке, или по две, и все они расходятся по домам. Вот с этого-то времени и начинается уже настоящая помощь, в каждом доме теперь есть вино и в каждом доме пьют его. Потом все остяки соберутся к одному кому-либо, начиная с крайнего дома, там их хозяин дома потчует всех вином. Когда в этом доме вино выпито, тогда идут всею кучею в другой дом, а там в третий, и таким образом обойдут всех. Крик, шум, гам, говор, песни не прекращаются во всю ночь, и только громкий лай всех юртовых собак показывает, что помочане вышли из дома и пошли в другой дом. Перед утром же всегда начинается драка, непременно двое или трое подерутся, изорвут друг на друге платье, подобьют друг другу личности, а потом уже на рассвете упадут, где попало, на улице ли, в доме ли и спят богатырским сном. На другой день, т.е. все тот же самый, когда помочане улеглись где попало, когда они выспятся, тогда невозможно и смотреть на них без полного удивления, тот ползает на четырех ногах, тот не может встать, хмель его тотчас валит, тот испражняется ртом, тот поймал вчерашнюю бутылку и нюхает, по крайней мере ее, там бабы плачут, что нет вина, там режут ребятки,

что никто не приготавливает ни чай, ни обед, и все-то они голодны, и никто не может ничего взять в руки. Наконец, уже кому-нибудь попадает благая мысль, что надобно достать вина, что надобно послать кого-нибудь за вином в селение, где продают его (в юртах никогда нет кабаков), иногда верст за десять или более. Тогда все уже начинают искать у себя — не завалились ли где-нибудь деньги, хотя сколько-нибудь — собирают известное им количество, иногда займут и посылают посланника к целовальнику. Когда еще тот привезет, они все дожидаются и маются, но бабы кое-как приободрились, когда узнали, что посол уехал, начали топить печи и готовить чай. Кое-как промаялись до того времени, когда посол воротился, и опять началась всеобщая попойка — опохмелье. И это пьянство после помочи не унимается дня три, и каждый день непременно оканчивается дракою. Так что между русскими крестьянами сложилась и пословица: «у остяка хмель не пропадает даром».

С наступлением августа уже здесь начинается осень, уже на деревьях видны кое-где блеклые, пожелтевшие листья, наступают туманы, сильные холодные росы и первенствующие здесь низовские и верховские сильные ветры, разве только иногда выдаются ясные солнечные дни, которые напоминают конец сентября в Европейской России. Это время лесования, и остяк берет ружье и звериные ловушки, запас сухарей или толченого порса, котелок и половину кирпича чаю и отправляется в тайгу за промыслом зверя. Там он промышляет белок, колонка, горноста, иногда и лося или медведя.

Мелкого зверька он промышляет ловушками, а ружье и порох он бережет для зверя покрупнее. Если бы случилось, что у него вышел бы весь запас, а он был бы голоден и на расстояние выстрела его ружья он увидел бы глухаря, или что-либо подобное съеданное, то остяк никогда не убьет его, затем, чтобы выстрелом из ружья, который слышен в лесу на далекое расстояние, не испугать какого зверя получше. Иногда он где-нибудь построит себе из бересты и древесных ветвей балаган и к ночи приходит туда со своею добычею, разводит огонь, зачерпывает в котелок воды и варит себе чай, за чаем он и наужинается сухарей или порса и располагается спать, разумеется, прежде ободрав пойманных им зверьков, а мясо их бросив собакам, которые с ним тут же на охо-

те. Каждый день обходит он свои ловушки и обирает попавшего зверя. Если же остяк завидит лося, то гонит его иногда очень далеко от своего стана, и когда убьет, тогда для него праздник, он сдирает с него кожу и тотчас же разводит огонь и жарит часть мяса, или варит. Потом кожу и часть мяса переносит в свой стан, а потом постепенно и все мясо, и уже ест всю, и каждый день продолжает свой промысел белок, колонков, горноста, даже иногда попадаются ему рысь и выдра.

До начала сентября, а иногда, смотря по промыслу и до половины этого месяца и даже долее, остяк продолжает свой промысел, а потом уже возвращается домой с добычею. Здесь он подбирает меха по сортам и связывает десятками, приготавливает их для продажи. Но редко и очень редко случается ему продавать эти меха из своих рук. Обыкновенно в течение года остяк забирает у кого-либо состоятельного из своей братьи или у крестьян муку, чай, табак, иногда сахар и даже красный товар, и берет это все в долг до промысла. Человек, снабжающий его, записывает забор его, непомерно возвышая цену своего товара, а когда остяк принесет ему всю свою промысловую добычу, тогда рассчитывается с ним, и почти всегда бывает так, что остяк промыслом своим редко рассчитается, но всегда остается еще в долгу. Это вынуждает остяка опять должиться у этого же человека, на следующий год остяк опять остается в долгу и т.д. Такие иногда недобросовестные расчеты, понятные даже и самому должнику, ныне уже вынуждают и самих остяков промышленников волею неволею обманывать своих, так называемых хозяев, должавших их. Остяки промышленники начали должиться у многих подобных лиц, а потом понемногу уплачивают из добычи каждому из них и все-таки остаются в долгу уже у многих лиц. Поэтому-то эти должавшие их люди и (называются*) говорят ныне, что остяки измошенничались. Но в этом виноваты они сами, если бы они рассчитывались сами с ними добросовестно, тогда остяк никогда не стал бы обманывать его, он честен. Но когда остяк промышленник видит, что за данное ему ставят непомерно высокую цену, а за принимаемое от него самую низкую цену, тогда за обман и он платит обманом, он научается этому от человека, который, как он ясно видит, наживается от его промысла, сам не промышляя, но сидя дома.

(С этого времени остяк исправляя свой*). Иногда, в те годы, когда бывает урожай кедровых орехов, тогда остяки целыми семьями, а иногда и несколько семей отправляются в тайгу для сбора орехов. Орехи, созревши, вместе с шишками валяются на землю, остякам остается только собирать их и сносить в одно место. Остяки выбирают где-нибудь место в середине своего участка кедровника, ставят тут стан. Потом, надевши каждый за плечи большой кузов и взявши в руку берестяное лукошко, отправляются собирать шишки под кедами. Набравши лукошко шишек, скидывают их в кузов за плечами, и таким образом, когда наполнится кузов, они возвращаются в стан и сыпают шишки в одну кучу, потом отправляются опять и опять, наполнивши кузов, возвращаются в стан. Так со всего места, принадлежащего им (в чужие соседние места они не заходят), они соберут шишки в одно место, там, если осень ненастная и дождливая, эти шишки просушивают над огнем на решетках, потом вальками расколачивают шишки, от этого все орехи выпадают из гнезд своих, затем эти орехи вместе с шелухой шишек просеивают на больших решетках, сделанных в ряде больших продолговатых ящиков, привязанных вверху на веревках. Встряхивая эти ящики, достигают до того, что мелкая шелуха идет сквозь решето, а крупная чешуя шишки соберется сверху орехов, тогда ее сгребают и выбрасывают, потом еще просеивают и провеивают, тогда остается один чистый орех. Взрослый прилежный остяк в день может (натаскать*) собрать восемь или девять таких больших кузовов шишек, а из каждого из них может при хорошем урожае выйти около $\frac{1}{2}$ пуда или 30 ф[унтов] чистого ореха. Следовательно, это самый выгодный промысел, но урожай на орехи бывает не каждый год.

(+) (как они плавают сверху)⁷⁷.

Когда озера и реки покроются льдом совершенно, что бывает около половины октября, тогда остяки собираются семьями, шивают свои сети, вешают, составляют из них невод и отправляются неводить рыбу. Близ каждого остяцкого юрт находится всегда множество озер, наполненных рыбою, на этих-то озерах остяки и неводят рыбу. Во всю длину озера они продолжают с обеих сторон по несколько прорубей, с одного края, между этими прорубями

⁷⁷ Помета для памяти.

сделают большую прорубь, куда опускают невод под лед и подолдом ведут его палками по бокам озера от одной проруби к другой и так далее, когда протянут его через все озеро и потом вытягивают его в большую прорубь, сделанную на другой стороне озера. Всю пойманную рыбу выбрасывают из невода на лед озера и протягивают невод другой, а иногда и третий раз. Выневоженную рыбу они делят между собою по паям, по числу неводивших людей и увозят домой. На другой день отправляются на другое озеро, на третье, и так далее, пока не выводят все свои озера. В этих озерах попадает щука, плотва, карась, иногда язь и окунь. Карась иногда попадает очень крупный, так что 6 или 8 шт[ук] идет в пуд. Иногда в некоторых озерах попадает чальный карась или все окунь, или все щука. Я был свидетелем, как в юртах Костенькиных⁷⁸ в 1874 году в одном озере все три тони добыли 16 воев чального окуня, как на подбор мерою в 2/4 арш[ина] каждый. Иногда некоторые озера остяки запирают с лета, когда вода станет только убывать и неводить уже зимою. Запирают, впрочем, такие озера, куда рыба забирается во время половодья, или такие, которые имеют какой-нибудь исток, куда может уходить рыба. Поэтому в их языке озеро имеет различные названия: озеро просто рыбное называется — чаче, озеро запорное — чвирь, и озеро, где водятся одни караси — то⁷⁹.

Не участвующие в этой озерной ловле остяки ставят ловушки на зайцев, колонка и даже лисиц; но лисиц более добывают, гоняясь за нею на лошадях и убивая плетью или палкою, когда она измучается и уже не может идти. Соболя промышляют сетью около рождества, когда на него нападает сон, выследят то место,

⁷⁸ В «Списке населенных мест Сибирского края» есть Костенькины юрты в Колпашевском районе на реке Чая, основаны в 1821 г. На момент 1929 г. в них насчитывалось 26 дворов, 96 жителей, национальность — остяки (Список населенных мест Сибирского края. Т. 2: Округа Северо-Восточной Сибири. Новосибирск, 1929. С. 78, 82). В тексте мы оставляем написание без «ь», в рукописи — с «ь».

⁷⁹ Чвирь (об. Ш, Ч, кет. čʋog, вас. čʋog, тым. čʋer) — большое озеро с истоком; место, покрытое кустарником и затапливаемое весной; узкое длинное озеро; старое русло реки, старица; протока в проеме реки, озеро, где водятся одни караси, — то (об., кет., вас., тым. to, tō — озеро) (А. Персидская). Чвирь: чьвэр — тымский диалект; чвор — кетский диалект; чьвор — васюганский диалект (В. Варда).

где он залег спать, окружают это место сетью, и тогда будят его, он со сна бросается прямо в сеть, и его берут почти всегда живого и тотчас же убивают, чтобы не испортить шкуры.

Около же половины ноября месяца у остяков начинается особый промысел, это ломка ям. На дне Оби есть несколько мест, глубоких ям, куда зимою забирается стерлядь и ложится одна подле другой в огромном количестве. Эти ямы есть собственная принадлежность остяков тех юрт, вблизи которых находится яма. Около половины ноября собственники ямы объявляют окружающим жителям, что их яма будет изломана в такой-то день, и чтобы желающие промыслить на этих ямах съезжались бы к ним. Накануне назначенного дня съезжаются, за назначенную вперед картонную плату в пользу хозяев юрт, много окрестных остяков и даже крестьян с ловушками, называемыми самоловами. Это длинная веревка, на которой прикреплены множество самоловенных уд или крючков, на конце ее прикрепляется камень вместо якоря и эта веревка опускается в выдолбленную для нее особую прорубь и якорем своим или камнем ложится на залегшую стерлядь и тем тревожит ее, отчего стерлядь поднимается вверх, а якорь ложится ниже и тревожит других, которые также поднимаются. А так как стерлядь ложится друг возле друга огромным пластом иногда вышиною сажени на полторы и пласт этот идет по всей яме, иногда длиною версты на полторы или две, то все это пространство льда на реке продавливается прорубями одна от другой не более как на сажень, и в каждую из них одновременно опускается по самолову, якоря, которые тревожат залегшую стерлядь и заставляют ее подниматься до самого верха. Стерлядь, поднявшись, попадает на крючки иногда боком или хвостом и стоит тут до тех пор, когда хозяин самолова ее вытащит. При хорошей ловле каждый промышленник добывает от двух до пяти пудов, а промышленники съезжаются на хорошие ямы от 200 до 300 человек. Самоловы эти не один раз вынимаются из воды, рыба с них обирается и опять самолов опускается в воду; когда же хозяин самолова видит, что уды довольно иступились, то опускает запасные самоловы, а эти везет вечером в юрты, чтобы наточить их, а утром на другой день сменяет ими те, которые опять иступятся. Промысел здесь продолжается дня два, иногда три. Здесь бывает уже настоящая ярмарка, потому что на эти ямы съезжается мно-

жество окрестных крестьянок с калачами и вином и предлагают каждому промышленнику выпить рюмку вина и съесть калач. Разумеется, голодный и прозябший промышленник не отказывается и платит ей за это одну или две стерляди, а иногда промышленнику, в особенности остяку, захочется выпить другую и третью рюмку, разгуляется за добытую рыбу, хмель разберет его, тогда он не жалеет своего промысла, пьет, иногда тут же, не съезжая с ямы, пропивает весь свой промысел, и в беспамятстве падает тут же где-нибудь близь своих самоловов, и лежит до вытрезвления, многие из них особенно в сильные морозы отмораживают себе носы и уши, даже руки и ноги и от неумеренности своей умирают, или [о]стаются на весь свой век уродами. Сюда же съезжаются и скупщики рыбы, здесь они скупают стерлядь из первых рук. Промышленники крестьяне сдают им рыбу и возвращаются с ям с наличными деньгами, сдают им рыбу также и крестьянки, приехавшие с винами, но очень редко случается, чтобы сдав рыбу остяку, они большею частью пропивают ее, возвращаются домой с промысла и то испорченными уже ловушками, без денег, и иногда озлобленные и избитые. Словом нет, случается, что умеренные из них тоже возвращаются или с деньгами, или с пойманною рыбою, но это, к сожалению, бывает очень и очень редко. В продолжение же всего времени ямы по вечерам и во всю ночь в юртах идет пьянство. Женщины, приехавшие с вином (которых здесь называют калачницами), привозят вина довольно и тут продают его и остякам, и крестьянам промышленникам или за стерлядь, или за деньги за двойную цену стоимости его. Но это пьянство уже поскромнее, нежели на остяцких помочах, потому что крестьяне не дозволяют остякам драться. Любопытна цифра пьянства. Во время взлома баранаковской ямы Большечурубаровской волости только из села Новоильинского⁸⁰ в течение трех су-

⁸⁰ По списку населенных мест 1859 г. казенная деревня Ново-Ильинское (Новое) на р. Оби числилась в Тогурском отделении Нарымского края Томского округа. В ней насчитывалось 45 дворов, 345 жителей, православная церковь, почтовая станция (Список населенных мест Российской империи. Вып. 60: Томская губерния: список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1868. С. 26). На 1885 г. село Ново-Ильинское относилось к 5-му полицейскому участку Томского округа (Памятная книжка Томской губернии 1885 года. Томск, 1885. С. 13), на 1929 г. село Ново-Ильинское (Новая деревня) также относилось к Колпашев-

ток в юрты Баранаковы⁸¹, где всего около 40 домов, увозят вина от 27 до 30 ведер. Начальство хотя и принимает меры, чтобы на ямы не привозилось вина, но для этого находится множество контрабандистов в юбках, да и местное сельское начальство за этим смотрит очень слабо.

Окончивши одну яму, промышленники, как остяки, так и русские крестьяне, отправляются на другую яму, этих ям по Оби несколько, иногда на хорошую яму съезжаются промышленники из-за ста и более верст. На каждой яме промышленники платят собственникам за право промысла вперед деньги, на хороших ямах по три рубля с так называемого прогона, т.е. с двух человек, сколько бы они не привезли самоловов, на средственных по 2 или 1 ½ рубля, а на плохих по 1 рублю и менее. На каждой яме промысел производится точно также, точно также наезжают скупщики рыбы и калачницы с вином, такое же бывает пьянство, русские крестьяне едут домой или с рыбою, или с деньгами, а остяки также без денег и рыбы, также подбитые, измороженные. Ведь, кажется, промышляют одинаково и русские, и остяки, но пристрастие остяка к вину губит его, оставляет его без промысла, все самое богатое промышленное время где он трудится наравне с

скому району. В нем насчитывалось 132 двора, 546 жителей, имелись сельсовет, школа, изба-читальня. По данным «Списка населенных мест Сибирского края», основано село в 1806 г. (Список населенных мест Сибирского края. Т. 2: Округа Северо-Восточной Сибири. Новосибирск, 1929. С. 82).

⁸¹ По сведениям 1859 г. в списке населенных мест числились инородческие Баранаковские юрты, распложенные при р. Оби и речке Ягодной, по Нарымскому почтовому тракту, в Томском округе. В них — 17 дворов, 100 жителей (Список населенных мест Российской империи. Вып. 60: Томская губерния: список населенных мест по сведениям 1859 года. СПб., 1868. С. 20, 26). По «Памятной книжке Томской губернии 1885 года» Баранаковы юрты входили в список «Юрты 11 низовых волостей» Томского округа (Памятная книжка Томской губернии 1885 года. Томск, 1885. С. 1, 13). На 1904 г. Баранаковы юрты на речке Ягодной относились к 8-й по счету Низовой инородной волости — Больше-Чурубаровской и насчитывали 22 двора, 99 жителей, имелись школа грамоты, мелочная лавка (Памятная книжка Томской губернии на 1904 год. Томск, 1904. С. 106—107). В «Списке населенных мест Сибирского края» 1929 г. в Колпашевском районе значилась деревня Баранакова, основанная в 1826 г. В ней имелись на 1929 г. 62 двора, 237 жителей, сельсовет, лавка (Список населенных мест Сибирского края. Т. 2: Округа Северо-Восточной Сибири. Новосибирск, 1929. С. 78, 82).

другими и каждый раз уносит у него много здоровья и этим даже сокращает жизнь его.

Около половины декабря взлом всех ям уже кончится, тогда для остяка опять начинается лесной промысел лосей и соболей. Снег уже довольно глубокий. По мелкому снегу лось убегает, но в глубоком снегу он тонет. Остяк опять берет свой запас, берет ружье, сети для соболей, собак и отправляется в свою тайгу – уже на лыжах, и двух или трех собак запрягает в нарту, и они тащат его скудный запас. По здешним морозам одевается остяк довольно легко. На нем надет старый полушубок, едва достигающий колен, сверху его коротенький зипун, а сверху так называемая верхница, это что-то вроде холщевой рубахи с круглым воротом, все это на нем подпоясывается ремненным поясом, на котором висит нож в деревянных ножнах, и за поясом топор. Ноги его завернуты мягкой, как лен, сухой травой, которая в здешних местах во всеобщем употреблении даже и между крестьянами, в ней тепло ногам и, когда она слежится на ногах, то принимает форму чулка, который можно скинуть и надевать. Сверху же травы остяк надевает на ноги панги⁸² — это кожаный чирок с холщевыми голенищами, которые завязываются на ноге пониже колена. Вот тут остяк уже по-настоящему кочует. Застает его ночь в густом лесу, он разводит огонь, в котелке подогревает чай, напьется его с хлебом или с сухарями, достанет сухой рыбы, утолит свой голод, этой же сухой рыбы бросит собакам, потом тут же подле огня ляжет на снег и уснет богатырским сном. Проснется он когда задняя сторона его, необращенная к огню, уже сильно озябнет, тогда он подбросит в огонь еще дров или сучьев, повернется спиной к огню и опять спит до тех пор, пока холод опять не заставит его подбавить огня и повернуться. Впрочем, так проводит он только несколько ночей, но когда найдет удобное для промысла место, где по его признакам бывали недавно лоси, тогда вблизи делает себе становище под деревом из ветвей. А если случись ему убить первого лося, тогда он (не очень*) более не заботится о своем покое, мясо у него есть, а шкура лося служит ему и постелью и одеялом в морозные ночи, он завернется в нее и спит, даже и без огня. Но эта постель имеет два неудобства, если лечь на шерсть

⁸² Панги — кет. panjil ‘голенище’ (А. Персидская)

лося и завернуться, тогда кусают его вши от шерсти животного; а если шерсть оставить снаружи и завернуться в нее, тогда в особенности недавно снятая шкура от теплоты и дыхания остяка ссыхается и утром невозможно из нее выбраться. Остяк лучше предпочитает первое неудобство второму, предпочитает, чтобы лучше его кусали вши, нежели навек остаться в лосиной шкуре.

День за днем проводит остяк в лесу в одиночку, убьет колонка, когда выследят его собаки, попадет ему горностаю, два, и то вперед; выследит, где заснул соболь, окружит это место сетями, взбудит соболя, тот бросится в сеть, остяк возьмет его за задние ноги, ударит головою о пень или задушит его, перехватив рукою горло.

Число добытого зверя прибывает, если он не сидит напрасно в своем стану. Иногда случается ему уйти и далеко от своего стана. Легконогий лось иногда заведет остяка далеко, случается, что остяк гонит лося на лыжах целый день без отдыха, лось заведет его верст за 60 от стана, но тот настойчиво преследует его, убьет, снимет шкуру, сделает тут роздых, разведет огня, зажарит часть мяса, утолит свой голод, голод собак своих, мясо лося зароеет снегом, возьмет с собою часть, которую можно унести по его силам и отправляется в свой стан. Потом на третий или четвертый день приходит на это место с нартою и собаками и увозит мясо в стан, причем везти пособляют ему и собаки. Чтобы избавиться [от] лишней тяжести, остяк обрезывает кости, которые можно вырезать и бросает их на месте; а мерзлое мясо режет тонкими пластами, уже возвратившись (домой*) в свой стан, и сушит на воздухе, когда же солнце начнет пригревать землю. Это высушенное лосиное мясо служит для остяка лакомым кушаньем, его едят или сухое, или сварив в котле, но предпочитают есть не вареное. Когда остяк видит, что зверя уже меньше или добыл он достаточно, тогда отправляется домой в свои юрты и привозит с собою добычу, шкуры и что можно привезти. Потом уже из юрт приходит за лосиным мясом, забирает все в стану и перевозит домой.

Те же остяки, которые на это время не уходят в стан, а остаются в юртах, промышляют рыбу на реке, ставя сети на нельму, или промышляют по близости юрт мелкого зверя, и если трудятся неумоимо, то всегда остаются с добычею.

Затем уже солнце гонит снег прочь, его становится день ото дня менее, и если осенью был промысел орехов, то остяки опять отправляются в лес, и собирают кедровые шишки, которые осенью еще оставались на деревьях, но теперь от сильных зимних и весенних ветров упали на землю; опять по-прежнему сносят их в кучи, сушат, расколачивают, провеивают и добывают ореха иногда столько же, сколько и осенью. Но весенний орех, пролежавший зимою в снегу, не имеет того достоинства и вкуса, как осенний, и по цвету его всегда отличить можно, он темнее осеннего и ценится несравненно дешевле. Около 1870 года цена на орех стала прибывать и здесь на местах, где он добывается, но до 1868 года, здесь орех покупался из первых рук не дороже 25 и 30 коп[еек] за пуд.

После этого приходит опять весна, опять с разливом реки рыбный промысел, выделка жира и порса, счастливое для каждого остяка, потому что тут всякий из них вспоминает счастливые годы своего младенчества и детства, как и он, как теперешние дети, около огня, где варится жир, ползал на четвереньках, валялся на земле, потом, как вокруг, точнее самого огня, он бегал с товарищами и играл с собаками. Далее опять приходит время покоя со своими неизменными помочами пьянством и драками... и т.д.

(вставка)⁸³. Между остяками здешних волостей есть многие, которые постоянно находятся в неводных работах у промышленников купцов, которые на здешних песках реки Оби держат невода и промышляют ими рыбу. Работа неводная состоит в том, что рабочие должны закидывать невод, потом тянуть его к берегу, тут выбрасывают рыбу на берег, сортируют ее, чистят, солят в бочках, и соленую уже промышленники отправляют в Томск для продажи. Работа эта продолжается с первых чисел июня, когда пески очищаются от воды, до сентября месяца только днем; а с 1-го сентября до заморозка реки непрерывно и днем, и ночью. Один невод вытягивают на берег, а другой уже закидывают в воду, и все это время для рабочих нет праздника, даже и для отдыха времени дается им очень мало. Рабочий, нанявшись на невод, в течение рабочего времени получает от хозяина содержание на одежду

⁸³ Помета для памяти.

и все, что нужно ему, обязывается брать у хозяина в счет условной платы. Рабочий забирает у хозяина для себя одежду, обувь, табак, если ему надобно, берет сахар (чай для рабочих готовят от хозяина). Притом же, что-нибудь надобно ему для жены и семейства, он берет все, что ему надобно, берет только от своего хозяина, даже сверх годовой своей платы, в счет работы будущего года. Поэтому эти остяки из года в год остаются постоянными работниками невода и никогда не могут выбраться из долгов. Тем более, что наймется он, положим, за двадцать рублей и берет все от своего хозяина, а тот весь товар ставит ему вдвое против стоимости его, то этот работник стоит только хозяину десять рублей. Следовательно, хозяин невода от каждого рабочего берет недобросовестно половину его платы и, имея на неводу 50 человек рабочих, он много выбарышничает от них, если с каждого из них возьмет по 10 руб[лей] барыша. Во время неводной работы семейства бедных остяков проживают тут же на берегу. А так как мелкая рыба, вытащенная неводом, бросается на берегу без всякой надобности, то эти семейства собирают эту мелкую рыбу, кормятся ею, даже тут же на берегу делают из нее жир и порс. Когда условный срок неводной работы кончается, тогда хозяин невода рассчитывается со своими рабочими, которые не забрали товару в будущий год тем, по желанию их, дает задатки, нанимает их на следующий год, убирают рыбу, невода, все имущество невода и рабочие распускаются до июня будущего года. Тогда они свободны, оправляются домой и принимаются за свои обычные кушанья, опять до июня следующего года.

Точно так из года в год живут остяки оседлые, но между этими остяками, в особенности Чаинской волости, есть остяки и кочующие. Они считаются при юртах и имеют даже свои дома, но в этих домах они живут не более двух или трех недель в год, они приезжают в них только для приготовления запаса. Прежде, лет 30 или сорок назад, в юртах Костенькиных Чаинской волости была учреждена ярмарка. На эту ярмарку приезжали много торговцев из Нарыма и даже из Томска, и съезжались множество промышленников остяков, даже из-за Нарыма. Здесь промышленники остяки продавали торговцам свои меха (торговцам*), остяки здешних волостей (вносили*) собирали ясак шкурами и деньгами, сколько было положено Правительством, остяки промыш-

ленники закупали для себя запас и все нужное для продовольствия и благосостояния своих семейств. Вот сюда то и приезжали эти кочующие остяки, проводили здесь ярмарочное время, продавали добытого зверя, запасались всем нужным для себя на целый год, и потом по окончании ярмарки уезжали в свои юрты, для приготовления запаса, печенья хлеба, сушки сухарей, проводили там в своих домах недели две или три, а потом опять отправлялись в тайгу, на свой обычный промысел. Эти кочующие остяки не имеют никакой скотины, кроме собак, весь дом их и все имущество (находится*) состоит в большой лодке, покрытой берестью. Под этою крышею лодки помещаются сами хозяева с их сундуками, имуществом, домашнею посудой, и даже собаки помещаются тут же между ними. Прежней, знаменитой, многолюдной по здешнему краю Костенькинской ярмарки не осталось, и сюда только собираются остяки Чаинской волости для сбора весеннего ясака, но эти кочевые остяки приезжают сюда по прежде заведенному порядку весною на своих лодках и проводят здесь почти целое лето. Причаливши свои лодки к (живописному*) берегу живописной реки Чаи⁸⁴, эти кочевые остяки на берегу ее располагают свои пологи в защиту себя от множества комаров.

Эти полога есть нечто иное, как сшитый из холста ящик длиною 3 ½ аршина, шириною 2 арш[ина] и глубиною 2 аршина, по краям дна этого холщового ящика оборачивают вверх дном, прикрепляют его с двух не широких сторон к двум кольям, так чтобы нижние края, этого полога лежали на земле вершка на два, чтобы неотвязчивому комару нельзя было пробраться туда. На землю внутри полога настилают лосиные кожи шерстью вверх, разумеется, уже в этой проветрившейся и выколоченной шерсти нет тех лосиных вшей, которые кусают остяка на промысле, завернувшегося в свежую лосиную шкуру. Иногда, чтоб было мягче, кладут несколько таких шкур, прибавляют к этому несколько подушек, меховые одеяла и походный дом кочевого остяка готов. Близ по-

⁸⁴ Река Чая протекает в Томской области в Колпашевском и Чаинском районах. Она образуется при слиянии двух рек — Бакчар и Парбиг. Чая — левый рукав Оби — свое начало берет из Васюганских болот. Длина реки 194 км, ее водный бассейн — 27 тыс. км². Течение у Чаи тихое и спокойное. Правая береговая линия реки возвышена, левый берег — низменный. Долина Чаи болотистая и лесистая.

лога ставится на земле три кола, связанные вместе, сверху весят на этом треножнике котел, а под ним разводят огонь. Этот огонь не прекращается до глубокой ночи и отгоняет комаров, которые не любят дым. Тут готовится обед и ужин, тут же наставляют самовары и пьют чай. Самовары непременно есть в каждом остяцком семействе, потому что для них чай заменяет завтрак и полдник крестьянина Европейской России. Точно также полог есть необходимая принадлежность каждого жителя в этой стороне, так что без него никак нельзя обойтись. Множество комаров от начала мая до половины сентября не дают покоя здешним жителям, и только под таким пологом можно найти покой, здесь они не жалят, но зато около вашего полога они жужжат роем. Даже в избах остяков постоянно в особом горшке на углях курятся гнилушки дерева, и они только отгоняют комаров, но дым этих гнилушек не выносим для глаз. И крестьяне здешних местностей также спасаются от комаров пологам и куревом.

Расположившись, таким образом, на берегу реки Чаи пологам своими кочевые остяки и живут здесь, как по местностям России живут иногда табором цыгане, с тою только разницею, что в цыганском таборе всю ночь раздаются песни и пляски, и цыганы наживаются, а у кочевья остяков ночью тихо до тех пор, когда еще они не продали свой промысел, когда же промысел их начинает продаваться и у них появляются деньги, тогда они остяки приживаются, посылают кого-нибудь за вином, и тут начинается и песни и пляски и обыкновенно оканчиваются всегда дракою, как и на остяцких помочах. И живут тут они без всякого дела и когда с половины или первых чисел мая по половине августа, живут целых три месяца и вполне предаются своей враждебной лени и пьянству, другой из них пропивает все с себя и жены, пропивает свое имущество, собак, одежду и едва-едва умаслит кого-нибудь дать ему хлеба и припасов до будущего года, а потом почти голый опять отправляется в тайгу, на авось, что Бог даст, к будущему году.

Больно сердцу, тяжело рассудку смотреть на (это население*) некоторые из личностей этих остяков, живущих в таких обильных промыслами местах, богатых и рыбою и зверем, где что ни день, то и добыча, но живущих бедно и грязно. Природная лень и пьянство, вот два порока остяков, это причина всей их бедности,

причина того, что многие из них вечно находятся в неводных работах, работах тяжелых, из которых только они могут избавиться смертью.

После такой трехмесячной цыганской жизни в юртах Костенькиных, эти кочующие семьи отправляются опять в лес, запасшись хлебом, порохом, свинцом и еще кое-чем нужным. Впрочем, они только здесь и видятся с людьми, и неизвестно на будущий год будут ли живы и приедут ли опять увидеть людей, в лесу они живут год в одиночку, каждый своею семьей. Куда ни приедут они со своим подвижным домом-лодкой, также расставят свой полог, разведут огонь и приют тотчас готов. Зимой они имеют уже постоянное становище, так как знают места, где бывает много зверя, там они имеют зимники, которые на остяцком языке называются карамо⁸⁵. Это врытая в земле яма аршина три длиною и шириною, закладенная сверху жердями и хворостом, на правой стороне двери угол землянки вымазан глиною и выведено вверх что-то вроде трубы, тут ставятся дрова стоймя и зажигаются, разливая тепло по всей землянке. У некоторых из них труба сверху закрывается деревянною доской, и от этого в этих землянках бывает тепло, вокруг этой землянки устроены нары, а на них лосиные шкуры и подушки, но окон здесь нет, но им довольно света и от огня своей печи, притом же даже сидят они только вечером и ночью. Вот жилище кочующего остяка, и в нем они со своею семьей проводят здешнюю долгую зиму, промысля зверя большею частью ружьем, но ставят также сети на соболя и ловушки на колонков и белок. Здесь уже и женщина промышленник, и она вместе с мужем своим вооружается ружьем и на своих лыжах быстро гонит лося, стреляет, на бегу заряжает ружье и опять стреляет ловко и метко.

Весною и осенью в орешные годы эти кочующие остяки также делают орехи, и если добудут их много, что для них нет места в лодке, в которой за помещением семьи и домашней утвари остается места очень немного, тогда делают плот, и на плоту сусек, куда и ссыпаются орехи, и так уже на плоту доставляют их в юрты Костенькины. Лодка же привязывается к плоту и идет за ним, вся крыша лодки одевается лосиными шкурами шерстью вниз,

⁸⁵ «Карамо» — об., кет. *karamo* 'землянка'.

чтобы не мочил дождь; а подъезжая к юртам, непременно стреляют из ружей, и тем дают знать о своем прибытии. Таких кочующих остяков по Чаинской волости считается не более десяти семей, но вполне кочующими или бродячими они не считаются и по спискам. И всегда приезжают они по прежде заведенному порядку в юрты Костенькины и никуда более.

Эти юрты стоят на самом живописном берегу реки Чаи, на самом красивейшем из поворотов этой реки. В юртах всего восемь домов, из которых два только можно назвать домами, а прочие шесть не более, как избушки на курьих ножках. Вокруг юрт на левом берегу Чаи раскинулось множество озер, таких красивых, что с которой стороны не посмотреть ни насмотреться на них, со всех сторон, и все они так и просят руки живописца, каждое окаймлено кустами шиповника и смородины и тальниками, и если взглянуть на каждое из них в то время, когда цветет шиповник и другие цветы, украшающие здешние луга, то жаль оторвать глаза свои от этой одной картины, чтобы взглянуть на другую еще лучше, еще роскошнее. Между этими озерами растут группы тальника, тоже очень красиво, и увеличивают красоту озер, и в этих озерах множество рыбы, и на этих озерах множество всякой птицы, не оторвался бы от этих ландшафтов; но пренесносные комары портят все удовольствие — остановитесь на минуту, чтобы сорвать ягоду красной смородины, вас непременно занимает другая кисть ягод, и, протянувши руку вы увидите, и почувствуете, что она почти сплошь покрыта жалящими комарами и если вы тотчас раздавите на руке этих животных, тогда можете вполне удостовериться, как кровожадны эти ничтожные в строю существа творения, и как много в одну минуту они могут выпить крови. Во время разлива реки эти юрты остаются на острове, как основанные на высоком месте, а кругом, куда ни помотришь только вода, и выставившиеся из нее вершины тальника и более ничего не видно до самого горизонта, но прошло недели (две*) три разлива и начинают понемногу выказываться роскошные лужайки уже покрытые цветами, чем далее, тем лучше, день ото дня красивее, и к половине или концу мая высокий левый берег Чаи выйдет из-под воды, еще неделю и всех невольно манит прогуляться хоть на сто шагов от юрт и полюбоваться ландшафтами, не остановят вас и кровожадные звери-комары.

Из этого краткого очерка жизни остяков можно видеть, что живут они в местах обильных рыбным и звериным промыслом, что могли бы они быть гораздо богаче здешних крестьян, которые имеют и хлебопашество; но что два порока — лень и пьянство — делают их низкими и бедными между народами. Не лень и пьянство причиною этому, но недостаток образования. Более 300 лет находятся они под крылом орла Российского, более трехсот лет русский человек стал старшим братом остяку в семье божьих народов на земле; подвинулись ли в течение этого времени нравственное образование остяков. Грустно перевертывать эти белые безмолвные страницы этой трехсотлетней истории. (Но что Русь сделала для них, образовала ли их, хотя бы немного. В течение этих 300 лет Россия только заняла земли их, заселила их ничтожным числом русских людей, которые принесли сюда все пороки, окрестили их, но не научили вере, и потом дозволили нескольким русским промышленникам мошенникам сделать остяков своими вечными работниками*). Остяк остался по-прежнему дикарем. Христианство, смягчающие сердца диких народов, не пустило здесь никакого корня, остяк считается христианином, но совершенно не знает Бога, он по-прежнему верит только секретно и своим прежним лозам, имеет даже и куклы их, при разных случаях приносит им свои жертвы, поклоняется им, но также исполняет христианские обряды, ходит в церковь, ставит свечи, в несколько лет, хотя бы однажды, бывает на исповеди и св[ятом] причастии, но не знает ни одной молитвы, а если и есть некоторые грамотные, знающие молитвы, то вовсе не понимают, что они говорят Богу этими молитвами. В остяцком языке слово молиться и кланяться одно и то же «омтыгу»⁸⁶. Остяк, как прежде, кланяется бессмысленно своим лозам, так и ныне бессмысленно поклоняется Богу христианскому. Мне случилось однажды ночевать в доме одного остяка, он был немного пьян, перед тем временем, когда надобно ложиться спать, он зажег перед иконами свечи, встал перед ними и вместо молитвы стал распевать свои остяцкие старинки про Ермака и остяцких богатырей. Если он

⁸⁶ «Омтыгу» — об., вас., тым. *omtugu*, *omtəgu*, туп. *omtīqo* 'помолиться' (А. Персидская). Омтыгу — омутгу/омтэгу — васюганский, тымский диалекты (В. Варда).

делал это пьяный, следовательно, он и трезвый делает тоже, по пословице, что у трезвого на уме, то у пьяного на языке. Он бывал в церкви, он видел, что там зажигают перед иконами свечи, что там поют, вот и он тоже делает. Только он поет, что знает. Остяки сами сознают, что одних богов они бросили, а к другому не пристали. Не повод ли это для русских церковных пахарей и для каждого русского, которые 300 лет знакомы с остяками.

Много силы у этого народа, много способностей, сердце их не испорчено, но нет с ним образования. Каждый человек сознает в своей душе, что он живет двумя жизнями, наружною жизнью — общественною, и жизнью внутреннею — жизнью души и разума и что наружная жизнь без внутренней неполна, ничтожна. Они живут только наружною жизнью, но эта жизнь обставлена суровым климатом и суровою природою, за то внутренняя жизнь должна быть прекрасна и роскошна, так как Бог, бременная одно, с излишком награждает в другом. Этой-то внутренней жизни они совсем не знают, поэтому то лень и пьянство обладают ими: лень потому⁸⁷, что остяк не видит цели своей жизни, не понимая своего назначения, живет изо дня в день как попало, чтобы этот день прошел бы; а пьянство потому, что хмель заставляет разыгрываться его воображение (заставляет*) разнообразие его мечтания, напоминает ему что-то о внутренней душевной жизни и жизни ума. Дайте ему образование, и он, поняв цель своей жизни, не станет лениться; и, научившись жить душою и разумом, не станет пить вина. Следовательно, он совершенно переродится, будет походить на человека, и Богу будет приятно это.

Около 1874 года в селе Молчановом⁸⁸ Николаевской волости⁸⁹ Томского округа учреждено училище для остяцких детей, но ни

⁸⁷ Подчеркнуто в рукописи.

⁸⁸ Село Молчаново ведет свою историю с 1790 г., когда на левом берегу Оби русскими казаками Молчановым и Лавровым были заложены хутора — Молчанова и Лаврова, появились новые семьи, образовалась единая деревня Молчаново. С середины XIX в. село (была построена церковь — признак смены статуса с деревни на село) получило статус села казенного, инородческого. Первоначально земли современного Молчановского района относились к части Николаевской волости, приписанной к городу Томску. В 1899 г. Молчаново было резиденцией писаря томских низовых инородческих волостей.

⁸⁹ Николаевская волость — административно-территориальная единица, входившая в состав Томского уезда (округа) Томской губернии.

одного остяцкого мальчика нет в этой школе, а учатся дети только русских родителей. Почему же это? Потому, что остяцкие дети, живя между остяками, вовсе не знают русского языка, и если он с усиленным трудом и достигнет того, что будет читать русскую книгу, то совершенно не будет понимать ее, он будет читать, как попугай, в течение трех лет будет учиться, как сорока, и не выучится русскому языку, и не будет понимать того, что он читает. К этому же еще надобно присовокупить и следующее. В остяцком семействе мальчик есть баловень всех семейных, бабушка и дедушка сами не съедят кусок сахара, а дадут ему, отец и мать исполняют все его желания, все его прихоти, даже такие, за которые следовало бы наказывать его. Они видят в нем наследника, который может поддержать род их, так как год от году численность остяков становится менее. Девочка же в семействе считается заничи, потому со временем она будет чужая, а не наша. Поэтому самому, мальчик с маленьких лет не слыхивал слова «нельзя», и думает что ему все можно, с малых лет он не приучается думать, от этого ум его не развит и развивается плохо, и в десятилетнем возрасте он не может сообразить скоро: сколько будет 5 и 8. Поэтому много надобно времени и много усилий, чтобы из такого баловня сделать порядочного ученика. Но они до нельзя любят свой язык, скажите ему что-нибудь по-остяцки, и он рад вас слушать, также с удовольствием они слушают свои остяцкие старинки и сказки, надобно бы было попробовать учить их по-остяцки, на остяцком языке, и я уверен, что грамота и наука скоро привьются к ним, и если не настоящее, то уже будущее поколение остяков непременно оставит свою лень и свое пьянство.

Тогда и христианство и молитва осмыслятся в них, а это уже будет большой шаг к перемене, к образованию и благосостоянию этого народа через триста лет, кажется, пора бы было для старшего брата подать руку своему младшему брату и поучить его. Для этой-то цели и составлена мною «книга для остяков». В ней находится все необходимое для первоначального знания: азбука, молитвы, сказки, где можно видеть Бога и что нужно знать о нем, Священная История, объяснение значения праздников и как должен жить Христианин и кроме всего этого уже переведено мною на остяцкий язык Евангелие.

Семейная жизнь остяков

Остяк в своем семействе считается полным владыкою, все подчинено ему, это остатки прежних богатырей, который ныне уже превратился просто в зверолова или рыболова. Жена — это раба его, что ей он прикажет, то она и делает, заставит он ее плясать, она пляшет, заставит сделать то или это, она беспрекословно сделает. Поэтому вся, кажется, работа в доме уже возлагается на жену, даже и мужская работа, например, заготовление дров для дома. Остяк никогда не возьмет топор для того, чтоб дотрогнуться до дров, нарубить их или расколоть полено, это прямая обязанность жены. Но остяк топором тоже работает, но работает что-либо другое, но не дрова. Как только разлилась река и потопила сари, то по течению реки плывет множество валежника и даже множество толстых деревьев, тогда жены остяков садятся в лодки и перенимают этот плывущий лес, вытаскивают его на берег и ставят стоймя в костер для просушки, если же это большое дерево, то оставляют его на берегу. Каждая хозяйка заботится для своего дома, но остяк никогда не пособляет ей в этом. Когда же эти наплывные дрова подсохнут, тогда каждая хозяйка стаскивает их с берега к своей избе и потом рубит их по мере надобности, но никогда не разрубит все сразу. На обязанности же жены лежит заготовление весною к лету достаточного количества гнилушек, чтобы иметь летом курево, и тем отгонять комаров. А потому весною еще до разлива реки по насту женщины отправляются в лес на лыжах и ищут гнилое дерево и переносят его домой, чтобы гнилушек на летнюю пору у нее было достаточно. Я знал одну женщину остятку, муж которой был человек достаточный и держал по три и по четыре годовых работника, дрова всегда заготавливали эти работники. Но все-таки природа и привычка берет свое, жена его, взросшая, впрочем, в семействе кочующих остяков, обыкновенно весною надевает лыжи и отправляется в лес искать гнилого дерева, заготовит его и приложит к месту до лета, и потом с нартою несколько раз сходит в лес и заготовит дрова долготьем⁹⁰, привезет их на себе домой и составит их стоймя в кос-

⁹⁰ Отрезок хлыста, имеющий длину, кратную длине получаемого сортимента с припуском на разделку.

тер, а летом рубит их непременно по одному желанию истопить ими печь, хотя десятки сажень дров стоят сухие, приготовленные работниками. Как она выросла в лесу, так привычка и природа тянут ее в лес за дровами и гнилушками. Если же весенних дров, заготовленных во время разлива, мало и к зиме они выйдут, тогда остяк надевает на себя лыжи, берет топор, запрягается сама в нарту и отправляется в лес рубить дрова. Там она нарубит их долготьем, сложит в нарту, привезет домой и рубит каждый день из них, чтобы истопить печь, когда они все выйдут, она опять привезет из лесу нартой. Летом же, если весною она не заготовила или заготовила очень мало, то ездит в лес на лодке и там рубит дрова и возит домой на лодке. Остяк ни за что не возьмется за это дело; он останок прежних богатырей не возьмется за такое низкое дело не приличное богатырю, он лучше все это время пролежит и выпится. Также если бы случилось, что воду достать далеко для домашнего употребления, а нужно привести с реки бочкою; то остяк тоже сам не поедет за водою. На это у него есть жена, она запряжет лошадь и привезет воды, это уже прямая ее обязанность, он в это время пролежит или просидит даром. Это не прилично богатырю. (Какой*) Какой бы не был муж урод, но для жены он всегда красавец, она его любит более, нежели он ее. Потому и наряжается он всегда лучше, нежели жена. У остяка всегда есть красная рубаша, жилет, плисовые штаны, сапоги, и в праздник он одевается получше, даже они стали заводить пальто и летние шляпы; но жена всегда одевается хуже, всегда на ней холщовые штаны, панги с холщовыми голенищами, подвязанными ниже колена, а сверху остяцкая рубашка (верху*) из дабы (и редко даже она подпоясана поясом*) редко эти рубашки делаются из ситца, а сверх рубашки она подпоясана поясом, на котором висит ключ от ее сундука. Впрочем, ныне и в особенности в молодом поколении женщины стали уже иметь юбки, даже платья, и (заменили*) вместо прежних верхних кафтанов с борами уже стали носить пальто. Владычество остяка над женою видно (ныне*) даже и в том, что если бы к остяку пришли гости мужчины, то хозяйка никогда не сядет с ними обедать, она только подает на стол, прислуживает. Впрочем, бывает время, когда жена считает себя равною мужу и не уступает ему. Это бывает только тогда, когда и муж и жена оба пьяны и подерутся. Муж станет бить жену, тас-

кать за волосы, бросать ее о землю, топчет каблуками своих сапог, жена не сопротивляется ему, неслышно от нее никакой брани, только она плачет, и восклицает ой-га, ой-га, ой-га. Когда муж устанет бить ее и встанет или присядет где-нибудь, тогда жена встанет на ноги, бросится как кошка на своего мужа, схватит его за волосы и начнет валять по своему, и тогда уже он не сопротивляется ей, но терпит с стоической твердостью, и только восклицает ай-га, ай-га, ай-га. Она также повалит его на землю, примется топтать ногами, найдет палку или полено, бьет по чему попало, до тех пор, пока сама, измучившись до усталости, падет где-нибудь. Тогда опять муж бросается на нее и бьет, решительно, как скотину, палкою, или тем же поленом до тех пор, когда сам устанет. Тогда она опять бросается на него. И дерутся они, не желая уступить друг другу, того, кто победит последний и за тем останется победа. Победителем считается тот, кто побит последний, а этой-то победы они не уступают друг другу — пока усталые оба не упадут где-нибудь или не разнимут их посторонние люди. В семейных правах жена сравнивается с своим мужем только тогда, когда найдет ему двух сыновей. У остяков нет слова родить, но заменяется это слово когу — найти⁹¹, а потому я и сказал, когда найдет ему двух сыновей. Тогда муж слушает ее совета, при гостях она садится вместе с ними, и вообще получает вполне права жены, хозяйки, подруги. Но когда эти сыновья ею вскормлены и поставлены на ноги, т.е. достигли 8 или 10-летнего возраста, тогда она пользуется полным уважением своего мужа.

Из детей их, мальчики — это баловни всего семейства. Их любят больше, а потому и балуют более, почитая их продолжателями своего богатырского рода. Если есть дедушка или бабушка, то мальчики дома почти неотлучно при них. И старики смотрят в глаза своих внуков, чтобы предупредить все их прихоти, все их желания, и потому мальчику единственно забот только о том, чтобы выдумать бы пожелать ему, и это тотчас исполняется. Мальчики никогда не услышит слова «этого нельзя», или «это не хорошо», для него все возможно и все хорошо. А потому так они приобретают самостоятельный характер и развитому, и образо-

⁹¹ «Когу» — найти (об. III, C kogu, kōgu, вас. koku, тур. koqo ‘найти’, ‘родиться’) (А. Персидская)

ванному человеку он пригодился бы, но при необразованности и грубости нравов из него выходит ни что более, как упрямый (дурак*) остяк, не щадящий никаких средств и сил, чтобы достигнуть своего желания. Способности его не развиваются, а тупеют. Девочки же в семействе почитаются почти за ничто, зачем их баловать, зачем на них обращать особенные ласки, особенное внимание, она вырастет, (выйдет*) сама найдет себе жениха, сговорится с ним, убежит из родительского дома к жениху и обвенчается, она будет чужая, не наша. Только мать иногда приласкает девочку, и то сделает это так, чтобы об этой ласке не узнал бы отец. Если девочка сшала что-нибудь, то отец накажет ее ремнем, даже за ничтожную шалость, между тем мальчику, за более сильную шалость, отец не скажет ни слова. От этого девочка с малых лет, живя под страхом и без тех ласк, которыми награждают мальчиков, приучается размышлять по-своему, по-детски, в одиночку, умишко ее развивается скорее, и в 8 лет она станет гораздо разумнее и смышленнее своего 14-летнего брата. Когда мальчику минуло 12 или 13 лет, тогда отец показывает ему, как сделать ловушку на белку, зайца или другого мелкого зверька, как насторожить ее, в каком месте поставить ее, и мальчик приучается добывать зверька. Потом мало-помалу узнает и рыбную ловушку, понемногу приучается добывать и рыбу, отец берет его с собою на охоту, учит стрелять из ружья в утку, в гуся и мало-помалу он узнает весь остяцкий промысел. Тогда отец берет его с собою в тайгу промысливать зверя, там на опыте объясняет ему все, и мальчик к 18 годам своего возраста станет уже настоящим промышленником, на него уже общество налагает ясак и все повинности, и он стает уже настоящим остяком. Между тем девочка около матери учится как прясть нитки, вязать, шить, кроить, с 10 лет помогает ей в домашней работе, также научается ловить и рубить дрова, заготавливать гнилушки, варить жир и порс, и тем все образование кончается. Тогда в 14 лет она имеет подруг, ходит погостить к ним на неделю и на две, иногда едет к подруге в другие юрты за несколько верст, побывает на остяцких вечеринках, покажет себя. Вот тут-то какой-нибудь потомок богатырей затронет ее сердечко, уговорит ее бежать за него замуж. И действительно, в одно прекрасное утро родители не найдут дома своей дочери, на другой день узнают, что она убежала замуж туда-то, за

такого-то. Остятк махнет рукою, только мать втихомолку поплачет, чтоб не видал муж. Жаль ей дочь, что она убежала, но как быть, так уж заведено от дедов и отцов, и она ждет иногда месяц, иногда полгода, когда дочь приедет проститься с ней, то есть выпросить прощенья за то, что она убежала, выбрала сама себе жениха, и не дождалась когда мать и отец выдадут ее замуж.

Морозная ноябрьская ночь лежит над юртами, звезд на небе не перечесть и миллионнами, месяц давно уже зашел, из одной избы выходит остятка зашла ненадолго за избу свою, потом вошла, немного постояла (около избы*), взглянула наверх, лось (медведица) уже над головой и начал повертывать свой хвост. Это время утра, еще часа полтора остается до рассвета. Остятка вошла в избу, подошла к печи, достала уголь, вздула лучину, взяла со стола свечу и зажгла ее. Пора хозяйке вставать, теперь у хозяина работа, время ям, надобно точить и приготавливать самоловы на яму. Почесав себе немного спину о печной брус, также как чешутся свиньи о бревно, остятка полезла на печь, открыла трубу, наложила в печь дрова, заготовленные и принесенные с вечера, затопила печь, поставила себе стул против печи, взяла в руки прялку и села на стул прясть. Когда дрова в печи стали разгораться, она погасила свечу. Немного погодя с войлока, раскинутого на полу, из-под шубы вылез остятк, сел на войлоке и обеими руками принялся царапать себе голову, затем встал, надел на себя в накидку шубу, под которою он спал, (на ноги*) и босиком вышел на улицу, и немного погодя воротился, снял с себя шубу и одел ею спящих на той же постели мальчика и девочку. Потом остятк подошел к рукомойке, умылся, расчесал свои волосы, помолился Богу, зажег погашенную женою свечу, поставил ее на лавку возле окна, на котором на двух крючьях, вколоченных в оба косяка окна, лежала палочка, а на ней навешано было множество проволочных самоловных уд, а внизу уды болтались поплавки и завитая кольцами от уды до уды веревка, на которой прикреплены самоловные уды, взял от жены стул, а она села на лавку, сел на стул и стал натачивать уды с палочки. Четыре связки самоловов он наточил с вечера, еще остаются две и тогда он вместе с соседом своим отправится на яму. Между тем в печи стали нагорать уже угли, тогда хозяйка положила прялку, налила в самовар воды, положила в него углей и принялась чистить ры-

бу, которая замороженная, была принесена с вечера и в ночь оттаяла уже. Яркий огонь из печи освещает переднюю часть избы сильным светом, против печи в углу прибиты несколько полочек вроде шкафа, на них стоят чайник, несколько чайных чашек, еще лежат кое-какие лоскутки холста и ситца, и лежит брусок кирпичного чая. Под этими полочками на лавке стоит сундук, под лавкой несколько лукошек с разными припасами. В переднем углу несколько икон, перед каждой из них прилеплены восковые свечи, пред этим углом стоит стол. Стекол в окнах нет, но вместо стекла на раму натянута коровья брюшина, как пузырь, отчего свету бывает днем менее, чем проникает его чрез стеклянные окна. В окна начал показываться свет и освещает эту молчаливую картину, остяк редко говорит со своею женою, стали будить детей, они встали, мальчик лет 13 и девочка лет 12-и, умылись, помолились Богу, мать очистила рыбу, сложила ее в чугунок и поставила варить. Самовар зашумел громче, когда хозяйка положила в него углей. Стали готовить чай.

Убравши постелю, девочка сняла из шкафа чайник и брусок чая, ополоснула чайник водою, потом взяла ножик и стала ножом крошить чай, наскоблив и накрошив его на стол достаточно, чтобы напиться, сложила его в чайник, подошла к стоявшему на полу самовару, который уже закипел, заварила чай и поставила чайник на конфорку. Потом достала из шкафа чашки, расставила их на столе, принесла из подполья хлеба, нарезала его ломтями, и принесла в чайной чашке соль. (Солонки видно нет у них, что заменяли ею чайною чашкою). Хозяйка поставила самовар на стол. Хозяин бросил свои самолы, вымыл руки и все, помолившись Богу, сели за стол. Чай пили они без сахара, но с хлебом, посоливши ломоть хлеба. Напившись чаю, остяк опять принялся точить другую связку самоловов, а мальчик, надев шубу, побежал осматривать свои ловушки. Дочь убрала чашки и вымела в избе, мать закрыла печь и приставила на сковороду жарить мелкую рыбу, а потом вместе с дочерью сели прясть. Когда отец кончил точить самолы, тогда сел к порогу, обулся, надел на себя свою шубу, сгонял скотину на реку, дал ей сена и отправился проведать своего соседа, который тоже со всем уже исправился. Посидев у соседа и потолковав о предстоящей ловле (ловле*) рыбы на яме, он воротился домой и стал требовать обедать. В это

время пришел из леса уже и мальчик — сын его со своею добычею, он принес двух зайцев и одну белку. Пообедали рыбы и вареной, и жареной, хлеба съели немного, потому что когда много рыбы, остяки едят ее больше без хлеба. После обеда остяк пошел запряг свою лошадь в сани, положил в сани свои самоловы с якори, т.е. с камнями, сел в сани и вместе с соседом, провожаемый домашними, поехал на ямы, причем мальчишка, приставши к задку саней, тащился за ним до выезда из юрт. После отъезда остяка, жена его взлезла на печь соснуть, так как она сегодня встала очень рано, обыкновенно они встают зимою, когда уже совершенно рассветает, а летом когда уже крестьяне довольно наработаются и станут обедать. А дети надели на себя свои шубенки и отправились на улицу поиграть, побегать, порезвиться. Солнце давно уже перевалило за полдень, когда остятка проснулась, пошла, загнала детей в избу, стала бранить мальчика, что он оставил добытых зверей, не сняв с них шкуры. Тот принялся обдирать свою добычу, сестра его села прясть, а мать застучала самоваром, стала готовить чай. Когда напились чаю, тогда мальчик опять оделся и побежал по своим ловушкам, мать пошла убрать скотину, подоить корову, дать сена ей и лошадям, а девочка схватила на коромысло два деревянных ведра и побежала на реку за водою. Когда скотина была убрана и вода напущена, тогда хозяйка взяла топор и пошла на улицу рубить дрова, и девочка за нею, чтобы носить поленья в избу. Когда нарубили дров на один раз, чтобы истопить печь, и они были снесены в избу, (в это время*) тогда прибежал и мальчик, он был очень рад, ему теперь попали две белки. (Когда*) Стало темно, вздули огонь, зажгли свечу, и мальчик принялся обдирать свою добычу, предварительно дав ей оттаять немного. Остятка и дочь сели опять за свои прялки. Не более часа сидели они с огнем, потом поужинали и легли спать. Завтра уже не надобно подниматься рано. Остятка легла на печь, дети на полу на войлоке, мать скоро захрапела, но дети долго болтали между собою, потом все затихло, только слышно было как тараканы ползали за печкой, и раздавался громкий храп остятки.

Так живут остяки изо дня в день с небольшими изменениями. Летом спят они не в избе, а в сенях или на улице перед избею в своих полах, причем близ полога стоит курево из гнилушек,

чтобы отгонять комаров, опять утром долго за тем, что вечером, особенно в ясную погоду, они, поужинавши на закат солнца, соберутся со всех изб (юрт*) где-нибудь на улице, ребятишки играют, а взрослые разговаривают о чем-нибудь и вообще проводят вечер очень весело до тех пор, пока догорит заря или уже когда очень захотят спать. Тогда каждая семья залезет в свой полог вместе со своими ребятишками, и спят непробудным сном до 9 или даже до 10 часов утра. Потом, по обыкновению, начинается чай, потом обед, опять чай и ужин, это в праздничный или свободный от промысла день. В рабочий или промышленный день бывают маленькие изменения.

В семействах состоятельных и наружность самих остяков, т.е. одежда их, избы, их посуда и все вообще немного побогаче, а в бедных победнее. В семействах бедных, где нет самовара, чай готовится в чайнике, куда наливается кипящая вода из чугуна или котла. Где нет рыбы или никакого приварка, там едят толокно, или обед и ужин заменяют чаем. Не знаю почему, в Европейской России нет в продаже кирпичного чая, там только носится слух, что есть какой-то кирпичный чай, и воображение каждого представляет этот чай в виде кирпичей, из которых строят дома, и кладут печи. Этот кирпичный чай (бывае*) есть ничто иное, как тот же чай, сдавленный прессом в плитки длиною до 5 вер[шков] шириною в 3 вершка и толщиной в $\frac{1}{2}$ вершка, весу в плитке от 2 до $2\frac{1}{4}$ фунтов, достоинств его плохого низшего сорта немного уступит фамильному чаю, который в России продается по 1 рублю за фунт, но в нем есть такие достоинства, каких фамильный чай не имеет, он питателен, имеет раздражающее свойство, как кофе, и отгоняет дремоту и сон. Пьют его, накрошив ножом и, накрошенный, заварив в чайнике, но пьют крепкий, фамильному чаю не дают перепреть, а кирпичный лучше перепрелый. Есть и кирпичного чая три сорта. Лучший чай в маленьких плитках и будет гораздо лучше фамильного в 1 р[убль] фунт. Чтобы не крошить кирпичный чай каждый раз, так как он очень тверд, то рубят его большим ножом мелкими стружками и держат в чайниках или просто в мешочке. Если кирпич чаю или плитку положить ненадолго в истопленную печь, тогда он становится мягок и удобен к крошке, но тогда выходит из него весь аромат и он теряет достоинство свое. Мне кажется, что европейские купцы, изба-

лованные хорошими чаями, считают для себя низким попробовать кирпичного чая, который пью только калмыки, да остяки, но если бы они попробовали бы его, то я уверен, что этот чай поглянулся бы им, а в особенности поглянулся бы их покупателям, которые вместо чая иногда заваривают в чайник цикорный кофе, этим покупателям гораздо выгоднее было бы, чем платить 1 руб[ль] за фунт чая, заплатить 1 р[убль] 20 коп[еек] за кирпич такого же чая, в котором весу не фунт, а два с четвертью фунта, притом же это уже был бы чай, а не цикорный кофе. Также, я думаю, выгоднее бы было и купцу купить кирпичный чай по 75 коп[еек] кирпич и продать его за 1 р[убль] 20 коп[еек] и даже за рубль. Это ведь выйдет 100 руб[ль] на 300 руб[ль], и, если продать его по 1 р[убль] 20 коп[еек], то выйдет почти рубль на рубль.

Обычаи остяков

Во всей жизни своей остяки в настоящее время почти имеют обычаи те же самые, как и русские крестьяне. Очень редко только отличаются обычаи свадебные, похоронные и обычаи поминок по покойникам.

Когда мальчик в остятском семействе достигнет 18-летнего возраста, тогда родители его или родственники начинают советовать ему жениться и предлагают невест там или там. Если жених согласится, чтобы сватали бы за него невесту, то в те юрты, где живет невеста, едут от жениха, вместе с женихом и отцом или матерью его, два свата. Приехав в юрты, где живет невеста, они останавливаются у кого-нибудь. Для приезжих, разумеется, готовят чай. Между тем сваты, которые привезли с собою (разумеется*) на счет жениха водки в бочонке, наливают бутылку водки, ставят ее себе в карман или за пазуху и отправляются в дом родителей невесты. По приходе туда, они тотчас же объявляют родителям невесты цель своего сюда приезда и прихода и просят отдать невесту за такого-то, предлагаемого ими жениха. Родители невесты обыкновенно отвечают, что дочь их еще молода, что она еще мало работала для них, и что они вовсе не намерены нынче отдать ее, а если жениху угодно будет, то чтобы он подождал до следующей зимы. Один из сватов тотчас опускает руку в карман или за пазуху и выставляет бутылку с вином, ста-

вит ее на стол и просит от хозяев рюмку. Кто-нибудь из домашних, а иногда и сама невеста, ставит им рюмку на стол. Тогда сват наливает из бутылки рюмку вина и подносит отцу невесты, потом матери, потом и всем домашним, даже и слепому старику деду отца невесты, который лежит на печи. Потом начинает обносить честную компанию другой раз, тогда отец невесты предлагает и самим сватам выпить из принесенной им бутылки. Сват выпьет, подает своему товарищу и обнесет опять всех, только не подносит невесте, так как она девушка и притом в родительском доме. (Не дома и девушка выпьет и не одну даже рюмку, но дома нельзя). Затем отец невесты объявляет, что он, пожалуй, отдаст невесту, если за нее жених заплатит ему калым или выкуп. На вопрос же сватов о количестве этого калыма, он отвечает им: мне нужно три ведра вина, тридцать рублей наличными деньгами, для меня шубу, бобровую шапку и шарф на шею, да для жены моей суконный кафтан (с борами) и шаль. Сваты на это отвечают, что они не уполномочены выдать такой калым, но что они сходят и посоветуются об этом с женихом и его отцом или матерью жениха, кто с ними приехал. Тогда сваты берут со стола пустую бутылку, если в ней еще осталось вино, то потчуют им родителей невесты, ставят бутылку за пазуху и идут к жениху, который уже в это время напился там чаю, объявляют о калыме за невесту и начинают тут со своими присутствующими, даже и с хозяевами, общий совет в пользу жениха. А между тем в доме невесты тоже составляется свой семейный совет, думают отдать ли ее или не отдать, и можно ли что сбавить из запрошенного калыма. На совете же жениха решают, что так как невеста красавица или богата, то можно дать за нее калыму два ведра вина, для тестя бобровую шапку, для тещи шерстяную шаль, да еще для брата невесты шарф и хорошую опояску. Потом сваты наливают опять вина уже две бутылки, каждый из них ставит себе по бутылке за пазуху и опять отправляются к невесте. Там они, ничего еще не говоря, ставят одну бутылку на стол, другая остается в запасе, хотя она из-за пазухи свата уже выпивалась и лучше бы было поставить и ее. Наливает сват, поставивший бутылку, рюмку вина и опять потчует всю компанию и объявляет, что жених согласен дать калыму два ведра вина и ничего больше. Отец невесты не соглашается на такой ничтожный калым. Сваты опять подают всем по рюмке и сами

выпивают по рюмке. Отец все не соглашается. Наконец сват уже обещает сам от себя прибавить еще бобровую шапку и опять подает всем по рюмке. В головах уже хмель начинает ходить, говор становится громче, переговаривающая одна сторона перебивает другую и трудно понять на чем остановилось дело. Другая бутылка вылезает из-за пазухи, отец невесты стает уступчивее, но все-таки требует 20 руб[лей] денег, рассрочивает уплату денег на два раза, но неотступно требует шубу и кафтан, шапку и шаль. К концу другой бутылки отец невесты, уже ставший под хмельком, вдруг сбавляет кафтан своей жены и еще пять рублей денег. Следовательно, денег всего уже он требует наличных только пятнадцать руб[лей], да себе шубу и шапку и жене своей шаль. Сваты опять идут к жениху, а отец невесты, проводив их, ложится на кровать, чтобы немного всхрапнуть, зная, что они еще принесут вина, подпойт его, и что он будет тогда сговорчивее, так пока они ходят, он успеет немного выспаться. Переговоры через сватов идут раз до четырех или до пяти. Выспавшийся отец невесты не поддается, но не желая упустить такого достойного зятя, он за каждой выпитой бутылкой сбавляет понемногу из калыма, наконец, объявляет, что пусть придет сам жених с отцом или же матерью, и тогда они скорее поладят. Тогда-то жених видит, что дело недалеко до конца и хватается за бочонок, достаточно ли в нем вина, чтобы не было остановки за ним, если дело сладится. Если вина осталось мало, то надобно послать за вином, и один из сватов запрягает лошадь и едет купить вина, едет как можно скорее. Жених с отцом или с матерью и с оставшимся сватом идут в дом невесты и берут с собою остальное вино, разлитое в бутылки, а у невесты готовят для гостей самовар. Время далеко за полночь, но бросить дела нельзя. Жених со сватом подают вино и продолжают переговоры. Гостей потчуют чаем, и все переговоры идут. Отец невесты становится сговорчивее, уже наличных денег не требует, но держится еще за свою шубу. Ему уже сулят баранью шубу, но некрытую, как он требует, а голую. Наконец еще выпивши рюмку или две, отец невесты соглашается на условия, предложенные женихом, требует невесту вперед, правую руку ее дает в правую руку жениха, ставит их перед иконами, зажигает пред иконами свечи, начинают все молиться Богу и класть земные поклоны. Помолившись Богу, жених берет невесту за руку,

салятся на самое видное место и остановленный ненадолго пир продолжается. Сват с вином приезжает прямо в дом невесты, видя там огонь и слыша пьяный говор, распрягает во дворе лошадь и является с бочонком пред лицом всей компании. Показавшийся в окнах свет, заставляет некоторых повесить головы, напоминает им, что они не спали целую ночь, дремота начинает одолевает многих, вино уже подается реже. И отец невесты уже соглашается немного соснуть, а потом прибавляет «пусть поправятся бабы». И гостям расстилают на полу войлоки для сватов и для жениха, и для матери или отца его постилают на кровати перину, невеста тоже сунется где-нибудь и скоро все замолкнет.

Около полудня все проснутся, самовар уже у невесты поспел, и гости, умывшись и помолившись Богу, садятся пить чай. А вчерашний сват заботится о том, чтобы всех опохмелить, причем и сам опохмеляется порядочно. Затем юрточные жители узнают, что просватана невеста и приходят проводить опохмелившихся, и им тоже достается по рюмке или по две. Пир продолжается и во время вечера, потому что жених по просьбе отца невесты послал еще за вином, в счет уже назначенного калыма, на его счет. Тут же вечером уговариваются, когда назначить день свадьбы. Если жених живет от церкви далее невесты, тогда ему когда ехать венчаться, будет по пути заехать за невестой со своим поездом, но если он живет ближе или невеста живет в стороне от дороги в церковь, тогда уже жених с поездом приезжает накануне дня назначенного для свадьбы к невесте, и тут тоже идет пир почти до самого того времени, когда надобно ехать к венцу. Впрочем жених с самого того дня, когда согласились отдать за него невесту, вступает во все права мужа в отношении невесты.

Переночевавши здесь, жених с отцом или матерью и сватами утром отправляются домой. Потом отправляется к священнику, заявляет ему, что сосватал себе невесту и просит назначить день (свадьбы*) для венчания. Накануне дня венчания жених со всем поездом к вечеру едет к невесте, если только к венчанию ехать ему не по пути. Там принимают их, как знакомых гостей, причем жених привозит тестю выговоренное им в калыме вино и прочие вещи, и тут уже тесть угощает своим вином. Пир продолжается опять почти всю ночь. Утром, выспавшись и опохмелившись, сажают жениха и невесту за стол, но пить им не подают ничего, хотя

пить вино дозволяют и даже упрашивают. Потом дружка выходит вперед и громогласно просит от родителей невесты благословения нашему князю, как он называет жениха, те отвечают «Бог благословит», потом от каждого гостя поименно он просит такого же благословения и ему отвечают «Бог благословит». Затем они обращаются к покойникам и просят такого же благословения, потом обращается к иконам в переднем углу с той же просьбою и заканчивают «и ты, батюшка Никола, благослови». После этого жених и невеста и все гости выходят из-за стола, и одевшись, кому следует в путь, выходят на улицу. Лошади уже запряжены, к дуге каждой лошади привязаны (колокольчики), тогда дружка с иконою обходит вокруг запряженных лошадей, а потом, когда все усядутся на сани, еще обойдет вокруг всего поезда два раза с иконою, и садится сам на свое место и весь поезд отправляется в церковь, провожаемый из юрт всеми жителями и даже ребятишками. Если же невеста живет ближе к церкви, нежели жених, и к венчанию ехать жениху за невестою попутно, тогда весь поезд проезжает к невесте в день венчания, их принимают и тотчас же сажают за стол, разве только дадут немного согреться, подав по две, по три рюмки водки. Потом дружка также громогласно просит благословения, тем же заведенным порядком и у последнего Николы, выходят из-за стола, одеваются и садятся на коней уже так, как было рассказано, и едут в церковь.

После венчания в церкви весь поезд (с колокольчиками) непременно заезжает в кабак, выпьют все по стаканчику, возьмут с собой вина домой, если не запасено оно прежде, и отправляются в юрты к жениху. Там по приезде дружка также обойдет весь поезд с иконою кругом и входят в избу, где их встречают родители жениха и невесты, благословляют, сажают за стол, угощают чаем. Затем уже начинается попойка до утра или на сколько вина хватит. Молодые, не дождав окончания пира, но окончив ужин, отправляются в другую комнату, если она есть, а если нет, то укладываются на кровати или на печи, но предпочитают, если есть полаты лечь туда, а пир продолжается безостановочно.

Так бывает сватовство и свадьба у остяков с согласия отца невесты, но если бы отец невесты не согласился бы выдать свою дочь или не сбавил бы ничего из калыма, запрошенного им за невесту, тогда дня через два или три жених украл бы ее. Тогда он

ночевал бы тут ночь, на другой день опять заслал бы сватов к отцу невесты, а вечером сделал бы вечеринку. Если бы невеста пришла на вечеринку, он показал бы ей себя во всем своем удалстве и уговорил бы ее бежать. А если отец не пустил бы ее (на вечеринку), то через подруг или через кого из знакомых женщин начал бы уговаривать ее бежать. Заинтересованному сватовством сердцу невесты немного надобно, только поговорить о побеге и она почти готова. Она согласится прийти в такой-то дом, когда пойдет за водою или когда пойдет доить коров: у жениха лошадь наготове, она идет за водою или уже с водою с реки, жених на лошади подъехал, она поставила на дорогу ведра с водою, положила коромысло тут же, сама к нему в сани, и быстрый конь, не жалея прыти, а жених не жалея для него бича, помчали ее. Не успеет она даже прозябнуть, потому что одета легко, подомашнему, иногда просто, в одной рубашке и своей рабочей шубе, как уже конь примчит ее в другие юрты. Там жених заедет к кому-либо из своих знакомых, погрееет невесту, выпросит ей шубу и теплый платок и валеные сапоги, затем чтобы только довести ее потеплее домой и опять едет вперед. Кто-нибудь из женщин пойдет за водою, увидит ведра и коромысло на дороге, воротясь домой с водою, расскажет, что она видела (на дороге ведра с водою*) тотчас смекнут, что невеста убежала. Пока еще пойдут об этом толки по юртам, пока этот слух дойдет до семейных невесты, они уже сами хватятся, что она долго что-то ушла за водою (но по какому то предчувствию не говорят об этом) кто-нибудь придет к ним и скажет, уже известную всем юртам новость, что дочь их убежала, и что ведра с водою стоят вот тут-то. Тогда мать невесты, скрепив сердце, надевает шубу, покрывается платком и идет за оставленными ведрами. Она дома не смеет излить своего горя разлуки с дочерью, разлуки такой неожиданной, и уже на улице, у ведер и дорогою поплачет в волю. Придет она домой с заплаканными глазами и с ведрами, принесет и воду, которую дочь ее зачерпнула для нее в последний раз, муж прикрикнет на нее, зачем она плачет и прибавляет «ведь приедут же к нам». После этого никто в доме не смеет вспоминать о невесте, которая убежала, как будто ее вовсе не было, хотя про себя каждый думает только об ней, и мать только втихомолку плачет и горюет.

Жених между тем везет домой невесту, а сват с отцом (если отец*) жениха, если он был вместе с женихом на сватовстве или с матерью, едут вслед за ними же, и тотчас же едут к священнику, заявляют ему, что они за такого то жениха украли такую-то невесту и просят обвенчать их. А если невеста не того прихода, в котором считается жених, то от священника прихода невесты берут формальное сведение о годах невесты, достигла ли она совершенных для венчания лет, а потом с этим документом заявляются к священнику, в приходе которого живет жених, и просят обвенчать их поскорее. Они боятся погони со стороны отца невесты и потому уже не жалеют денег, ни за сведения о невесте, ни за венчание (их, молодых*), лишь бы поскорее обвенчать их. Но этой погони почти никогда не бывает. Случается, что в следующий день они уже будут обвенчаны. При такой скороспелой свадьбе почти никаких церемоний не бывает, только дружка при отъезде (поезд*) поездки в церковь по-прежнему выкликает благословение и обходит с иконою вокруг поезда и по возвращении из церкви. Для невесты, которая убежала из дома в плохонькой домашней одежде и ничего не взяла с собою, находят здесь наскоро одежду, нарядают ее для венчания, а потом уже после свадьбы шьют для нее необходимую одежду.

После венчания в доме жениха начинается пир, а в доме невесты совсем другое. Отец невесты сердится, поговорить не с кем, мать и сестра или сестры, плачут втихомолку, никому не высказывая своего горя, и это положение продолжается до тех пор, пока молодые приедут, как говорится здесь «прощаться», т.е. выпросить прощения у отца невесты, и пока он не простит их. А это прощение иногда продолжается довольно долго. Обыкновенно, большею частью, здесь свадьбы бывают после Рождества до масленицы, и молодые приезжают проститься около масленицы или на масленице. И беда молодому и всем, которые приедут с ним, если у них нет в этих юртах никого знакомых. Тогда они приезжают к дому тестя и, остановившись у ворот, а если дом не обнесен двором, то у самого дома, и обыкновенно дружка или кто посторонний (из приехавших) заходит в избу к тестю и объявляет ему, что к нему приехал в гости такой-то с своею женою, с отцом или с матерью, остановившись у ворот или у дома и просят принять их. Отец невесты сердится, прогоняет дружку из избы и го-

ворит, что ему не нужно этих гостей. Мать и сестры невесты начинают плакать, они уже не могут сдержаться, а это более сердит отца. Дружка выходит из избы, подходит к приехавшим, берет от них бутылку вина, и, подумав немного, идет опять в избу и начинает переговоры с тестем, причем предлагает ему выпить рюмку вина. Иногда старик выпьет, и это уже значит, что он намерен простить, но уже заломить калым не по силам и его надобно подпаивать вином, чтобы уломать к сбавке. Дружка не один раз выходит на улицу посоветоваться с молодыми, что делать, а они все стоят на морозе и ждут, пока тесть уломается, иногда эта церемония продолжается часа четыре. Потом уже старик соглашается (просто*) принять гостей, и то уже снисходя слезам старухи и дочерей. Пока дружка выходит на улицу и все *приехавшие* входят в избу, начинают ставить самовар. Молодые, помолившись Богу, упадают к ногам старика, а отец и мать жениха уговаривают отца невесты, называя его сватом «чабыр»⁹², простить молодых, а дружка подносит ему рюмку вина. Сват выпьет, но все еще не прощает, сердца матери и сестер давно рвутся, чтобы обнять молодых, расцеловать их, но старик упрямится, он выговаривает для себя несколько ведер вина. После долгих упрашиваний и представлений резонов, он прощает молодых. Они падают ему каждый по рюмке вина и молодой, и молодая, после каждой рюмки он целует их. Потом молодые упадают к ногам матери, но та уже не упрямится, как отец, она тотчас же прощает, и молодые кланяются в ноги каждому из семейных и просят выпить рюмку вина и простить их. Потом уже начинается пир. (И отпуская молодых домой, тесть уже отдает молодой все заведенные для нее платье и приобретенное ею в девицах, а иногда, если есть снабжает ее по своей силе и скотиною). Иногда у молодого или кого из приезжих есть в этих юртах кто-нибудь знакомый или родственник, тогда молодые заезжают к нему, заходят в избу (чтобы не стоять на морозе), и оттуда уже идет дружка к тестю. Иногда случается, что упрямый старик, несмотря ни на какие доводы, не выпьет и водки и не простит молодых, тогда они уезжают домой и уже приезжают или летом на лодке, или будущей зимою.

⁹² Чабыр — кет. čebar, čëpar ‘муж тети’ (А. Персидская).

И в настоящее время жених, не желая платить иногда обременительный для них выкуп (или калым), женится большею частью, не засватывая невесту у родителей, а только уговорят ее бежать за него замуж, и увозит ее домой иногда в одной рубашке. (По этому в остяцких семействах девушка и не считается как будто бы членом семьи*). (А*) После⁹³ же свадьбы если отец невесты не прощает или вздумает запросить большой калым, эти женихи не очень им кланяются, а сделает им честь приехать один раз, и если тесть не про(стит*)щает, то молодой заворотят оглобли и уедет. Он живет и так до тех пор, когда сам тесть уже закажет приехать проститься. Поэтому в остяцких семействах девушка и не считается, как будто бы членом семейства.

Подобные свадьбы называются здесь «свадьбою убегом» и в последнее время даже распространились и между крестьянами. Много злоупотреблений бывает от этих свадеб убегом.

Иной жених увезет такую невесту, которой не (вышло*) исполнилось 16 лет, обвенчать их нельзя, а возвратить невесту отцу невозможно, примет ли он ее, тем более что и между крестьянами ввелся остяцкий обычай, что жених, украв невесту, вступает (тот час же) относительно ее во все права, не только жениха, но даже и права мужа. Другой украдет свою родственницу, с которою тоже обвенчать нельзя, что тогда остается ему делать. По неграмотности молодой жених не знает, а иногда и старики даже не слышали, в каких степенях родства венчать невозможно. Жениха нельзя винить за вошедший обычай и за его незнание, но мне кажется, не следовало бы венчать такие свадьбы, по крайней мере следовало бы выводить не христианские, а остяцкие обычаи. Я знаю один пример: два молодых крестьянина женихи, (полюбили*) между собою двоюродные братья, полюбили двух сестер, родных сестер и украли их в один день. Что же из этого вышло: одного из них обвенчали, и он живет, как следует; другого же венчать нельзя, закон запрещает (и он живет с украденною невестою уже четыре года, прижил дочерей, но *) возвращать невесту в дом родительский также невозможно, это срам, а жить так невенчанными стыдно от людей, и он все таки живет с украденною

⁹³ Слово написано со строчной буквы, которая исправлена на прописную.

невестою четыре года и прижил уже детей. Отчего же это так, и кто в этом виноват?

Если в семействе остяка есть кто-нибудь больной, т.е. кто-нибудь болен серьезно и лежит в постели так, что не может встать, тогда в избе на месте, куда обыкновенно остяки вешают перекидывают через него свое платье, а если нет такого шеста, то протягивают веревку и привязывают вдоль избы или в следующей комнате от больного к выходу из избы и на этот шест или на эту веревку развешивают самое лучшее платье, какое есть у остяка и жены его, чтобы показать (духу*) лозу болезни (духу болезни), что вот то-то и то-то есть у человека, который лежит болен, которого ты хочешь отнять у них. А в тоже время каждый день утром пекут маленькие небольшие трех вершков в диаметре ржанные хлебцы и кладут их на окна в подарок лозу. Каждое утро эти хлебцы сменяют новыми, свежими. При больном всегда неотлучно находится кто-нибудь из семейных. Если же видят, что он безнадёжен и уже скоро умрет, (тогда почти все*) караулят его и когда уже он станет умирать, то поднимают его и посадят, поддерживая его под руки, чтобы он умер сидя. Из остяков никто не умирает лежа, но когда он станет умирать, то верхнюю часть его тела поднимут и поддерживают под мышками и в руку ему дают зажженную восковую свечу. Если же умирает ребенок, то мать его, умирающего, также поднимает под руки и сажит, чтобы он умер сидя.

Когда у остяка кто-либо болен оспою, в особенности из детей, то для больного приготавливают большей частью на полу мягкую постелю, кладут больного на нее, и отец и мать неотлучно находятся при нем, чтобы не дать ему как-нибудь расчесать оспенный пузырь, на руки больному шивают кошельки из мягкой, как пух, выделанной кожи молодых оленей, надевают ему на всю кисть и завязывают, чтобы больной не чесался бы. Сами же и день, и ночь постоянно сидят над ним поочередно в течение двенадцати суток, когда оспа наливается. (Когда*) По минованию двенадцати суток оспа начинает спадать и высыхать понемногу, облегчение идет уже иногда менее двенадцати суток, иногда дней шесть и тогда больной спасен, он выздоравливает. В течение времени, когда наливается и назревает оспа, больному дают пить вина, чтобы он больше спал. Остяки веруют по своей старинке,

что оспа более Бога и потому стараются задобрить ее. Только через бессонницу и неусыпную заботливость родителей в течение шестнадцати или восемнадцати суток оstantки спасаются от оспы, которую им не прививают. Если же родители не позаботятся о дитяти во времени его болезни или сон одолеет их, и дитя расчесется и расчесется довольно сильно, тогда нет ему спасенья — он непременно умрет. (Но умрет он всегда сидя*). Не поможет ему ни развешенные платья, ни маленькие хлебца, он умрет, но умрет непременно сидя. Его поднимут, посадят и станут поддерживать под руки до тех пор, пока совершенно удостоверятся, что он умер.

Как только кто-нибудь умер в оstantском семействе, и оstantки удостоверятся, что он уже действительно умер, тотчас же приносят в комнату берестяную тиску. Это широкая береста аршина в 1 ½ или 2, сшитая ровным полотном и свернутая трубкою, ею иногда покрываются в лодках, когда плывут во время дождя, из нее же на промыслах делаются балаганы для житья, которые называются твоемать. Из этой тиски отрезают часть по росту умершего и углы поднимают и сшивают, так что из этой тиски образуется низкий в пол-аршина вышиною ящик. В этот ящик сажают мертвого, уже предварительно раздевши его донага. Обмывают покойника теплою водою и маленьким куском мыла, именно маленьким, затем, что это мыло должно уже быть брошено. Обмывши, одевают его и одетого кладут на лавку к иконам, приносят во что-нибудь горячих углей и кладут на них богородской травы и ладану, а пред иконами зажигают свечи. Тогда тотчас же заботятся о том, чтобы березовый ящик, где обмывши покойника с водою и мылом, которым обмывали его, были бы вынесены из комнаты. В комнате же тогда начинают плакать о покойнике и причитать или вспоминать его добродетели, достоинства и заслуги. Между тем берестяной ящик с водою и мылом уносится куда-нибудь за юрты подальше в кусты, вода выливается из него. Уже там и ящик этот и мыло тут бросаются. Нельзя даже воду эту вылить где-нибудь в юртах, но должны унести далее. Затем постеля и подушка, на которой лежал покойник, также выносятся за юрты, куда-нибудь в кусты или в лес, там они распарываются, перья из них выбрасываются на волю ветра и птиц, наволочки же приносятся домой — они будут положены в гроб покойника. Соби-

раются соседи и с мужчинами семейства покойника, начинают сколачивать из досок гроб. Тогда кто-нибудь из семейных едет в (церковь*) село, заявляют священнику, что вот такой-то у нас умер, берет из церкви венчик, разрешительную грамоту и свечь и испрашивает у священника дозволение похоронить покойника при юртах на своем кладбище. Священник большею частью остяков из дальних юрт отпевает заочно; его дома похоронят и иногда уже через неделю или через две, или даже через месяц после смерти отпевают. Если же больной лежит с неделю (или две*), тогда обыкновенно привозят священника, который напутствует его, а по пути закупают и свечи для похорон.

Между тем, пока сколачивают гроб для покойника, зажигают три восковых свечи. Одну из них прилепляют на лавке в головах покойника и две по бокам его, если же лавка узка и одним боком он лежит близко к стене, тогда две свечи прилепляют к лавке с одного бока покойника — это затем, чтобы его душе было светлее там, как выражаются они. Когда гроб поспеет, то в него накладывают немного стружки и вносят в комнату, прочие же стружки, щепки и обрезки досок уносят за юрты в кусты или лес и бросают там. В комнате в гроб кладут то платье, в котором умер покойник, расстилая его на дне гроба, потом также постилается в гроб наволочка с постели и подушки покойника, кладут потом в гроб самого покойника, закрывают с ног до головы холстом и прилепляют к гробу, (три свечи*) поставленному на лавку, где лежит покойник три новых свечи — одну в головах и две по бокам гроба к краям его. Первые же еще недогоревшие свечи гасят и кладут в гроб к ногам покойника, это про запас, чтобы там было светлее. В наступлении сумерек зажигают несколько сальных свечей, чтобы в комнате было светло, а если в доме несколько комнат, то зажигают сальные свечи во всех комнатах. Приходят люди посидеть к покойнику. Близ же покойника на лавке лежит вся его одежда, которую он носил, под лавкою стоят сапоги покойника, на одежде покойника лежит его кушак, шапка, рукавицы, на окошке, сбоку покойника, поставлена балалайка и гармоника, на которых играл покойник, тут же его ножик в ножнах, который он носил с собою и даже трубка, которую курил покойник и кисет с табаком, к окну приставлено ружье покойника, на

окне положены все принадлежности ружейной стрельбы и даже шерсть для пыжа.

Люди — соседи, собравшиеся к покойнику, обязаны просидеть всю ночь у гроба покойника. Они собираются, уже поужинавши дома. Но сидеть молча, скучно, одолеет сон, а обыденный разговор уже весь кончен между ними, говорить не о чем, а потому и (является*) вызывается между ними кто-нибудь, петь старинки. Тогда все присутствующие садятся вокруг комнаты на пол, по-старинному, прислонятся спинами к лавкам, скамьям или стульям, поставят пред собою свои ноги, на колени ног положат свои руки, на руки обопрут подбородком и внимательно слушают певца. На одного из присутствующих возлагается обязанность смотреть за свечами у покойника. Он садится возле покойника, и если свечи станут догорать, тогда он заменяет их новыми, а огарки кладет в гроб в ноги покойника, чтобы ему там было бы светлее. Также поступает он и со свечами, горящими пред иконами. Певец обыкновенно садится посреди комнаты на стуле и начинает заунывным протяжным голосом: Кой седьечен, нопин кали, кьеба кикули кванньен⁹⁴ мадур⁹⁵ или какую-нибудь другую старинку. Сальные свечи нагорают, от сильной внимательности слушателей старинки, всю эту картину закрывает полумрак, и только заунывный голос певца, то повышающийся, то понижающийся, раздается в безмолвии. Вдруг раздается храп, один из слушателей заснул и повалился на бок, голова его скатилась под лавку, но это нисколько не прерывает внимания остальных слушателей и не отнимает бодрости у самого певца, одни продолжают по-прежнему слушать, другой петь.

Это пение старинок продолжается до самого рассвета, не один, а может быть и несколько слушателей уснут богатырским сном, воображение их раздраженное рассказом унесет их в былые времена, и заманчивые грезы упокоят их, но певец продолжает свое дело с твердостью. Ему стыдно будет, когда о нем скажут, что он заснул, не (мог*) был в состоянии одну ночь развлекать своих слушателей. Когда рассветает, тогда певец, кончив старинку, встает со своего места и начинает тогда будить заспавшихся

⁹⁴ Эти слова перевести не смогли.

⁹⁵ «Мадур» — об. Ч *madur* 'богатырь, воин' (А. Персидская, В. Варда).

слушателей. Потом посторонние расходятся по домам, и в доме начинают готовить чай, затопляют печь и готовят все, что нужно к поминовению покойника при погребении его. Не все остяки знают обряд погребения, но кто-нибудь из стариков, чаще бывавший на подобных церемониях, за ним обыкновенно посылают нарочного, и он распоряжается уже, как знающий. В здешней стороне этим распорядителем всегда бывает плешивый старик Сиверьянко, который также немножко и шаманит, то есть знает разные наговоры. Когда домашние покойника начинают пить чай, то наливают чашку и покойнику, обыкновенно сладкую, т.е. кладут в чашку сахар, эту чашку ставят подле покойника на стуле или на окне, и возле чашки кладут кусок лучшего, по состоянию семейных, хлеба. Когда уже эта чашка совершенно остынет, то ее уносят и кто-нибудь из семейных выпивает ее. Напившись чаю, начинают приготавливаться везти покойника на кладбище, потому что зимний день короток, а там еще надобно вырыть могилу, которая всегда вырывается при покойнике. Запрягают одну лошадь в дровни, ставят на них гроб, закрытый крышкою и привязывают его к дровням веревками, гроб покрывают каким-нибудь большим платком или шелковым, или шерстяным, впереди на гроб садится кто-нибудь из ближайших родственников, чтоб управлять лошадию, а сзади платок привязывается к гробу, чтоб не сдувало его ветром. На другую лошадь, запряженную в сани, кладут берестяное лукошко с сухой лучиною, чтобы развести огонь, медный чайник или котелок, коробку с чайной посудой, два узла с тарелками: на одной из них рыбный пирог, а на другой вареная и жареная рыба и бочонок с вином и садятся семейные покойника с распорядителем Северьянкою. На третью лошадь в сани садятся люди с заступами, чтоб рыть могилу, а на четвертые сани люди, провожающие покойника. В случае, если провожающие не поместятся на одни сани, еще запрягают одни сани, и поезд отправляется в путь, впереди всегда везут покойника. Летом же погребальная процессия отправляется в том же самом порядке на лодках, потому что кладбища устраиваются большей частью на материчных высоких берегах, чтобы не затопляло их водою, и тогда эти похороны или плавание процессии с покойником бывает еще интереснее. По приезде на кладбище близ места, где будет вырыта могила, ставят гроб, раскрывши его, зажигают три свечи

и прилепляют к гробу, потом возле гроба поставят тарелки с пирогами и рыбою и бочонок с вином.

Тут же разводят огонь и начинают рыть могилу. Могила вырывается неглубока, чтобы поставить гроб и накидать на него пласт земли не более одного аршина. Между тем семейные покойника располагаются у огня и греют в котелке или чайнике чай из снеговой воды или летом из воды, зачерпнутой во время поезда на озере. Распорядитель наливает рюмку или за не имением ее чайную чашку вина и ставит перед покойником, тут же где стоят пироги и рыба. Пока роют могилу, семейные покойника пьют чай, и также одну чашку чая ставят перед покойником сладкую и кладут кусок лучшего хлеба. Когда могила готова, тогда от покойника берут чашку с чаем, рюмку вина, пироги и рыбу, (прощаются с покойником, кланяясь ему и целуя его), гроб закрывают крышкою, положив в него недогоревшие свечи и заколачивают гвоздями и опускают его в могилу на веревках, которыми гроб был привязан к дровням. На опущенный в могилу гроб садится распорядитель и громко говорит, обращаясь к лицу покойника, что после его остались в живых в его семействе такой-то и такой-то, и такой-то, называет их по имени, что провожают его такие лица из семейства, такие-то соседи или посторонние, также называет их по имени и отчеству, потом рукою своею ударяет в гроб семь раз и каждый раз считает: один, два, три и т.д. окбуг, съед-гяг, нагур, тет, сомблук, мугтык, сельдч⁹⁶. После последнего удара он вылезает из могилы, (веревки, которыми опущен гроб, не вынимаются, и как опущен гроб, то концы их бросаются в могилу), начинают засыпать могилу и делают сверху небольшой холм. Потом лица, рывшие могилу, пьют чай, причем им подают вино. Когда они напьются чаю, тогда все семейные провожающие и рывшие могилу люди садятся в круг, посредине на разостланном платке ставится пирог, рыба и вино, налитое в бутылку, для покойника оставляется место и перед этим местом ставится рюмка с

⁹⁶ Об., кет., вас., тур. *okkijr* 'один', кет. *šittə* 'два', об. С *naγur, nakur*, кет. *nakkijr* 'три', об. Ш *tet*, тур. *tettj* 'четыре', об. Ш *sombla* 'пять', об., кет. *muqtu, muqtut* 'шесть', об. Ш *sel'd* 'семь' (А. Персидская). Счет на хантыйском языке: «эй» — 1; «кәткэн» — 2; «колэм» — 3; «нәлэм» — 4; «вет» — 5; «кут» — 6; «ләвэт» — 7 (В. Варда). Следовательно, счет велся на языке, больше похожем на селькупский.

вином. Каждый из семейных, прежде чем выпить рюмку вина, эту рюмку выливает на могилу, а потом уже выпьет другую сам. Это что-то вроде тризны или поминок, здесь больше угощают распорядителя. Пирог и рыбу здесь съедят, вино выпьют и потом еще раз поклонившись могиле покойника в пояс, все отправляются домой. Дома же никакого особенного обеда не бывает.

Иногда приглашают священника отпеть покойника и проводить его до могилы, но это бывает уже очень редко, но по большей части остяки сами хоронят покойников, а потом уже просят священника только отпеть его заочно, служить по нему в церкви панихиды, обедни и все, что требует церковный закон. Иногда же ближние к приходской церкви остяки хоронят своих покойников на приходском кладбище; а иногда в церковной ограде, но это бывает очень редко и только между ближними уже обрусевшими остяками.

В дни же, положенные церковью для поминовения усопших, в особенности во вторник Фоминой недели⁹⁷ и в Дмитриевскую субботу⁹⁸ остяки поминают своих покойников и дома, не на могиле. Обыкновенно с утра готовят блины (прежде*), незадолго до обеда остяки ставят на стол все приготовленные кушанья (для*), закрывают эти кушанья чистым полотенцем, для каждого покойника кладут вилку и ложку и зажигают пред иконами свечи. Потом приглашают покойников, называя каждого из своих умерших родственников поименно и назначают им места, прибавляя: ти оmdшенди — здесь садись. Затем уходят все из комнаты, чтобы не помешать покойникам. Через полчаса все входят в комнату, гасят пред иконами свечи и потом сами садятся обедать за тот же стол и съедают те самые кушанья, которые были поставлены покойникам, прибавляя из печи то, чего недостаточно для обедающих. Этим и оканчиваются их поминки.

Суеверия остяков и предания их

Из прежних верований остяков остались только те, что весь мир населен лозами (духами), но эти лозы не есть боги, они что-

⁹⁷ В Фомину субботу в деревнях происходило изгнание смерти.

⁹⁸ Суббота поминовения усопших.

то ниже бога, эти лозы живут около каждого юрт в густых тальниках, во многих местах, в лесу, т.е. в тайге, на каждой горе или в выдавшемся крутом берегу, в воде, так называемой «ётерлозь»⁹⁹. Для каждой речки есть свой, особый ётерлозь. Эти лозы могут вредить человеку, но также могут и помогать ему и покровительствовать ему. А потому вблизи каждого юрт можно видеть несколько кустов или деревьев, обвешенных разными лоскутками или тряпичками (часть*) — это подарки лозу, живущему здесь от уважающих его почитателей, некоторые из них даже зарывают тут в землю деньги, этот подарок или жертва лозу называется ко'за¹⁰⁰. Большинство остяков не знают, что это за лозы такие, только стараются заслужить их благоволение, принося им в подарок и навешивая на известный куст или дерево какую-нибудь тряпочку, ленточку, тесемку, даже нитку (лоз довольствуется и малым). (многие*). Некоторые остяки и сами делают себе лоза, сошьют из тряпки какую-нибудь куклу, оденут ее, посадят в берестяной бурочок, который здесь называют т'уясом и повесят его где-нибудь на дереве и приносят ему подарки, навешивают их на дерево. В дальних тайгах, где редко бывают люди, по рассказам остяков, есть большие деревья, на которые навешаны и спущены куски сукна, ситцу, дабы и прочее и под этими деревьями навалено много денег медных и серебряных, даже от старых времен. Не один остяк не смеет взять ничего из принесенного лозу, положенного под деревом или навешанного на дерево, боясь тем прогневить этого лоза и навлечь на себя его преследование и мщение. Некоторые из них такого сшитого лоза держат у себя дома, в секретном месте и передают его по наследству детям и внукам, но уже не приносят им подарков, и только каждый день кланяются им и просят их покровительства. Но есть люди из остяков, которые знают положительно, что это за лозы. Эти люди называются ворожецами — кэ'дычан, шаманами — са'мбырни, ясновидящими — се'йдырнан¹⁰¹ и настоящими колдунами — ккэ'тцыенг. Ворожецу, по мнению остяков, дается во власть несколько лозов, которыми он может повелевать и распоряжаться как ему угодно;

⁹⁹ «Ётерлозь» возможно ётэрлоз букв. «вода-черт» (В. Варда).

¹⁰⁰ «Ко'за» — об. С kozj 'жертвоприношение' (В. Варда).

¹⁰¹ Sejdjman (А. Персидская).

шаман повелевает всеми в той местности лозами, ясновидящие, смотря на блеск солнечных лучей, может видеть и знать, что делается за тысячи верст, а колдун повелевает всеми лозами, знает, что, где делается и знает, что с каждым человеком было и что с ним будет.

Любопытны рассказы здешних остяков и крестьян об этих ворожецах. Все они одного почти покроя, с несколькими маленькими изменениями: «у нашего соседа пропали с реки ловушки, как в воду канули», рассказывают всем «вот послали за ворожецем и вечером привезли его. Вошедши в избу, не молясь Богу, он спросил, в чем дело и когда ему рассказали и просили узнать вора, тогда он приказал в избе затворить все окна, когда исполнили это, тогда приказал связать себе руки и ноги опоясками или веревками, двое сильных мужиков связали ему руки и ноги опоясками, скрутили так, что, по-видимому, невозможно было развязать и положили его связанного посредине избы, потом уселись все на лавках и по его приказанию погасили огонь. В потемках он стал скликать своих лозов с разных мест и с куста, около такого-то ручья, из такого-то оврага, с такого-то дерева и проч[ее]. И долго что-то бормотал невнятно и все бился, но впотьмах не видно было, что он делает. Погодя немного в трубе застучала вьюшка и какой-то тоненький визгливый голос спросил его, что ему нужно. Он сказал — нужно знать, где такие-то ловушки взятые вчера с такого-то места. Потом в трубе запищала мышь и что-то упало на пол, у нас волос на голове стал подниматься, затем наверху над потолком раздался рев медведя, вой волка, защекотала сорока, закричал ворон и вместе с тем каждый раз что-то падало на пол избы. Потом все замолкло. Мы сидели все молча, даже не слышно было дыханья ворожеца, как будто его тут совсем не было. Это не выносимое молчание, как нам всем запрещено было от ворожеца говорить между собою, длилось не менее получаса. Каждый из нас притаил даже собственное свое дыхание, чтобы слышать что-нибудь. Наконец, вверху послышались какие-то далекие голоса, потом ближе и ближе, опять раздались рев медведя, вой волка, лай лисицы, крики сороки и вороны и что-то довольно тяжелое упало на пол. Тотчас же мы почувствовали, что ворожец тут, стало слышно его пыхтение и он приказал зажечь огонь. Когда зажгли огонь, тогда увидели, что ворожец сидит на полу и

руки и ноги его были развязаны, опояски лежали свернутые на полу. Обратясь к тому, у кого пропали ловушки, он сказал, что его ловушки украдены таким-то и спрятаны тут-то, я сам их видел там. Тогда ворожец встал. Всем нам как-то стало (легче*) легко; стали угощать ворожеца вином, рыбою, а потом отправили домой. На другой день, ловушки нашли именно в том (*самом) месте, где сказать ворожец». Все рассказы с этим, даже достоверных людей бывают на один покрой, что ворожеца лозы уносят куда ему угодно, и показывают, что он желает. Даже рассказывают, будто бы лозы приносят по приказанию ворожеца вина из ближнего кабака для угощения честной компании, собравшиеся тут, и даже по приказанию ворожеца, уже немного пьяного, будто бы эти лозы показываются присутствующим, садясь на стол, эти лозы есть какие-то существа вроде воробья с крыльями, но без перьев, покрытые черною кожею.

В настоящее время один подобный ворожец есть в нашей местности, но я еще не познакомился с ним и не видел операции связывания ему рук, а потому ничего положительного и достоверного не могу сказать ни об нем самом, ни о его действиях. Шаманов (са́мбырни), какие бывали в древние времена, в настоящее время нет. Лет пять назад один из здешних остяков принялся было шаманить с бубном, садился петь, раскачивался, вскакивал и плясал, но так как остяки не видели от него ничего ни хорошего, ни худого, а главное всего не видели, чтобы изо рта его клубилась пена, и потому не признали его шаманом и прогнали и не поддаются увлечению его, считая его шарлатаном и обманщиком, но все-таки побаиваются его и уважают, чтобы он и в самом деле не сделал бы им чего худого. Около десяти лет назад умерла здесь женщина ясновидящая (се́йдырнан). По рассказам остяков она садилась к окну на солнце и смотрела вдаль на солнечные лучи и рассказывала, что где делается, и что она рассказывала, будто бы было действительная правда, она рассказывала, где и что делали затерявшиеся лошади и отсутствующие люди. Но судить по их рассказам тоже решительно нельзя, может быть и эта женщина была такая же, как шарлатан шаман Капитка. Настоящих же колдунов — ккэ́тцыенг в здешней стороне никогда не бывало, даже и старики не слыхали об них, но только слыхивали, что бывают такие люди.

Остяк, веря в существование лозов, при каждом особенном случае старается задобрить лоза, хотя каким-нибудь ничтожным подарком, чтобы не прогневить его, и он не воспрепятствовал бы успеху его предприятия. Идет остяк в лес на промысел, непременно пойдет к заветному кусту или дереву, где обитает лоз, и повесит какую-нибудь ничтожную вещичку, даже ремешок или листок табаку. Приехал он на рыбный промысел, отплыв от берега, непременно опустит в воду камешек или копейку — в подарок ётерлозу, и тогда уже за весь промысел он спокоен, лоз не воспрепятствует ему. Пошел он в тайгу промыслять зверя, непременно пойдет к заветному дереву (они знают эти деревья), тоже повесит какой-нибудь подарок лозу или зароет в землю у дерева копейку и спокойно промысляет, лоз получил подарок и не будет препятствовать ему. Зашел он в неизвестное ему место, где он никогда не бывал, увидел такой же заветный куст или дерево и непременно даст подарок лозу этого места, чтобы он не препятствовал бы ему и он спокоен. Остяк вырос в таких верованиях, так веровали отцы, деды, прадеды, и он не может понять, может ли лоз доставить ему счастливую охоту, и при несчастливой охоте своей остяк свои неудачи никогда не сваливает на лоза. Если же остяк, отправляясь на промысел, взял с собой про запас вина, то у каждого такого заветного куста или дерева льет на землю рюмку вина в подарок лозу, и лоз этим бывает очень доволен, у него может быть болит голова с похмелья, и остяк опохмеляет его.

(+) Между здешними остяками есть одно предание, что в верстах в восьми от того места, где ныне расположено село Новильинское, у устья речки Подъяельничной, была в древности знаменитая в здешних местах кумирня¹⁰², куда съезжались все здешние остяки для поклонения.

Там находился кумир, слитый из серебра, младенец, лежащий на серебряном же блюде. Этот кумир находился в обласке (маленькой лодке) и был в этом обласке укрыт и укутан берестою. К этому кумиру каждая женщина обязана была привозить каждого, рожденного ею младенца для поклонения кумиру. В этом же месте жили и шаманы, сохранявшие кумира и для каждой матери, открывавшие серебряного младенца. Когда же русские стали бо-

¹⁰² Небольшая языческая молельня с идолами.

лее заселять этот край и селиться ближе к речке под Ельничной, тогда шаманы и остяки сделали на этом месте общий свой сбор или совет и на нем положили, чтобы этот кумир увезти в какое-либо недоступное для русских место и там зарыть в землю. После того, действительно, будто бы все остяки съехались сюда и кумир этот увезли вместе с обласком, в котором он находился. Шаманы везли его вместе с обласком, поставив на большую лодку, и все остяки сопровождали его. Есть здесь старики из остяков, помнящие эту церемонию, но ни от кого из них нельзя добиться — куда увезен этот кумир и где он теперь находится. Действительно ли он увезен шаманами, которые везя обласок на лодке, не раскрывали его, не скрыли ли они его где-нибудь тут же у речки Подъельничной и увезли только для вида один пустой обласок.

Так как между остяками осталась бы память о месте, где он спрятан или зарыт уже увезенный, и женщины по-прежнему приносили бы своих детей на это место. Это осталось тайною для большинства остяков. Может быть про это знали только шаманы и некоторые близкие к ним, но только в настоящее время это место у речки Подъельничной уважается остяками. Куда же затерялся след кумира, который около ста лет назад так был уважаем всеми, не известно. Этот вопрос интересует даже и многих остяков, потому что они думают, что этот кумир будет найден тем из них, предки которого положили более денег на слитие этого кумира и более денег приносили в жертву этому кумиру.

Близ устья речки Подъельничной на высоком берегу, который не затопляется водою, есть действительно место, на котором и теперь видно, что здесь было несколько жилищ, это несколько ямин и несколько бугров между ними. (*Я был на этом месте). (Это место*) Оно простирается по высокому берегу сажень на двести и на этом месте и близ этого места иногда находят какие-то черепки, как бы разбитых горшков черного цвета, исчерченные черточками большею частью одинаковыми, так что едва ли можно предполагать, что это были какие-либо письмена, более (непросто эти*) (заставляют*) надобно думать, что они (эти черточки были*) только служили украшением для этих сосудов, но какой формы были эти сосуды, тоже не известно. Целого из них ни одного не найдено, может быть можно было бы найти много интересного, если бы взрыть это место с научною целью. Также

тут же находятся и несколько старых могил. Не жилища ли это прежних шаманов и не их ли это могилы? На этот вопрос, кажется, можно отвечать утвердительно, соображаясь с самым преданием.

Много есть интересных таких мест, где стояли кумиры, но они уже находятся не в местностях тех волостей, которые описаны мною и этих мест я не видел, но только слышал о них так верстах в шестидесяти от села Новоильинского. 1) близ дороги, пролегающей из юрт Иванкиных¹⁰³ Нижний Порубежной остяцкой волости в дер[евню] Северную Кетской волости стоит какой-то будто бы медный истукан, также уважаемый остяками тех местностей. 2) между юртами Иванкиными и Иготкиными¹⁰⁴ в лесу

¹⁰³ Юрты Иванкины — «ерта Сидза» (юрта Сидзы). После крещения и принятия князем Сидзой православного имени Иван юрты получили название Иванкиных. Месторасположение поселка — 1301-й км правого берега р. Оби, около верхнего устья протоки Пурьянги. Коренными жителями поселка являлись остяки Сычины, Ижучкины и Чаршины. Последние переехали из юрт Чаршинных, стоявших на речке Чаршане — притоке Большой Пурьянги. Метрические книги XIX в. упоминают также «ясашных инородцев» Иванкиных и Самсоновых, про которых считали, что Иванкины — это давно отделившаяся ветвь Сычиных, а Самсоновы — это бывшие Сапкараковы, купившие себе русскую фамилию. В еще более ранние времена здесь обитали представители следующих остяцких фамилий: Тулпаевых (Тулпа), Фажаркиных (Фажар), Емелькиных, Кармашкиных, Идиных, Айниных, Елетаевых, Саяковых, Ненгалиных, Чинзаровых (<http://arba.tomsk.ru/2013/10/15/>).

Юрты Иванкины на речке Пурьянге в конце XIX в. относились к Верхне-Подгородненской инородной волости Томского уезда, а в начале XX века — к Пиковской инородной волости. На 1885 г. в них было всего 5 дворов, на 1904—1911 г. — 40 дворов, 243 жителя, земская станция, церковь, школа (Памятная книжка Томской губернии 1885 года. Томск, 1885. С. 15; Список населенных мест Томской губернии на 1911 год. Томск, 1911. С. 124—125).

В 1929 г. юрты Иванкины административно числились в Колпашевском районе Томского округа Сибирского края. В Иванкиных юртах на этот момент были сельсовет, школа, лавка, 99 дворов, 334 жителя, национальность — остяки (Список населенных мест Сибирского края. Т. 2: Округа Северо-Восточной Сибири. Новосибирск, 1929. С. 78).

¹⁰⁴ Юрты Иготкины на реке Оби относились к Нижне-Тогурской инородной волости. В 1904—1911 гг. около юрт Иготкиных было неводное (рыбопромышленное) заведение купца А.Ф. Колесникова. В 1885 г. в юртах Иготкиных насчитывалось 6 дворов; в 1904—1911 г. — 8 дворов, 34 жителя (Памятная книжка Томской губернии 1885 года. Томск, 1885. С. 15; Список населенных мест Томской губернии на 1911 год. Томск, 1911. С. 124—125).

будто бы есть могила какого-то прежнего остяцкого князька, который похоронен со своим (кон*) живым конем и деньгами, бывшими у него. Он был похоронен в срубe, так как могила была вырыта глубокою и широкою.

В нее спущен был гроб и в срубe сложены его деньги и опущен живой конь. Сруб был сверху закрыт бревнами и засыпан землею. Долгое время остяки слышали как конь ржал в этой могиле и для памяти об этом посадили два дерева — ель и березу — в ногах и головах этой могилы. Некоторые остяки видали и знают это место; 3) близ села Кетского Кетской волости в крутом нагорном берегу есть какая-то маленькая пещерка, влезть в нее человеку нельзя, но когда люди в эту дыру совали длинную жердь, то внутри горы ошупывали что-то звенящее, как кухонный чугун, только в большом размере. Ударяя в него жердью, слышали звон. Пробовали будто бы рыть тут землю, но ничего не могли найти, так и бросили; 4) где-то по Кети, невдалеке села Кетского есть уважаемое будто бы остяками дерево, на котором повешена челюсть щуки величиною с лошадиною голову; челюсть эта будто бы повешена в дар лозу за победу, одержанную над такою огромною щукою. Обо всех этих преданиях я слышал от достоверных людей, в местах тех не был, а потому (положительно об них*) ничего не могу сказать о них положительного (не могу*). Места эти лежат за гранью описанных мною остяцких волостей.

(+) Внимательно вникнув во все эти верования остяков, можно изложить весь свод верований их. Они веруют, что есть Бог один, они его называют Ном, они веруют, что он всемогущ и живет на небе. Когда настает день, то остяк говорит телымбит — Бог родился, когда вечер — остяк говорит — Ном юдембын — Бог за вечером, когда гром гремит, остяк говорит — Ном выдчежин — Бог молвит, когда блещит молния, остяк говорит — Ном опелырмам — Бог светится, когда хорошая погода, остяк говорит Сво Ном — добрый Бог, когда ненастье стоит, то остяк говорит Ном коттембан — Бог бьет. Одним словом, все сильное и мощное в

В 1929 г. юрты Иготкины административно числились в Колпашевском районе Томского округа Сибирского края. В юртах Иготкиных было 20 дворов, 85 жителей, национальность — остяки (Список населенных мест Сибирского края. Т. 2: Округа Северо-Восточной Сибири. Новосибирск, 1929. С. 78).

мире и природе они относят к Богу, не назначая ему особенного места пребывания, но преимущественно относят пребывание его к небу. Сознывая свое ничтожество перед Богом и не осмеливаясь обращаться прямо к нему, но видя, что человек бессилен перед всем, окружающим его, так как хорошенько не знают его, они ищут покровительство каких-то лозов, которых тоже сами не знают, они сами сошьют куклу, назовут ее лозом и ищут его покровительства в своей жизни и во всех своих предприятиях. Они сами чувствуют, что человек так отдалился от Бога, что совершенно не знает его и не достоин по своей греховности обращаться прямо к нему, они ищут чьего-нибудь покровительства и заступления пред Богом, и тоже не знают, к кому обратиться за этим покровительством, потому что и лозов своих также не знают. Религия их еще во младенчестве. Они хотят узнать и Бога, и заступников человеческих пред ним, но никто не покажет им на этого Бога, ни этих заступников. Пастыри церкви, нива распаханна, удобрена, готова, имейте слово Божье, покажите остяку. Кто Бог великий, яко Бог наш и кто наши заступники. И здесь с {(Окрестили их, но не научили вере и потом дозволили нескольким русским промышленникам-мошенникам сделать остяков своими вечными работниками*) остяк остался по-прежнему дикарем. Христианство, смягчающее сердца диких народов не пустило здесь никакого корня, остяк считается христианином, но совершенно не знает Бога, он по-прежнему верит только секретно и своим прежним лозам, имеет даже и куклы их, при разных случаях приносит им свои жертвы, поклоняется им, но также исполняет и христианские обряды — ходит в церковь, ставит свечи в несколько лет, хотя однажды бывает на исповеди и св. Причастии, но не знает ни одной молитвы, а если и есть некоторые грамотные, знающие молитвы, то вовсе не понимают, что они говорят богу этими молитвами. В остяцком языке слово молится и кланяться одно и то же (о́мтыгу). Остяк как прежде кланяется бессмысленно своим лозам; так и ныне бессмысленно поклоняется Богу христианскому. Мне случалось однажды ночевать в доме одного остяка, и он был немного пьян, перед тем временем, когда надобно ложиться спать, он зажег перед иконами свечи, встал перед ними и вместо молитвы стал распевать свои остяцкие старинки про Ермака и остяцких богатырей. Если он делает это пья-

ный, следовательно, он и трезвый делает то же по пословице «что у трезвого на уме, то у пьяного на языке». Он бывал в церкви, он видел, что там зажигают перед иконами свечи, что там поют, вот и он то же делает} ¹⁰⁵.

С грустью вспоминаешь трехсотлетний пробел истории, где старший брат протянул руки младшему брату, не показал ему кто Бог и кто заступник пред Богом, в течение трехсот лет ничему не научил его.

Национальный архив Республики Татарстан. Ф. 968 (Казанский профессор-ориенталист Н.И. Ильминский). Оп. 1. Д. 75. Л. 1—46 об.

¹⁰⁵ Текст в фигурных скобках повторяется.

Глава 9

ФОТОДОКУМЕНТЫ В ИСТОРИИ РОССИЙСКИХ ЗЕМСТВ

На рубеже XIX—XX вв. появляются новые виды и типы документов — фото- и кинодокументы. Такие системные изменения свидетельствуют о глобальных трансформациях в истории человечества. С одной стороны, фотодокументы современным источниковедением отнесены к массовым документам, с другой — фотодокументы как часть документального наследия земств явились прогрессивными, но достаточно редкими документами. Отдельно взятые фотографии отразили повседневные события или факты из истории земств.

Фотография стала одним из замечательных и полезных открытий в истории. Ценность фотодокумента заключается в том, что он не только дает представление о фактах и событиях, но и отражает дух определенной эпохи. Фотодокументы по истории земского самоуправления — важнейшие источники по истории отдельных территорий Российского государства конца XIX — начала XX вв. На сегодняшний день в распоряжении исследователей находятся сотни фотодокументальных свидетельств истории земского самоуправления, хранящиеся в фондах архивов, музейных собраниях и личных коллекциях. В то же время фотографии по истории российского земства никак не сформированы в единую базу данных/перечень/каталог фотодокументов по истории российского земства.

В конце XIX в. с окончательным оформлением фотографирования как профессии количество фотографий по земской деятельности заметно увеличивается. В России появляется группа людей, для которых занятие фотографией становится постоянным. Более того, их фотографические заведения существовали в условиях жесткой конкуренции в течение длительного времени.

Успешное развитие фотографии характеризуется не только количественным ростом фотографических заведений и появлением фотографов-профессионалов, можно утверждать, что к началу XX в. сформировались основные жанры фотографии, связанные с земством: фотопортреты земских гласных, деятелей, видовые фо-

тографии (земские здания, объекты, находящиеся в земском ведении, — мостовые, мосты, переправы и пр.), бытовые фотографии (обустройство школ, больниц, приютов). Развитие бытового жанра явилось шагом к появлению документальной фотографии по истории земства.

Изучение фотодокументов по истории земского самоуправления свидетельствует о том, что они создавались фотографами в течение многих лет с середины 70-х гг. XIX в. до прекращения земствами своей деятельности. При этом авторами использовались специальные методики фотодокументирования с минимальными искажениями снимаемого объекта, направленного на достижение предельной детализировки четкости изображения. Такой подход, наряду с отказом от любых проявлений инсценировок при фотодокументировании и применении методик последовательного раскрытия конструктивных или функциональных особенностей съемки, обеспечил высокую степень достоверности и информативности фотодокументов по истории российских земств.

Все это обусловило необходимость создания базы данных фотодокументов по истории российского земства XIX — начала XX вв. Формируемая база фотодокументов по истории земского самоуправления могла бы представлять собой совокупность данных о фотодокументах по истории российских земств, совместно используемый набор логически связанных данных (и описание этих данных), предназначенный для удовлетворения информационных потребностей исследователей.

Поиск и детальный анализ фотодокументов по истории российского земства уже сейчас свидетельствует о неповторимости фотографий, где запечатлены земские деятели, направления земской деятельности, земские здания. Некоторые удачные, на наш взгляд, фотодокументы хранятся в приведенных ниже государственных и региональных архивах, электронных архивах, личных архивах.

Российский государственный архив кинофотодокументов хранит в себе черно-белые фотоснимки 1913 г. с торжества в г. Костроме по случаю празднования 300-летия Дома Романовых у павильонов земской выставки; фотодокументы, где запечатлена

царская семья у павильонов земской выставки (РГАКФД. Шифр: 5-5227; Шифр: 5-7731).

Центральный государственный архив кинофотодокументов Санкт-Петербурга располагает следующими интересными фотографиями по истории земства: «Тверское губернское земство. Госпитали, г. Тверь, 1914»; «Медицинские сестры в операционной губернской земской больницы, г. Тверь, 1914»; «Медицинские сестры перевязывают раненого в перевязочной губернской земской больницы, г. Тверь, 1914»; «Вид помещения прачечной для госпиталей Всероссийского земского союза, г. Тверь, 1914»; «Вид одной из палат тылового госпиталя Всероссийского земского союза (в здании Духовной семинарии), г. Тверь, 1914»; «Фотоальбом “Земская учительская школа, 1900—1903 гг., г. СПб.”» (всего 65 фотодокументов) (ЦГА КФД СПб. Шифр П 67, сн. 1—5, 6, 7, 10, 14).

Региональные и личные фонды представлены самыми разными фотодокументами, которые условно можно разделить на следующие группы — индивидуальные, групповые, видовые, сюжетные (документальные)¹⁰⁶.

Среди **индивидуальных** фотопортретов (и их электронных копий) земских служащих и гласных следует выделить:

- фото Валентина Феликсовича Войно-Ясенецкого (1910 г.) — врача-хирурга Переславльской земской больницы Владимирской губернии, возглавлявшего земские больницы в Курской и Саратовской губерниях, автора многих работ по земской медицине, позднее ставшего профессором медицины, духовным писателем, епископом Русской православной церкви, а с апреля 1946 г. — архиепископом Симферопольским и Крымским (архиепископ Лука) (Переславль-Залесский музей-заповедник. № 6914; Никитина 2013; Житие священноисповедника Луки... 2008);

- фото Николая Степановича Покровского (ок. 1909—1911 гг.) — потомственного почетного гражданина г. Калуги, служив-

¹⁰⁶ В главе представлены наиболее удачные и интересные, на взгляд автора, снимки. По предварительным подсчетам в музейных и архивных фондах на сегодняшний день находится более полусотни фотоснимков, так или иначе связанных с детальностью российского земства периода второй половины XIX в. — 1919 г.

шего бухгалтером в Калужской уездной земской управе (Большой русский альбом... 3);

- фото земского доктора Николая Дмитриевича Жукова (г. Чухлома, Костромская губерния, ок. 1917 г.) — безотказного и отзывчивого, очень уважаемого простыми людьми (Большой русский альбом... 2);

- фото Дмитрия Алексеевича Наумова (г. Москва, 1894 г.) — первого председателя Московской губернской земской управы Дмитрия Алексеевича Наумова (1830—1895 гг.), который в течение двадцати пяти лет беспрерывно председательствовал в управе, автора ряда работ по работе земства (Наумов 1899: 6);

- фото Валентина Федосеевича Нагорского — выдающегося ученого и организатора русской ветеринарии, доктора медицины (1880 г.), заведующего ветеринарным бюро Московского губернского земства (1883—1893 гг.), ставшего позднее начальником Ветеринарного управления Министерства внутренних дел (1905—1912 гг.) (Официальный сайт Главного управления ветеринарии Московской области);

- фото Дмитрия Николаевича Соколова (г. Москва, ок. 1901—1911 гг.) — санитарного врача Московского губернского земства (Гидрогеологический очерк... 1913: 3);

- фото Василия Ивановича Орлова (г. Москва) — основоположника земской статистики, первого заведующего статистическим бюро Московской губернской земской управы, автора трудов о постановке земско-статистических исследований и их методах в земских изданиях («Земство» (1881), «Земский Обзор», (1884), «Русские Ведомости» (1877—1878) и «Юридический Вестник» за разные годы), умершего от инсульта на заседании съезда земских врачей Московской губернии 22 сентября 1885 г. (Юбилейный земский сборник 1914: 265);

- фото Евграфа Алексеевича Осипова (г. Москва) — земского врача, одного из основоположников земской медицины и земской санитарной статистики, первого заведующего санитарным бюро Московского губернского земства, автора ряда трудов («Об общественных банях, купальнях и прачечных» (1868), «Очерк статистики народонаселения Московского уезда» (1878) и др.) (Юбилейный земский сборник 1914: 409);

- фото Петра Николаевича Михалкина (г. Н.Новгород, ок. 1890—1900 гг.) (Официальный сайт Государственной Нижегородской архивной службы) — заведующего хирургическим отделением Нижегородской губернской земской больницы;

- фото с художественного портрета «Князь Александр Илларионович Васильчиков» (г. Москва, ок. 1870—1880 гг.) (Юбилейный земский сборник... 1914: 17). Князь А.И. Васильчиков — гласный Новгородского земства (1865—1871 гг.), автор ряда работ по земским вопросам, в том числе «О самоуправлении. Сравнительный обзор русских и иностранных земских и общественных учреждений» (В 3 т. СПб.: Типография В.В. Пратц, 1872);

- фото с художественного портрета Александра Ивановича Анисимова (г. Новгород, ок. 1917 г.) — исследователя древнерусского искусства, выдающегося деятеля музейного и реставрационного дела, ученого, коллекционера, преподавателя земской Григоровской учительской семинарии Новгородской губернии. Портрет выполнен художником Борисом Михайловичем Кустодиевым в 1915 г. (Электронный проект исследователей...);

- фото земского архитектора Ильинского земского участка Пермского земства Захара Федоровича Таскаева (СПб., 1908 г.) (Большой русский альбом... 4);

- фото земского врача слободы Покровской (Самарская губерния, 1880-е гг.) Александра Николаевича Левкова с женой (г. Саратов, 1880-е гг.) (МБУ «ЭКМ». НВ 5967);

- фото земского врача слободы Покровской (Самарская губерния, начало XX в.) Александра Николаевича Левкова (МБУ «ЭКМ». ЭКМ 5966);

- фото преподавателя петроградской земской учительской школы Николая Порфирьевича Архангельского (г. Петроград, ок. 1916—1918 гг.) — педагога, автора ряда историко-краеведческих работ, в первую очередь по истории педагогики и научной жизни в Средней Азии (ГБУК ЛО «МА». НВФ-1695).

На **групповых** фотографиях земских служащих и гласных представлены: гласные Тотемского уездного земского собрания Вологодской губернии (1882 г.) (Большой русский альбом... 5), гласные Вологодской губернской земской управы (1916 г.) (Большой русский альбом... 6); гласные Рыбинского земства

(Ярославская губерния, 1870-е гг.) (РГИАиХМ-3. РБМ-12659); гласные Рыбинского уездного земского собрания (Ярославская губерния, примерно 1904—1907 гг.) (РГИАиХМ-3. РБМ-12879); мологский земский врач Григория Андреевича Архарова с семьей (г. Молога, Ярославская губерния, конец XIX — начало XX вв.) (РГИАиХМ-3. РБМ-35505); служащие Новоладожской уездной земской управы (г. Новая Ладога, Санкт-Петербургская губерния, предположительно 21 июня 1911 г.) (НИКМЛО. КП-1859); врачи Пензенского земства и губернских земских инспекторов (г. Пенза, середина 90-х гг. XIX в.), среди которых основатель Пензенской психиатрической больницы Константин Романович Евграфов (Официальный сайт ГБУЗ «Областная психиатрическая больница ...»).

Видовые фотографии представлены фотоснимками земских зданий (внешний/внутренний вид) и павильонов земских выставок:

- фото павильонов земской выставки в г. Костроме (19 мая 1913 г.) (РГАКФД. Шифр: 5-5227 ч/б. Ед. хр. 5227). Торжественная земская выставка состоялась в г. Костроме по случаю празднования 300-летия Дома Романовых;

- фото каменного здания земской амбулатории (с. Решма, Костромская губерния, 1912 г.) (Кинешма...);

- фото вестибюлей и кабинетов Московской губернской земской управы (г. Москва, 1906 г.) (Московская губернская...1906: 4—23);

- фото здания Московской уездной земской управы (г. Москва, ок. 1903 г.) (Иллюстрированный каталог... 2009);

- фото здания Нижегородской губернской земской управы (г. Н.Новгород, ок. 1890—1900 гг.) (Архив аудиовизуальной информации ...1);

- фото здания приюта Нижегородского губернского земства (г. Н.Новгород, ок. 1900 г.) (Архив аудиовизуальной информации ...3). Одно из уникальных земских зданий России было выстроено на холмистой местности по улице Мартыновской на средства почетной гражданки города Нижнего Новгорода, купчихи Агнии Николаевны Марковой по специальному проекту архитектора (инженера) Л.Д. Агафонова. Оснащение собственной электро-

станцией позволяло детям и персоналу в любое время суток пользоваться горячей и холодной водой, что по тем временам было редкостью. Функционально-планировочное решение здания «Детского приюта губернского земства» было передовым для своего времени. В 1911 г. профессор Илья Ильич Мечников, осматривая приют, сказал: «Такому дому было б место и в Париже». В 1913 г. Нижегородскому губернскому земству на Всероссийской гигиенической выставке в Петербурге был присужден почетный диплом «За хорошо оборудованное здание детского приюта и отличную работу персонала в нем». В разные годы приютом заведовали известные педиатры Александр Савич Пальмов, Вера Ивановна Крюкова (Чеберева);

- фото здания земской больницы (г. Боровичи, Новгородская губерния, дата неизвестна) (Отдел письменных источников Новгородского государственного музея-заповедника. Инв. № 40012-15; Электронный проект... 4);

- фото земских зданий — больницы, училища и часовни целителя Пантелеймона (с. Бисерево, Псковская губерния, начало XX в.) (Электронный журнал «Журнал Мефодия...»). В конце XIX в. местная помещица Александра Ивановна Фовелин (Фовелина) подарила участок земли уездному земству, где были построены здравоохранительные и учебные земские здания;

- фото здания Скопинской уездной земской управы (Рязанская губерния, начало XX в.) (Электронный ресурс «История, культура и традиции Рязанского края»);

- фото здания земской школы (слобода Покровская, Самарская губерния, начало XX в.) (МБУ «ЭКМ». НВ 5635);

- фото здания земской больницы и земского училища (слобода Покровская, Самарская губерния, начало XX в.) (МБУ «ЭКМ», ЭКМ 8219). Одноэтажные здания Покровской земской больницы и земского училища с наличниками на окнах, окруженные палисадниками;

- фото здания самарской земской школы (начало XX в.) (Официальный сайт Самарской губернской думы...). Одна из крупных земских школ в Самаре. К началу XX в. в Самарской губернии насчитывалось 517 земских школ;

- фото губернского земского больничного комплекса (г. Самара, 1875 г.) (Официальный сайт Самарской губернской думы...).
- фото здания земской больницы (г. Луга, Санкт-Петербургская губерния, начало XX в.) (ЛИКМЛО. КП-1473);
- фото здания арестного дома земства (г. Новая Ладога, Санкт-Петербургская губерния, 1900 г.) (НИКМЛО. КП-202);
- фото павильонов сельскохозяйственной и кустарно-промышленной выставки (г.Саратов, 1893 г.) (Календарь знаменательных дат... 2013: 3);
- фото здания рыбинской уездной земской управы (г. Рыбинск Ярославская губерния, 1900-е гг.) (Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник. РБМ-19747).

Сюжетные (документальные) фотографии:

- фото земского врача Георгия Саввича Цареградского (с. Василево, Костромская губерния, 1917 г.), отправляющегося в экипаже на работу по земскому врачебному участку (Большой русский альбом... 1);
- серия фотографий с открытия сельскохозяйственной выставки Кинешемского уездного земства Костромской губернии (участники перед павильоном выставки, торжественный молебен на открытии выставки) (Кинешма...);
- фото сотрудников Вичугского земского врачебного участка (Костромская губерния, 1912 г.) — медицинский и санитарный персонал на фоне построек земской больницы, гужевого транспорт земских врачей (Кинешма...);
- фото земского врача с коллегами и помощниками (д. Вичуга, Костромская губерния, 1912 г.) перед домом земского врача, располагавшемся на территории земского лечебного участка) (Кинешма...);
- фото медицинского персонала и больных перед земской больницей (с. Батманы, Костромская губерния, 1912 г.) (Кинешма...);
- фото врачей, среднего и младшего медицинского персонала на крыльце двухэтажного каменного здания Семеновско-

Лапотной земской больницы (Костромская губерния, 1912 г.) (Кинешма...);

- фото приема больных в амбулатории земской больницы (с. Решма, Костромская губерния, 1912 г.) (Кинешма...);

- фото экспонатов медико-санитарного отдела Кинешемской уездной земской выставки — макеты зданий земских больниц Кинешемского земства, оформленные стенды с фотографиями и графиками, показывающими достижения уездной земской медицины к 1912 г. (с. Кинешма, Костромская губерния, 1912 г.) (Кинешма...);

- фото посетителей и медицинского персонала больницы на фоне зданий Нижегородской губернской земской больницы (г. Н.Новгород, ок. 1890—1900 гг.), где вели прием все трудившиеся (в разное время) известные нижегородские врачи — П.Н. Михалкин, Е.Б. Еше, Д.А. Венский, П.П. Кашенко, И.А. Кунцевич, И.В. Араповский, Т.М. Рожанский (Архив аудиовизуальной информации... 2);

- фотомонтаж «Съезд врачей и представителей земств Нижегородской губернии» (1910 г.), где запечатлены участницы съезда за шитьем специальной медицинской одежды и за работой с документами (Архив аудиовизуальной информации... 4);

- фото «Пятидесятилетний юбилей Нижегородского губернского земства» (1914 г.). На торжественном юбилейном заседании присутствуют члены уездных и губернской земских управ и гласные, земские врачи, учителя, агрономы, экономисты, статистики и другие специалисты Нижегородского земства (Архив аудиовизуальной информации Нижегородской области; Официальный сайт электронной библиотеки Руниверс... <http://www.runivers.ru/gallery/photogallery/photo/38885/original/>);

- фото «Учителя земских сельскохозяйственных училищ» (Валдайский уезд, Новгородская губерния, дата неизвестна) (Отдел письменных источников Новгородского государственного музея-заповедника. Инв. № 25997/9463; Электронный проект исследователей... 2). Преподаватели на практических огородных курсах повышения квалификации;

- фото учащихся и учителей земского училища (Боровичский уезд, Новгородская губерния, 1908/1909 уч. г.) перед зданием

земской школы (Отдел письменных источников Новгородского государственного музея-заповедника. Инв. № 27633; Электронный проект исследователей... 3);

- фото пациентов и медицинского персонала мужского отделения Пензенской губернской земской психиатрической больницы (г. Пенза, начало XX в.) (Официальный сайт ГБУЗ «Областная психиатрическая больница... »);

- фото «Открытие земской больницы» (с. Ильинское, Пермская губерния, 1909 г.) (Симонов; Большой русский альбом... 4). Пермские земцы на крыльце новой земской больницы. В нижнем ряду крайний справа архитектор уездного земства Захар Федорович Таскаев, под руководством которого строилось здание больницы;

- фото медицинского персонала и больных в коридоре Самарской земской больницы (г. Самара, дата неизвестна) (Официальный сайт Самарской губернской думы...). На стене виден портрет первого председателя Самарской губернской земской управы Леонтия Борисовича. Тургенева;

- фото земских врачей (с. Большеглушицк, Самарская губерния, 1892 г.) на отдыхе в период борьбы с эпидемией холеры (Официальный сайт Самарской губернской думы...);

- фото «Земская сельскохозяйственная выставка» (г. Самара, ок. 1880—1892 гг.) (Официальный сайт Самарской губернской думы...). Скот, лошади, сельскохозяйственный инвентарь и земские специалисты в павильонах сельскохозяйственной выставки;

- фото учащихся и учителей петроградской земской школы в школьном дворе на фоне учебного здания и хозяйственной постройки (г. Петроград, ок. 1914—1917 гг.) (ГБУК ЛО «МА». НВФ-1694);

- фото изделий художественно-столярной мастерской Московского губернского земства в Сергиевом Посаде на выставке в Кустарном музее в Москве (1910-е гг.) (РГИАиХМ-З. РБМ-16755/2).

Среди портретных и сюжетных фотографий выделяются вполне **уникальные** фото знаменитых людей, так или иначе связанных с земством:

- фото императора Николая II с членами царской семьи около павильонов земской выставки в г. Костроме (20 мая 1913 г.), посвященной празднованию 300-летия Дома Романовых (РГАКФД. Шифр: 5-7731 ч/б. Ед. хр. 7731);

- фото Петра Петровича Кашенко (г. Н.Новгород, ок. 1890—1900 гг.) (Официальный сайт Государственной Нижегородской архивной службы... 1) — врача Нижегородской губернской земской больницы, известного русского врача-психиатра, общественного и земского деятеля, автора статей по психиатрии и организации психиатрической помощи;

- фото Константина Романовича Евграфова (г. Москва, начало XX в.) — земского врача-психиатра, видного деятеля отечественной психиатрии, основателя Пензенской психиатрической больницы (Официальный сайт ГБУЗ «Областная психиатрическая больница... »);

- фото Абрама Григорьевича Кассиля (г. Покровск, Самарская губерния, начало XX в.) — земского врача, заслуженного врача РСФСР, основателя акушерско-гинекологической службы Покровска (современного г. Энгельса), отца писателя и журналиста Л. Кассиля (Музей Льва Абрамовича Кассиля в Энгельсе...);

- фото учащегося петроградской земской школы Александра Андреевича Прокофьева (г. Петроград, ок. 1915—1917 гг.) — русского и советского поэта, Героя Социалистического труда, лауреата Ленинской и Государственной премий, члена Союза писателей СССР, одного из наиболее видных литературных деятелей XX столетия, воспевающих Россию в своих стихах. В 1915 г., пройдя большой конкурс, Александр Прокофьев поступил учиться в 5-классную Петроградскую земскую учительскую школу, которую не закончил по семейным обстоятельствам из-за призыва отца на фронт (ГБУК ЛО «МА». НВФ-1697).

Большая часть сохранившихся фотографий не имеет установленного авторства. Среди установленных авторов необходимо назвать фотографов второй половины XIX — начала XX вв.: Д.А. Золотарева¹⁰⁷, М. Тапкина¹⁰⁸, И.П. Егерева¹⁰⁹, Д.В. Принца¹¹⁰,

¹⁰⁷ Давид Алексеевич Золотарев (1885—1935 гг.) — антрополог, этнограф, географ, профессор антропологии и географии Ленинградского государственного университета, фотограф-любитель, сотрудничавший с Рыбинским земством

К.А.Фишера и фотографов его мастерской¹¹¹, М.П. Дмитриева¹¹², М.Н. Шерера и фотохудожников его фирмы¹¹³, Г.Я. Шайдурова¹¹⁴. Среди фотографов были любители и профессионалы, имевшие свою фотостудии, сотрудничавшие с земством. Например, К.А. Фишер создавал фотоальбомы, наборы открыток с фототипий внутреннего и внешнего вида земских зданий, земских гласных и служащих.

Обобщая результаты анализа отдельных фото, групп фотодокументов, необходимо подчеркнуть, что для фотоснимков с информацией о социально-экономической деятельности земств в большей мере присущ охват центральных районов страны, Поволжья. Они заключают в себе разнообразные сведения о состоянии земских школ, больниц, приютов, агрономического дела, строительстве земских объектов, участии земств в выхаживании раненых в годы Первой мировой войны. Следует отметить, что

Ярославской губернии по вопросам народного образования. Его фотографии вместе с другими документами из личного архива были переданы в Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

¹⁰⁸ М. Тапкин — фотограф-любитель из Санкт-Петербургской губернии.

¹⁰⁹ Иван Егеров — фотограф, имевший свое фотоателье в немецкой слободе г. Саратова в доме Кузнецова.

¹¹⁰ Дмитрий Владимирович Принц — питерский фотограф, имевший свое фотоателье по адресу Невский проспект (на углу с ул. Казанской, д. 25-1).

¹¹¹ Карл Андреевич Фишер — московский фотограф, председатель Русского фотографического общества, имевший свое фотоателье по адресу ул. Кузнецкий мост, дом Тверского архиерейского подворья, 11. В фотоателье Фишера в разные годы (с конца 1890-х гг.) трудились фотографы-профессионалы: Михаил Андреевич Барташевич, Вольдемар Рудольфович Бауэр, Константин Христианович Заузе, Михаил Петрович Песков, Михаил Алексеевич Сахаров, Алексей Трофимович Трофимов и др.

¹¹² Максим Петрович Дмитриев — нижегородский фотограф, имевший свое фотоателье по адресу ул. Осыпная, дом Пальцева.

¹¹³ Мартин Николаевич Шерер и Георгий Иванович Набголец — московские купцы, державшие свою фотостудию «Шерер, Набголец, бывшая А. Бергнера» (позднее «Шерер, Набголец и Ко»), которую купили у А. Бергнера. Фотостудия в разное время находилась по адресам: пер. Газетный, дом Засецкой; ул. Большая Дмитровка, дом Пустошкиной. В 1867 г. фирма на долгие годы была сдана в аренду курляндскому уроженцу Альберту Ивановичу Мею.

¹¹⁴ Григорий Яковлевич Шайдуров — фотограф-любитель, графский фельдшер из с. Ильинское Пермского края.

основная часть фотодокументов не имеет аналогов среди фотодокументальных источников этого периода.

Комплексное изучение фотодокументальной коллекции по истории российского земства дает возможность судить не только о безусловной познавательной и художественной ценности этих фотодокументов, но и представляет возможность апробировать целый арсенал исследовательских приемов и методов работы с подобного рода документами. Фотодокументальная коллекция, сформированная на основе признака происхождения, имеет свою специфику, которая создает благоприятные условия для эффективного и всестороннего проведения источниковедческого анализа фотодокументов.

Появление нового типа копий фотодокументов — оцифрованных фотографий — вызвало необходимость исследования всех стадий их жизненного цикла от момента возникновения до использования в различных целях. Оцифрованные фотографии — фотографии, полученные в результате конверсии обычного фотодокумента в цифровую форму — сегодня ускорили создание единой базы данных по истории российского земства

В настоящее время наблюдается переход государственных и ведомственных музеев и архивов на использование электронных коллекций баз фотоданных, где хранятся цифровые копии изображений архивных фотодокументов. За счет пополнения коллекций количество цифровых копий по истории земского самоуправления России постоянно возрастает. Это позволяет обеспечить непосредственный доступ к ним широкой публики без (нежелательного) использования оригинальных документов (создаются иллюстрированные каталоги на CD/DVD/флэш-накопителях, размещаются изображения в сети Интернет).

В то же время проблемой является плохое качество многих фотоизображений по земской истории (в том числе уникальных), вызванное наличием на них дефектов, условиями хранения. Традиционные методы реставрации фотодокументов не всегда обеспечивают должное качество его восстановления, кроме того, подвергают риску оригинальные снимки. В связи с этим все чаще проводится цифровая реставрация.

Сегодня исследователи только начинают интересоваться земской фотографией, желая представить историю земских учрежде-

ний и судьбы земцев более детально и объективно. В свою очередь современные информационные технологии дают новые импульсы для развития доступа к архивным и музейным фоторесурсам по истории земств, созданию специализированной базы данных, что является важным для обеспечения открытости и прозрачности информационных исторических ресурсов подобного типа.

Литература

Архив аудиовизуальной информации Нижегородской области; Официальный сайт электронной библиотеки Руниверс (проект «Россия в подлиннике») 1. URL: <http://www.runivers.ru/gallery/photogallery/photo/38222/original/> (дата обращения: 05.08.2014); 2. <http://www.runivers.ru/gallery/photogallery/photo/38231/original/> (дата обращения: 05.08.2014); 3. URL: <http://www.runivers.ru/gallery/photogallery/photo/38234/original/> (дата обращения: 05.08.2014); 4. URL: <http://www.runivers.ru/gallery/photogallery/photo/386300/original/> (дата обращения: 05.08.2014).

Большой русский альбом: Вся Россия в лицах и биографиях из семейных архивов 1. URL: <http://www.rusalbom.ru/photo/default/12825> (дата обращения: 11.05.2012); 2. URL: <http://www.rusalbom.ru/photo/default/13369> (дата обращения: 11.05.2012); 3. URL: <http://www.rusalbom.ru/photo/default/13988> (дата обращения: 07.08.2014); 4. URL: <http://www.rusalbom.ru/photo/default/19871> (дата обращения: 12.05.2014); 5. URL: <http://www.rusalbom.ru/photo/default/24866> (дата обращения: 11.05.2012); 6. URL: <http://www.rusalbom.ru/photo/default/34287> (дата обращения: 07.08.2014).

Гидрогеологический очерк Московской губернии Соколова Николая Дмитриевича. 1913 / Под ред. и с дополнит. статьями В.Д. Соколова. Издание Московского губернского земства. Москва: Товарищество «Печатня С.П. Яковлева».

Государственное бюджетное учреждение культуры Ленинградской области «Музейное агентство» (далее — ГБУКЛО «МА»).

Житие священноисповедника Луки (Воино-Ясенецкого), архиепископа Симферопольского и Крымского. 2008 / Составитель Игумен Дамаскин (Орловский) // Духовное обозрение: Реутов православный 1(13). Реутов.

Иллюстрированный каталог почтовых карточек фототипии Шерер, Набольтц и Ко. 1901—1903 гг. 2009. 2-е изд. Москва: б.и. Сайт «Фотографии старой Москвы». URL: // <http://www.oldmos.ru/photo/view/6945> (дата обращения: 04.02.2013).

Календарь знаменательных дат Саратовской области на 2014 год. 2013 / Министерство культуры Саратовской области, Саратовская областная универсальная научная библиотека, Отдел краеведческой библиографии. Саратов: б.и.

Кинешма: лики настоящего и прошлого. URL: http://kineshma.msk.su/old/00_20/zem2.shtml (дата обращения: 11.05.2014). //

Лужский историко-краеведческий музей Ленинградской области (далее — ЛИКМЛО).

МБУ «Энгельсский краеведческий музей» (далее — МБУ «ЭКМ»).

Московская губернская земская управа. 1906. Альбом фото / Фишер К. Москва: б.и.

Музей Льва Абрамовича Кассиля в Энгельсе (филиал Саратовского Государственного музея К.А. Федина), Саратовская область.

Наумов Д.А. 1899. Биографический очерк. Издание Московского губернского земства. Москва: Печатня С.П. Яковлева.

Никитина Ю.Я. 2013. Главный врач и хирург Переславльской земской больницы В.Ф. Войно-Ясенецкий // Медицинская психология в России: электронный научный журнал №5 (22). URL: <http://mpgj.ru> (дата обращения: 01.04.2014).

Новоладожский историко-краеведческий музей Ленинградской области (далее — НИКМЛО).

Отдел письменных источников Новгородского государственного музея-заповедника.

Официальный сайт Государственной Нижегородской архивной службы 1. URL: <http://www.archiv.nnov.ru/?id=3968> (дата обращения: 09.08.2014); 2. URL: <http://www.archiv.nnov.ru/?id=3987> (дата обращения: 09.08.2014).

Официальный сайт ГБУЗ «Областная психиатрическая больница им. К.Р. Евграфова». URL: <http://www.evgrafova.com/doc-13.html> (дата обращения: 08.05.2014).

Официальный сайт Главного управления ветеринарии Московской области // <http://old.guv.mosreg.ru/history/> (дата обращения: 08.08.2014).

Официальный сайт Самарской губернской Думы и представительных органов муниципальных образований в Самарской области . URL: http://samgd.ru/~vizitka4/viz_excursus/viz_sobranie/ (дата обращения: 11.08.2014).

Переславль-Залесский музей-заповедник.

Российский государственный архив кинофотодокументов (далее — РГАКФД). URL: <http://rgakfd.altsoft.spb.ru/showObject.do?object=150248399> (дата обращения: 07.08.2014).

Рыбинский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (далее — РГИАиХМ-З).

Симонов В. Ильинское и ильинцы на старых фотографиях // Ураловед: сайт знатоков и любителей Урала. URL: www.rusalbom.ru/photo/default/20048 (дата обращения: 11.08.2014).

Чеберева О. Милосердие: кирпичный стиль // Электронный проект Галины Филимоновой «Дать понять». URL: http://www.gtpp.ru/MP/mp_111.htm (дата обращения: 09.08.2014).

Центральный государственный архив кинофотодокументов Санкт-Петербурга (далее — ЦГАКФД СПб).

Электронный журнал «Журнал Мефодия: Опочка. Дорога на Полоцк — история в фотографиях». URL: <http://foto-history.livejournal.com/1454032.html> (дата обращения: 10.09.2013).

Электронный ресурс «История, культура и традиции Рязанского края». URL: <http://www.history-ryazan.ru/gallery2/v/historical/skopin/zemstvo-skopin.jpg.html> (дата обращения: 11.05.2012).

Электронный проект исследователей Новгородской области «Земство и общечеловеческие ценности» 1. URL: <http://www.admin.novsu.ac.ru/domino/zemstvo.nsf/gallery/i401> (дата обращения: 07.05.2014); 2. URL: <http://www.admin.novsu.ac.ru/domino/zemstvo.nsf/gallery/i403> (дата обращения: 7.05.2014); 3. URL: <http://www.admin.novsu.ac.ru/domino/zemstvo.nsf/gallery/i503> (дата обращения: 7.05.2014); 4. URL: <http://www.admin.novsu.ac.ru/domino/zemstvo.nsf/gallery/i802> (дата обращения: 7.05.2014).

Юбилейный земский сборник. 1914 / Под ред. Б.Б. Веселовского и Ф.Г. Френкеля. Петроград: б.и.

Глава 10

ВЕТЕРИНАРНЫЙ УЧАСТОК КАК ВАЖНЕЙШЕЕ ЗВЕНО СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЕТЕРИНАРНОЙ СЛУЖБЫ В СССР (НА МАТЕРИАЛАХ ШИРОКОВСКОГО ВЕТУЧАСТКА ДАЛМАТОВСКОГО РАЙОНА КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ 1940—1980-х гг.): ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ

Источниковая база исследования представлена пятью группами источников.

Первую группу составили нормативные документы — преимущественно ветеринарное законодательство, а также постановления правительства, касающиеся развития сельского хозяйства, животноводства и ветеринарного обслуживания. Изучение истории ветеринарии предполагает обращение к документам партии и правительства, раскрывающим государственную политику в сфере ветеринарного обслуживания в стране.

Вторая группа источников представлена:

— делопроизводственной документацией ветеринарных организаций различных уровней (документы ветеринарного отдела Курганской области, отчеты Далматовской ветстанции по борьбе с болезнями животных, отчеты по ветработе Широковского ветеринарного участка);

— документами управлений сельского хозяйства Курганской области, Далматовского района, колхоза им. Свердлова Далматовского района Курганской области (годовые отчеты колхоза, отчеты по животноводству, отчеты по ветеринарии);

— документами органов советской власти местного и регионального уровней (постановления и решения Курганского облисполкома, Далматовского райисполкома, материалы сельскохозяйственной комиссии Широковского сельского совета, справки о проверке сельским советом состояния животноводства, акты сельского совета, касающиеся вопросов ветеринарного обслуживания, приказы и распоряжения Далматовского районного сельскохозяйственного управления). Эта группа источников богата документами статистического характера, содержащими информацию о численности поголовья скота, о показателях развития

животноводства в динамике, о системе ветеринарных мероприятий в районе и Широковском ветучастке;

— партийными документами (распорядительная, информационно-справочная документация Курганского обкома КПСС, Далматовского райкома партии, парткома колхоза им. Свердлова).

Третья группа источников — письма и воспоминания, а также интервью, т.е. источники личного происхождения. Представлены документы, отражающие повседневную жизнь Далматовской ветстанции, Широковского ветеринарного участка и его работников, а также прошлое развития животноводческой отрасли колхоза им. Свердлова.

Четвертая группа источников — фотодокументы. В них отражены черты эпохи, свидетельствующие о фактах ветеринарного прошлого Зауралья, г. Далматово, с. Широковского, колхоза им. Свердлова, Широковского ветеринарного участка, Г.И. Захаровой и ее коллег.

Пятая группа источников представлена материалами периодической печати. Ее следует разделить на две подгруппы. К первой относятся центральные издания. В их числе журнал «Уральские нивы», издававшийся Министерством сельского хозяйства РСФСР для Курганской, Оренбургской, Свердловской, Тюменской, Челябинской областей. В нем регулярно помещались материалы о развитии животноводства в Курганской области и его ветеринарном обслуживании.

Основным журналом в этой группе изданий, вне всякого сомнения, является ежемесячный научно-производственный журнал, орган Министерства сельского хозяйства СССР «Ветеринария». Он выходил с 1924 г. под названием «Практическая ветеринария и коневодство», в 1932—1940 гг. — «Советская ветеринария», с 1951 г. — «Ветеринария».

Главные задачи журнала тогда состояли в пропаганде решений партии и правительства по развитию животноводства, освещении передового опыта по зоогигиене, профилактике и лечению сельскохозяйственных и промысловых животных, по ветеринарно-санитарной экспертизе продуктов животного происхождения, по организации ветеринарной службы и ветеринарному снабжению.

Журнал имел следующие рубрики: передовые статьи; за коммунистический труд (обмен опытом); инфекционные болезни; паразитология и инвазионные болезни; вопросы вирусологии и микробиологии; незаразные болезни; фармакология и токсикология; акушерство, гинекология и искусственное осеменение; санитария и зоогигиена; ветеринарно-санитарная экспертиза; лабораторная практика; подготовка и усовершенствование кадров в странах народной демократии; ветеринария за рубежом; критика и библиография; информация и хроника; ответы на письма читателей; из истории ветеринарии.

Ко второй подгруппе периодики относятся издания местной периодической печати. Большая часть материалов извлечена из районной газеты «Путь к коммунизму» — органе издания Далматовского РК КПСС и Далматовского райисполкома. Использованы материалы и современной районной общественно-политической газеты «Далматовский вестник», содержащей сведения по истории развития животноводства, очерки о зарождении ветеринарии в районе, задачах ветеринарной организации и их решении, репортажи о профессиональных конкурсах ветработников в Далматовском районе.

Указанные виды источников извлечены из опубликованных материалов, выполненных как на бумажных, так и на электронных носителях, и фондов архивов различных уровней (областные, муниципальный, ведомственный и личный).

Источники опубликованы в документальных сборниках, периодике, справочниках. Большое количество партийных и правительственных документов печаталось в центральных изданиях, затем было объединено в сборник «Ветеринарное законодательство» (в 4-х томах). Некоторые из документов КПСС и советского правительства заимствованы из сборников «Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам...». Документы органов партийной и советской власти регионального уровня преимущественно заимствованы из архивов.

Среди опубликованных источников следует выделить справочные издания. В их числе статьи из «Справочника по организации ветеринарной службы». Данное издание содержит статьи по следующим проблемам: общие вопросы организации ветеринарного дела; трудовые отношения, дисциплина и охрана труда ра-

ботников ветеринарной службы; оплата труда ветеринарных работников, компенсации, гарантии и материальные льготы; материально-финансовое и техническое обеспечение ветеринарной службы; подготовка ветеринарных кадров; научно-исследовательские ветеринарные учреждения; государственный ветеринарный контроль; ветеринарная пропаганда и литература.

Основу исследования составили архивные источники. В сфере изучения истории становления ветеринарной службы региона документальную базу составили источники, извлеченные из областных архивов Курганской области. **Государственный архив общественно-политической документации Курганской области** содержит значительное число документов, относящихся к изучаемой теме.

Изучению подлежали источники, хранящиеся в Ф. П-56 — Далматовский РК КПСС, преимущественно сельскохозяйственного отдела райкома партии. Здесь сосредоточены статистические документы, касающиеся состояния животноводства района, поставок животноводческой продукции государству, ветеринарного положения.

Фонд богат документами справочно-аналитического характера: справки, информации, докладные записки, аналитические доклады. Извлечение документов из указанного фонда позволило дополнить имевшуюся сельскохозяйственную статистику Далматовского района, получить сведения о ветеринарном обслуживании хозяйств, мерах, принимаемых по борьбе с заразными болезнями сельскохозяйственных животных. Например, весьма интересен отчет по животноводству района за 1946 г., характеризующий состояние поголовья в послевоенный период.

Документы Ф. П-346 — Первичная партийная организация колхоза им. Свердлова Далматовского района, представленные протоколами заседаний партийного комитета, партийных собраний, отражают производственную деятельность колхоза в сфере животноводства, работу ветеринарных специалистов по обслуживанию скота. В частности, в ряде протоколов хорошо отражена позиция ветеринарного врача Г.И. Захаровой по ряду специальных вопросов, ее принципиальность в деле разрешения ветеринарных проблем.

В этом фонде обнаружено и личное дело по приему в партию Г.И. Захаровой. Кроме этого, в фонде содержится большой комплекс документов по руководству партийной организацией работой Широковского совета, где также отразилась общественная деятельность Г.И. Захаровой в качестве агитатора, депутата сельского совета, лектора, руководителя партшколы.

В Казенном государственном учреждении «Государственном архиве Курганской области» изучены документы Ф. Р-1591 — Статистическое управление Курганской области. Сектор статистики сельского хозяйства. Здесь почерпнуты сведения о количестве поголовья скота в районе, видах имевшегося скота и его количестве в различных типах хозяйств. Особенно ценны материалы переписей скота, дающие полную картину по его динамике, росту/сокращению поголовья.

Изучение документов Ф. Р-895 — Производственного управления сельского хозяйства Курганского облисполкома позволило получить сведения о состоянии животноводства в Далматовском районе в разные годы. Наибольшую ценность представляют сводные годовые отчеты по животноводству области, по району и колхозу им. Свердлова Далматовского района. Здесь же содержатся обзоры о состоянии животноводства в колхозах, справки о механизации в животноводстве, зоотехнические отчеты, отчеты о выполнении государственных планов развития животноводства по годам. В фонде обнаружены годовые отчеты по животноводству сельхозотдела Далматовского района.

В этом фонде содержатся источники, отражающие состояние ветеринарной службы Курганской области, ее районов. В числе документов фонда доклады о ветеринарной работе за разные годы, справки о заболеваемости и падеже животных, годовые отчеты о работе ветеринарного отдела Курганской области, планы противоэпизоотических мероприятий и отчеты об их выполнении. Обнаружен, к примеру, доклад начальника отдела ветеринарии на сессии Курганского облисполкома (1948 г.), раскрывающий положение ветеринарии области в послевоенные годы, в том числе в Далматовском районе.

В указанном фонде достаточно большой объем документов, отражающих племенное дело в области, дающий информацию о количестве племенного скота, его продуктивности. Имеются све-

дения о видах и количестве племенного скота в Далматовском районе.

В фонде имеются также материалы областного совещания ветеринарных врачей области 1950 г., где обсуждалось ветеринарное положение, характеризовавшееся как неблагополучное по ряду инфекционных, заразных заболеваний. В фонде содержатся многочисленные документы, отражающие комплекс мероприятий по улучшению ветеринарного обслуживания животноводства, объяснительные записки к годовым отчетам о работе ветеринарных учреждений, отчеты об обеспечении организаций и учреждений государственной ветеринарной сети кадрами специалистов за 1975 г., сводки об эпизоотическом состоянии, справки о состоянии ветеринарного дела в колхозах и совхозах области, справки об укомплектованности ветеринарными кадрами областной ветеринарной сети, рекомендации по профилактике и мерах борьбы с ящуром сельскохозяйственных животных в Курганской области, историческая справка о лечении ящура до революции, доклады о ветеринарной работе в области в вышестоящие организации и др. Многие из перечисленных документов содержат информацию о ветеринарной службе Далматовского района.

Интерес представляют источники, характеризующие подготовку ветеринарных специалистов. Учитывая, что часть специалистов, приезжавших на работу в Курганскую область, получили образование в Свердловском сельскохозяйственном институте, в том числе ветеринарные врачи Г.И. Захарова и В.П. Беспалова, автором было изучено несколько дел фонда Р-2329 — Свердловский сельскохозяйственный институт **Государственного архива Свердловской области**. Изучались документы, связанные с периодом обучения в институте Г.И. Захаровой (Тебеневой). Интерес представляют годовые планы и отчеты о научно-исследовательской деятельности, о производственной практике студентов. Протоколы заседаний Государственной экзаменационной комиссии показывают, как сдавали студенты выпускные госэкзамены (в том числе и Г.И. Тебенева). Особый интерес представляет Акт обследования деятельности института Главным управлением кадров и учебных заведений Министерства сельского хозяйства РСФСР по состоянию на 1 апреля 1959 г. В указанном документе представлены основные характеристики кафедр,

их материальное оснащение и кадровый состав, содержатся выводы государственной аттестационной комиссии об уровне подготовки кадров в институте.

Большая группа документов извлечена из фондов **Муниципального архива Далматовского района Курганской области**. Ф. 3 — Далматовский райисполком содержит отчеты РИКа, в которых представлены сведения о сельском хозяйстве района, отдельных колхозов. Интересны документы распорядительного характера. В них отражены распоряжения, касающиеся деятельности, в том числе и районной ветеринарной организации. Ф. 5 — Райинспектура центрального статуправления Далматовского района Курганской области хранит документы, содержащие статистические сведения о развитии животноводства в районе, валовом производстве животноводческой продукции, динамические ряды о наличии скота в личных подсобных хозяйствах с. Широковского за период 1972—1976 гг.

Здесь же обнаружены документы, отражающие статистику численности поголовья, заготовки объемов кормов для животноводства колхоза им. Свердлова, производство молока в колхозе в период с 1966 по 1974 гг.

Так, в Ф. 362 — Далматовская ветстанция содержится историческая справка о состоянии ветеринарного дела в Далматовском районе. В этом документе представлены основные вехи развития ветеринарии в крае. Затем документы этого фонда вошли в Ф. 286 — Управление сельского хозяйства Далматовского района Курганской области, который в настоящее время и содержит документы о состоянии ветеринарного дела в районе. В их числе отчеты о заболеваемости и падеже животных, годовые отчеты о ветобслуживании.

Ф. 16 — Исполком Широковского сельского совета депутатов трудящихся Далматовского района Курганской области содержит разнообразные сведения о жизни села, развитии сельского хозяйства, ветеринарном обслуживании. В фонде обнаружен документ «Акт о возникновении вспышки ящура» от 19 марта 1969 г., раскрывающий обстановку и меры по борьбе с возникшей угрозой. В указанном фонде отводилось значительное число документов, раскрывающих широкую общественную деятельность Г.И. Захаровой. Она являлась бессменным секретарем всех заседаний со-

вета, членом и некоторое время председателем сельскохозяйственной комиссии, депутатом сельского совета. Ф. 87 — Колхоз им. Свердлова Широковского сельского совета Далматовского района Курганской области содержит документы о производственной деятельности колхоза в сфере животноводства. В источниках фонда достаточно полно представлена статистика, отражающая размеры поголовья скота по видам, объемы сельскохозяйственной продукции (молоко, мясо, шерсть, яйцо). Наибольшую ценность представляют колхозные отчеты о динамике производства животноводческой продукции, численном составе работающих в животноводстве колхоза, состоянии колхозных животноводческих ферм, деятельности ветеринарных работников.

Значительный комплекс документов извлечен автором из **ведомственного архива Далматовской ветеринарной станции**. Архив ветстанции собирался довольно значительное время, его ценность отмечали еще А.А. Умов и С.П. Молокотин. Следует подчеркнуть, что большую роль в его формировании сыграла впоследствии В.П. Беспалова (ставшая начальником ветстанции в 1986 г.). Именно она начала работу по систематизации документов архива, собрав воспоминания ветеранов ветеринарной службы и мечтая о написании истории ветеринарной службы Далматовского района (в архиве сохранилась концепция ее книги по истории ветеринарной службы). В.П. Беспалова оставила и тексты, написанные собственноручно, в которых предпринята попытка систематизировать имевшийся в ее распоряжении исторический материал. В.П. Беспаловой подготовлены небольшие по объему, но ценные по содержанию воспоминания о ее работе в ветеринарной организации Далматовского района.

Часть материалов автором монографии извлечена из **фондов МКУК «Далматовский краеведческий музей»**. Особенно ценны в фондах подборки документов о заслуженных ветеринарных врачах района — П.И. Кузине и В.П. Беспаловой.

Важное место в исследовании отводится и документам **личного архива Г.И. Захаровой** (теперь этот архив — наследие Л.В. Алексеевой).

Изученная научная литература и выявленные источники позволяют в целом решить поставленные исследовательские задачи.

Цель исследования состоит в изучении истории ветеринарной службы одного из районов Зауралья — Далматовского, в том числе Широковского ветеринарного участка этого района, на примере которого раскрывается деятельность важнейшего звена ветеринарной службы в СССР.

Для реализации заявленной цели сформулированы исследовательские задачи:

1. Изучить развитие государственной ветеринарной службы в 1940—1980-х гг. в Далматовском районе Курганской области.

2. Выявить роль Широковского ветеринарного участка в решении задач ветеринарной организации, показать его деятельность по обслуживанию сельскохозяйственных животных на территории села Широковского и таким образом раскрыть значение участковой сети государственной ветеринарной службы страны для охраны здоровья животных и населения.

3. Показать вклад заведующей Широковским ветеринарным участком Галины Ивановны Захаровой в развитие ветеринарного дела и села Широковского; раскрыть роль личности ветеринарного врача как представителя советской интеллигенции в сельской местности.

Научная новизна обусловлена, в первую очередь, отсутствием специального исследования, посвященного истории ветеринарии Зауралья 1950—1980-х гг., в особенности участковой сети ветеринарной службы. В указанных территориальных и хронологических рамках подобных исследований также не проводилось.

Научная новизна проявляется и во введении в научный оборот новых исторических источников, прежде всего регионального и локального уровня: Курганского государственного архива, Государственного архива общественно-политической документации Курганской области, Далматовского муниципального архива, ведомственного архива (архив Далматовской ветеринарной станции по борьбе с болезнями животных) и местной периодической печати. Новизна исследования определяется также его методологией, в основе которой лежит популярный и эффективный в современной науке междисциплинарный подход.

Литература

Ветеринарное законодательство / Под общ. ред. А.Д. Третьякова. М., 1972. Т. 2; М., 1981. Т. 3; М., 1988. Т. 4.

Государственный архив общественно-политической документации Курганской области.

Государственный архив Свердловской области.

Казенное государственное учреждение «Государственный архив Курганской области».

Муниципальный архив Далматовского района Курганской области.

Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. М., 1967. Т. 5.

Справочник по организации ветеринарной службы / Под ред. А.Д. Третьякова. М., 1974.

Глава 11

УСТАВЫ И ПРАВИЛА ГОРОДСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ КАК ИСТОЧНИК ПО РАЗВИТИЮ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА (НА ПРИМЕРЕ г. ТЮМЕНИ)

По Городовому положению 16 июня 1870 г. «попечение и распоряжение по городскому хозяйству и благоустройству» предоставлялось общественному управлению (ПСЗРИ 1874. Собр. II. Т. XLV. Отд. 1-е. Ст. 48498). В этом заключалась основная компетенция городских дум и управ, призванных удовлетворять потребности и интересы населения. Обязательным условием создания различного рода городских заведений являлась регламентация их деятельности посредством уставов и правил.

Устав — свод правил, устанавливающий организационно-правовые основы деятельности учреждения, его структуру, цели и задачи, бюджет, порядок избрания руководящих органов, их права и обязанности, права и обязанности служащих, а также порядок закрытия учреждения. Информационную основу исследования составили уставы и правила, отложившиеся в фондах городской думы и управы Государственного архива Тюменской области (ГАТО), а также уставы, опубликованные в дореволюционный период отдельными книжками (Устав... 1893; 1910; Инструкция 1913). Новые органы самоуправления, сформированные в г. Тюмени осенью 1872 г., с первых же дней взялись за упорядочение местного хозяйства, создание объектов инфраструктуры, разработку и принятие уставов учреждений.

Формуляр уставов и правил законодательно не устанавливался, сложился под влиянием регламентов центральных органов, губернских ведомств и уставов обществ исходя из требований законов к их информации. Уставы и правила имели ряд отличий. В случае действия общероссийских уставов, принятых царским правительством в той или иной сфере, на местном уровне принимались правила, детализирующие их нормы применительно к местным обстоятельствам. Скажем, правила по управлению Тюменской городской больницей опирались на требования устава лечебных заведений гражданского ведомства (ПСЗРИ 1865.

Собр. II. Т. XXXVII. № 24781а). Тюменское реальное училище, учрежденное 15 сентября 1879 г., действовало в соответствии с уставом реальных училищ от 15 мая 1872 г. (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 512. Л. 47). Уставы в сравнении с правилами более тяготели к типизации и стандартизации по общему содержанию, стилистике, числу разделов. Немаловажное отличие устава от правил состоит в том, что первый акт носит комплексный характер, а правила могли регулировать отдельные направления работы учреждений.

Законодательство регламентировало только часть вопросов деятельности учреждений, поэтому в уставах и правилах получила отражение местная специфика. Кроме норм, предусмотренных законом, составители выделяли определенные темы и сюжеты, которые связывали между собой людей, местную власть и общество, учреждение и обслуживаемые им категории лиц, порозному формулировали задачи и способы их осуществления.

Количество разделов и параграфов в уставах и правилах могло меняться по желанию составителей. Но вводились общеобязательные разделы: 1) кем и для кого создавалось учреждение; его местонахождение; 2) источники средств на его содержание; 3) порядок управления, ведомственная подчиненность; 4) состав руководства, штаты служащих, их права и обязанности; 5) основная деятельность; 6) отчетность; 7) порядок закрытия учреждения. Для подтверждения приведем тематические разделы устава сиропитательного заведения г. Тюмени: I) цель заведения; II) средства заведения; III) управление заведением; IV) о призреваемых детях; V) о церкви при заведении; VI) общие правила; VII) о закрытии заведения. В первом разделе указывалась цель заведения — «призрение сирот обоого пола, обучение их грамоте и ремеслам для доставления возможности существовать им впоследствии собственным честным трудом». Заведение располагалось в собственном каменном двухэтажном доме и имело свою домовую церковь, построенную учредителями и пожертвованную ими Тюменскому городскому обществу (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1046 в. Л. 1—8 об.).

Особо интересны в уставах параграфы об учредителях и лицах, для которых предназначалось то или иное учреждение. К числу традиционных учредителей относились городские власти, просветительские общества и частные лица. Согласно уставу,

инициаторами создания заведения для сирот и его главными инвесторами стали почетный гражданин С.М. Трусов и его дочь Ф.С. Серебрякова. А в честь посещения города царским сыном Его Императорского Величества заведению было присвоено название «Владимирское». В общественной богадельне «призрением пользуются люди обоего пола, убогие, увечные, престарелые, не имеющие пропитания, причисленные в Тюменское мещанское общество и православного исповедания». Причем устанавливался лимит приема призреваемых: не более 40 человек по решению управы (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 510. Л. 199).

Обычно дата утверждения устава или правил считалась днем официального открытия учреждения, однако не всегда эти даты совпадали. Городская дума в сентябре 1872 г. одобрила проект устава Владимирского сиропитательного заведения, которое открылось 21 ноября (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1148 г. Л. 142—148, 187 а). 26 мая 1899 г. в честь столетнего юбилея А.С. Пушкина по инициативе интеллигенции города и при финансовой помощи главы города А.И. Текутьева думой был принят устав Пушкинской бесплатной библиотеки. Ее торжественное открытие состоялось 16 апреля 1900 г. (СЛ. 1900. 27 апреля. С. 3). Правила нередко перерабатывались, т.е. в их текст вносились изменения и дополнения: правила по управлению городской богадельней были приняты в 1882 г., но дума их пересмотрела и вновь приняла 1 сентября 1888 г. (ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 14. Л. 197—199; Ф. И-2. Оп. 1. Д. 510. Л. 199—204).

Ряд уставов и правил подлежал утверждению правительственной властью. На губернаторов закон возлагал обязанность давать разрешение или отказывать в открытии учреждений и утверждении их руководства. В частности, дума 20 января 1883 г. рассмотрела заявление И.П. Войнова об учреждении «родовспомогательного дома», но только 11 сентября 1889 г. одобрила устав Тюменского родильного дома и направила его для утверждения губернатору. В ноябре роддом получил название «Александровский» (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 501. Л. 16; Д. 512. Л. 253 об., 333 об.). 19 января 1891 г. по случаю открытия учреждения состоялась божественная литургия с участием губернатора, инспектора Тобольской врачебной управы, тюменского головы, членов попечительского совета, врачей и др. (СЛ. 1891. 31 января. С. 4).

Раздел уставов о средствах состоял из перечисления предполагаемых источников доходов, субсидий и пожертвований на содержание учреждений и был одним из основных для учредителей и надзирающих. В уставах и правилах определенно фиксируется внимание к материальным и финансовым вопросам. Учреждения, как правило, содержались на средства городской управы и благотворителей. Скажем, Тюменская общественная богадельня состояла в ведении города, содержалась на его средства, а также на проценты с 5 тыс. руб., пожертвованных купцом И.П. Войновым. Он же подарил городу каменный дом для Александровского родильного дома и внес в банк 30 тыс. руб. на его содержание. Амбулаторное отделение, согласно п. 32 устава, содержалось на средства города и на плату с пациенток — 20 коп. за прием, а медикаменты выдавались бесплатно (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 512. Л. 259—260 об.). Сиротское заведение по уставу имело многоканальную систему финансирования: 1) неприкосновенный капитал в 36 050 руб. вкладом в Тюменском городском банке под 6% годовых на вечное время; 2) неприкосновенный капитал в 1 200 руб. в том же банке на срочное время под 6% годовых; 3) 2 000 руб., ежегодно отчисляемых городской думой из прибылей городского банка; 4) из членских взносов благотворителей; 5) пожертвований; 6) из сумм, получаемых от продажи работ призреваемых, из доходов от спектаклей и других мероприятий. Сборы в церкви и выручка от продажи свечей шли на ее содержание (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 1046 в. Л. 2—2 об.). Согласно уставным документам, пожертвования считались вполне реальным источником поступления средств.

Обязательный раздел уставов и правил содержал требования к управлению учреждением. Все городские заведения состояли в ведении МВД и действовали под наблюдением местной думы, а главный надзор осуществлял глава города или член управы. По уставу сиротского заведения оперативное руководство его делами возлагалось на особый попечительский комитет, состоящий из лиц обоего пола, избираемых городской думой на 4 года, в числе не менее 4-х членов. Двое из членов исполняли обязанности попечительницы женского отделения и попечителя по хозяйственной и воспитательной части (он же казначей). Попечительский комитет назначал надзирателя и делопроизводителя, которые не

имели права быть членами комитета. Староста церкви избирался городской думой по предложению комитета сроком на 3 года.

По правилам от 1 сентября 1888 г. Тюменская городская больница состояла в ведении города (с 1873 г.) и содержалась на средства местного бюджета. Ее штат включал врача, 2-х фельдшеров, смотрителя, письмоводителя, служителей, сиделок и другую прислугу. Городской врач избирался городской думой, а фельдшеры, смотритель и письмоводитель назначались управой. Она же назначала одного из своих членов для наблюдения за исправным содержанием больницы. Член управы должен был посещать больницу, спрашивать больных об уходе за ними, пробовать приготовленную им пищу и питье, проверять кухню, кладовые и прочие больничные строения. Параграфы 8—28 правил регламентировали обязанности смотрителя (он же эконом), который являлся непосредственным исполнителем распоряжений управы, ответственным за все упущения и беспорядки в больнице. Он занимался заготовкой различных припасов, медикаментов и продовольствия (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 510. Л. 190—198 об.).

Согласно правилам богадельня управлялась под наблюдением одного из членов управы смотрителем, назначаемым управой. По врачебной части к богадельне был прикреплен врач местной больницы. Родильный дом принадлежал к числу учреждений городского управления, состоял в ведении попечительского совета. Заведовал роддомом врач, избираемый городской думой. Совет включал попечительницу, заведующего и 4-х членов, избираемых думой (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 512. Л. 259).

Правилами устанавливался внутренний режим работы учреждений. Например, Пушкинская библиотека была открыта для публики с 3-х часов дня до 7 вечера. В богадельне обед был установлен в 12 часов дня, ужин — в 7 вечера. Призреваемые старики и старухи должны были жить в чистоте, тишине, миролюбии, а главное — быть трезвыми. Им запрещалось покупать спиртные напитки, устраивать увеселения и игры, а также самовольно отлучаться. Они занимались шитьем платьев, белья, обуви, вязанием чулок, сетей, прядением шерсти, изготовлением детских игрушек из бумаги и дерева (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 512. Л. 201 об.).

Подробно в уставных документах описывался порядок отчетности. Все городские учреждения вели отчетность в выданных с

печатью и скрепой книгах управы, подлежащих ревизии. Попечительский совет роддома ежегодно готовил смету и представлял ее на утверждение думе. Отчетность роддома вел один из членов совета. Согласно п. 61 устава годовые отчеты о суммах и деятельности сиротского заведения после одобрения думой представлялись через губернатора в МВД и покровителю князю Владимиру Александровичу, а также публиковались во всеобщее сведение в газетах. Смотритель городской больницы ежемесячно представлял в управу отчеты по приходу и расходу сумм на содержание больницы (на продовольствие, медикаменты и др.), а также именную ведомость о лицах, находящихся на лечении с указанием рода их болезни. По специальной форме делался расчет стоимости дневного содержания одного больного и погребения умершего в течение года, который представлялся в управу обязательно 1 августа каждого года (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 510. Л. 195).

Уставы и правила предусматривали возможность ликвидации учреждения. Порядок его закрытия определялся попечительским комитетом (советом) и утверждался городской думой. По уставу Пушкинской городской библиотеки в случае ее закрытия все имущество в виде книг, журналов, денежных сумм и тому подобного передавалось городской управе. Весь капитал сиротского заведения в случае прекращения его деятельности по определению думы, утвержденному МВД, направлялся на реализацию целей учреждения (ГАТО. Ф. И-2. Оп. 1. Д. 510. Л. 8 об.).

В начале XX в. под влиянием процессов модернизации регламентация жизнедеятельности посредством уставных документов заметно расширилась. Например, с развитием киноиндустрии появилась потребность в правилах организации «мест зрелищ и увеселений». Городская управа предписывала владельцам таких заведений соблюдать правила по устройству и содержанию театров и кинематографов (ГАТО. Ф. И-1. Оп. 1. Д. 2. Л. 121—125, 126—128 об.).

Уставы и правила как обязательная часть процесса создания и функционирования городских учреждений содержат значительный объем сведений по истории развития социальной инфраструктуры города, которая благодаря органам самоуправления и тюменским меценатам на рубеже веков «обросла» специальными

учреждениями: сиротское заведение, богадельня, больница, роддом, библиотека и др. По этим источникам можно проследить, как шел процесс «наполнения» повседневной жизни населения цивилизованными формами. Деятельность учреждений на основании уставов и правил, определявших режим их работы и обязанности служащих, была направлена на решение благотворительных, санитарно-лечебных и образовательных задач, удовлетворение нужд и интересов местных жителей.

Литература

Газета «Сибирский листок» (далее — СЛ).

Государственный архив Тюменской области (далее — ГАТО).

Инструкция по управлению Тюменским ломбардом и производству операций в нем. 1913. Тюмень: Тип. Тов. Брюханова и Ко.

Полное собрание законов Российской империи (далее — ПСЗРИ). 1874. Санкт-Петербург: б.и.

ПСЗРИ. 1865. Санкт-Петербург: б.и.

Устав Владимирского сиропитательного ремесленного заведения. 1893. Тюмень: Тип. Высоцкой.

Устав Тюменской Товарной Биржи. 1910. Тюмень: Тип. Крылова.

Раздел II

**ПРОШЛОЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ
XVIII — НАЧАЛА XXI СТОЛЕТИЙ**

Глава 1

ПРОБЛЕМЫ РАННЕЙ ИСТОРИИ СИБИРСКИХ СЛУЖИЛЫХ ТАТАР В ИССЛЕДОВАНИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕНЫХ

Судьбы сибирских татар привлекали внимание отечественных исследователей еще с XVIII в. Весьма подробно говорится о процессе привлечения отдельных групп аборигенного населения Сибири на русскую службу уже в трудах Г.Ф. Миллера, позднее эта тема интересовала С.В. Бахрушина, Н.И. Никитина, В.Д. Пузанова, А.О. Кауфмана и особенно З.А. Тычинских.

Изучение ранней истории служилых татар Сибири было начато Г.Ф. Миллером. В его знаменитой «Истории Сибири» уделяется большое внимание вопросам этнографии и судьбам татар, которые называются ученым «главнейшим народом Сибири» (Миллер 1999: 167). Г.Ф. Миллер перечисляет известные ему группы татар, определяет территорию их расселения, подробно останавливается на истории Сибирского ханства.

Г.Ф. Миллером было собрано немало документальных источников о сибирских служилых татарах раннего этапа существования этой сословной группы, такие как грамоты, отписки воевод и татарских голов, челобитные служилых татар.

Все имевшиеся к концу XVII в. категории военно-служилого населения Сибири сложились еще столетием раньше. По сведениям Г.Ф. Миллера, татары несли службу в гарнизоне Тюмени уже в 1595 г. В источниках сообщается об уходе оттуда в этом году 50 служилых татар с женами и детьми, которые направились к верхнему течению Тобола и захватили с собой еще 30 «ясачных» служилых татар. В грамоте «на Тюмень» воеводе князю Л.О. Щербатому (1601 г.) упоминается о 50 юртовских служилых татарах, которые «служат на Тюмени всякие наши сибирские службы зимние и летние, пешие и конные и отъезжие караулы» (Миллер 2000: 15).

Г.Ф. Миллер упоминает о том, что на государеву службу широко привлекались представители местного населения, в том числе татарская военная знать. Из источников мы узнаем, что основа служилого татарского войска складывалась из «лучших людей»

Сибирского ханства. В состав русских гарнизонов вошли туземные князья (беки) — владельцы самостоятельных «уделов».

В отписке тюменского воеводы князя Л.О. Щербатого уфимскому воеводе М.А. Нагому (1600 г.) упоминаются тюменские «юртовские служивые татарове лучшие люди Девей Иртышов, Буйдак Емачтаев, Тугока Келементеев, Моюмас Азехматов, Казад Енгильдеев, Устемир Канчюрин и другие» (Миллер 2000: 187).

В грамоте 1618 г. о жалованье головы тюменских юртовских служилых татар Майтмаса Ачекматова сказано: «служит он нам в Сибири больше 30 лет, как и Тюменский город стал». Уже в 1600 г. Ачекматов числился одним из «лучших людей», а через шесть лет он был головой тюменских татар, пожалованным высшим окладом (Миллер 2000: 49).

В «Истории Сибири» Г.Ф. Миллера мы читаем об участии служилых татар в подавлении выступлений ясачного и служилого населения в течение XVII в. В Юго-Западной Сибири в первой половине XVII столетия тарские и томские татары при поддержке калмыков и царевичей — потомков Кучума — подняли ряд восстаний. При этом погибли не только многие русские, но и опасность полного разорения или захвата угрожала некоторым сибирским городам. Татар вместе с другими тобольскими служилыми привлекали к подавлению этих восстаний (Миллер 2000: 113—114).

Как составная часть служилого населения татарские отряды участвовали в походах против хана Кучума, его сыновей и внуков. Так, воеводам Tobольска и Тары в 1598 г. было «поручено собрать достаточное количество служилых людей и всеми силами напасть на хана там, где он будет обнаружен». Для этого в Tobольске и Таре спешно вооружили, по сведениям С.У. Ремезова, 700 русских и 300 татар, с которыми письменный голова А.М. Воейков предпринял из Тары успешный поход, закончившийся окончательным разгромом Кучума (Миллер 1999: 30). Более достоверны иные сведения об этом походе: против хана двинулся отряд, насчитывавший 404 служилых человека, включая 140 служилых и юртовских татар. Данное сообщение мы находим в отписке А.М. Воейкова в Москву.

В оценке Г.Ф. Миллера постоянную угрозу для сибирских волостей представляли в конце XVI — XVII вв. набеги калмыцких отрядов, которые грабили русские и татарские поселения, захватывали пленных. Сибирским воеводам было приказано оказывать вооруженное сопротивление ойратам и держать их на «известном расстоянии от русских пределов». Особенно напряженная ситуация складывалась в отношениях с калмыцкими улусами в первой половине XVII в. Служилые татары нередко принимали участие в походах против ойратских тайшей (Миллер 1999: 30).

О приближении калмыков впервые узнали в Тобольске из отписки тарского воеводы князя С.И. Гагарина. Оказать вооруженное противодействие калмыкам и отогнать их от русских границ предписывалось тюменским и тобольским властям. Было собрано войско из казаков и татар (не только служилых, но и ясачных). В 1607 г. русские нанесли значительный урон ойратам (Миллер 2000: 26).

На сибирских служилых татарах лежала обязанность давать подводы для ямской гоньбы. Юртовские служилые татары направляли в Москву многочисленные челобитные с просьбой освободить их от этой повинности. По указанию Г.Ф. Миллера, в 1624 г. тобольский воевода князь Ю.Я. Сулешов провел важные перемены в практике ямской гоньбы. Он возложил «ямщину» в Тюмени на захребетных татар и детей служилых татар, которым за службу стали выдавать жалованье ямских охотников (Миллер 2000: 641).

По наблюдению Г.Ф. Миллера, согласно грамотам и отпискам воевод, сибирские служилые люди находились на государственном обеспечении. Служилым татарам, как и русским детям боярским, казакам, стрельцам, выдавалось жалованье.

Грамотой 1633 г. «на Тюмень» воеводе И.И. Милюкову о награждении местных служилых людей за поход против калмыков предписывалось дать «нашего жалованья голове татарскому Илье Бакшееву к прежнему его к годовому окладу к 10 рублем рубль, атаману Ивану Воинову к 12-ти рублем рубль» (Миллер 2000: 573).

Внимание Г.Ф. Миллера привлекла и отписка 1622/23 г. тобольского воеводы боярина М.М. Годунова тюменским воеводам об отправке посольства к калмыцкому тайше Талаю, где читаем:

«велено выбрать на Тюмени ис тюменских служилых людей 2 человек добрых, которые горазды были татарскому языку и татар вожа, который бы знал те урочища, где прикочевал таиша», дав им государево жалованье вперед — «оклады их сполна» (Миллер 2000: 340).

Из источников, собранных Г.Ф. Миллером, мы узнаем о получении служилыми различных видов «государева жалованья» сверх окладов. За успешные боевые действия выдавались «послужные деньги». Участники похода 1632 г., завершившегося боем ниже устья реки Уй, получили из Москвы обычные «послужные деньги» (Миллер 2000: 105).

Таким образом, в миллеровской «Истории Сибири» нашли отражение многие события конца XVI — XVII вв., в которых участвовали сибирские татары, их численность, и территория расселения, порядок государственного обеспечения, практика участия в дипломатических миссиях.

Г.Ф. Миллер собрал и ввел в научный оборот огромный документальный материал по истории Сибири конца XVI — XVII вв., в том числе служилых татар. Труд Г.Ф. Миллера, бесспорно, является одним из основополагающих при рассмотрении судеб татарского служилого сословия того времени.

Изучение прошлого служилых татар Сибири, начатое Г.Ф. Миллером, было продолжено многими учеными. Они широко использовали его труды и документы «Портфелей Миллера» для исследования ряда вопросов истории сибирских народов конца XVI — XVII столетий, в том числе татар.

Прошлое этих народов было одним из важнейших направлений исследований С.В. Бахрушина. Помимо «Очерков по истории колонизации Сибири в XVI—XVII вв.», ставших итогом многолетних изысканий С.В. Бахрушина, особое значение имеет его статья «Сибирские служилые татары в XVII в.», которая до сих пор входила в число самых значительных трудов, посвященных изучению одной из сословных групп сибирских татар. В этой статье исследователь стремился раскрыть социальный строй и положение татарского народа в Сибири XVI—XVII вв. Отдельные проблемы начального этапа формирования групп служилых татар в гарнизонах Томска и Красноярска были рассмотрены С.В. Бахрушиным в посмертно опубликованных «Очерках по ис-

тории Красноярского уезда в XVII в.», работе «Сибирь и Средняя Азия в XVI—XVII вв.».

С.В. Бахрушин определил Сибирское ханство как феодальное государство, население которого делилось на ясачных «черных» людей и привилегированную верхушку «тарханов». Уже в конце XV в., по заключению ученого, знать выделяется из общей массы «черных» улусных людей своим экономическим положением. До присоединения Западной Сибири к России «вокруг привилегированной верхушки “тарханов”, освобожденных от уплаты ясака в пользу хана, образовалась группа зависимых людей — “захребетников” — из обедневших сородичей и случайных, пришлых элементов в улусе». «Черное» население было подвластно своим племенным князькам, находившимся в зависимости от «салтана». Основную часть татарской знати в Западной Сибири, считал С.В. Бахрушин, составляли владельцы маленьких улусов — «мурзы, князья и уланы», являвшиеся вассалами сибирского хана (Бахрушин 1955: 158).

Выдающийся ученый, сделав вывод о происхождении служилых татар Сибири от «кучумовых беков и мурз», указал на причины использования сибирских татар в качестве военной силы. В служилые люди были «поверстаны» только «лучшие люди» из числа туземцев, а именно представители родовитых фамилий, «с тем расчетом, что эта служилая аристократия будет вести за собою своих соплеменников» (Бахрушин 1955: 68). Позже московские власти награждали ясачное население в форме освобождения от ясака и «поверстания» в службу за известные заслуги. Таким образом, к концу XVII в. правительство создало служилую аристократию из среды туземного населения, на которую оно могло положиться и которое держало соплеменников в повиновении администрации (Бахрушин 1955: 69). В ряде сибирских городов образовывались особые корпуса юртовских татар, во главе которых стояли назначенные правительством русские чиновники — «татарские головы»; изредка эта должность возлагалась на представителей татарской знати (Бахрушин 1955: 172).

Историк определяет функции, численность, круг хозяйственных занятий, размеры жалованья, характер землевладения служилых татар в XVII в. Они несли разнообразные военные обязанности: вместе с русскими служилыми людьми посылались в по-

ходы, в «проезжие станицы на отъезжие караулы», исполняли отдельные административные и хозяйственные поручения. При содействии юртовских татар велись переговоры с «кучумовыми» царевичами и ойратскими тайшами. Часто использовали служилых татар в качестве толмачей для перевода «калмыцких листов», написанных «татарским письмом» (Бахрушин 1955: 166).

С.В. Бахрушиным выяснены размеры жалованья сибирских служилых татар. Они находились на государственном обеспечении, получая за свою службу, подобно русским служилым людям, определенное денежное жалованье (Бахрушин 1955: 163). Последнее варьировалось в зависимости от города и от степени родовитости служилого татарина, начиная с 8—12 руб. (соответствовавшим окладам русских детей боярских) в Тобольске и $7\frac{1}{4}$ руб. в Красноярске (Бахрушин 1955: 69). Значительно ниже оклад рядового служилого татарина (от 3 руб. в Тобольске и 2 руб. в Красноярске) был относительно оклада рядового русского служилого человека ($4\frac{1}{2}$ руб.) (Бахрушин 1955: 171). Кроме того, служилые татары получали хлебное жалованье и время от времени награды за участие в боях (по 1 руб. за убитого или взятого в плен неприятеля) или подарки (в виде кусков материи) (Бахрушин 1955: 172).

Замечательным исследователем показано, что служилые татары сохранили принадлежащие им до прихода русских земельные владения — «вотчины», которыми владели «исстари». Однако московское правительство не могло допустить дальнейшей концентрации земель у татарской знати, и уже к концу XVII в. ее земельные владения чрезвычайно измельчали (Бахрушин 1955: 168).

С.В. Бахрушин выяснил, что в своем новом положении прежние беки и мурзы не утратили принадлежавших им ранее феодальных иммунитетов и преимуществ, но служилые люди из татар были уравнены в правах с русскими военными людьми. Местную военную знать зачисляли в состав служилых людей, обеспечивая ей пользование принадлежавшими ей ранее вотчинами и ничем не нарушая ее привилегий. Такие служилые освобождались от уплаты ясака и других налогов, пользовались правом беспошлинного провоза товаров на определенную сумму (Бахрушин 1955: 168).

По выражению исследователя, татарская служилая знать оставалась в одинаковом положении с рядовыми русскими служилыми людьми, получавшими определенное жалованье. Таким образом, бывшие князцы собственных улусов быстро становились простыми служилыми людьми, постепенно опускаясь до положения ясачных татар. В итоге на протяжении XVII в. татарская знать утратила значительную долю своих привилегий. Часть последних, оставленная за представителями служилых татар, сделала их «опорой царизма в подчинении широких татарских масс», — находил С.В. Бахрушин (Бахрушин 1955: 174).

В одной из монографий Н.И. Никитина на основе многочисленных архивных материалов рассматривается такая категория западносибирского населения XVII в., как служилые люди. Автор прослеживается процесс формирования этой социальной категории, ее численность, государственное обеспечение, хозяйственные занятия, внутренняя организация, а также порядок комплектования гарнизонов. В работе являются ценными приведенные статистические сведения (на основе окладных книг) о динамике численности категорий военно-служилого населения Тобольска, Тюмени и Тары в XVII в., о размерах жалованья служилых людей, в том числе юртовских служилых татар (Никитин 1988: 31).

Многочисленные исследования, посвященные службе сибирских татар в российских гарнизонах, принадлежат З.А. Тычинских. Основными темами в ее творчестве являются этническая история тюркского населения Сибири, политическая история средневековых тюркских государств, история служилых татар в XVII—XIX вв., традиционная культура и религия сибирских татар и народов Западной Сибири, хозяйство татарского населения Сибири, этнические и этногенетические процессы на территории Западной Сибири, межэтнические контакты, демографические процессы, социальная организация, история образования татар Сибири, исламская культура в Сибири.

Ряд тезисов докладов, статей и монография З.А. Тычинских «Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVII—XIX вв.)» отражают политическую, социальную и экономическую историю татарского служилого сословия.

Названная книга представляет собой первое в российской историографии специальное исследование, в котором на основе разнообразных источников исследуется этносословная страта сибирских служилых татар в течение длительного периода. З.А. Тычинских раскрыта важная роль татарского служилого сословия в ходе присоединения Сибири к России, прослеживаются процессы формирования и разложения этого сословия, выявляются объективные и субъективные факторы, определявшие данные процессы, культурные и этногенетические особенности служилых татар. На материале Западной Сибири тобольской исследовательницей рассмотрена клановая структура постзолотоордынских государств, что позволило определить преемственность сибирского служилого сословия от «татарской» страты Сибирского ханства, а также общность протекавших в названных государствах процессов не только в «ханский», но и в последующие периоды. З.А. Тычинских приведены сведения о численности, положении и функциях сибирских служилых татар в конце XVI — XVII вв. (Тычинских 2011: 37). Впрочем, утверждать, что этой исследовательницей изучение их истории в тот период сравнительно с работой С.В. Бахрушина поднято на новую ступень (Никитин 2014: 83), едва ли стоит, ибо З.А. Тычинских, как правило, разделяет суждения крупнейшего историка-сибироведа прошлого столетия, да и оперирует тем же фактическим материалом, который был систематизирован С.В. Бахрушиным.

По сведениям З.А. Тычинских, наряду с русскими православными казачьими «командами» длительное время в составе гарнизонов существовали и аналогичные татарские формирования. При этом на протяжении всего своего существования татарские казачьи подразделения оставались «магометанскими» и комплектовались исключительно по принципу «служилости», т.е. на основе несения службы.

З.А. Тычинских были подробно рассмотрены положение, численность и функции сибирских служилых татар в конце XVI — XVII вв. Этот период она выделила как ранний этап формирования служилого сословия сибирских татар. В то время феодальная знать оставалась на положении «лучших людей», служивших московским государям (Тычинских 2010: 253—255). Основа татарского казачества, с точки зрения З.А. Тычинских, сформирова-

лась за счет военно-служилой феодальной элиты Сибирского ханства. Служилые татары, связанные происхождением со знатными родами тюрко-монгольского мира, «за многие привилегии» поступили на царскую службу и сохранили в определенной мере свои прежние права. В конце XVI в. юртовские татары образовали отряды в составе гарнизонов Тобольска, Тюмени и Тары. Позже подобные подразделения появились и в Томске, Кузнецке, Красноярске (Тычинских 2000: 113).

З.А. Тычинских приводит сведения о количестве сибирских татар, находившихся на службе у московских государей. Если общая численность служилого населения в Сибири в течение XVII в. увеличилась почти в три раза, то состав татарских «команд» Тобольска, Тюмени и Тары остался практически неизменным.

По заключению З.А. Тычинских, основной функцией, выполнявшейся юртовскими служилыми татарами, являлось участие в военных походах вместе с другими категориями служилых людей и выполнение тех поручений, которые были связаны с конной службой. Наряду с русскими татарские «команды» «содержали везде стражу, употреблялись при построении слобод, отправляли разные службы по городам при воеводах, чинили сбор ясака в казну от ясачных народов и удерживали их в надлежащем повиновении начальству». Служилые татары до конца XVII в. направлялись в «соляные» походы на Ямыш-озеро (Тычинских 2000: 114—115). Среди рассмотренных З.А. Тычинских поручений особое место занимали дипломатические миссии, для выполнения которых определялись наиболее авторитетные и знающие представители татарского служилого сословия. Так, в 1601 г. к сыновьям хана Кучума царевичам «Алею с братиею» из Тюмени был направлен абыз Менглибай Бигилдеев в сопровождении русских казаков Исаака Луховца и Филиппа Дмитриева (толмача), а также юртовских служилых татар Имамеля Сарычева и Бахтуразы Каспирина. Этому посольству поручалось передать царевичам, что «самодержец (Борис Федорович. — Э. III.) пожалует их своим царским великим жалованьем и хочет их держать под своею государевой царскою высокою рукою, и они бы ехали с ними вместе... в Тюменский город и государю царю и великому князю Борису Федоровичу всяя Руси» служили. Подобные дипломати-

ческие поручения возлагались на служилых татар и в последующие годы (Тычинских 2010: 56).

З.А. Тычинских систематизировала сведения о строительстве первых русских сибирских городов при участии татар наряду с другими служилыми. К примеру, Томск в 1604 г. был возведен служилыми людьми из разных уездов, включая сибирских татар. В застройке главного (с 1599 г.) сибирского города Тобольска их роль также была заметной (Тычинских 2010: 256).

З.А. Тычинских отводит татарскому служилому сословию исключительно важное место в процессе российской колонизации Сибири. В качестве привилегированной группы местного населения это сословие поддержало московские власти и способствовало укреплению их позиций на территории бывшего «Кучумова юрта». Так, в течение XVII в. служилые татары постоянно использовались для подавления антирусских выступлений ясачного и служилого населения, например, при участии служилых татар было покончено с волнениями 1616 г. в Терсяцкой волости Тюменского уезда, в 1629 г. служилые татары привели «к шерти» изменивших царю Михаилу Федоровичу чатских татар.

Исследовательницей было изучено и материальное положение сибирских служилых татар. Последние в конце XVI — начале XVII вв. по-прежнему считаются «лучшими людьми», за ними сохраняются их «вотчинные угодья», и различные привилегии. Кроме того, служилые татары наряду с русскими служилыми людьми получали жалованье. Но существовали определенные различия между татарскими и русскими казачьими «командами» в наделении жалованьем. В частности, разница в денежных окладах определялась сложностью задач и важностью роли татарского головы. В дальнейшем положение служилых татар постепенно меняется к худшему.

Определяющим моментом, по мнению З.А. Тычинских, явилось уравнивание ханской элиты в правах с русским служилым населением и официальное включение ее в ряды казачьего сословия (Тычинских 1998: 118).

Вслед за С.В. Бахрушиным исследовательницей показано, что сибирские служилые татары, происходившие от прежней элиты Сибирского ханства, со временем стали надежным оплотом российской власти. На первых порах местная верхушка не пережи-

вала видимых изменений при смене сюзерена. С присоединением Сибири к России московское правительство в основном сохранило традиции военной службы, сложившиеся еще в период существования ханства Кучума.

Отдельные проблемы начального этапа формирования групп служилых татар в гарнизонах сибирских городов изучены сургутским (ныне шадринским) историком В.Д. Пузановым. Говоря о сибирских служилых татарах, он применяет термин «служилые тюрки». По данным исследователя, сибирские служилые татары вместе с другими служилыми людьми отправлялись в дальние «посылки» в качестве годовальщиков, а оказывая поддержку гарнизонам южных городов, участвовали в экспедициях на озеро Ямыш. В.Д. Пузанов называет количество служилых тюрков, участвовавших в выполнении различных служб на территории Тюменского уезда, таких как участие в дальних разъездах, содержание сторож и караулов, сбор «выдельного» хлеба и пошлин (Пузанов 2005: 103—104; 2006: 127; 2007: 81—84; 2010; 2011).

Ряд трудов А.О. Кауфмана посвящен проблемам начального этапа формирования групп сибирских служилых татар, в частности, в составе кузнецкого гарнизона. Историком выявлены причины присоединения бассейна Верхней Томи и ее притоков к Российскому государству. По мнению автора, сразу же после основания Кузнецкого острога абинские татары использовались русскими для сбора информации о ясачных волостях, т.е. сведений о настроениях «кузнецов» и их соседей по отношению к русским. Абинские татары, как и томские, были зачислены в разряд «подгородних», а не «ясачных» волостей, и освобождены от уплаты ясака. Обязанностью абинских служилых татар являлось участие в сборе ясака, в походах против кочевников и их «кыш-тымов», в посольствах в качестве толмачей (Кауфман 2007: 148).

Как вслед за Г.Ф. Миллером отмечал А.О. Кауфман, в строительстве Кузнецкого острога в 1618 г. наряду с другими служилыми участвовали и томские татары под предводительством татарского головы О. Кокорева (Кауфман 2007: 145).

По материалам опубликованных таможенных книг А.О. Кауфман изучил роль служилых татар томского и кузнецкого гарнизонов в торговле во второй половине XVII — начале XVIII вв. Оказывается, томские и кузнецкие служилые татары участвовали

в продаже или обмене скота, продаже недвижимости (земли) и пушнины (Кауфман 2007: 38—41).

Из исследований А.О. Кауфмана мы узнаем, что только в середине XVII в. в кузнецком гарнизоне начинает складываться группа служилых татар. Если в Тобольске и Тюмени начальный этап формирования сословной группы длился не менее 10 лет, а в Таре около 25 лет, то в Кузнецком остроге — намного дольше. Сразу же после основания острога абинские татары стали креститься по собственному желанию, затем их переводили из разряда «юртовских татар» в разряд «новокрещенов», позднее они становились служилыми людьми, записывались в пешие или конные казаки. Кузнецкие служилые татары наряду с русскими служилыми людьми получали «государево жалованье» и представлялись к наградам «за их ... службы и раденье» Московскому государству (Кауфман 2007: 142).

На взгляд А.О. Кауфмана, русская администрация не совсем доверяла абинцам, поэтому поручала им несложные дела, опасаясь «шатости» и «измены» со стороны абинцев. По мнению исследователя, абинские служилые татары в военном отношении были подготовлены слабо, поэтому потребовалось довольно продолжительное время, чтобы обучить среди них группу служилых людей, которые могли бы выполнять задания различной степени сложности (Кауфман 2007: 154).

Я.Г. Солодкиным почти одновременно с З.А. Тычинских рассмотрена роль в формировании военно-административной системы Сибири татарских голов, в подчинении которых находились юртовские татары. По заключению автора, эти головы сыграли существенную роль в процессе закрепления за Россией на рубеже XVI—XVII вв. сибирских земель (Солодкин 2008: 241—242). Иное мнение, нежели у З.А. Тычинских, сложилось у Я.Г. Солодкина относительно существования татарских казачьих «команд». По его заключению, подразделения из служилых татар в городах Западной Сибири «комплектовались иначе и не объединялись с казачьими станицами» (Солодкин 2015: 30). Сословные группы служилых татар возникали в некоторых городах с их основания, с образованием гарнизонов (Солодкин 2014: 28), и наравне с русскими служилыми исполняли отдельные административные поручения и участвовали в походах.

Таким образом, ряд вопросов начальной истории формирования отдельных татарских отрядов в гарнизонах городов «русской» Сибири остается неясным (Солодкин 2014: 29). При этом исследователи единодушны в признании существенной роли служилых татар в процессе присоединения к России сибирских земель.

Литература

- Бахрушин С.В. 1955. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. Москва: Изд-во АН СССР.
- Бахрушин С.В. 1959. Научные труды. Т. 4. Москва: Изд-во АН СССР.
- Кауфман А.О. 2005. Некоторые аспекты процесса формирования кузнецкого гарнизона в XVII — начале XVIII вв. // Кузнецкая старина 7. Новокузнецк, 140—152.
- Кауфман А.О. 2007. Начальный этап формирования группы служилых татар в составе кузнецкого гарнизона (первая половина XVII в.) // III Чтения, посвященные памяти Р.Л. Яворского (1925—1995): Материалы Международной научной конференции. Новокузнецк: РИО КузГПА, 140—152.
- Кауфман А.О. 2007. Особенности начального этапа формирования группы служилых татар в составе кузнецкого гарнизона (первая половина XVII в.) // Актуальные вопросы истории Сибири: VI научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина: Сб. науч. трудов: В 2 ч. Ч. 1. Барнаул: Алтайский гос. ун-т 151—156.
- Кауфман А.О. 2008. Участие служилых татар Томска и Кузнецка в торговле во второй половине XVII — начале XVIII в. // Диалог культур и цивилизаций. Материалы IX Всероссийской научной конференции молодых историков: В 2 ч. Ч. 2. Тобольск: Изд-во ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 38—41.
- Миллер Г.Ф. 1999. История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 1. Москва: «Восточная литература» РАН.
- Миллер Г.Ф. 2000. История Сибири. 2-е изд., доп. Т. 2. Москва: «Восточная литература» РАН.
- Никитин Н.И. 1988. Служилые люди в Западной Сибири XVII века. Новосибирск: Наука.
- Никитин Н.И. 2014. Военные факторы колонизации Сибири XVII века как объект специального изучения // Российская история 3, 72—90.
- Пузанов В.Д. 2005. Военная служба годовальщиков в Сибири XVII в. // СР 1 (11), 97—112.
- Пузанов В.Д. 2006. Военная организация Тарского уезда в XVII в. // СР 2 (14), 119—131.
- Пузанов В.Д. 2007. Тюменский уезд в XVII в. // СР 1 (15), 79—87.
- Пузанов В.Д. 2010. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири (конец XVI — XVII вв.). Санкт-Петербург: Алетей.
- Пузанов В.Д. 2011. Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI — начало XVIII вв.). Сургут: ООО «Таймер».

Солодкин Я.Г. 2008. Татарские головы в сибирских гарнизонах конца XVI — начала XVII вв. // Сулеймановские чтения: Материалы XI Всероссийской научно-практической конференции. Тобольск Изд-во ТГПИ им. Д.И. Менделеева, 241—242.

Солодкин Я.Г. 2014. Начало складывания контингентов служилых татар в городах «русской» Сибири // ВЮЖ 12, 26—29.

Солодкин Я.Г. 2015. Являлись ли казаками сибирские служилые татары конца XVI — XVII в.? // ВЮЖ 8, 29—32.

Тычинских З.А. 1998. Служилые казаки Кульмаметовы в XVIII в. // Сибирские татары: Материалы I Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: Изд-во ОмГПУ, 113—115.

Тычинских З.А. 2000. Об особенностях татарского казачества // Русские старожилы: Материалы III Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск: Изд-во ОмГПУ, 113—115.

Тычинских З.А. 2010. О роли служилых татар в строительстве сибирских городов в XVI—XVIII вв. // Казачество Сибири от Ермака до наших дней: история, язык, культура: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Тюмень: ООО «Печатник», 253—255.

Тычинских З.А. 2010. Служилые татары и их роль в формировании этнической общности сибирских татар (XVI—XIX вв.). Казань: ФЭН.

Тычинских З.А. 2011. Служба казаков-годовальщиков на границах Западной Сибири в XVII—XVIII вв. (на примере служилых татар) // Современная наука 1 (4), 120—125.

Худяков Ю.С. 2013. Участие татарских воинов в составе российских войск в военных действиях в Западной Сибири в конце XVI — начале XVII в. // Гуманитарные науки в Сибири 4, 63—66.

Худяков Ю.С. 2014. Привлечение сибирских татар на российскую службу в конце XVI в. // Присоединение Сибири к России: новые данные: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием (г. Тюмень, 9—10 декабря). Тюмень: ТГУ, 215—219.

Список сокращений

ВЮЖ — Военно-юридический журнал.

СР — Северный регион: наука, образование, культура.

Глава 2

ЭВОЛЮЦИЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ НА РОЛЬ ЦЕРКВИ И ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ РОССИИ (ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЙ ПЕРИОД)

В отечественной исторической науке традиционно сложился трехэтапный подход при рассмотрении историографии того или иного процесса или явления: дореволюционный, советский и постсоветский. На каждом из названных этапов наблюдаются определенные изменения не только в авторской интерпретации исследуемых событий, но и в методологическом подходе к объекту исследования. Это объясняется, прежде всего, появлением новых источников, входящих в круг проблем, а также определенными общественными процессами, в результате которых происходит смена идеологических взглядов и убеждений в научной среде. Особенно заметен этот процесс при анализе трудов авторов XX столетия, когда за довольно короткий временной промежуток диаметрально менялся историографический подход к сфере нашего исследования от резко негативного до критически объективного (Никольский 1990; Церковь в истории России 1967; Корзун 1984; Борисов 1986; Гордиенко 1987; Скрынников 1990).

Но и в дореволюционный период происходила определенная эволюция взглядов как на историю церкви в целом, так и на деятельность и значение российских православных монастырей. Цель нашего исследования состоит в выявлении актуальных вопросов в отечественной и зарубежной историографии по рассматриваемой теме, что позволит нам в дальнейшем провести исследование по вопросам, связанным с социально-хозяйственной деятельностью монастырей Западной Сибири, основываясь на материалах Тобольской епархии.

История Русской православной церкви (далее — РПЦ) как одно из направлений отечественной истории берет свое начало на заре XIX столетия. Если учесть, что после 1917 г. в течение почти семидесяти лет практически любые исследования в этом направлении были если не запрещены, то получали заведомо негативную оценку в среде партийных историков, становится понятным, почему данная отрасль исторических знаний столь слабо изучена.

Вместе с тем, один из ведущих историков РПЦ профессор А.П. Лебедев высказался на этот счет вполне определенно: «Церковная история расследует очень важный фактор в исторической жизни человечества — христианство и его влияние на судьбы народов. Христианская религия в жизни народов имеет более важное значение, чем просвещение, поэзия, искусство, право, развитие форм государственной власти и вообще культура» (Лебедев 1898: 514).

Однако несмотря на важность и значительность этого направления в отечественной истории, мы можем назвать лишь весьма незначительное количество авторов очерков по историографии православной церкви: А.П. Лебедев, А.В. Карташев, С.Г. Пушкарев (Пушкарев 1974; Карташев 1903). Заметим, что западные исследователи были заняты изучением истории европейской церкви буквально с первых веков ее возникновения, в то время как в России первые попытки в этом направлении обозначились лишь в конце XVIII в.

Произошло это в связи с началом изучения во вновь открываемых в России духовных училищах истории русской православной церкви наряду с другими предметами. Именно тогда обнаружилось отсутствие каких-либо трудов по предмету, после чего руководство церкви рекомендовало использовать труды зарубежных авторов. Наиболее приемлемым для этих целей оказалась рукопись датского автора А.-Б. Селя «*De Rossorum hierarchia*», который вел занятия по латыни в Александро-Невской семинарии в 30-е гг. XVIII в. Тогда же Св. синодом было дозволено пользоваться рукописью московского священника Петра Алексеева. Но обе эти работы по разным обстоятельствам так и не были напечатаны и сведения о них можно почерпнуть только среди воспоминаний современников.

Лишь в 1805 г. увидел свет первый обобщающий двухтомный труд Московского митрополита Платона (Левшина) по истории русской церкви (Платон 1805). Автор довел свою работу до начала XVIII в. (до 1700 г. — отмены Патриаршества), сославшись на отсутствие материала по исследуемому вопросу. При этом он черпал целые цитаты из работ Щербатова, Татищева, Нехватина и Хилкова, правда, время от времени ссылаясь на них. Сам митрополит Платон претендовал на то, чтобы его работа была

включена в обязательном порядке в ряд главных дисциплин во всех учебных заведениях России. Но этого не произошло, хотя его книгу с интересом читали не только клирики, но и светские люди, благодаря чему она была переиздана в 1821 и в 1834 гг.

Меж тем, приняв за основу рукопись А.-Б. Селя, историю РПЦ попытались воссоздать епископы Амвросий и Евгений. Пойдя по каноническому пути описания биографий наиболее значимых православных российских иерархов, они излагали не столько историю церкви, сколько деятельность своих предшественников на духовном поприще. Свою работу они так и озаглавили — «История российской иерархии». Она была издана в 1807 и в 1815 гг. В ней сообщалось о важнейших решениях соборов русской церкви, о наиболее почитаемых русских святых и значимых для верующих православных монастырях.

Среди сочинений первой половины XIX столетия по церковной истории определенный интерес представляет книга архимандрита Иннокентия, изданная в 1817 г., но ее трудно назвать самостоятельным сочинением, поскольку автор целыми страницами цитировал исследования зарубежных авторов-протестантов.

По прямому указанию Комиссии духовных училищ архимандрит Филарет (будущий митрополит Московский) подготовил учебник для духовных академий, где историю церкви начинал с сотворения мира (Филарет 1816). Но у книги оказалось множество противников, которых не устраивало подобное толкование церковной истории, а в общественном мнении сам Филарет воспринимался не иначе, как «мистик».

В 1838 г. свой вклад в историю русской церкви внес А.Н. Муравьев, первый историк церкви, не принадлежавший к кругу церковнослужителей. Но в своей книге он привел лишь краткие биографии патриархов и некоторых митрополитов (Муравьев 1838). По словам А.В. Карташева, это был шаг назад даже в сравнении с первыми подобными изданиями.

Середина XIX в. была ознаменована появлением исследований по церковной истории, не уступавших светским, — епископа Макария (Булгакова), впоследствии митрополита Московского и Коломенского, и Филарета (Гумилевского). Труд Макария (Булгакова), как писал он сам, стал делом всей его жизни. Его можно расценивать как крупный вклад в развитие истории русской

церкви как науки (Макарий (Булгаков) 1864—1886). По полноте охвата материала он может быть сопоставим лишь с сочинениями известного историка С.М. Соловьева, которые увидели свет также во второй половине XIX в. (Соловьев 1851—1879).

Другим не менее значимым произведением явилась «История Русской Церкви» черниговского архиепископа Филарета (Гумилевского), представляющая собой систематическое изложение истории церкви. Пять томов в ней соответствовали пяти периодам: 1) до нашествия монголов, 2) до разделения митрополии, 3) до учреждения патриаршества, 4) патриаршего, 5) синодального управления до 1825 г. Если «История» митрополита Макария заканчивалась временем московских соборов 60-х гг. XVII в., то архиепископ Филарет доводит свое исследование до 1826 г. (Архиепископ Филарет (Гумилевский) 1847—1848). Эта работа стала первой, в которую был включен синодальный период истории РПЦ. Его сочинение состояло из следующих разделов: 1. Правление; 2. Распространение веры; 3. Учение веры; 4. Богослужение. Глава, посвященная богослужению, чаще всего подвергалась критике как современников Филарета, так и более поздних исследователей из-за консервативности взглядов автора на проблему. Свое изложение он заканчивает 1826 г. Вместе с тем автор довольно схематично рассматривает политику правительства по отношению к РПЦ, не позволяя себе дать какую-либо оценку этому процессу. На его сочинение опирались большинство авторов учебников для учебных духовных заведений, выпускаемых во второй половине XIX в.

Рассматривая саму возможность для автора дать объективный анализ истории церкви, можно согласиться с мнением Ю.Е. Кондакова: «Филарет был связан не только духовным саном и цензурными ограничениями, но и уже сложившейся традицией, по которой церковная история должна была отвечать официальной доктрине» (Кондаков 2003: 45). Потому нельзя было ждать от автора критики реформ Петра I в отношении православной церкви или анализа деятельности Св. синода с позиций независимого исследователя.

Подводя итоги первому периоду развития истории РПЦ, который пришелся на первую половину XIX в., можно сказать, что «все авторы того времени (за исключением А.Н. Муравьева) бы-

ли клириками» (Кондаков 2003: 46). Поэтому для них был невозможен анализ и критика церковных источников, этого не допустило бы руководство Св. синода. Но в то же время именно в этот период была заложена основа для дальнейших научных исследований, и «клерикальный» период русской церковно-исторической науки в дальнейшем послужил базой иного, более «академического» подхода к этой теме отечественной истории.

Во второй половине XIX в. появились такие серьезные исследователи отечественной истории, как С.М. Соловьев и К.Д. Кавелин, что не могло, в свою очередь, не сказаться на появлении более прогрессивного подхода в работах, посвященных истории церкви. Этому способствовало принятие новых уставов духовных учебных заведений, в курс которых история церкви вводилась обязательным предметом изучения. Для этого периода характерно сосредоточие исследователей церковной исторической науки в духовных учебных заведениях. Среди наиболее крупных имен можно назвать профессора А.П. Лебедева, выпустившего 11 томов по истории Русской православной церкви, в которых он подверг серьезной критике ряд ранее общепринятых фактов о принятии и распространении христианства на Руси, чем вызвал многочисленные возражения авторов консервативного толка, к которым можно отнести, в том числе, известного писателя-русофила И.С. Аксакова.

Результатом многолетних исследований стали труд профессора Казанской духовной академии П.В. Знаменского «Руководство к русской церковной истории» (СПб., 1871; М., 1996) и ряд других аналогичных работ (Знаменский 1865: 145—168). Он же выпустил учебник по истории РПЦ, в котором также отсутствовала оценка взаимоотношений церкви и государства. Однако изложение истории церкви свелось в нем к приведению различных исторических событий, где в той или иной степени описывались отношения гражданских властей к духовенству. В то же время он дает высокую оценку политики Александра II и все возрастающей роли церкви в период его правления, особо подчеркивая экономическую составляющую монастырей и ряда приходов и укрепление их материальной базы. Следует отметить, что кроме этого П.В. Знаменскому принадлежит ряд монографических исследований по специальным вопросам истории синодального периода

РПЦ (Знаменский 1873; 1875; 1878; 1881; 1885; 1897—1892; 1909).

Другим, более конструктивным автором, выпустившим в свет очередное «Руководство», служившее пособием по истории РПЦ, стал преподаватель Московской духовной академии А.П. Доброклонский (Доброклонский 1893). В нем он произвел подробный анализ политики государства в отношении различных категорий духовенства: архиереев, монашества и приходских священнослужителей. Он считал, что благодаря «двум прошлым царствованиям», материальное благосостояние всех представителей РПЦ значительно улучшилось. Хотя, по его словам, положение большинства приходского духовенства остается «далеко не везде удовлетворительным», но на их фоне значительное число православных монастырей могут отныне «более успешно выполнять просветительную и благотворительную задачи». Однако, к сожалению, это лишь общие замечания декларативного порядка, не имеющие под собой основы, подтвержденной конкретными цифрами и фактами.

Особое место в историографии русской церкви занимает незаконченный труд профессора Е.Е. Голубинского, где автор довел повествование до времени святителя Макария Московского (XVI в.) (Голубинский 1880—1911). Другие общие работы по истории русской церкви: профессора богословия Демидовского юридического лица А.П. Лаврова, обер-секретаря Синода С.Г. Рункевича и профессора Варшавского университета П.В. Верховского — в основном имеют описательный характер происходящих событий (Лавров 1875; Рункевич 1901; Верховский 1912). В них также отсутствует оценка того или иного явления, связанного с деятельностью РПЦ. Но они достаточно далеко ушли от своих предшественников начала XIX в., которые церковную историю излагали на основе жизнеописания православных иерархов.

Отметим, что перу вышеназванных авторов принадлежит ряд исследовательских работ, не потерявших актуальность и на современном этапе изучения проблемы (Рункевич 1900; Он же 1901; Верховский 1916). Об оценке некоторых из них говорит отзыв составителей «Богословской энциклопедии», которые отмечали, что в отличие от официозных трудов С.Г. Рункевича,

«исследования П.В. Верховского отличаются объективностью и большой научной добросовестностью».

В то же время отдельные авторы пытались проанализировать эволюцию государственной политики в отношении РПЦ. Так, выпускник Санкт-Петербургского университета Николай Иванович Григорович, служивший в 1860-е гг. начальником синодального архива и библиотеки, имея на руках ряд документов, отложившихся за несколько десятилетий в архиве, подготовил, а затем и опубликовал ряд работ о деятельности РПЦ за различные ее периоды (Григорович 1866; 1867). Особенно важно его сочинение, в котором исследуется «содержание православного духовенства после введения штатов». Оно охватывает довольно значительный период — с 1764 по 1863 гг. В работе, как и у других авторов из числа духовенства или служителей Св. синода, отсутствует какая-либо критика властей, и лишь сообщается, как изменялся в исследуемый период статус архиерейских домов, монастырей и приходского духовенства. Рефреном по всему сочинению проходит мысль автора о недостаточном финансовом обеспечении как центральных, так и отдаленных от центра приходов и находящихся на их территории монастырей. Особо остро звучат его слова в отношении священнослужителей, которые, как считает автор, «самим правительством унижались до простолюдинов».

Отдельной проблемой в историографии исследуемой нами темы стоит наболевший вопрос для историков из числа клириков православной церкви — это *секуляризация церковного имущества в 1764 г.* и последующие затем реформы, в той или иной мере затронувшие церковь. Ближайшие последствия секуляризации, в частности, положение бывших духовных вотчин и экономических крестьян, были оценены в историографии еще современниками реформы. Первым, кто описал саму реформу и ее последствия, был один из наиболее авторитетных историков екатерининского времени князь М.М. Щербатов, наблюдавший все происходящее лично и оставивший воспоминания (Щербатов 1794—1805; 2001). После 1764 г. произошло крайнее запустение экономической деревни. В своем сочинении М.М. Щербатов предлагал передать бывшие монастырские земли, отошедшие к государству из-за их малой перспективности, дворянам. Правда, этим он от-

раничился, но важен сам факт его наблюдений и, пусть незначительных, но выводов.

К этому же вопросу в своей статье «О наших монастырях» обратился Н.М. Покровский, который указывал на стремление Екатерины II поставить православную церковь в полную зависимость от государства (Покровский 1876). Именно этим целям, на взгляд исследователя, отвечала губернская реформа 1775 г. В результате ее проведения устанавливалась довольно тесная административно-территориальная связь епархий с губерниями и тем самым духовные власти попадали под зависимость от власти гражданской. На наш взгляд, это не совсем верная точка зрения, хотя и имеющая под собой определенную основу. Скорее губернская реформа давала возможность двум ветвям власти действовать совместно в критические моменты и, тем самым, укрепляла позиции государства.

Некий отголосок, связанный с воззрениями Н.М. Покровского, можно усмотреть в публикации одного из лучших русских прозаиков, твердо поддерживающих русофильские традиции в литературе, — Н.С. Лескова. Он неоднократно обращался в своем творчестве к теме православной церкви, и усмотреть в его взглядах тенденции, присущие радикальной части общества, вряд ли возможно. Но многие недостатки, присущие церкви и ее иерархам, не оставляли его равнодушными, несмотря на частую критику в свой адрес. Так, в одной из статей, материал для которой он почерпнул из воспоминаний секретаря Св. синода, Н.С. Лесков с присущей ему иронией описал положение членов Св. синода во время правления Николая I. Там же он показал, как росло влияние синодального обер-прокурора, когда под его юрисдикцию постепенно переходили дела из епархий, которые до этого рассматривали непосредственно епархиальные архиереи.

Положительную оценку реформе 1764 г. дал В.О. Милютин в своей монографии «О недвижимых имуществах духовенства в России» (Милютин 1862). По его мнению, тем самым была заложена основа для развития дальнейшей политики правительства в отношении РПЦ не только в последующие десятилетия, но и на весь XIX в. Он писал, что законодательная деятельность Екатерины II, а затем и ее преемников развитием и совершенствованием результатов реформы. Им рассмотрена история послерефор-

менного развития церковного землевладения в стране под непосредственным контролем и покровительством со стороны государства.

С В.О. Милютиным был не согласен в этом вопросе И.В. Знаменский, давший резко отрицательную характеристику последствий реформы 1764 г. Он усматривал в произошедших изменениях все большее подчинение церкви государству (Знаменский 1880). При этом он не упустил возможности упрекнуть гражданские власти в «невнимании к приходскому духовенству», на плечи которого легли основные тяготы реформы. Он доказывает, что именно в 1760-е гг. была упущена возможность для поднятия престижа и благосостояния белого духовенства. Но возможность эта была упущена благодаря непродуманным действиям правительства и самой императрицы. А потому все последующие годы положение духовенства лишь ухудшалось, и оно, будучи бесправным, вынуждено было само обеспечивать себя путем занятия крестьянским трудом на полях, выращивая хлеб и домашний скот.

Со своей стороны отметим, что оценка И.В. Знаменского верна не только в плане экономическом, но и в социально-духовном. Ряд авторов предреволюционного периода, совершенно не зависящих от церкви, а зачастую бывших приверженцами атеизма, писали, что крестьяне, видя ходящего за плугом священника, теряли к нему всяческое уважение, что способствовало отмежеванию их от церкви. Вряд ли этот факт принимали в расчет реформаторы XVIII в., думая, как они считали, о благе государства. Реформы, как оказалось, имеют и обратную сторону медали, перекрывая тем самым блага, полученные от их проведения.

Точку зрения И.В. Знаменского вполне разделял П.В. Беликов, автор статьи «Отношение государственной власти к церкви и духовенству в царствование Екатерины II» (Беликов 1875). Он также выразил свое негативное отношение к последствиям реформы по отчуждению собственности РПЦ в пользу государства. Особо пострадали от нее региональные монастыри, значительное количество которых была попросту закрыта, а это, в свою очередь, сказалось на негативном отношении православных верующих к государству и, пусть не сразу, но привело к расколу в общественном сознании отнюдь не в пользу правящего дома.

Отдельные хронологические этапы и события синодального периода Русской церкви освещены в монографиях Ф.И. Титова, А.А. Папкова, И. Айвазова, А.Н. Пыпина (Титов 1901; Папков 1902а; Айвазов 1914; Пыпин 1916). Рубеж XIX—XX вв. характеризуется тем, что именно в этот период произошло некоторое ослабление цензурных ограничений, были открыты и описаны архивы Св. синода, что привело к возникновению особого интереса к истории РПЦ. Возросло количество дипломных работ, посвященных этому вопросу, среди студентов духовных академий, которые в дальнейшем могли вылиться в серьезные научные исследования. «Если бы не трагические события 1917 года, изменившие развитие России, русская историческая наука должна была обогатиться множеством исследований по истории отношений государства и церкви в синодальный период» (Кондаков 2003: 71).

Из приведенного обзора трудов по истории РПЦ видно, что с середины XIX в. наблюдается возрастание интереса исследователей к различным периодам истории РПЦ. К факторам, оказавшим определенное влияние на этот процесс, можно отнести эпоху Великих реформ Александра II, когда произошло значительное ослабление цензурных запретов и ограничений в самых широких сферах научно-исследовательской деятельности отечественных историков. В тот же период возник исторический дискурс по вопросам проведения секуляризации или, как она обозначалась в трудах некоторых авторов, — церковной реформы 1764 г. Но и в этом наиболее болезненном для РПЦ вопросе не нашлось зрелых и критически настроенных исследователей, кто мог бы дать взвешенную критику данному исключительному по своей значимости событию, приведшему фактически к обнищанию и закрытию едва ли не половины православных монастырей в империи. Далее публикации статистических данных без какого-либо их анализа ни один из исследователей не решился пойти и подвести принципиальные итоги секуляризации, проведенной Екатериной II (Горчаков 1871; Думитрашко 1862; 1865: 149—188; 1900).

Хотя тот же П.В. Знаменский высказал некоторые сомнения в целесообразности реформы 1764 г. По его мнению, полученные от РПЦ деньги могли «обеспечить жалованием все белое духовенство» на долгий период (Знаменский 1873). Вот только на

пользу церкви те деньги не пошли, а были истрачены государственным аппаратом непонятно на какие нужды. Присоединился к мнению ученого и его однофамилец протоиерей И.Л. Знаменский. Он также считал, что императрица не смогла или попросту не захотела рационально распорядиться полученными в результате реформы средствами (Кузнецов 1907; Титов 1909; Знаменский 1872: 766; 1880: 128—129). Той же точки зрения придерживался и П.В. Верховской (Верховской 1909). В своем сочинении, основанном на изучении документов Св. синода и Архива Министерства юстиции, он представил ведомости Счетной экспедиции коллегии экономии, где отмечены монастырские земельные наделы и доходы наиболее крупных монастырей Российской империи незадолго до проведения секуляризации.

Если названные выше авторы высказывали свое неприятие секуляризации в скрытой форме, но не давали при этом негативных оценок реформе 1764 г., то управляющий канцелярией Московской синодальной конторы А.А. Завьялов высказался на этот счет как истинный верноподданный гражданин оптимистически-положительно: «Отобразив церковных имений в казну сняло с их вотчинников обременительные обязанности, освободило их от непроизводительных трудов. Секуляризация в значительной мере способствовала уяснению нормальных отношений между государством и церковью» (Завьялов 1876; 1900: 341—344). Возможно, в некоторой мере он прав, и между РПЦ и государством на какой-то момент установились действительно «нормальные» отношения. Но почему автор не подтвердил, впрочем, как и его предшественники, свою точку зрения фактами, указывающими на «нормальность» этих отношений? Видимо, очевидных и достоверных фактов им обнаружено не было...

Тогда попробуем ответить на этот вопрос в ином ракурсе: почему именно авторов, обратившихся к истории РПЦ, главным образом интересовало не правовое положение вопроса, не причины, приведшие к проведению секуляризации, а экономические последствия реформы? Ответ, как выяснилось в ходе публицистической полемики, развернувшейся благодаря отмене цензурных ограничений на страницах отечественной печати, лежал на поверхности. Правящие архиереи, а вслед за ними настоятели монастырей и приходское духовенство тщательно скрывали свои

доходы. В то же время пышность убранства храмов, богатое облачение иерархов и многих представителей из числа рядовых церковнослужителей, зажиточность клира и прочие видные для обывателей признаки церковной роскоши говорили о наличии немалых средств в среде духовенства.

Не останавливаясь на причинах, вызвавших повсеместное сокрытие финансовых отчетов церкви, заметим, что подобное замалчивание не могло не вызвать острого интереса. А поскольку Св. синод продолжал безмолвствовать и не пожелал открыть одну из тайных страниц своей истории, то родились слухи и подозрения о чрезвычайно высоких доходах клириков.

Впрочем, как это обычно бывает, мнения в русском обществе на этот счет разделились: одна сторона встала на сторону бедственного положения церкви после реформы 1764 г., а другая резонно предполагала, будто бы реформа мало повлияла на финансовое состояние православной церкви в России. Огромное нежелание духовенства предоставить населению или хотя бы исследователям реальный отчет о своих доходах и навели часть радикально настроенных по отношению к РПЦ исследователей к выводу о наличии колоссальных богатств в казне церквей и монастырей. При этом большинством из них не учитывался ни статус монастырей или приходов, ни местные условия, способствующие или препятствующие земледелию, ни наличие в епархиях или в отдельных монастырях государственных дотаций и т.п. Для характеристики церкви в обществе существовало лишь два цвета: «черный» и «белый». О каких-то научных выводах не могло быть и речи.

Ярким примером возникшего дискурса стала вышедшая в 1876 г. работа Д.И. Ростиславова (Ростиславов 1876). После выхода на пенсию с должности профессора Санкт-Петербургской духовной академии Д.И. Ростиславов перебрался в Рязань, где непонятным образом получил доступ к отчетным и финансовым ведомостям около 200 российских монастырей.

Кстати, книга вышла под псевдонимом, но вскоре имя автора было открыто и придано гласности. Не случен и тот факт, что труд Д.И. Ростиславова был назван «Опытом», поскольку, как он писал сам, «эта книга не удовлетворит любознательного читате-

ля. Очень желательно было бы, чтобы она послужила к более отчетливому описанию монастырских богатств».

На основе изученным им отчетов он пришел к выводу о наличии в монастырях огромных богатств, которые зачастую использовались не во благо монастырской братии и окружающим. Зато он не скрывал своих симпатий в отношении белого духовенства, выступая против «неправого» монастырского землевладения. Более того, в тексте его сочинения звучат упреки в адрес монашества, и даже прямые обвинения братии в сребролюбии и прочих связанных с этим пороках, ради искоренения которых верующий человек уже много веков удалялся за стены обители. Он стоял за полную отмену монастырской земельной собственности, а также всех видов недвижимости. В ряде случаев им указаны суммы государственных дотаций на развитие тех или иных монастырей и особо подчеркивался тот факт, что строгих отчетов со стороны монастырского руководства о расходе государственных средств в органы государственной власти не высылалось. Отсюда, пришел он к выводу, рождались злоупотребления, хищения значительных сумм и их неоправданная трата не по назначению. В заключение он предлагал наладить постоянный государственный контроль за доходами и расходами монастырей, а в ряде случаев привлекать местные земства.

Хорошо понимая, что консервативное российское общество вряд ли согласится с его выводами, Д.И. Ростиславов в письме к редактору петербургской газеты «Голос» А.А. Краевскому высказывал свое пожелание: «Если бы мои статейки могли быть напечатаны в Вашем “Голосе”, то я желал бы, чтобы моей фамилии под ними не было; пусть они останутся анонимными или с подписью “Не-духовный”».

Идеи Ростиславова нашли отклики среди ряда его современников. Так, один из анонимных авторов опубликовал в печати статью под вполне безобидным названием «Наши монастыри», где предложил передать абсолютно все монастырские доходы на нужды земств и иных благотворительных учреждений, что, по его мнению, должно было способствовать развитию народного образования (Наши монастыри 1878). Но таких авторов во второй половине XIX столетия можно было буквально перечислить по пальцам.

В то же время ряд исследователей подготовили к публикации труды, в которых давалась краткая, но всеобъемлющая характеристика существующих на тот момент православных монастырей России. Среди них можно назвать В.В. Зверинского, описавшего в своем издании местоположение, даты основания, штатное расписание и главные монастырские святыни (мощи, иконы), а также наличие при обителях школ всех значимых российских монастырей (Зверинский 1890—1897).

К той же направленности можно отнести работы Л.И. Денисова, изданные как бесплатное приложение к пользующемуся большим спросом среди православных журналу «Русский паломник» (Денисов 1908; 1909). В некотором отношении он пошел дальше своего предшественника, дав описание монастырских уставов, находящихся в них храмах и скитах, проводимых крестных ходов. Кроме того работа Л.И. Денисова представляет определенную ценность и для современных исследователей, поскольку в ней сообщается о земельных монастырских владениях, выделяемых государством средствах на содержание того или иного монастыря, приводятся в хронологическом порядке имена настоятелей, количество насельников в обители и действующих при монастыре благотворительных учреждений. Работа Л.И. Денисова была встречена читателями с огромным интересом, а потому он издал ее через год в слегка сокращенном варианте.

Возникшая ситуация по вопросам секуляризации и диаметрально противоположных выводов о результатах реформы стала возможной из-за слабости исторической церковной науки, отсутствия трудов предшественников, которые, если и были, то весьма поверхностно освещали тему исследования. Не имея опыта анализа источников, не обладая всей полнотой фактов в разрабатываемом им вопросе, Д.И. Ростиславов вместо рассмотрения глубинных процессов, происходящих в государстве и породивших определенные взаимоотношения между РПЦ и административными государственными структурами, выявления причин, приведших к сокрытию финансовой отчетности перешел из разряда исследователей в лагерь радикальных критиков. И, по сути дела, заявил о своей антиклирической позиции. А к этому российское общество не было готово и не могло объективно оценить и воспринять сочинение бывшего профессора духовной академии.

Если говорить о слабых сторонах работы Д.И. Ростиславова и его последователей, то вызывает недоумение тот факт, что они не рассматривали такой серьезный вопрос, как благотворительность монастырей; не коснулись вопроса о лежавших на монастырях расходах на просветительскую и миссионерскую деятельность. Возможно, были не лишены оснований упреки в адрес настоятелей, а то и братии целиком в их «роскошной и безбедной жизни». Но вряд ли подобные упреки, а потому и весь труд, можно отнести к разряду научных исследований. Скорее авторы их балансировали, опираясь на отдельные примеры, между публицистикой и написанием полновесной исследовательской работы, а в результате не пристали ни к тому, ни к другому берегу.

К тому же подсчеты, проведенные тем же Д.И. Ростиславовым, были довольно примитивны. Производя их, он брал общую сумму монастырских доходов и делил ее на количество означенных на тот момент монашествующих. При этом он совершенно не учитывал затраты на содержание монастыря, закупку в ряде случаев сельхозинвентаря, отчислений в епархиальную казну и пр. Все подобные ошибки говорят об отсутствии исторического знания среди историков церкви. Не был налажен обмен мнениями между исследователями, а потому развитие исторической церковной науки шло естественным путем, преодолевая ряд заблуждений и ошибок. Забегая несколько вперед, подчеркнем, что ряд авторов постсоветского периода пошли точно по такому же пути, не удосужившись изучить труды более позднего (досоветского) периода, где деятельности церкви давалась уже более взвешенная оценка.

Стоит ли говорить, что в массе своей клирики встретили работу Ростиславова, что называется, в штыки и подвергли довольно жесткой критике. Среди них можно назвать епископа Леонид (Кавелина), который прежде всего обратил внимание на игнорирование Ростиславовым монастырской благотворительной деятельности. Отметил он и преувеличенную оценку автором государственной опеки РПЦ в целом и российских монастырей в частности (Леонид (Кавелин) 1876: 30—32). К критике владыки Леонида присоединился и архимандрит Пимен (Мясников) (Пимен (Мясников) 1876).

Но на этом дело не закончилось. Доходы РПЦ продолжали волновать умы и более поздних исследователей. Год за годом во второй половине XIX в. в стране складывалось нетерпимое отношение к православной церкви, вызванное не только реформами, но и зарождением продемократических движений. Уже в начале XX столетия (1908 г.) вышла в свет монография В. Кильчевского с довольно громким и притягательным для рядового обывателя названием — «Богатства и доходы духовенства» (Кильчевский 1908). Автор этого сочинения высказывал открытое недовольство к публикуемым в местной печати епархиальным финансовым отчетам, куда в ряде случаев включались и отчеты находящихся в епархиях монастырей.

Как видим, труд Д.И. Ростиславова дал свои плоды, и Св. синод резонно решил предоставлять епархиальные отчеты широкому кругу читателей, чтоб в обществе сложилось определенное представление о деятельности духовных властей по части сбора и расхода финансов. Публиковались даже отчеты епархиальных съездов, дневники миссионеров, где до копейки назывались суммы, уплаченные за найм подвод или гребцов, потраченные на покупку крестиков для новокрещенных и т.п. Однако В. Кильчевского подобные отчеты скорее насторожили, о чем он и сообщал в своей работе. По поводу церковной благотворительности он высказался также довольно неопределенно: «О том, чтобы в наше время из церковных денег оказывалась прямая помощь бедным — совершенно не слышно».

Подобные замечания вполне можно отнести к субъективным взглядам автора, не стремящегося пойти дальше публицистики. Но вместе с тем В. Кильчевский опирался в своей работе на епархиальные статистические отчеты, доступные с некоторых пор любому грамотному российскому гражданину, и безапелляционно заявлял о гигантских доходах православного духовенства. Это не могло не вызвать ответной критики в адрес автора. В откликах на его сочинение было, в частности, указано на фактические ошибки: например, автор показывает, что доходы Новгородской епархии превышают доходы Московской, а также Петербургской митрополий (в отдельности). Некоторые критики даже требовали создать специальную комиссию для проверки цифр и сведений, приводимых В. Кильчевским, а вместе с этим и данных, собран-

ных Статистическим комитетом. Таким образом, начавшийся дискурс не только расколол общество, но и вызвал со стороны читателей недоверие к официальным отчетам. И, соответственно, привел к выдвиганию определенных требований, которые на тот момент реализовать радикалам не представлялось возможным.

Для полноты картины назовем автора статьи «Крестьяне церковных вотчин» Д.А. Жаринова, разделявшего взгляды Ростиславова и Кильчевского. В большинстве историографических обзоров по истории РПЦ Жаринова причисляют к «типичным представителям демократических кругов начала XX в.», и отсюда делается вывод о его негативном отношении к духовенству. Действительно, реформа 1764 г. рассматривается Д.А. Жариновым, как отмена «церковного рабовладения» (Жаринов 1911). Но то была одна из его ранних работ. Позже автор меняет свои взгляды и в последующих сочинениях, посвященных отечественной истории, он уже более терпимо высказывается в адрес РПЦ.

Все чаще дореволюционные авторы в своих исследованиях стали обращаться к статистическим данным, используя их в качестве базовых для выстраивания общей картины деятельности РПЦ в тот или иной период. К ним можно отнести И. Преображенского, который пришел к выводам, что во второй половине XIX в. (1840—1890 гг.) благосостояние и материальные средства церкви увеличились многократно (Преображенский 1897: 233—234; Т. 2. 1883: 609—623; Т. 3. 1883: 77—92). Но далее он поясняет, что повышение расходов на содержание церковного и монастырского клира связано главным образом с тем, что увеличились «потребности церкви» и «вздорожало удовлетворение этих потребностей». Этот вывод нельзя назвать научным. Потому И. Преображенский вслед за собратьями по перу не может быть признан представителем научной школы, к которой принадлежали названные выше основоположники российской истории. Он, как и многие авторы того периода, балансировал между наукой и публицистикой. Но при этом четко просматривается его ярко выраженная позиция сторонника существования РПЦ независимо от государства. И вместе с тем он не отрицал ее поддержку со стороны властных структур, восклицая, что существует множество бедных монастырей, которые лишь время от времени получают частные пожертвования, а потому не могут «приобретать имуще-

ства на свой счет». Получается, церковь желает быть самостоятельной, но ... иметь при этом достаточное финансирование. А такой вариант практически неосуществим.

По существующей многовековой православной традиции имена всех умерших церковных иерархов должны упоминаться на соответствующих службах. Для этих целей служили так называемые «синодики», куда заносились имена умерших. Но их составление носило периодический, фрагментарный характер, поэтому зачастую силами той или иной епархии шло их исправление.

Многочисленные синодики хранились в центральных российских и епархиальных архивах, но долгое время не предпринималось каких-либо попыток издать их полный свод. Эта задача была решена в 1877 г. П.М. Строевым, издавшим их в обобщенном виде (Строев 1877). Правда, он включил в свои поименные списки лишь главных иерархов церкви и настоятелей монастырей до 1869 г. Однако рядом исследователей неоднократно отмечалось наличие в его работе довольно большого значительного числа фактических ошибок: неточно указаны даты жизни и смерти иерархов и настоятелей, неправильно названы имена некоторых из них, а также отчасти искажены названия монастырей.

Среди прочих авторов, занятых в конце XIX в. изучением истории российских монастырей, следует назвать едва ли не единственную в ряду исследователей мужского пола женщину — игуменью Таисию, опубликовавшую работу по истории женского монашества в XVIII—XIX в. (Таисия, игуменья 1992) Близок к ней по тематике исследования воспитанник Киевской духовной академии, протоиерей, ректор Тифлисской духовной семинарии Павел Иванович Чудецкий (Чудецкий 1877). Он в своей работе рассмотрел вопрос о закрытии в тот же период (XVIII—XIX в.) ряда православных российских монастырей.

Между тем, внутри церкви сформировался определенный круг исследователей истории РПЦ, их труд поощрялся высшим церковным руководством, а потому искать в их работах критическую оценку описываемых событий лишено смысла. В историографических обзорах небывалое оживление в среде авторов-клириков относят к проведению все тех же либеральных реформ, хотя, на наш взгляд, прямого отношения сами реформы к появлению работ в защиту церкви не имеют. Начало публикаций исследований

из среды клириков можно отнести к 1860—1870-м гг., что хронологически совпадает с первым периодом общероссийских реформ. Наиболее характерны публикации архимандритов Пимена (Благово), Иосифа (Баженова) и Игнатия (Малышева) (Пимен (Благово) 1869; 1876; Иосиф (Баженов) 1872; Игнатий (Малышев) 1874). Даже прочтение названий их работ уже дает представление о направленности данных публикаций — «в защиту». Еще несколько лет назад необходимости в подобной «защите» не то что не существовало, но даже не предвиделось. То, что высшие чины церкви первыми встанут на защиту корпоративных интересов, сомневаться не приходится. А вот сам факт необходимости подобной «защиты» правящей конфессии говорит о многом: в обществе родилась оппозиция РПЦ, помышлять о которой не приходилось в эпоху правления страной Николаем I.

На основе этого можно предположить, что антиклерикальные взгляды родились не вчера, не после проведения первого этапа реформ, а вызревали много десятилетий, подспудно копились втайне, не оглашались на страницах печати, и только после отмены частичных цензурных ограничений заявили о себе во весь голос.

Таким образом, не столько реформы привели к возникновению исторического дискурса о «пользе» или «ненужности» российских монастырей, сколько возможность высказать их открыто на страницах печати. Противоречия между церковным ведомством и мирянами (гражданским обществом) существовали всегда. И лишь впервые представители церкви узнали о них не в результате подметных писем анонимных авторов, а вполне цивилизованным путем. А ведь даже в XVIII в. звучали отдельные голоса, указывающие на те или иные ошибки и промахи РПЦ. Но услышать их клир не мог, да и не хотел. Понадобилось несколько десятилетий, чтоб российское общество созрело до открытой дискуссии, однако православная церковь оказалась к ней не готова. А потому ответной реакцией в рядах клира стал лозунг: «К защите» вековых устоев и традиций церкви.

Характерен и тот факт, что среди защитников церкви в 60—70-е гг. XIX столетия нет имен рядовых клириков из числа белого духовенства. Это отнюдь не говорит о неумении провинциальных или столичных церковнослужителей владеть печатным словом.

Публикации более позднего периода говорят как раз об обратном. Но на первом этапе столкновения еще только обозначившихся мнений в российском обществе выступила «гвардия» церкви: епископ Балтский Иосиф (Баженов), настоятель Троице Сергиевой Пустыни под Санкт-Петербургом (1857—1897) архимандрит Игнатий (Малышев), архимандрит Толгского монастыря, настоятель русской посольской церкви в Риме, выпускник юридического факультета Московского университета, потомственный дворянин Пимен (Благово). Причем православным верующим все они были известны как духовные писатели. Все это говорит о том, что вопросы обороны (защиты) были продуманы на самом верху.

Но пока речь шла только о защите. Наступление на инакомыслие началась значительно позже, с вступлением на пост обер-прокурора Святейшего синода К.П. Победоносцева.

Нельзя не отметить вклад в историю РПЦ ряда авторов, которые по целям и значению своих трудов далеко не однозначны. Объединяет их время публикации работ, а также то, что они не принимали участия в разгоревшейся полемике о роли РПЦ в российском обществе. Не имея возможности охарактеризовать в отдельности все их исследования, число которых весьма значительно, скажем, что они, в сравнении со своими современниками-исследователями, ушли в научном плане далеко вперед, кропотливо собирая и исследуя отдельные моменты из истории русской церкви.

Так, Николай Павлович Розанов, сын причетника, служивший в разных должностях по духовному ведомству, вышедший на покой в чине коллежского советника, член Московского археологического общества, Общества истории и древностей российских при Московском университете и Общества любителей духовного просвещения, свои исследования и заметки помещал главным образом в изданиях этих обществ. Не ошибемся, если скажем, что наиболее значимый его труд — «История Московского епархиального управления со времени учреждения Св. Синода. 1721—1821 г.» (Розанов 1869—1871). Все остальные его статьи носят скорее краеведческий характер: «Метрическая запись о рождении Филарета, митрополита Московского» (Современная Летопись. 1867. № 45); «Встреча Московскому митрополиту Тимофею за сто лет тому назад» (Душеполезное Чтение. 1868. Кн. 3); «Сав-

винское подворье и Московские преосвященные викарии» (Чтения в Обществе Истории и Древностей. 1868. Кн. 4); «О времени благовеста при церквях в Москве в прошлом столетии и в настоящем» (Душеполезное Чтение. 1868. Кн. 5); «О Московских городских кладбищах» (Душеполезное Чтение. 1868. Кн. 6).

Экстраординарный профессор Санкт-Петербургской духовной академии по кафедре церковного законовещения Т.В. Барсов разрабатывал темы своих исследований в русле преподаваемой им дисциплины: «Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания» (СПб., 1885. Т. 1), «Синодальные учреждения прежнего времени» (СПб., 1897), «О собрании духовных законов» (СПб., 1898), Синодальные учреждения настоящего времени (СПб., 1899) (Барсов 1894; 1897; 1899). В своих работах Т.В. Барсов дал описание состава и штатов синодальных учреждений за различные временные периоды, начиная с момента его открытия (1721 г.). Им высказано предложение по реформированию главного управляющего органа РПЦ и увеличению самостоятельности епархиальных архиереев и подведомственных им духовных ведомств.

К тому же кругу следует отнести Ивана Михайловича Покровского, профессора истории русской церкви Казанской духовной академии. Его главный труд по истории русских епархий в XVI—XIX вв., написанный как магистерская диссертация, актуален и в наши дни, несмотря на его краткость и отсутствие соответствующих выводов (Покровский 1897; 1906). Докторская диссертация И.М. Покровского была посвящена истории Казанского архиерейского дома от его основания и до реформы 1764 г. Важность его трудов состоит в том, что он работал с документами, многие из которых не дошли до современных исследователей и были по разным причинам утеряны.

Другой воспитанник Казанской духовной академии, затем преподававший в ней русскую гражданскую историю, Федор Васильевич Благовидов, известен нам как автор трудов по истории РПЦ. Один из них, написанный в качестве магистерской диссертации, был посвящен деятельности православного духовенства на уровне духовного образования в годы царствования Александра II и издан в Казани. Другая работа Ф.В. Благовидова, ставшая осно-

вой его докторской диссертации, была посвящена деятельности обер-прокуроров Святейшего синода в XVIII — первой половине XIX вв. Его монография была опубликована в Казани в 1899 г. В ней автор дал оценку синодальному управлению как полноценному и взаимовыгодному союзу между РПЦ и государством. По мнению автора, церковь имела обширные экономические права и социальную поддержку со стороны государства, которое, в свою очередь, испытывало необходимость в идеологической поддержке со стороны церкви. Перу Благовидова, кроме того, принадлежит небольшой этюд из истории высшего образования в России времени царствования императоров Александра и Николая I (Благовидов 1891; 1899; 1902).

Как видим, вслед за авторами-клириками на защиту РПЦ встали профессор и преподаватели духовных академий, которые уже не вступали в полемику со своими оппонентами, но в своих исследованиях давали положительную оценку деятельности церкви, с осторожностью обходя наиболее болезненные моменты ее истории. И наверняка дальнейшее развитие молодой науки по истории церкви продолжило бы свое развитие путем проб и ошибок, находя определенное взаимопонимание с радикальными критиками позиций штатных клириков, но с началом правления Александра III и с назначением на должность обер-прокурора Св. синода Константина Петровича Победоносцева произошли коренные изменения. Он находился на этой должности с 1880 по 1905 гг. Именно этот период, время реакции, озаглавлен приходом к власти на ключевые должности в духовном ведомстве ряда ортодоксальных религиозных деятелей. Были вновь введены цензурные ограничения, и со страниц печатных изданий надолго исчезла любая критика в адрес РПЦ.

Сам Победоносцев в воспоминаниях современников характеризуется как человек начитанный, в молодые годы он слыл прогрессивным деятелем, участвовал в разработке судебной реформы, отсылал свои памфлеты на министра юстиции в Лондон А.И. Герцену. В молодые годы едва не перешагнул черту, разделяющую лагерь либералов и радикалов. Но со временем взгляды его изменились, и он стал олицетворением крайних консервативных взглядов и реакции на любые нововведения. Его считали главным вдохновителем эпохи реакции Александра III, Великим

русским Инквизитором, воплощением государственного нигилизма, который не верил в способность общества и любого человека к добру. При этом он был крупным ученым-юристом, лучшим в России знатоком государственного права. Написанный им по этой теме трехтомный курс многие годы был учебником русских юристов.

По словам Н.А. Бердяева, такой довольно оригинальный, но в то же время всеобъемлющий отзыв о Победоносцеве прозвучал в устах К.Н. Леонтьева: «Он как мороз: препятствует дальнейшему гниению; но расти при нем ничто не будет. Он не только не творец; он даже не реакционер ... мороз; я говорю, сторож; безвоздушная гробница; старая “невинная” девушка и больше ничего» (Цит. по: Рабкина 1991: 38). Реплика исчерпывающая и, самое главное, подтвержденная фактами: критика в адрес РПЦ прекратилось на все время, пока Победоносцев находился на посту обер-прокурора Св. синода. При этом непонятна причина, почему именно в тот же период обозначилась некая «черная дыра» в церковной историографии? За четверть века руководства К.П. Победоносцевым Св. синодом вышедшие из печати серьезные исследовательские работы историков церкви можно буквально перечислить по количеству пальцев на одной руке. И среди них работы самого Победоносцева (Победоносцев 1891 (2006); 1901). В них выражена установка на ортодоксально-консервативную позицию правительства Александра III в отношении православной церкви и ее взаимоотношений с государством.

На фоне угасания серьезных научных исследований по истории РПЦ нельзя обойти вниманием работу Василия Ивановича Семевского, посвященную положению монастырских крестьян (Семевский 1882). Автор ее — профессор, доктор русской истории — принадлежал к крылу историков либерально-народнического направления. Его перу принадлежат работы по социальной истории и истории передовой общественной мысли в России XVIII — первой половины XIX вв., а также труды по истории крестьянства. Исследователям он известен как основатель и редактор журнала «Голос минувшего». В своем исследовании он дал критическую оценку целесообразности труда монастырских крестьян, указав на ряд нарушений их прав со стороны настоятелей монастырей. Работа Семевского получила высокую оценку

профессиональных историков того времени, однако дальнейшее изучение этого вопроса он не продолжил, переключившись на иные волнующие ученого темы.

И хотя время пребывания на посту обер-прокурора К.П. Победоносцева на первый взгляд никак не отразилось на смене ориентиров в общественном сознании в отношении РПЦ, где подавляющее большинство составляли противники опеки над церковью со стороны государственных структур, но после принятия манифеста 17 октября 1905 г. произошли существенные изменения в российском обществе. И тотчас возникла активная критика монастырского уклада и роли монастырей в общественной жизни страны. Начали появляться публикации в либеральных и левых печатных изданиях, носящих главным образом критическую направленность, причем без привлечения научной базы. И дело не столько в научной неосведомленности либеральных авторов, сколько в недоступности для них источниковой базы, куда по распоряжению местных властей допускались лишь исследователи, выражавшие свое лояльное отношение к церкви. Так или иначе, но исследования по интересующей нас теме почти за все первое десятилетие XX в. отсутствуют. Впрочем, был ряд работ, носящих сугубо региональный, а чаще всего краеведческий характер, что будет рассмотрено нами отдельно.

В 1909 г. был созван I Всероссийский съезд монашествующих, после которого оживилась публикация исследований, основанных на реальных фактах деятельности монастырей и оценке этого процесса. Причем авторы по многим вопросам расходились во мнениях, но это уже был пусть незначительный, но шаг вперед. Правда большинство работ начала XX в. базировалась на истории отдельных монастырей и епархий, отсутствовали фундаментальные обобщающие труды, которые бы позволили представить в динамике деятельность православных обителей в ретроспективе нескольких столетий.

После начала работы Государственной думы на одном из совещаний был поднят вопрос о принудительном отчуждении в пользу государства церковных и монастырских земель. Дебаты депутатов попали на страницы печати, и вопрос вновь взбудоражил общество, как и много лет назад. Прибавилось и число сторонников церковной реформы, что объясняется многочисленны-

ми уступками, сделанными правительством по различным общественно-политическим вопросам, а также нехваткой пашенных земель в центральных районах страны. На основе этого думские депутаты и предложили передать монастырские земли в пользование крестьянским хозяйствам.

На этот раз в защиту монастырских наделов и прав церкви на владение землей выступил профессор церковного права Николай Дмитриевич Кузнецов. Фигура Н.Д. Кузнецова и в настоящее время вызывает своей противоречивостью интерес исследователей. В свое время он служил присяжным поверенным при Московской судебной палате, потом занимал должность приват-доцента в Демидовском юридическом лицее, откуда перешел в Московскую духовную академию. При этом он являлся автором многочисленных публикаций в периодической печати, включая либерально настроенную газету «Утро России».

В первые годы советской власти он был членом отдела Высшего церковного управления, являлся активным противником восстановления патриаршества. Не побоявшись угроз со стороны большевиков, стал членом исполнительного бюро Совета объединенных приходов, организации, которая объединила как клириков, так мирян Москвы. Несколько раз подвергался суду, тюремному заключению и ссылке за свои убеждения, хотя, по его собственным словам, принял советскую власть.

В ответ на призыв Думы лишить монастыри их земельной собственности он в 1907 г. опубликовал статью, где, ссылаясь на законодательство Российской империи, доказал необоснованность этих претензий (Кузнецов 1907; Ивановский 1905; Кедров 1886: 43—113; Титлинов 1905: 272—370). При этом он напомнил о неприкосновенности церковных имуществ, как и всех частных или общественных владений, будь то строения или оформленная законным образом земля. В другой своей работе он, основываясь на законодательной базе, сделал глубокий анализ взаимоотношений церкви и государства в период, последовавший после секуляризации, и рассмотрел общественное значение монастырей в жизни России (Кузнецов 1908).

Весьма специфическую тему затронул в одной из своих публикаций врач-диетолог Л.Г. Карчагин — пропагандист трезвого образа жизни, автор исследований по данному вопросу, защи-

тивший диссертацию доктора медицины. Отметив в одной из статей роль российского духовенства в борьбе с пьянством, он, тем не менее, не обошел вниманием отдельные факты злоупотребления спиртными напитками в монастырях. Но в целом его публикации были выдержаны в доброжелательном стиле по отношению к монастырям, духовенству и РПЦ в целом (Карчагин 1906; 1907; 1909; 1912).

В 1909 г., после I Всероссийского съезда монашествующих, отмечается естественный подъем интереса к проблемам монастырей, речь о которых не велась довольно продолжительное время. Но авторы, занимавшие процерковную позицию, были или не готовы к продолжению полемики, или не сочли нужным вступать в нее, но сколько-нибудь ярких и актуальных работ по этой тематике назвать не представляется возможным. Их оппоненты тоже не отличались оригинальностью подхода, и все свелось к демагогическим призывам, с одной стороны, оставить все как есть, с другой — срочно начать реформы монастырей без каких-либо конкретных предложений путей ее осуществления.

И все же следует отметить нескольких новоявленных авторов, пришедших вослед за профессиональными историками церкви, имеющими ученые степени, чьи труды внесены в анналы историографической науки. Но новая плеяда православных литераторов, а никак не ученых-исследователей, могла сложиться на фоне русской литературы Серебряного века, поскольку имеет все признаки названного литературного течения. Но это уже не публицисты с примитивным набором фраз и понятий в защиту церкви и ее устоев. Определение «популяризаторы» к ним тоже не подходит, поскольку этот термин больше подходит авторам, доносящим до читателей основы научных знаний. Это совершенно новая формация, на основе которой в конце XX в. сформировалось направление так называемой «духовной литературы», где были задействованы наравне с клириками и светские авторы. Поэтому мы не вправе обойти молчанием авторов начала XX в.

Среди них следует упомянуть имена С.А. Нилуса, Н. Воскресенского, Е.Н. Погожева, В.П. Быкова, И.С. Абрамова, монахини Тихоны (Цепниной) (Абрамов 1914; Тихона, игуменья 1917).

Произведения Сергея Александровича Нилуса и сегодня можно встретить на полках книжных магазинов и в церковных право-

славных библиотеках. Являясь потомственным дворянином, он закончил юридический факультет Московского университета, служил, но потом, женившись, вышел в отставку и, не принимая сана священнослужителя, подолгу жил в знаменитых на всю Россию монастырях и пустынях. Там он беседовал со старцами и разбирал архивные бумаги. Именно Нилусу принадлежит обнаружение и публикация печально знаменитых «Протоколов сионских мудрецов», которые одни исследователи считают провокационной подделкой, а другие верят в их подлинность (Бурцев 1938). Нас он интересует прежде всего как автор работы, посвященной прошлому православных монастырей и перспективам их развития (Нилус 1909).

Другой автор не менее знаменитый автор — Е.А. Погожев — более известный читателям под псевдонимом Е. Поселянин, оставил после себя богатое наследие в рукописях и печатных изданиях по истории церкви. Он неоднократно обращался к монастырскому быту, жизнеописанию святых и подвижников, к религиозной жизни своих современников (Погожев 1911). В предисловии одной из его книг помещены такие строки: «Трудно определить жанр произведений Поселянина — это и не собственно художественная литература, но и не публицистика, и не проповеднический жанр как таковой... Пафос его творчества — обращение в веру своих соотечественников, которые, называясь православными христианами, в большинстве своем таковыми не являлись». Подобное определение полностью совпадает с высказанной чуть ранее нашей точкой зрения на авторов этой школы.

К ним же можно отнести публикации И.С. Абрамова, основанные на собственных его наблюдениях и посещениях православных обителей (Абрамов 1899: 177—194; 1900: 1—27; 1902). В одной из них автор описывает Крестовоздвиженское трудовое братство (организатор Николай Неплюев) как прообраз будущего христианского единства и предлагает применить практику этих братств в православных монастырях.

Ближе всех к публицистике стоял другой автор духовной литературы Н. Воскресенский (Воскресенский 1909). Но и он, по словам В.П. Быкова, использует литературные приемы, отстаивая преимущество православных обителей на полноправное существование, зато полностью базируется на диалоге с читателя-

ми, облаченном в нравственную лекцию-проповедь (Быков 1913).

Среди перечисленных авторов присутствует и женщина, игуменья монастыря Казанской епархии, получившая в монашестве имя Тихона (Цепнина). Литературоведам она известна как поэтесса, автор духовных стихов, кроме того, как автор публикаций в журнале «Христианин» воспоминаний о встреченных ей в жизни подвижниках, монастырских насельниках, в частности о встречах с иеромонахом Мещовского монастыря Иларием (Тихона (Цепнина) 1916: 201—211; 1917). Отличается своей проникновенностью, обращенной к читателю, и ее статья в защиту монастырского уклада.

Все произведения авторов направления «духовной литературы» сумели найти путь к читателю. Свои приемы они во многом заимствовали в трудах христианских проповедников XVIII в., которые к тому времени были опубликованы и широко знакомы российской православной общественности. И это был очередной шаг вперед в борьбе за право церкви и монастырской братии продолжать свой собственный образ жизни, несмотря на социальные и культурные преобразования в мире накануне грядущих революционных событий.

Наряду с этим продолжалось развитие исторической науки, чему способствовала подготовка студенчества в столичных университетах такими выдающимися историками, как П.Г. Виноградов и В.О. Ключевский. В 1895 г. окончил историко-филологический факультет Московского университета Юрий Владимирович Готье, будущий действительный академик АН СССР. Одно из направлений его исследований — история землевладений в России в X — начале XX вв., что имеет непосредственное отношение к земельной монастырской собственности. В своем труде он досконально изучил эволюцию церковной и монастырской недвижимой собственности (Готье 1915).

Вопросами деятельности РПЦ в целом и монастырей в частности занимались исследователи различных школ социально-экономической и политической истории России. Так, В.О. Ключевский рассмотрел хозяйственную деятельность Соловецкого монастыря (Ключевский 2000: 462—488). А магистерская диссертация «Новгородский дом святой Софии (Опыт организации и

внутренних отношений крупной церковной вотчины)» Б.Д. Грекова (будущего видного советского историка и общественного деятеля), защищенная им в 1914 г. в Петроградском университете, не утратила своей актуальности и в наши дни (Греков 1914; 1960: 40—191).

За все время существования и развития церковной исторической науки накопилось довольно значительное количество публикаций по отдельным регионам России, посвященных истории и деятельности православных монастырей.

Отметим, что в трудах региональных авторов присутствует довольно много фактических ошибок, поскольку большинство авторов не пользовались непосредственно источниками, чаще всего заимствуя сведения из более ранних изданий. Характерной чертой этих работ является отсутствие научного анализа при описании тех или иных фактов и происходящих событий. Однако данные работы зачастую описывают ныне несуществующие монастырские строения или артефакты, имеют свое логическое построение. Важен для нас и взгляд на тему исследователей досоветского периода, не впитавших пока еще в себя идеи государственного атеизма.

По истории монастырей Архангельской и близкой ей Вологодской епархий приведем работы Ф.А. Арсеньева, П.И. Савваитова, Н.И. Суворова, написанные и опубликованные на рубеже XIX—XX вв. (Арсеньев 1889; Савваитов 1848; Суворов 1902). В трудах И. Шестакова, Л.И. Денисова, Е. Тихомирова, вышедших в сборнике общероссийских работ «Православные русские обители», дается краткое описание всех православных монастырей Российской империи. Сообщается год и место закладки обители, количество проживающих в них монахов и послушников, храмов, описаны земли, принадлежащие монастырям. Здесь же впервые сказано о Екатеринбургской и Ирбитской епархии в Пермской губернии (Шестаков 1912; 1914; Денисов 1908; Православные русские обители... 1909; Тихомиров 1886). Здесь также стоит упомянуть имена И.М. Покровского, М. Кудрявцева, В.С. Баранова (Покровский 1913; Кудряцев 1881; Баранов 1907; 1909; 1910).

Такие авторы, как Г. Плотников, А. Кривошеков, А.А. Павловский, В. Иконников, А. Антонов оставили нам описание Далма-

товского Успенского монастыря, а также обителей, находящихся на Урале (Плотников 1906; Кривошеков 1914; Павловский А.А. 1907; Иконников 1875; Антонов 1910; Павловский С. 1904а; 1904б: 423—461; 1905: 305—310).

По истории монастырей Казанской епархии наибольший интерес представляют работы И.М. Покровского, Г. Богословского (Покровский 1902б: 1—80; 1902а: I—XXV; Богословский 1892). Достаточно широк круг исследований по истории отдельных монастырей. Среди них следует отметить таких авторов, как Н. Баженов, Е.М. Лебедев, П.Л. Юдин, П. Азлецкий, епископ Никанор (Каменский), В.К. Борисов, Г. Кунцевич, П.М. Дульский. Большинство их работ публиковалось в «Православном собеседнике», «Казанских епархиальных ведомостях», в Известиях Общества археологии, истории и этнографии, выходящих на базе Казанского университета.

Значительное количество работ посвящено Свияжскому Богородицко-Успенскому монастырю. Они приводятся в основном владыкам Казанской епархии и настоятелям монастыря (Казанский сборник... 1909; Любарский 1868; Знаменский 1894). Собственно истории Свияжского монастыря, его храмов и святынь посвящены дореволюционные статьи и брошюры разного научного достоинства (Вениамин, архимандрит 1898; Викентий, иеромонах 1905; Айналов 1906: 1—38; Дульский 1914; 1915). Но наиболее полно раскрывают монастырскую историю труды протоиерея А.П. Яблокова. Он описывает историю возникновения и строительства монастыря, его просветительскую и миссионерскую деятельность, монастырские вотчины, архитектурные особенности находящихся в нем храмов, приводит тексты направленных в монастырь царских и патриарших грамот (Яблоков 1907б; 1907а). Нельзя обойти молчанием публикации И.М. Покровского, Е.А. Малова, А.И. Боголюбова, А.В. Васильева о влиянии Свияжского монастыря на культурную жизнь Казанского края (Покровский 1905; Малов 1897; Боголюбов 1907; Васильев 1895).

О монастырях, входящих в состав Курской епархии, оставил труды настоятель Рыльского Николаевского монастыря архимандрит Анатолий (Ключарев), которые были опубликованы в «Курских епархиальных ведомостях». Им были исследованы архивы Белгородского, Обоянского, Рыльского, Глинского мужских, а

также Белгородского женского монастырей, которые и легли в основу его работ (Анатолий (Ключарев) 1882; Белгородский 1883; 1884; 1885; Глинская 1886; Волинская 1888—1891).

Историей Ярославской епархии и ее монастырей можно назвать работы наиболее известных авторов — А.А. Титова, А.П. Крылова (Титов 1887; Крылов 1861; 1864).

Таким образом, в российской историографии в дореволюционный период ее развития был накоплен значительный материал как по отдельным епархиальным монастырям, так и по взаимоотношениям церкви и государства в исследуемый период.

Нами проведен анализ историографии вопроса с момента возникновения истории РПЦ как науки вплоть до начала революционных событий 1917 г. При этом хотелось бы выявить причины развития этой исторической отрасли в том направлении, который нами описан.

Обычно осознание неизученного явления в науке или в ином познавательном процессе следует от частного к общему. Но в нашем случае, при анализе историографии исследований, посвященных истории РПЦ, мы имеем дело с обратным процессом: от общего к частному. Первоначально появились труды по истории церкви в России, включающие в себя историю зарождения христианства, крещения Руси и дальнейшие этапы развития православия. И лишь потом, в конце XIX — начале XX в. стали выходить труды частного порядка. Подобный феномен можно объяснить традиционным подходом к истории, существующим на Руси и позже в Московском государстве, и какое-то время в имперской России. Он заключался в том, что большинство русских летописей начинали свое изложение с сотворения мира, а потом уже добивались до факта или явления, которые были описаны более подробно со слов очевидцев или преданий.

Первые авторы трудов по истории РПЦ копировали традиции средневековой Руси до мельчайших подробностей: начинали повествование также с сотворения мира и дальше по привычной схеме. Отступили от данной традиции лишь во второй половине XIX в., взяв пример с классиков отечественной исторической науки. При этом нужно учитывать отсутствие в России какой-либо школы церковной истории, что не могло не сказаться на качестве исследователей.

Весьма способствовали появлению критического подхода к изучаемому предмету великие реформы второй половины XIX в., когда в пылу разгоревшейся полемики рождалась пусть не истина, но взвешенный и критический анализ излагаемых событий и процессов. И, наконец, в тот же период появилось частное, региональное ответвление в церковной истории. Но и авторы этой школы не пошли дальше частных и не смогли выйти за рамки описания отдельных епархий, монастырей и артефактов.

Таким образом, за столетие с небольшим родилась ранее отсутствующая наука по истории РПЦ. Но в трудах дореволюционных авторов не разработана тема, которой посвящено наше исследование. В то же время выявленные нами закономерности развития отечественной истории РПЦ позволяют использовать их как один из векторов исследования, сопоставляя общероссийские достижения в этом направлении с имеющимися в нашем распоряжении документами.

Литература

Абрамов И.С. 1899. Неплюевская школа: (Письмо из Глуховского уезда) // Русское богатство 7 (10). Отд. 2. 177—194.

Абрамов И.С. 1900. Неплюевская школа: (Письмо из Глуховского уезда) // Русское богатство 3. Отд. 2. 1—27.

Абрамов И.С. 1902. В культурном скиту: (Среди неплюевцев). Санкт-Петербург: Тип. СПб. тов-ва печ. и изд-го дела «Труд».

Абрамов И.С. 1914. В культурном скиту. Санкт-Петербург: Книгоизд-во «Жизнь и Знание».

Айвазов И. 1914. Церковные вопросы в царствование императора Александра III. Москва: Печ. А.И. Снегиревой.

Айналов Д.В. 1906. Фресковая роспись храма Успения Богородицы в Свяяжском мужском Богородицком монастыре // Древности: Труды Московского археологического общества. Т. XXI. Вып. I. 1—38.

Анатолий (Ключарев). 1882. Историко-статистическое описание Обоянского Богородицко-Знаменского монастыря // Курские епархиальные ведомости. Отд. неофиц., 20—30.

Антонов А. 1910. Ко дню празднования 100-летия Екатеринбургского Ново-Тихвинского женского монастыря // Екатеринбургские епархиальные ведомости 23, 430—440.

Арсеньев Ф.А. 1889. Ульяновский монастырь у зырян: Троице-Стефановская новообщежительная обитель. Москва: Ульяновск. монастырь [Репринт. изд. Сыктывкар, 1995].

Архиепископ Филарет (Гумилевский). 1847—1848. История Русской Церкви: В 5 ч. Периоды 1—5 (1888—1826). Москва; Рига [Репринт. изд. М., 2001]: б.и.

Баранов В.С. 1907. Кыргомский Крестовоздвиженский общежительный мужской монастырь Екатеринбургской епархии Пермской губернии. Пермь: Электро-типолит. Е.И. Заозерского насл.

Баранов В.С. 1909. Свято-Троицкий собор в городе Верхотурье Пермской губернии (к 200-летию со времени освящения собора). Нижний Новгород: Изд. авт.

Баранов В.С. 1910. Летопись Верхотурского Николаевского мужского общежительного монастыря Екатеринбургской епархии. Нижний Новгород: Типолит. т-ва И.М. Машистова.

Барсов Т.В. 1894. Святейший Синод, его первоначальный состав и последующие в нем изменения: к истории проектов улучшения в нашем церковном управлении // Христианское чтение 5—6, 441—470.

Барсов Т.В. 1897. Синодальные учреждения прежнего времени. Санкт-Петербург: Скоропеч. и лит. И.Ф. Пухира.

Барсов Т.В. 1899. Синодальные учреждения настоящего времени. Санкт-Петербург: Скоропеч. и лит. И.Ф. Пухира.

Белгород и его святыня: Свято-Троицкий собор и монастырь. 1884 // Там же 1, 75—80.

Белгородский Рождество-Богородицкий женский монастырь. 1883 // Курские епархиальные ведомости. Отд. неофиц. 18—24, 50—60.

Беликов П.В. 1875. Отношение государственной власти к церкви и духовенству в царствование Екатерины II // Чтения в обществе Любителей духовного просвещения 7, 52—70.

Благовидов Ф.В. 1891. Деятельность русского духовенства в отношении к народному образованию в царствование Александра II. Казань: Тип. Имп. ун-та.

Благовидов Ф.В. 1899. Обер-прокуроры св. Синода в XVIII и в первой половине XIX столетия. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та.

Благовидов Ф.В. 1902. Этюд из истории высшего образования в России за время царствования императоров Александра и Николая I. Казань: Тип. Имп. ун-та.

Боголюбов А.И., свящ. 1907. Освящение соборного храма во имя Божией матери «Всех скорбящих Радость» в Свяжском Иоанно-Предтеченском женском монастыре. Казань: Типо-лит. Имп. ун-та.

Богословский Г., свящ. 1892. Краткий исторический очерк Казанской епархии с приложением биографических сведений о Казанских архипастырях. Казань: Типо-лит. М.А. Чирковой.

Бурцев В. 1938. Протоколы сионских мудрецов. Доказанный подлог. Париж: Zeluk.

Быков В.П. 1913. Тихие приюты для отдыха страдающей души. Лекции-беседы. М.: Изд. Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря.

Васильев А.В. 1895. К истории землевладения в Свяжском уезде. Казань: Типо-лит. Имп. Казан. ун-та.

Вениамин, архимандрит. 1898. Описание стенной иконописи древнего, строения святым Германом, летнего собора в Св.-Богородицком монастыре Казанской губернии. Казань: Тип. Ун-та.

Верховской П.В. 1916. Учреждение Духовной коллегии и Духовный регламент. Т. 2. Ростов-на-Дону: Скл. изд. у авт. и в кн. маг. т-ва А.С. Суворина «Новое время».

Верховской П.В. 1909. Населенные недвижимые имущества Синода, архиерейских домов и монастырей при ближайших преемниках Петра Великого. СПб.: Тип. Уч-ща глухонемых.

Верховской П.В. 1912. Очерки по истории Русской Церкви в XVIII и XIX ст. Вып. 1. Варшава: Тип. Варш. учеб. окр.

Викентий, иеромонах. 1905. Свяжский Богородицкий Успенский монастырь Казанской епархии. Казань: Центр. тип.

Волынская пустынь Рыльского Николаевского монастыря. 1888—1891 // Курские епархиальные ведомости: Приложение, 50—75.

Воскресенский Н. 1909. Канцелярско-бюрократический поход против православия, предпринятый под видом борьбы с монастырскими подворьями. Санкт-Петербург: б.и.

Глинская Рождество-Богородицкая пустынь. 1886 // Курские епархиальные ведомости: Приложение, 84.

Голубинский Е.Е. 1880—1911. История Русской Церкви. Т. 2. Москва: Тип. Лисснера и Романа.

Горчаков М. 1871. О земельных владениях всероссийских митрополитов, патриархов и Синода (988—1738). Санкт-Петербург: Тип. А. Траншеля.

Готье Ю.В. 1915. Очерк истории землевладения в России. Сергиев Посад: Гос. публ. ист. б-ка России.

Греков Б.Д. 1914. Новгородский дом Св. Софии 1. Санкт-Петербург: Тип. Александрова.

Греков Б.Д. 1960. Очерки по истории хозяйства Новгородского Софийского дома XVI—XVII вв. // Греков Б.Д. Избранные труды 3. Москва, 40—191.

Григорович Н. 1866. Обзор учреждения в России архиерейских православных кафедр и способов содержания их со времени введения штатов по духовному ведомству (1764—1866 гг.). Санкт-Петербург: Синод. тип.

Григорович Н. 1867. Обзор общих законоположений о содержании православного духовенства в России со времени введения штатов по духовному ведомству (1764—1863 гг.). Санкт-Петербург: Синод. тип.

Денисов Л.И. 1908. Православные монастыри Российской империи: полный список всех 1105 ныне существующих в 75 губерниях и областях России (и 2 иностранных государствах) мужских и женских монастырей, архиерейских домов и женских общин. Москва: Издание А.Д. Ступина.

Денисов Л.И. 1909. Православные русские обители. Прил. к журн. «Русский паломник». Санкт-Петербург: Изд-во А.Д. Ступина.

Доброклонский А.П. 1893. Руководство по истории Русской Церкви (1884—1886 гг.). Москва: Изд-во Крутицкого подворья.

Дульский П.М. 1914. Памятники Казанской старины: Очерк. Казань: Изд. С.В. Соломина.

Дульский П.М. 1915. Экскурсия в Ивано-город Свяжский // Экскурсионный вестник 1, 5—10.

Думитрашко Н. 1862. Духовенство в России // Духовная беседа. Т. 15. № 2—5. 15—20.

Думитрашко Н. 1865. О способах содержания русского духовенства в XVII и XVIII столетиях // Православный собеседник 1, 149—188.

Думитрашко Н. 1900. Материальное обеспечение духовенства в прошлом веке. Киев: б.и.

Жаринов Д.А. 1911. Крестьяне церковных вотчин // Великая реформа 1, 18—20.

Завьялов А.А. 1876. Опыт исследования об имуществах и доходах наших монастырей. Санкт-Петербург: б.и.

Завьялов А.А. 1900. Вопрос о церковных имениях при императрице Екатерине II. Санкт-Петербург: Тип. А.П. Лопухина.

Зверинский В.В. 1890—1897. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи: В 3 т. Санкт-Петербург: Тип. В. Безобразова и К°.

Знаменский И.В. 1880. Положение духовенства в царствование Екатерины II и Павла I. М.: Тип. М.Н. Лаврова и К°.

Знаменский П.В. 1865. О способах содержания русского духовенства в XVII и XVIII столетиях // Православный собеседник 1, 145—168.

Знаменский П.В. 1872. Приходское духовенство в России со времени реформы Петра. Казань: Тип. Имп. ун-та, 766.

Знаменский П.В. 1873. Приходское духовенство со времени реформы Петра Великого. Казань: Тип. Имп. ун-та.

Знаменский П.В. 1875. Чтения из истории Русской Церкви за время царствования Екатерины II // Православный собеседник 2—4, 9.

Знаменский П.В. 1878. Основные начала духовно-учебной реформы в царствование императора Александра I. Казань: Тип. Имп. ун-та.

Знаменский П.В. 1881. Духовные школы в России до реформы 1808 года. Казань: Тип. Имп. ун-та.

Знаменский П.В. 1885. Чтения из истории Русской Церкви за время царствования императора Александра I. Казань: Тип. Имп. ун-та.

Знаменский П.В. 1891—1892. История Казанской духовной академии за первый (дореформенный) период ее существования (1842—1870). Т. 3. Казань: Тип. Имп. ун-та.

Знаменский П.В. 1894. Житие св. Германа. Казань: Тип. Имп. ун-та.

Знаменский П.В. 1909. Богословская полемика 60-х годов: Об отношении православия к современной жизни. Казань: Тип. Имп. ун-та.

Знаменский П.В. 2000. История Русской Церкви. М.: Тип. Имп. ун-та. (Первое издание вышло в 1870 г. затем в 1876, 1880, 1888, 1896, 1904, 1996, 2000 гг.).

Ивановский В. 1905. Русское законодательство XVIII и XIX вв. в своих постановлениях относительно монашествующих лиц и монастырей. (Опыт историко-канонического исследования). Харьков: Тип. Губ. Правления.

Игнатий (Мальшев). 1874. Слово в защиту русских монастырей. Санкт-Петербург: Тип. И.И. Глазунова.

Иконников В. 1875. Историческое описание Екатеринбургского Ново-Тихвинского первоклассного девичьего монастыря. Санкт-Петербург: Типо-лит. Д.А. Лифшицга.

Иосиф (Баженов). 1872. Монастырский вопрос. Санкт-Петербург: Тип. дух. журн. «Странник».

К истории монастырей упраздненного Белгородского Николаевского и существующего до ныне Обоянского Знаменского. 1885 // Там же 5, 15—20.

Казанский сборник статей архиепископа Никанора (Каменского). 1909. Казань: Церков. ист.-археол. о-во.

Карташев А.В. 1903. Краткий историко-критический очерк систематической обработки русской церковной истории // Христианское чтение I, 48—75.

Карчагин Л.Г. 1906. Употребление спиртных напитков — ужасное зло для России... Санкт-Петербург: б.и.

Карчагин Л.Г. 1907. Активная борьба с алкоголизмом. Роль духовенства в этой борьбе. Санкт-Петербург: б.и.

Карчагин Л.Г. 1909. Искреннее желание полного отрезвления монастырей. Меры для этого. Санкт-Петербург: б.и.

Карчагин Л.Г. 1912. Спиртные напитки и праздники на Руси. Санкт-Петербург: б.и.

Кедров Н.И. 1886. Духовный Регламент в связи с преобразовательною деятельностью Петра Великого. М.: Университетская тип.

Кильчевский В. 1908. Богатства и доходы духовенства. Санкт-Петербург: Тип. «Работник».

Ключевский В.О. 2000. Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае // Православие в России, 462—488.

Кондаков Ю.Е. 2003. Государство и православная церковь в России: эволюция отношений в первой половине XIX века. Санкт-Петербург: Рос. нац. б-ка.

Кривошеков А. 1914. Далматовский монастырь как оплот русского владычества и православия в Исетском крае и его достопримечательности // Вестник Оренбургского учебного округа 6, 7. Уфа, 56—98.

Крылов А.П. 1861. Историко-статистический обзор Ростово-Ярославской епархии. Ярославль: Издание Яросл. Епархиального попечительства о бедных духовного звания.

Крылов А.П. 1864. Иерархи Ростово-Ярославской паствы в преемственном порядке с 992 г. до настоящего времени. Ярославль: Издание Яросл. Епархиального попечительства о бедных духовного звания.

Кудрявцев М. 1881. История православного монашества в Северо-Восточной России со времен преподобного Сергия Радонежского. М.: Тип. Лаврова и К°.

Кузнецов Н.Д. 1907. К вопросу о церковном имуществе и отношении государства к церковным недвижимым имениям в России. Сергиев Посад: Тип. Св.-Троиц. Сергиевой лавры.

Кузнецов Н.Д. 1908. Общественное значение монастырей. Вышний Волочек: Религиозно-филос. б-ка.

Лавров А.П. 1875. Очерк истории Русской Церкви. Ярославль: Тип. Деп. уделов.

Лебедев А.А. 1898. Церковная историография в главных ее представителях с IV-го века по XX. Москва: б.и.

Леонид (Кавелин), епископ. 1876. Критический обзор сведений о Свято-Троицкой Сергиевой Лавре, сообщаемых в книге «Опыт исследования об имуществе и доходах наших монастырей». Москва: б.и.

Макарий (Булгаков), митрополит. 1864—1886. История Русской Церкви: В 12 т. Санкт-Петербург: Типография Р. Голике. [Репринт. изд. Москва, 1994—1998].

Малов Е. 1897. Свяжская Подгорная Макарьевская пустынь. Казань: б.и.

Милютин В.О. 1862. О недвижимых имуществах духовенства в России. Санкт-Петербург: Унив. тип.

Муравьев А.Н. 1838. История русской церкви. Санкт-Петербург: Типография III Отд. Соб. Е.И.В. Канцелярии.

Наши монастыри. 1878 // Беседа X, 48—56.

Никольский Н.М. 1990. История русской церкви. Минск: Беларусь.

Нилус С.А. 1909. Для чего и кому нужны православные монастыри? Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева лавра.

Павловский А.А. 1907. Далматовский Успенский монастырь // Всеобщий иллюстрированный путеводитель по монастырям и святым местам Российской империи. Нижний Новгород, 45—56.

Павловский С. 1904а. Казанско-Богородицкий женский общежительный монастырь в Каслинском заводе Екатеринбургской епархии. Екатеринбург: б.и.

Павловский С. 1904б. Святой праведный Симеон Верхотурский чудотворец, его жизнь и чудеса с 1896 г. по настоящее время (к 200-летию перенесения мощей) // Екатеринбургские епархиальные ведомости 17, 423—461.

Павловский С. 1905. Нижне-Тагильский Скорбященский женский монастырь Екатеринбургской епархии // Екатеринбургские епархиальные ведомости 10, 305—310.

Папков А.А. 1902а. Начало возрождения церковно-приходской жизни в эпоху царя-освободителя, 1855—1870. Санкт-Петербург: Тип. А.П. Лопухина.

Папков А.А. 1902б. Церковно-общественные вопросы в эпоху царя-освободителя, 1855—1870. Санкт-Петербург: Тип. А.П. Лопухина.

Пимен (Благово). 1869. О значении монашества в истории России. Санкт-Петербург: Тип. А. Траншеля.

Пимен (Благово). 1876. В защиту монашества. Санкт-Петербург: Тип. А. Траншеля.

Пимен (Мясников), архимандрит. 1876. В защиту монашества. Опыт ответа на книгу «Опыт исследования об имуществе и доходах наших монастырей». Санкт-Петербург: Тип. А. Траншеля.

Платон (Левшин). 1805. Краткая церковная российская история. Москва: Синод. тип.

Платон Любарский. 1868. Сборник древностей Казанской епархии и других приснопамятных обстоятельств. Казань: Унив. тип.

Плотников Г. 1906. Описание мужского Далматовского Успенского монастыря. Екатеринбург: Тип. газ. «Урал».

Победоносцев К.П. 1901. Болезни нашего времени. Московский сборник. Издание К.П. Победоносцева, 5-е, доп. М: Синодальная типография.

Победоносцев К.П. 2006. История Православной Церкви до начала разделения Церквей. [Репринтное изд. 1891]. Санкт-Петербург: Типография «Наука».

Погожев Е.А. 1911. Письма о монашестве. Санкт-Петербург: Синодальная типография.

Покровский И.М. 1897. Русские епархии в XVI—XIX вв., их открытие, состав и пределы 1. Казань: Центр. тип.

Покровский И.М. 1902а. К истории Казанских монастырей до 1764 г. // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те (далее: Известия Общества археологии...). Т. XVIII. Вып. 1—3. Казань, 1—80.

Покровский И.М. 1902б. Описание 29 мужских и 12 женских монастырей // Известия Общества археологии, истории и этнографии при Казанском ун-те. Т. XVIII. Вып. 1—3. Казань, 1—25.

Покровский И.М. 1905. Свяжский второклассный Иоанно-Предтеченский женский монастырь и его святыни: Краткий исторический очерк. Казань: Центр. тип.

Покровский И.М. 1906. Казанский архиерейский дом, его средства и штаты, преимущественно до 1764 г. Церковно-археологические, исторические и экономические исследования. Казань: Центр. тип.

Покровский И.М. 1913. Русские епархии в XVI—XIX вв., их открытие, состав и пределы. Опыт церковно-исторического и географического исследования. Казань: Центр. тип.

Покровский Н.М. 1876. Вопрос о наших монастырях // Православное обозрение 3, 10—20.

Православные русские обители. Полное иллюстрированное описание всех православных монастырей в Российской империи и на Афоне. 1909. Санкт-Петербург: П.П. Сойкин.

Преображенский И. 1883. Штаты монастырей и монашествующих и способы содержания монастырей // Странник 2, 609—623; Странник 3, 77—92.

Преображенский И. 1897. Отечественная Церковь по статистическим данным с 1840—41 по 1890—91 гг. Санкт-Петербург: б.и., 233—234.

Пушкарев Г.С. 1974. Историография русской церкви // Записки русской академической группы в США VIII, 15—20.

Пыпин А.Н. 1916. Религиозные движения при Александре I. Петроград: Огни.

Рабкина Н.А. 1991. «Византизм» Константина Леонтьева // История СССР 6, 38.

Розанов Н.П. 1869—1871. История Московского епархиального управления со времени учреждения св. Синода (1721—1821 гг.). М.: Тип. «Рус. Ведомости». Ч. I—V.

Ростиславов Д.И. 1876. Опыт исследования об имуществе и доходах наших монастырей. Санкт-Петербург: Тип. Мор. м-ва.

Рункевич С.Г. 1900. История Русской Церкви под управлением Святейшего Синода: Учреждение и первоначальное устройство Святейшего Правительствующего Синода (1721—1725). Санкт-Петербург: Тип. А.П. Лопухина.

Рункевич С.Г. 1901. Русская Церковь в XIX в. Санкт-Петербург: Тип. А.П. Лопухина.

Савваитов П.И. 1848. Описание Великоустюжского Архангельского и Троицкого Введенского монастырей. Санкт-Петербург: Тип. кн. маг. П. Крашенинникова и К^о.

Семевский В.И. 1882. Крестьяне вотчин духовенства во второй половине XVIII века // Русская мысль, сентябрь, октябрь, 56—89.

Соловьев С.М. 1851—1879. История России: В 29 т. Москва: Университетская тип.

Строев П.М. 1877. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. Санкт-Петербург: Тип. В.С. Балашева.

Суворов Н.И. 1902. Описание Вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. Вологда: Типография Вологодского губернского правления.

Таисия, игуменья. 1992. Русское православное женское монашество XVIII—XX вв. М.: Издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры.

Титлинов Б.В. 1905. Правительство императрицы Анны Иоанновны в его отношениях к делам православной церкви. Вильна: «Русский Почин».

Титов А.А. 1887. Столетие Ярославской архиерейской кафедры и первый Ярославский архиепископ Арсений. Москва: Тип. бр. Вернер.

Титов А.А. 1909. К истории секуляризации церковных вотчин. Доклад, читанный в заседании ГУ Костромского Областного Археологического съезда 22 июня 1909. Москва: Печ. А.Снегиревой.

Титов Ф.И. 1901. Император Александр III и Православная Церковь в его время. Киев: Тип. И.И. Горбунова.

Тихомиров Е. 1886. Русский паломник. Святые места, чтимые православным русским народом. Москва: ИППО.

Тихона (Цепнина). 1916. Отец Иларий: (Из записок игуменьи Тихоны) // Христианин 2, 201—211.

Тихона (Цепнина). 1917. Нужны ли монастыри (Скромный голос наболевшего сердца монахини). Казань: Типо-лит. Казан. ун-та.

Филарет. 1816. Начертание церковно-библейской истории, в пользу юношества. Санкт-Петербург: В типографии Иос. Иоаннесова.

Церковь в истории России (IX в. — 1917). Критический очерк. 1967 / Смирнов Н.А. (ред.). Москва: Наука.

Чудецкий П.И. 1877. Опыт исследования о числе монастырей русских, закрытых в XVIII и XIX веках. Киев: Тип. В. Давиденко.

Шестаков И. 1912. Древние монастыри Пермского края. Санкт-Петербург: Типолитогр. И.Я. Земцова.

Шестаков И. 1914. Начало Екатеринбургской епархии с портретами архиепископа Неофита, епископа Нафаила и протоиерея С. Луканина. Санкт-Петербург: Типолитогр. И.Я. Земцова.

Щербатов М.М. 2001. О повреждении нравов в России. Москва: Мысль.

Щербатов М.М. 1794—1805. История Российская от древнейших времен: В 7 т. Санкт-Петербург: Императорская Академия наук.

Яблоков А., протоиерей. 1907а. Город Свяяжск Казанской губернии и его святыни. Казань: Типо-литография императорского университета.

Яблоков А., протоиерей. 1907б. Первоклассный мужской Успенско-Богородицкий монастырь в городе Свяяжске, Казанской губернии. Казань: Типо-литография императорского университета.

Глава 3

ГОРОДА ЗАУРАЛЬЯ КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XX ВЕКА В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Любой город многогранен. Поэтому при его изучении историки вынужденно редуцируют многие, казалось бы малозначимые, аспекты социальной жизни. Особенно часто это происходит с провинциальными городами, которые оказываются как на территориальной периферии, так и на периферии исследовательского интереса. Все это налагает отпечаток и на историографию провинциальных городов, которая долгое время отличалась фрагментарностью. Может быть, в наибольшей мере эта тенденция отобразилась на изучении городов Зауралья (в данном разделе анализируется советская историография Верхотурья, Туринска, Ирбита, Камышлова, Долматова, Шадринска и Кургана). Они были расположены в периферийной полосе административных образований и дополнительно находились в зоне соприкосновения крупнейших территориальных массивов Урала, Сибири и Казахстана. Неудивительно, что долгое время эти небольшие города были обделены интересом историков.

Целью настоящего раздела является анализ советской историографии о городах Зауралья за период их существования с конца XVIII до начала XX вв. Исследуется специфика освещения в научных трудах исторического прошлого данных населенных пунктов. Даже небольшой город не может существовать изолированно, он вступает в сложные взаимоотношения со своими соседями. Данное обстоятельство, в ряде случаев, потребовало расширения числа анализируемых исторических трудов. Дополнительному историографическому рассмотрению подвергнут комплекс исторических работ, в которых имеется информация о социальных процессах на обширных территориях, где были задействованы города и горожане Зауралья.

Историография советского периода восприняла и усилила многие положения дореволюционной исторической науки, опираясь на новую методологическую базу — марксизм. В научных работах наступило господство идеологических схем. Ограничение принципов исследований единой теоретической основой,

трансформированной под условия российской действительности, сыграло свою отрицательную роль. Прежние исторические концепции и стереотипы не исчезли, но были вынуждены мимикрировать, сохраняясь под навязанной им новой оболочкой.

Вульгаризация и односторонность особенно остро обнаружились в первые десятилетия советской власти. События прошлого иллюстрировали изначально заданные выводы. Применительно к городам Зауралья одной из первых работ такого рода стала книга А.А. Савича (Савич 1925). Скептическое отношение к провинциальным реалиям, которое присутствовало у интеллигенции и ранее, одновременно перевоплощалось в позитивные усилия по развитию краеведения в 20-е гг. И официальные власти, и энтузиасты-краеведы надеялись на быстрое положительное изменение местных провинциальных условий. В исторических трудах должны были быть раскрыты негативные моменты прошлого и показаны ресурсы конкретного края.

Примерами данного подхода стали работы «Природа и население Шадринского округа» (Бирюков 1930) и «Из истории фарфоро-фаянсового дела в Приисетье» (Бирюков 1926), принадлежащие перу краеведа В.П. Бирюкова. Их отличает удачное соединение знаний прошлого, почерпнутых из дореволюционной литературы и сведений, которые сохранились в народной памяти. Для изучения зауральских городов также интересны его фольклорные сборники, где раскрывается народная оценка исторических событий, действий различных социальных групп и даже конкретных личностей из городской среды (Бирюков 1953). С началом форсированной сталинской модернизации фактически последовало запрещение краеведения, что прервало процесс накопления исторических знаний «снизу». Историческая урбанистика оказалась ограничена рамками профессиональной науки. Для исследования небольших, «мещанских» городов это имело особо тяжелые последствия. Была прервана исследовательская деятельность В.П. Бирюкова и его сподвижников. В последующее время научные работы по городоведческой тематике отличались преобладанием негативных оценок о прошлом, нередкой подменой исторической истины идеологическими потребностями.

Произошедшее в ходе Великой Отечественной войны осознание идеи государственности, хотя и приобрело негативные фор-

мы, но содействовало оживлению исторических исследований по местной тематике. Назовем первые публикации, имеющие отношение к истории Зауралья. Это статья М. Шагинян «Ушковская плотина», посвященная деятельности одного из видных предпринимателей городов Шадринска и Нижнего Тагила (Шагинян 1945), и сборник документов «Урал в Отечественной войне 1812 года» (Данилевский 1945).

Потребность в изучении обширных территорий за Уральским хребтом и необходимость понимания специфики отдельных местностей способствовали появлению работ историко-географического характера. Книги Р.М. Кабо «Города Западной Сибири» (Кабо 1949) и Л.Е. Иофа «Города Урала» (Иофа 1951) считаются классическими образцами в уральском и сибирском городоведении. Для понимания прошлого Зауралья «Города Урала» представляют особый интерес. Книгу отличает «стремление характеризовать каждый город в индивидуальных чертах и особенностях», что гармонично сочеталось с экономико-географическим подходом, когда «в жизни каждого населенного пункта, особенно города, можно и нужно видеть отражение жизни всего государства» (Иофа 1951: 3—4).

Тщательный анализ эволюционного развития и функций поселений позволил ученому рассмотреть города Урала как целостную систему в исторической динамике почти за четыре столетия. Благодаря этому были открыты механизмы взаимодействия этой системы. Работа Л.Е. Иофа отличается добротностью выводов. Рассуждения автора не «тонут» в море статистических данных. В частности, в исследовании до минимума сведен цифровой материал о численности городских жителей. Несмотря на то, что книга была создана на основе опубликованных работ, ее научная значимость сохраняется и поныне. В то же время книга не лишена недостатков. В историографии достаточно рано появились критические замечания об отдельных выводах его работы.

Концепция Иофа, верная для Урала в целом, нуждается в детализации и ряде уточнений при анализе его восточной части. В чем суть рассуждений отечественного ученого? Города, по мнению Л.Е. Иофа, «плотным полукольцом охватывали Уральский хребет с юга, востока и запада, не заходя, однако, на него». Ученый считал, что «все они, в большей или меньшей мере, держали

в своем подчинении (в административном смысле) внутренние части Урала, т.е. горнозаводской Урал». Условность этой схемы осознавалась и самим автором, определившим восточную границу системы уральских городов по линии ярмарочных центров Ирбита, Троицка, Орска. В то же время исследователь подчеркивал, что «некоторые стороны, характерные для уральских городов, мы найдем и восточнее указанной границы, так, например, Тюмень была важным завершающим звеном в транспортно-перевалочной системе Урала и ее справедливо относят к Сибири» (Иофа 1951: 14—15).

Ошибочность границы, проведенной Л.Е. Иофа, очевидна. Ярмарочные центры как результаты хозяйственной деятельности не сводимы до положения пограничных окраин. Разумеется, при определенных обстоятельствах (морское побережье, значительная разница в уровне экономического развития, границы государства) единая ткань хозяйственных связей может быть разъединена, но все это не относится к изучаемому региону. Разделительная линия, установленная Л.Е. Иофа, таким образом, режет «по живому». Но самое главное, зауральским городам не были свойственны административные функции относительно горных заводов.

Большое значение для понимания региональных, а следовательно, и горообразованиевых, процессов имели труды В.И. Шункова, начавшие выходить со второй половины 40-х гг. (Шунков 1946; 1956; 1974). Приведенное им экономико-географическое районирование, в том числе выделение Верхотурско-Тобольского земледельческого района, заложило базу для последующих работ по истории Зауралья. Важно и то, что В.И. Шунков не связывал возникновение и географическое размещение городов непосредственно с хозяйственным положением, считая, что для этого были и иные причины.

Либерализация политического режима с середины 50-х гг. создала возможности для возрождения региональных исторических исследований. С конца 50-х гг. начинается издание популярных брошюр, посвященных отдельным городам Зауралья. В этих очерковых работах лишь отчасти освещалась научная проблематика. В них, даже по вводимым источникам, отсутствовал справочный аппарат, доминировало упрощенное изложение уже из-

вестных сведений и идеологическая перегруженность. Сказанное в полной мере относится к изданиям об Ирбите (Бойко, Герштейн 1959; Герштейн, Смирных 1981), Туринске (Шориков 1949; Новоселов, Смирных 1990) и Камышлове (Кошкин, Шувалов 1961). Не избежали этих недостатков и работы о Верхотурье и Шадринске (Мокеев 1975; 1986).

Однако к обзорным публикациям о перечисленных городах неприемлема только негативная оценка. Их появление свидетельствовало о постепенных изменениях в историческом сознании. Отрицание привычной обыденности, сосредоточенной в малых городах, постепенно вытеснялось местным патриотизмом, утрачивающим однозначный идеологический ригоризм. Для провинции, с ее комплексами неполноценности, оказалась значимой сама причастность к событиям общероссийского масштаба. Поэтому даже временное нахождение здесь известных лиц или политических деятелей, вне зависимости от их позиции, становилось существенным обстоятельством для самоидентификации городского социума.

В полной мере это относится к работам о Кургане, единственном из зауральских городов, получившим в 1943 г. статус областного центра. Краеведческие традиции, сохраненные в Курганской области, наличие здесь двух пединститутов благоприятствовали появлению исторических книг. Важным событием для местной научной жизни стал выход «Ученых записок» Курганского пединститута, посвященных 300-летию основания Кургана и Шадринска. Статьи А.А. Кондрашенкова (Кондрашенков 1962а; 1962б; 1962в) и Н.А. Лапина из этого сборника (Лапин 1962а; 1962б) систематизировали, хотя и не в полной мере, данные о начальном периоде городской истории. Последующее издание «Очерков истории Курганской области» (Глебов 1968) принципиально новых моментов в историографию проблемы не внесло. Разделы по истории городов отличались схематизмом и беглостью изложения. К числу положительных моментов можно отнести сопоставление жизни городов и окружающей сельской местности. Отмеченные слабые стороны книги очерков курганских историков были во многом типичными и для более солидных исторических работ.

Отсутствие комплексных работ о городах Зауралья отчасти возмещалось «отраслевым подходом». Преобладала ориентация на изучение масштабных явлений, которые могли быть конкретизированы в городской жизни. В большинстве научных трудов освещались не специфика исторического прошлого того или иного города, а воссоздавалась картина протекания определенных процессов в масштабе страны. Прогресс в данных исследованиях был несомненен. Соответственно, решение поставленных вопросов претендовало на высокую научную значимость. Применительно к небольшим городам историографическая оценка обобщающих трудов часто оказывается двоякой. С одной стороны, города действительно были связаны с ходом общероссийских изменений, с другой — местная проблематика «подавалась» лишь в самых общих чертах, отрывочно. Наполнение исследований конкретными фактами было явно недостаточным. В первую очередь это относится к изучению развития рыночных отношений. Движение научной мысли здесь шло «сверху вниз» — фундаментальные работы дополнялись публикациями меньшего объема, в которых и выявлялась территориальная специфика. Еще один вектор исследований задавался идеологическими мотивами — долгое время приоритетное внимание уделялось положению эксплуатируемого населения и классовой борьбе в ущерб другим направлениям.

Значимым обстоятельством, которое повышало ценность исследовательских работ о Зауралье, оказалось их нахождение в общем контексте исторических изысканий, посвященных освоению районов восточнее Урала. Мимо внимания исследователей не прошли миграции населения к югу и формирование Южного Зауралья (Устюгов 1961; Кондрашенков 1966—1969; Преображенский 1972; Колесников 1973; Тарасов 1984). В результате оно оказалось изучено значительно полнее, чем Северное и отчасти Среднее Зауралье. К сожалению, на сегодняшний день среди ученых по-прежнему отсутствует единство взглядов на критерии определения границ Зауралья. Это вызвано как разницей в методологических подходах, так и попытками выделения территории отдельных частей (например, Южного Зауралья) без осознания специфики района в целом.

Закономерно, что работа крупнейшего отечественного историка Н.М. Дружинина (Дружинин 1946—1958) о социально-экономическом положении крестьян в период проведения реформы П.Д. Киселева выходит на проблемы формирования рынка, который порождался развитием производительных сил в сельском хозяйстве. Фактически здесь впервые в отечественной историографии проведен комплексный анализ хозяйственной деятельности в Зауралье в николаевскую эпоху, что позволило понять многие стороны экономической и социальной жизни того времени и их влияние на эволюцию городов.

Работа Н.М. Дружинина стимулировала появление дальнейших исследований. После публикации первого тома увидела свет уже упомянутая книга Л.Е. Иофа. Одновременно со вторым томом вышла работа «Городское гражданство дореформенной России» П.Г. Рындзюнского. Подвергнув критике положения Л.Е. Иофа, П.Г. Рындзюнский обосновал разницу в развитии городов и горнозаводских центров (Рындзюнский 1958: 30—33). Фактически данное положение создавало теоретические предпосылки для выделения Зауралья как особого экономико-географического района.

Конец 50-х — начало 60-х гг. относительно Зауралья оказались временем перехода историков к изучению торгово-экономического положения на местном уровне. Вышедшие в этот период работы В.К. Яцунского (Яцунский 1958; 1973), М.К. Рожковой (Рожкова 1959; 1963), П.Г. Рындзюнского (Рындзюнский 1959) и Н. Г. Аполловой (Аполлова 1960) бегло касаются и проблем торговой деятельности в Зауралье. Зарождение капиталистических отношений способствовало укреплению рыночных связей между городом и деревней. Это положение также освещено у многих авторов. Некоторые из них — О.Н. Вилков (Вилков 1967; 1990), А.А. Кондащенко (Кондащенко 1966—1969), Л.М. Русакова (Русакова 1976), В.В. Пундани (Пундани 1984) и др. — рассматривали протекание этих процессов на территории Зауралья.

В книге «Западная Сибирь» М.М. Громыко (Громыко 1965) верхней границей исследования является конец XVIII в. В работе рассмотрены состав населения и виды его деятельности. Освещены Верхотурье, Ирбит и местности Южного Зауралья. Тематика

работы позволяет понять особенности развития рынка. Связи предпринимателей и наемных работников из городов Зауралья с горными заводами анализировали В.Я. Кривоногов (Кривоногов 1964) и В.А. Чудновских (Чудновских 1975). В статье Ф.С. Горюхова (Горюхов 1964), напротив, наблюдаются негорнозаводская промышленность и торговые связи в Пермской губернии накануне отмены крепостного права. Работа С.И. Сметанина (Сметанин 1978), также пишущего о Пермской губернии, посвящена сословным отношениям в городах с попутным рассмотрением торговли. Определенная нерасчлененность характерна и для работ Г.В. Ярового (Яровой 1975а; 1975б) и Е.И. Терещенко (Терещенко 1974; 1991): переплетенные торговля и неземледельческие занятия зачастую выступают у исследователей общим объектом изучения.

Ряд исследователей изучали частные проблемы формирования рыночных отношений. Интересные сведения об Ирбитской ярмарке приводятся в небольших по объему статьях В.А. Александрова (Александров 1974) и Б.А. Сутырина (Сутырин 1975). Объемная статья Г.В. Ярового (Яровой 1975) о рынке и товарном обращении достаточно информативна, но имеет фактические погрешности при анализе Ирбитской ярмарки (Ершов 2011). В целом Ирбитская ярмарка была освещена много лучше иных рыночных региональных структур. На рубеже конца 80-х гг. выходят работы, авторы которых стремились обобщить ранее накопленный материал. Таковы книга Д.Я. Резуна и О.Н. Бесединой (Резун, Беседина 1987), публикации В.П. Шпалтакова (Шпалтаков 1990) и Н.Ф. Емельянова (Емельянов 1990). Во многом их исследовательский интерес подогревался проблемами изучения торговых связей Сибири с Европейской Россией (Пронин 1989). Данные работы расширили исторические знания, но рыночные структуры конкретных городов, их индивидуальные особенности получили лишь схематическое раскрытие.

В определенной мере эти лакуны компенсировались значительными архивными разысканиями советских исследователей. Ими было потрачено немало усилий на обоснование генезиса и последующей эволюции капиталистических отношений. Разнообразие смыслов, которые вкладывали ученые в теоретические концепты «феодализм», «капитализм», «рабочий класс», «бур-

жуазия», требовало подтверждения эмпирическим материалом. В ряде работ по региональной истории Урала и Сибири присутствует отрывочная информация о городах Зауралья. К их числу допустимо отнести труды В.В. Прусса (Прусс 1962), Г.Х. Рабиновича (Рабинович 1975б), В.В. Пундани (Пундани 1884). Однако классические фундаментальные работы о крестьянстве и рабочем классе Сибири, которые подводили итоги длительного периода исследований — вплоть до начала 80-х гг. (Гущин 1982; Окладников 1982), такими сведениями бедны.

Распространение области исследований на малоизученные территории, равно как и применение новых методик, способствовали дальнейшему оживлению интереса к торговым операциям. Внутри- и внерегиональные связи, прохождение ярмарочных цепей и кругов на территории Урала рассматривались в книге Б.Н. Миронова «Внутренний рынок России во второй половине XVIII — первой половине XIX в.» (Миронов 1981). Новизна работы заключается в системном методологически обоснованном анализе ярмарок, их величины и функций. Исследовались также стационарная и другие виды торговли. Благодаря этому обменные операции на местах перестали быть обезличенными, выявилась их специфика. Применительно к Зауралью ценность книги во многом снижается из-за того, что исследователь зафиксировал только меньшую часть его рыночных связей. Здесь сказалось негативное воздействие привычного экономико-географического районирования, некритически воспринятое автором.

Данными работами историография проблемы не исчерпывается. Она дополняется историческими трудами об отдельных отраслях производства. Местные традиции здесь были заложены еще А.Н. Зыряновым и В.П. Бирюковым, но исследователи последующего времени стремились разрабатывать иные, причем не обязательно исторические темы. Отчасти это было связано с конъюнктурными соображениями. Как известно, властные структуры негативно оценивали изучение проблем соотношения мануфактурного производства и фабрично-заводской промышленности на территории пореформенного Урала и прилегающих к нему местностей. Разгром в 1970-х гг. «нового исторического направления» привел к сужению проблематики исследований и их переносу в смежные сферы.

Так, например, ремесленное производство Туринска привлекло внимание историков культуры А.Н. Копылова (Копылов 1968; 1974), Н.Г. Велижаниной (Велижанина 1986) и В.А. Барадулина (Барадулин 1987; 1988). В этнографической работе А.А. Лебедевой (Лебедева 1979) присутствуют сведения о материальном производстве и торговле на территории Зауралья. Вопрос о городской обрабатывающей промышленности был обстоятельно освещен в трудах Д.И. Копылова. К сожалению, исследователь ограничил рамки своих работ сибирской территорией первой половины XIX в. (Копылов 1973; 1977) с включением городов Туринска и Кургана. Наряду с Д.И. Копыловым промышленность XVIII в., в том числе материальное производство Туринска, изучала Е.И. Индова (Индова 1975). Производство дореформенного Шадринска освещено в небольшой публикации М.Ф. Ершова (Ершов 1990). В ряде исследований изучалась сибирская обрабатывающая промышленность и промыслы пореформенного периода, вплоть до начала XX в. (Бочанова 1977; Соловьева 1981; 1988).

Определенный интерес представляют труды сибирских историков о проблемах транспорта, в частности, о судостроительном промысле и об изменениях транспортной сети. Именно транспортные пути объединяли замкнутые социумы в единую ткань региона. Долгое время в перемещениях приоритет оставался за водными путями. Для Зауралья это было особенно важно. На его территории расположены верховья рек Обско-Тобольского бассейна, текущих с запада на восток. В XVII—XVIII вв. строительство речных судов было значимой частью экономики городов (Копылов 1978; Люцидарская 1978). В середине XIX в. на реках Западной Сибири появились первые пароходы, причем в их эксплуатации принимали участие курганские купцы Шишкины (Титов 1990; Большаков 1991). Сложился комплекс литературы по истории речного и гужевого транспорта (Сутырин 1966; 1970; Истомина 1982; 1986; Соловьева 1981). Однако его воздействие на социально-экономическое и культурное развитие городов не было исследовано в полной мере. Кроме того, в советской историографии отсутствовали обобщающие работы по железнодорожному строительству на территории Зауралья.

Источники о составе городского населения нередко противоречивы. Это наложило отпечаток на историко-статистические

исследования. Например, у Л.Е. Иофа в «Городах Урала» был до минимума сведен цифровой материал о численности городских жителей. М.А. Горловский в статье «Города Урала в первой половине XIX в.» (Горловский 1964) опирался исключительно на опубликованные дореволюционные данные, взятые с большим временным разрывом, что снизило ценность сделанных выводов. В вышеупомянутой статье С.И. Сметанина анализировалась сословная и социальная структура городского и заводского населения Пермской губернии. Сильной стороной статьи стало стремление автора уделить внимание факторам, влияющим на изменение сословного и социального положения жителей, дать точное определение термина «примыкающее самостоятельное население».

В то же время его трактовка проблем городоведения характеризовалась попыткой восстановления старых историографических схем. С.И. Сметанин, полемизируя с П.Г. Рындзюнским, считал заводы городами. «Без объяснения пока остается низкий удельный вес жителей городов в составе всего населения Пермской губернии», — замечал автор статьи (Сметанин 1978: 178). По нашему мнению, С.И. Сметанин оказался в логическом тупике, механически связывая рост городского населения с экономическими успехами горного производства, что и не позволило ему дать ответ на поставленный вопрос. Города опирались на экономическую базу, которая далеко не всегда была связана с горным производством. Кроме того, у них имелись культурные основания качественно иного уровня, чем у заводов.

Интересные сведения о сословном составе жителей Туринска, которые приводила М.М. Громыко (Громыко 1965: 55), не равны показателям В.М. Кабузана и С.М. Троицкого (Кабузан, Троицкий 1968). Таким образом, расхождения по количеству жителей в конце XVIII в. (в обеих работах использованы архивные материалы) требовали проверки источников. Не случайно Б.Н. Миронов после изучения статистики пришел к выводу, что данные о численности городского населения, относящиеся к разным датам, «оказались несопоставимыми». Тем не менее, его книга «Русский город в 1740—1880-е годы» ценна наблюдениями, в которых прослеживается воздействие государственной машины на эволюцию социальных структур города (Миронов 1990: 30). Типичные

черты, выделенные Б.Н. Мироновым, помогают лучше понять и провинциальную жизнь окраинных городов.

В 1991 г. вышел обобщающий сборник «Демографическое развитие Сибири периода феодализма» с работами Д.Я. Резуна (Резун 1991), Н.Ф. Емельянова (Емельянов 1991), М.Г. Рутц (Рутц 1991), А.Р. Ивонина (Ивонин 1991) о составе городского населения Западной Сибири. Анализ динамики городского населения и его отдельных категорий был затруднен узостью круга источников, особенно по первой четверти XIX в. (Рындзюнский 1953: 276). Исследователям было трудно сравнивать изменения, произошедшие в отдельных городах, с общероссийскими показателями. Помимо вышеуказанных авторов состав городского населения Зауралья разных периодов исследовали в своих работах В.Н. Пешков (Пешков 1971), Г.Х. Рабинович (Рабинович 1975), В.П. Шпалтаков (Шпалтаков 1980), Е.Ю. Алферова (Алферова 1991).

Применительно ко второй половине XIX — началу XX в. статистика отличалась большей полнотой и точностью по сравнению с феодальным периодом. Соответственно в исторических работах, посвященных капиталистическому периоду, большее внимание обращалось не на обнаружение цифрового материала, а на его интерпретацию. Критика исторических источников о составе городского населения осуществлялась историками, в большинстве случаев как бы «попутно», в рамках решения более обширных исследовательских задач. Таковы работы Л.В. Ольховой (Ольховая 1964; 1979) и Д.В. Гаврилова (Гаврилов 1986) об истории уральского рабочего класса. По степени основательности изучения статистических данных о составе населения городов и уездов выделяется работа Е.И. Рябухина, посвященная большевистским организациям Урала (Рябухин 1968—1974). В целом, уральское и сибирское городоведение советского периода добилось больших успехов в изучении состава населения дореволюционного Зауралья. Однако исследователи так и не смогли поставить в центр своего внимания именно жизнь городского провинциального социума как целостной системы.

Историю городов в системе государственного управления рассматривали многие авторы. Информация о городах Зауралья присутствует в работах В.В. Рабцевич (Рабцевич 1981; 1984) по фео-

дальнему периоду, М.И. Черныша (Черныш 1959) и В.А. Нардовой (Нардова 1984) по периоду капитализма. Неразвитость городских органов управления вела к тому, что их функции отчасти были вынуждены выполнять иные институты. Отчасти к ним относилась армия. Череда войн и милитаризация культуры вели к необходимости изучения воздействия вооруженных сил на провинциальные урбанизационные процессы. Влияние наполеоновских войн на повседневное существование жителей зауральских городов частично отражено в статьях А.В. Дулова (Дулов) и Б.Ф. Ливчака (Ливчак 1975). В работах В.В. Лапина (Лапин 1991; 1993) затрагивались вопросы удовлетворения городами нужд размещенных в них воинских частей и лиц, принадлежащих к военным сословиям. Все эти проблемы непосредственно соприкасались со сферой управления городами.

Доминирующей темой советской историографии была классовая борьба. От исследователя требовалось не просто придерживаться официальной партийной линии, но и использовать клишированные оценочные фразы при оценке событий прошлого. Каноничное изложение истории революционной борьбы начиналось с декабристов. Применительно к Зауралью изучалось их нахождение в ссылке. Работы о декабристах в Сибири обычно грешили преобладанием скрытых псевдохристианских агиографических начал. Напыщенные описания их страданий (часто имеющие мало общего с действительностью) сочетались с превознесением революционизирующей или, как минимум, их «культуртрегерской» роли в отношении народных масс, жаждущих соприкосновения с передовыми веяниями. Получалось, что декабристы, подобно чудотворцам и великомученикам, распространяли свои харизматические свойства на близкую местность и облагораживали ее.

Приведем один из примеров. В статье Н.А. Лапина была сделана попытка непосредственно связать тяжелое эмоциональное состояние декабриста Бриггена с событиями сентября 1842 г., когда в соседнем уезде карательные экспедиции подавили «картофельные бунты». Таким образом, у исследователя присутствуют наивная «лобовая» попытка выявления политических пристрастий Нарышкиных и Бриггена, и явная идеализация жителей Кургана, которые «тянулись» к декабристам. Далее следует

«обоснованный» вывод: «Находясь в Сибири, одни сохранили революционное мировоззрение, делали попытки сближения с народом, другие еще дальше ушли от той жизни, которой жил народ» (Лапин 1962а: 69—76).

Через три года этот же автор уточнил и усилил прежние выводы о чувствах Бриггена: «События вокруг Кургана — бои с царскими войсками в соседних уездах, восстание в Чернавской и других волостях округа — надо думать, вселяли в декабриста веру в революционную силу народа и поэтому его дух, несмотря на недуги, был “весел и бодр”» (Лапин 1965: 270). Бодрость духа, таким образом, находилась в прямой зависимости от бунтов крестьян. Чем больше крови, тем лучше должен был чувствовать себя ссыльный. Исследователем также смешивались уважение населения к ссыльным декабристам (что могло иметь место при длительном близком знакомстве) и страх простолюдинов перед влиятельными особами, обладавшими обширными неведомыми знаниями, но попавшими в немилость к монарху.

Данный пример наглядно демонстрирует, что различия между потерпевшими поражение революционерами и их новым «туземным» окружением практически не учитывались. Уровень образования, культуры, стереотипы местного населения и ссыльных аристократов совершенно не принимались в расчет большинством декабристоведов. Подлинная трагедия декабристов в николаевской России так и осталась по-настоящему не раскрытой. Однако даже искаженное накопление информации опосредованно содействовало историческому осознанию провинциальных реалий Зауралья. Историографический массив о прошлом района пополнили работы декабристоведов А. Свободина (Свободин 1956), П.И. Рощевского (Рощевский 1975), Л.Г. Беспаловой (Беспалова 1980), В.Ф. Ретунского (Ретунский 1978; 1983), О.С. Тальской (Тальская 1975), М.М. Громыко (Громыко 1978) и ряда других исследователей. Например, В.П. Павлов и В.И. Воробьев систематизировали сведения о местах ссылки декабристов (Павлов, Воробьев 1988). Среди ссыльных, причастных к истории Зауралья, выделяется неоднозначная фигура Р.А. Черношвита, местного исправника, известного подавлением «картофельных бунтов», а затем ставшего участником кружка петрашевцев (Егоров

1988). В.Г. Карцов рассматривал его служебную деятельность в Ирбитском и Шадринском уездах (Карцов 1965).

Провинциальные революционные организации пореформенной Пермской губернии изучали Ф.С. Горовой (Горовой 1952) и Я.Б. Рабинович (Рабинович 1989). В своих работах они частично касались оппозиционных настроений, которые затронули российские территории, в том числе и те, где проживали жители или выходцы из зауральских городов. Во второй половине XIX в. Тобольская губерния стала местом ссылки для участников революционного движения. Интерес к ссыльным и к их политической позиции подталкивал исследователей к рассмотрению проблем взаимодействия революционеров с местным населением. В работах Л.П. Рощевской (Рощевская 1974; 1976; 1978; 1983), В.Е. Фильгуса (Фильгус 1967; 1968), Н.А. Лапина (Лапин 1966; 1967), несмотря на их идеологическую предвзятость, затронуты вопросы повседневного быта местного населения.

Особое место в когорте ссыльных занимали участники польского освободительного движения. Ряд отечественных исследователей изучали их нахождение в Тобольской губернии (Яковлев 1963). Часть ссыльных занималась медицинской практикой, что также кратко отразилось в историографии (Видута 1978). Фрагментарно освещена ссылка в Зауралье участника революционного движения В.О. Португалова (Осинцев 1988). Интересно, что знание российской глубинки повлияло на изменение его политических взглядов. Португалов стал основоположником санитарной медицины. Вообще проблемы борьбы с заболеваниями (Селезнева 1955) и народные бедствия, не связанные с фактами эксплуатации, освещены советской историографией в незначительной мере (Черныш 1970).

Декларируемое наступление пролетарского этапа в освободительном движении сместило интерес исследователей к перипетиям внутрипартийной и межпартийной борьбы и к изучению массовых революционных действий. События 1905—1907 гг. рассматривались в публикациях В.В. Подливалова (Подливалов 1962), Б.В. Кондрикова (Кондриков 1963), В.М. Самосудова (Самосудов 1970), П.И. Рощевского (Рощевский 1974), Н.Г. Лисовского (Лисовский 1975), В.А. Горелова (Горелов 1984). Оценка досоветского прошлого в их работах строго соответствовала

официальной позиции. В то же время эти авторы в ряде случаев побочно касались девиантного поведения населения провинциальных городов. Обычно факты насилия большевиков историками оправдывались либо замалчивались, а эсеровский террор, напротив, осуждался (Капцугович 1975). Революционные потрясения также были представлены в обобщающих очерках по истории региональных организаций правящей партии (Арефьева 1977; Аксенова 1988).

Лучше обстояло дело с исследованием культуры, особенно просвещения. В советский период изучение народного образования в Зауралье было представлено работами Ф.Ф. Шамахова (Шамахов 1955; 1957; 1966), П.Ф. Якунина (Якунин 1956), Н.Н. Кузьмина (Кузьмин 1967), А.М. Софроновой (Софронова 1975), И.А. Слудковской (Слудковская 1976), В.В. Прокошева (Прокошев 1976), М.П. Малышевой (Малышева 1978; 1987), И.В. Скипиной (Скипина 1990). Эти авторы расширили и систематизировали тематику исследований по истории педагогики. Особое место в изучении духовной культуры занимали работы по истории провинциального театра. Наиболее интересной среди них является книга Ю.М. Курочкина (Курочкин 1957).

К сфере истории культуры также относятся работы об архитектуре. В советское время в основном изучались не столько изменение городского ландшафта, планы городов или сохраненное архитектурное наследие, сколько единичные памятники архитектуры. Допустимо назвать работы об архитектурных сооружениях зауральских городов, принадлежащие Н.С. Алферову (Алферов 1960), Л.П. Осинцеву (Осинцев 1968), В. Ивановой и И. Таранченко (Иванова, Таранченко 1972), С.П. Заварихину (Заварихин 1981), А.И. Власюку (Власюк 1983), Н.И. Бугаевой (Бугаева 1987), З.И. Матвеевой (Матвеева 1989), М.А. Васильевой (Васильева 1990). Тему городских подземелий, причем поданную в научно-популярном стиле, разрабатывал В.М. Слукин (Слукин 1988).

В отличие от изучения общественной психологии трудового крестьянства, менталитет, психология, общественное сознание и политические пристрастия провинциального социума практически не исследовались. В советское время дореволюционный город с незначительной долей пролетариата воспринимался как

мещанский, а следовательно, и буржуазный. Его ценности по преимуществу подлежали осуждению. Применительно к жизни городов анализируемого периода ничего сопоставимого по значимости с трудом Р.Г. Пихоя (Пихоя 1987) об общественном сознании трудящихся Урала в конце XVII — XVIII вв. создано не было.

Частью научного наследия о Зауралье являются собственно историографические работы. История изучения городов, в том числе и провинциальных, привлекла пристальное внимание советских историков со второй половины 60-х гг. Так, в 1966 г. появилась примечательная статья П.Г. Рындзюнского «Изучение городов России первой половины XIX в.» (Рындзюнский 1966). Кроме привычных положений в ней появился ряд новых моментов. Автор показал, что дореволюционная историография чуралась темы городского развития в России; было выдвинуто положение о более свободном характере городской экономики. Эти перспективные наработки послужили исходной точкой для последующего развития урбанистики. Годом позднее вышла монография Ю.Р. Клокмана о социально-экономической истории русских городов, где наряду с анализом причин их возникновения был дан обстоятельный разбор предшествующей историографии (Клокман 1967).

Обзору исторической литературы о городах была посвящена статья Б.Н. Миронова «Спорные и малоизученные вопросы русского позднефеодального города в современной советской историографии» (Миронов 1983). Автор критически отнесся к концепции П.Г. Рындзюнского, выделив в ней слабое звено: юридическое положение городского населения еще не предполагало его освобождения от гнета феодального государства. По мнению Б.Н. Миронова, существование у поселения определенной функции не означало, что его можно автоматически заносить в список городов. Города выделяются только при многофункциональном подходе.

Заметим, что кроме указанных спорных моментов в отечественной историографии тогда были не решены и иные проблемы. Дискуссии о пути, который прошла историческая урбанистика, о понимании сути города в советское время были далеки от завершения. В силу этого, а также из-за отсутствия крупных работ по

истории городов Урала (в состав которого обычно включалось и Зауралье), обобщающие историографические обзоры по местному городоведению не были созданы. В статьях, написанных в разные годы Б.А. Сутыриным (Сутырин 1967), О.Н. Вилковым, Д.Я. Резуном (Вилков, Резун 1981), В.А. Скубневским (Скубневский 1985), П.Е. Максимовым (Максимов 1989), рассматривались отдельные вопросы или фиксировались общие черты в историографии уральских городов.

Обращение к городоведческой тематике присутствовало в обзорных историографических работах (Горюшкин 1988, Зиновьев 1988—1991) и в обобщающих трудах по истории Урала (Горовой 1963; Преображенский 1989; Гаврилов 1990) и Сибири (Окладников 1968). Отрывочные сведения о небольших городах здесь соседствовали с недооценкой их роли в развитии крупных территориальных образований. Характерно, что во втором (феодальном) томе «Истории Сибири» раздел «Города. Промышленность, торговля и пути сообщения» охватывал только период 20—80-х гг. XVIII в. Но и такого отрывочного раздела не нашлось для третьего (капиталистического) тома. В обоих томах информация о городах была фрагментарно разбросана по общему массиву текста. Одностороннее господство описательных схем («Города, административное управление» или «Города и торговля»), характерное для работ изучаемого периода, сужало исследовательскую сферу, сводило ее к фиксации функциональных признаков. Неравномерность в изучении различных аспектов сибирской городской истории была признана Л.М. Горюшкиным и Н.А. Миненко (Горюшкин, Миненко 1984: 88). Данный вывод применим и к уральскому городоведению.

Попытки решения исторических проблем региональной урбанистики неизбежно выводили исследователей на вопросы, связанные с пониманием города вообще. Город как социальное образование обладал множеством составных элементов разного уровня. Сложность социальных вне- и внутригородских связей и отношений отобразилась и на исторической науке советского периода. Из-за конъюнктурных политических моментов и споров о их географической принадлежности зауральские города оказались на периферии внимания ученых как из крупных научных центров, так и из провинциальных высших учебных заведений.

Историографический массив, затрагивающий проблемы городского Зауралья, который был создан в послевоенный период советской истории, характеризовался неравноценностью отдельных частей. Из-за неразвитости специализации, низкого уровня технической оснащенности и нерасчлененности хозяйственных занятий населения Зауралья у многих исследователей в одних и тех же работах одновременно отслеживались такие вопросы, как развитие материального производства, торговой деятельности и состава населения. При этом внутригородское производство, а также предприятия горожан в сельской местности обычно не выделялись в объекты самостоятельного изучения. Нередко данные работы были отрывочны, а их выводы не всегда должным образом обоснованы. К сожалению, рыночные отношения зауральских городов в научных исследованиях так и остались малоизученной периферийной темой и в последующее время.

Исследования о составе населения, большая часть из которых появилась в 80-е гг., отличались добротностью, но они затрагивали города выборочно, в основном те, которые относились к Тобольской губернии. Незначительное внимание уделялось предпринимательским слоям и конкретным лицам. Практически не изучались менталитет и психология провинциального социума, его маргинальные проявления. Политическая ангажированность особенно ярко проявлялась при анализе революционного движения. При изучении действий революционеров во многом игнорировались личностные мотивы их поступков. Исследовательская работа постоянно сверялась с жестко заданным официальным курсом, политическими и классовыми интересами. Точно так же схематично и фрагментарно рассматривалась и история духовной жизни.

Это не значит, что отечественная историография советского периода топталась на месте. Многолетние архивные изыскания, прирост общего объема информации с неизбежностью создавали предпосылки для теоретического осмысления пройденного пути, для нового качественного сдвига в историческом осознании нашего прошлого. И на государственном, и на провинциальном уровне отечественная историческая наука совершила большую эволюцию. Разрозненные изыскания и фактический подбор иллюстративного материала для господствующих столичных кон-

цепций сменились затем началом формирования полноценной региональной историографии с научными школами и научной специализацией. Вышеприведенный и достаточно краткий комплекс проанализированной литературы, в которой присутствуют сведения и исторические оценки прошлого городов Зауралья, служит одним из доказательств данного положительного утверждения.

Большой массив собранных исторических сведений о социальных отношениях на обширных территориях предоставлял возможности для детального анализа конкретного внестоличного очеловеченного пространства и его узловых центров — городов. Перед советскими историками все более остро стояли вопросы преодоления ригидного диктата «сверху», расширения проблематики исследований, необходимости комплексного изучения провинциальных социумов, в том числе и расположенных на территории Зауралья. Впереди было время расцвета краеведения и локальной истории. Но наступил он уже после рубежного 1991 г.

Литература

Аксенова М.Е. и др. 1988. На главных направлениях: Хроника Курганской областной организации КПСС: 1893—1945. Кн. 1. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во.

Александров В.А. 1974. Начало Ирбитской ярмарки // История СССР 6, 35—57.

Алферов Н.С. 1960. Зодчие старого Урала. Первая половина XIX века. Свердловск: Свердловское кн. изд-во.

Алферова Е.Ю. 1991. Профессионально-классовый состав городского населения Урала в пореформенный период // Гаврилов Д.В. (отв. ред.). Промышленность и рабочие Урала в период капитализма (1861—1917 гг.). Сб. науч. тр. Свердловск: УрО РАН, 76—90.

Аполлова Н.Г. 1960. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII — начале XIX вв. Москва: Изд-во АН СССР.

Арефьева С.А. и др. 1977. Очерки истории Курганской областной организации КПСС. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во.

Барадулин Б.А. 1987. Уральский букет: Народная роспись горнозаводского Урала. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во.

Барадулин Б.А. 1988. Народные росписи Урала и Приуралья (Крестьянский расписной дом). Ленинград: Художник РСФСР.

Беспалова Л.Г. 1980. И дум высокое стремление. Декабристы-литераторы на поселении в Тобольской губернии. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во.

Бирюков В.П. 1926. Природа и население Шадринского округа Уральской области. Шадринск: Шадринский окрисполком.

Бирюков В.П. 1930. Из истории фарфоро-фаянсового дела в Приисетьи // Исетско-Пышминский край: Сборник, посвященный памяти местного краеведа А.Н. Зырянова. Исетский край 1. Шадринск: б.и.

Бирюков В.П. 1953. Урал в его живом слове. Дореволюционный фольклор. Свердловск: Свердловское кн. изд-во.

Бойко В.Н., Герштейн Я.Л. 1959. Ирбит. Свердловск: Свердловское кн. изд-во.

Большаков В.Н. 1991. Очерки истории речного транспорта Сибири XIX в. Новосибирск: Наука СО.

Бочанова Г.А. 1977. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири (конец XIX — начало XX вв.). Новосибирск: Наука СО.

Бугаева Н.И. 1987. Архитектура Далматова монастыря и ее значение в развитии каменного зодчества Урала и Сибири в XVIII веке: Дис. ... канд. ист. наук. Москва.

Васильева М.А. 1990. Культовые здания Кургана до 1917 г. // Емельянов Н.Ф. (отв. ред.). Земля Курганская: прошлое и настоящее 1. Краевед. сб. Курган: б.и., 157—170.

Велижанина Н.Г. 1986. Новые документы о регламентации иконописания в Западной Сибири (вторая половина XVIII — первая половина XIX в.) // Покровский Н.Н. (отв. ред.). Источники по истории русского общественного сознания периода феодализма (Археография и источниковедение Сибири). Новосибирск: Наука, 143—154.

Видута В.К. 1968. Труженики революции (Деятельность политссыльных врачей в Зауралье). Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во.

Вилков О.Н. 1967. Ремесло и торговля Западной Сибири в XVII в. Москва: Наука.

Вилков О.Н. 1990. Очерки социально-экономического развития Сибири в конце XVI — начале XVIII в. Новосибирск: Наука СО.

Вилков О.Н., Резун Д.Я. 1981. К истории изучения Ирбита // Вилков О.Н. (отв. ред.). Сибирские города XVII — начала XX века. Новосибирск: Наука СО, 11—34.

Власюк А.И. 1983. О своеобразии архитектуры уральских провинциальных городов в 1840—1910-е годы // Витолев В.П. (отв. ред.). Памятники русской архитектуры и монументального искусства. Москва: Наука, 222—261.

Гаврилов Д.В. (отв. ред.). 1990. История Урала в период капитализма. Москва: Наука.

Гаврилов Д.В. 1986. Рабочие Урала в период домонополистического капитализма. 1861—1900. (Численность, состав, положение). Москва: Наука.

Герштейн Я. Л., Смирных А.И. 1981. Ирбит. Свердловск: Свердловское кн. изд-во.

Глебов С.С. и др. 1968. Очерки истории Курганской области: Сборник. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во.

Горелов В.А. 1984. Курганские большевики в революции 1905—1907 годов. Исторический очерк. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во.

Горловский М.А. 1964. Города Урала в первой половине XIX в. // Горовой Ф.С. (отв. ред.). Вопросы экономической истории и экономической географии. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 5—18.

Горовой Ф.С. (отв. ред.). 1963. История Урала. Пособие для студентов, учителей и самообразования: В 2-х т. Т. 1: Первобытнообщинный строй. Период феодализма. Период капитализма. Пермь: Кн. изд-во.

Горовой Ф.С. 1952. Революционно-демократическое движение в Пермской губернии. Молотов: Молотовгиз.

Горовой Ф.С. 1964. Развитие негорнозаводской промышленности, городов и торгово-экономических связей в предреформенной Пермской губернии // Из истории края (Уч. зап. Пермского гос. ун-та. Т. 108). Пермь, 7—35.

Горюшкин Л.М. (отв. ред.). 1988. Хозяйственное освоение Сибири в период капитализма: Историография проблемы. Новосибирск: Наука СО.

Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. 1984. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI — начало XX вв.). Новосибирск: Наука СО.

Громыко М.М. 1965. Западная Сибирь в XVIII в. Русское население и земледельческое освоение. Новосибирск: Наука СО.

Громыко М.М. 1978. Новый документ о декабристской и польской ссылке в Западной Сибири // Горюшкин А.М. (отв. ред.). Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII — начало XIX в.). Новосибирск: Наука СО, 224—230.

Гущин Н.Я. (отв. ред.). Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск, 1982.

Данилевский В.В. (отв. ред.). 1945. Урал в Отечественной войне 1812 года. Сборник документов. Свердловск: Свердловгиз.

Дружинин Н.М. 1946—1958. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР. Т. 1—2.

Дулов А.В. 1971. Сибиряки в Бородинском сражении // Кудрявцев А. (отв. ред.). Вопросы истории Сибири 4. Ч. 1: Иркутск, 78—85.

Егоров Б.Ф. 1988. Петрашевцы. Ленинград: Наука ЛО.

Емельянов Н.Ф. 1990. Торговля города Кургана при феодализме // Обменные операции городов Сибири периода феодализма. Сборник научных статей. Новосибирск: б.и., 43—62.

Емельянов Н.Ф. 1991. Состав населения Кургана в XIX — начале XX в. // Демографическое развитие Сибири периода феодализма. Сборник научных трудов. Новосибирск: б.и., 91—105.

Ершов М.Ф. 1990. Промышленное производство Шадринска первой половины XIX в. // Пихов Р.Г. (отв. ред.). История фабрик и заводов. К 85-летию революции 1905—1907 гг. Тезисы докладов II межвузовской конференции студентов и молодых ученых. Свердловск: УрГУ, 4—6.

Ершов М.Ф. 2011. Северные зауральские города и региональная торговля в XIX в.: проблема адаптации // Вестник угроведения 1(4), 147—149.

Заварихин С.П. 1981. Ворота в Сибирь. Москва: Искусство.

Зиновьев В.П. (отв. ред.). 1988—1991. Рабочее движение в Сибири: историография, источники, хроника, статистика: В 3 т. Томск: Изд-во Томск. ун-та.

Иванова В., Таранченко И. 1972. Исторические памятники и памятные места Кургана. Курган: Советское Зауралье.

Ивонин А.Р. 1991. Численность и состав городских казаков Западной Сибири XVIII — первой четверти XIX вв. // Демографическое развитие Сибири периода феодализма. Сборник научных трудов. Новосибирск: б.и., 115—136.

Индова Е.И. 1975. О российских мануфактурах второй половины XVIII в. // Нарочницкий А.Л. (отв. ред.). Историческая география России XII — начала XX в. Сборник статей к 70-летию Л.Г. Бескровного. Москва: Наука, 248—254.

Июфа Л.Е. 1951. Города Урала. Ч. 1: Феодальный период. Москва; Ленинград: Географгиз.

Истомина Э.Г. 1982. Водные пути России во второй половине XVIII — начале XIX века. Москва: Наука.

Истомина Э.Г. 1986. Транспортная сеть Урала в последней четверти XVIII — первой половине XIX в. // Черкасова А.С. (отв. ред.). Деревня и город Урала в эпоху феодализма: проблема взаимодействия. Свердловск: УНЦ Наука.

Кабо Р.М. 1949. Города Западной Сибири. Очерки историко-экономической географии (XVII — первая половина XIX вв.). Москва: Гос. изд-во географ. лит.

Кабузан В.М., Троицкий С.М. 1968. Численность и состав городского населения Сибири в 40—60-х годах XVIII в. // Покровский Н.Н. (отв. ред.). Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.). Материалы по истории Сибири. Сибирь периода феодализма. Вып. 3. Новосибирск: Наука, 172—173.

Капцгевич И. 1975. История политической гибели эсеров на Урале. Пермь: Кн. изд-во.

Карцов В.Г. 1965. Деятельность петрашевца Р.А. Черносвитова в Сибири (Из истории сибирской золотопромышленности) // Шунков В.И. (отв. ред.). Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв. Материалы по истории Сибири. Сибирь периода феодализма. Вып. 2. Новосибирск: Наука СО, 248—257.

Клокман Ю.Р. 1967. Социально-экономическая история русского города. Вторая половина XVIII в. Москва: Наука.

Колесников А.Д. 1973. Русское население Западной Сибири в XVIII — начале XIX вв. Омск: Зап.-Сиб. кн. изд-во.

Кондрашенков А.А. 1962а. Курганская слобода в XVIII веке // Ученые записки Курганского гос. пед. ин-та, посв. 300-летию основания городов Кургана и Шадринска (1662—1962 гг.). Вып. 4. Курган, 39—58.

Кондрашенков А.А. 1962б. Крестьяне Зауралья в XVII—XVIII вв. // Ученые записки Курганского гос. пед. ин-та, посв. 300-летию основания городов Кургана и Шадринска (1662—1962 гг.). Вып. 4. Курган, 23—38.

Кондрашенков А.А. 1962в. Основание города Шадринска // Ученые записки Курганского гос. пед. ин-та, посв. 300-летию основания городов Кургана и Шадринска (1662—1962 гг.). Вып. 4. Курган, 3—22.

Кондрашенков А.А. 1966—1969. Крестьяне Зауралья в XVII—XVIII вв.: В 2 ч. Ч. 1: Заселение территории русскими. 1966; Ч. 2. Экономика и положение крестьян. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во.

Кондриков Б.В. 1963. Рабочее движение в Западной Сибири в период отступления первой революции (1906—1907 гг.) // Новиков И.Н. (отв. ред.). Ученые

записки Омского государственного педагогического института. Вып. 20: Из истории Западной Сибири. Омск: б.и., 3—43.

Копылов А.Н. 1968. Культура русского населения Сибири в XVII—XVIII вв. Новосибирск: Наука СО.

Копылов А.Н. 1974. Очерки культурной жизни Сибири XVII — начала XIX в. Новосибирск: Наука.

Копылов А.Н. 1977. Развитие городской и сельской промышленности Сибири в связи с ее колонизацией в XVIII в. // Вилков О.Н. (отв. ред.). История городов Сибири досоветского периода (XVII — начало XX в.). Новосибирск: Наука, 69—72.

Копылов Д.И. 1973. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX вв. Учебное пособие к спецкурсу для студентов ист. факультетов. Свердловск: б.и.

Копылов Д.И. 1978. Судостроение Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX в.; // Вилков О.Н. (отв. ред.). Промышленность и рабочие кадры досоветской Сибири. Сборник научных трудов. Новосибирск: б.и., 58—69.

Кошкин П.П., Шувалов Е.В. 1961. Камышлов. Свердловск: Свердловское кн. изд-во.

Кривоногов В.Я. 1964. Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в дореформенный период (1800—1860) // Сюзюмов М.Я. (отв. ред.). Наемный труд в горнозаводской промышленности Урала в дореформенное время. Сборник работ. Свердловск: б.и. 5—227.

Кузьмин Н.Н. 1967. Народное образование в Южном Зауралье до Великой Октябрьской социалистической революции // Захаров М.Г. (отв. ред.). Народное образование в Курганской области за 50 лет Советской власти. Курган: б.и., 187—198.

Курочкин Ю.М. 1957. Из театрального прошлого Урала. Заметки собирателя. Свердловск: Свердловское кн. изд-во.

Лапин В.В. 1991. Семеновская история. Ленинград: Лениздат.

Лапин В.В. 1993. Роль гарнизона в жизни русского города в XIX в. // Шмидт С.О. (отв. ред.). Историческое краеведение: по материалам II Всесоюзной конференции по историческому краеведению. Пенза: Департамент культуры, Пенз. гос. объедин. краевед. музей, 178—180.

Лапин Н.А. 1965. Декабристы и их связи с крестьянством Тобольской губернии // Шунков В.И. (отв. ред.). Сибирь периода феодализма. Вып. 2: Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв. Новосибирск: Наука СО, 260—277.

Лапин Н.А. 1962а. Декабристы в Кургане // Ученые записки Курганского гос. пед. ин-та, посв. 300-летию основания городов Кургана и Шадринска (1662—1962 гг.). Вып. 4. Курган, 69—76.

Лапин Н.А. 1962б. Слобода Царево Городище в XVII столетии // Ученые записки Курганского гос. пед. ин-та, посв. 300-летию основания городов Кургана и Шадринска (1662—1962 гг.). Вып. 4. Курган, 39—58.

Лапин Н.А. 1966. Дело И.М. Зобнина // Из истории Южного Урала и Зауралья. Челябинск: Челяб. пед. ин-т., 70—84.

Лапин Н.А. 1967. Революционно-демократическое движение 60-х гг. XIX в. в Западной Сибири. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд.

Лебедева А.А. 1979. Формирование русского поселения в Притоболье и хозяйственный быт (XVIII — начало XX в.) // Александров В.А. (отв. ред.). Хозяйство и быт западносибирского крестьянства в XVII — начале XX в. Москва: Наука, 63-107

Ливчак Б.Ф. 1975. Пожертвования на земское войско (милицию) 1806—1807 гг. в Екатеринбурге // Сутырин Б.А. (отв. ред.). Уральский археографический ежегодник за 1973 год. Свердловск: б.и., 127—132.

Лисовский Н.К. 1975. Долой самодержавие! (1905 г. на Южном Урале). Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во.

Люцидарская А.А. 1978. К вопросу о развитии сибирского судостроительного промысла в XVII в. // Вилков О.Н. (отв. ред.). Промышленность и рабочие кадры досоветской Сибири. Сб. науч. тр. Новосибирск: б.и., 70—87.

Максимов П.Е. 1989. Некоторые проблемы историографии городов Среднего Урала второй половины XVIII — первой половины XIX вв. в последнее десятилетие // Шмидт С.О. (отв. ред.). Историческое краеведение: по материалам II Всесоюзной конференции по историческому краеведению. Пенза: Департамент культуры, Пенз. гос. объедин. краевед. музеев, 99—100.

Малышева М.П. 1978. Из истории формирования педагогических кадров гражданских школ Западной Сибири // Вилков О.Н. (отв. ред.). Города Сибири (Эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск: Наука СО, 189—211.

Малышева М.П. 1987. Источники по истории просвещения Западной Сибири в конце XVIII — начале XIX в. // Вилков О.Н. (отв. ред.). Источниковедение и историография городов Сибири конца XVI — первой половины XIX века. Новосибирск: Наука СО, 119—147.

Матвеева З.И. 1989. Исторические памятники г. Далматова. Далматово: б.и.

Миронов Б.Н. 1981. Внутренний рынок России во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Ленинград: Наука.

Миронов Б.Н. 1983. Спорные и малоизученные вопросы истории русского позднефеодального города в современной советской историографии // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Вып. 7: Генезис и развитие феодализма в России. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 165—187.

Миронов Б.Н. 1990. Русский город в 1740—1860-е годы: демографическое, социальное и экономическое развитие. Ленинград: Наука.

Мокеев В.М. 1975. Шадринск. Путеводитель. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во.

Мокеев В.М. 1986. Шадринск (Путеводитель-справочник). Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во.

Нардова В.А. 1984. Городское самоуправление в России в 60-х — начале 90-х годов XIX в.: Правительственная политика. Ленинград: Наука.

Новоселов А.Н., Смирных А.И. 1990. Туринск. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во.

Окладников А.П. (отв. ред.). 1968. История Сибири с древнейших времен до наших дней: В 5 т. Т. 2: Сибирь в составе феодальной России; Т. 3: Сибирь в эпоху капитализма. Ленинград: Наука.

Окладников А.П. (отв. ред.). 1982. Рабочий класс Сибири в дооктябрьский период. Новосибирск: Наука СО.

Ольховая Л.В. 1964. К истории развития мелкой промышленности Урала в конце XIX — начале XX в.: (До Первой мировой войны) // Горловский М.А. (отв. ред.). Вопросы экономической истории и экономической географии. Свердловск, 38—50.

Ольховая Л.В. 1979. Экономическое положение и борьба рабочих мелких предприятий Урала в конце XIX — начале XX в. // Иванова Н.А. (отв. ред.). Рабочий класс России в период буржуазно-демократических революций. Москва, 95—119.

Осинцев Л.П. 1968. Исторические памятники Шадринска. Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во.

Осинцев Л.П. 1988. Имен связующая нить. (Записки краеведа). Челябинск: Южно-Урал. кн. изд-во.

Павлов В.П., Воробьев В.И. 1988. Декабристы в Сибири (справочные материалы) // Мейлах Б.С. (отв. ред.). Сибирь и декабристы. Вып. 5. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 264.

Пешков В.Н. 1971. Население городов дореформенной Пермской губернии // Колесников Б.П. (отв. ред.). Наш край. Материалы V Свердловской областной краеведческой конференции. Свердловск: б.и., 35—40.

Пихоя Р.Г. 1987. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII — XVIII вв.). Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во.

Подливалов В.В. 1962. Учителя и учащиеся г. Кургана в революционной борьбе 1905—1907 гг. // Ученые записки Курганского гос. пед. ин-та. Вып. 4. Курган, 159—168.

Преображенский А.А. (отв. ред.). 1989. История Урала с древнейших времен до 1861 г. Москва: Наука.

Преображенский А.А. 1972. Урал и Западная Сибирь в конце XVI — начале XVIII в. Москва: Наука.

Прокошев В.В. 1976. Распространение грамотности в Пермском крае с древних времен до XIX в. // Из истории народного образования Урала. Пермь: б.и., 3—21.

Пронин В.И. 1989. Торговля Сибири с Европейской Россией в период домнополистического капитализма // Бояршинова З.И. (отв. ред.). Проблемы истории дореволюционной Сибири. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 4—112.

Прусс В. 1962. Сельское хозяйство Шадринского уезда во второй половине XIX — начале XX в. // Ученые записки Курганского гос. пед. ин-та. Вып. 4. Курган, 101—126.

Пундани В.В. 1984. Государственная деревня Западной Сибири во второй половине XVIII — первой половине XIX в. Учебное пособие по спецкурсу. Челябинск: Челябинск. гос. пед. ин-т.

Рабинович Г.Х. 1975а. Источники формирования и состав городской буржуазии Тобольской губернии в конце XIX — начале XX вв. // Материалы научной конференции, посвященной 100-летию Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во, 117—124.

Рабинович Г.Х. 1975б. Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX — начала XX вв. Томск: Изд-во Томск. ун-та.

Рабинович Я.Б. 1989. Ревнителю прав народных: Очерки истории революционно-демократического движения на Урале в 60-х — начале 80-х гг. XIX века. Пермь: Кн. изд-во.

Рабцевич В.В. 1981. Управление городами в Сибири последней четверти XVII — первой половины XIX вв. // Сибирские города XVII — начала XIX вв. Новосибирск: Наука СО, 155—173.

Рабцевич В.В. 1984. Сибирский город в дореформенной системе управления. Новосибирск: Наука СО.

Резун Д.Я. 1991. Городское население Тобольской губернии на рубеже XIX в. // Демографическое развитие Сибири периода феодализма. Сборник научных трудов. Новосибирск: б.и., 38—47.

Резун Д.Я., Беседина О.Н. 1987. Городские ярмарки Сибири XVIII — первая половина XIX в. Новосибирск: Наука СО.

Ретунский В.Ф. 1978. Врачебная деятельность декабристов в Западной Сибири // Мейлах Б.С. (отв. ред.). Сибирь и декабристы. Вып. 1. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 103—109.

Ретунский В.Ф. 1983. Тайные курьеры декабристов // Мейлах Б.С. (отв. ред.). Сибирь и декабристы. Вып. 3. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 5—23.

Рожкова М.К. 1959. Торговля // Рожкова М.К. (отв. ред.). Очерки экономической истории России первой половины XIX века. М.: Изд-во соц.-полит. лит., 246—275.

Рожкова М.К. 1963. Экономические связи России со Средней Азией. 40—60-е годы XIX века. М.: Изд-во АН СССР.

Рошевская Л.П. 1974. Основные проблемы и историография политической ссылки Западной Сибири во второй половине XIX в. // Рошевский П.И. (отв. ред.). Вопросы истории Западной Сибири. Вып. I. Тюмень: Изд-во ТГУ, 56—97.

Рошевская Л.П. 1976. История политической ссылки в Западной Сибири во второй половине XIX в. Учеб. пособие. Тюмень: Изд-во ТГУ.

Рошевская Л.П. 1978. Западносибирская политической ссылка в период реакции 80-х гг. XIX в. // Горюшкин Л.М. (отв. ред.). Ссылка и общественно-политическая жизнь в Сибири (XVIII — начало XX в.). Новосибирск: Наука СО, 141—159.

Рошевская Л.П. 1983. Революционеры-разночинцы в западносибирском изгнании. Ленинград: Изд-во ЛГУ.

Рошевский П.И. 1975. Декабристы в тобольском изгнании. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во.

Рошевский П.И. 1974. Тобольская губерния в годы Первой мировой империалистической войны (1914—1917 гг.) // Рошевский П.И. (отв. ред.). Вопросы истории Западной Сибири. Вып. I. Тюмень: б.и., 24—55.

Русакова Л.М. 1976. Сельское хозяйство Среднего Зауралья на рубеже XVII—XIX вв. Новосибирск: Наука СО.

Рутц М.Г. 1991. Социальный состав городского населения Западной Сибири в первой половине XIX в. // Демографическое развитие Сибири периода феодализма. Сборник научных трудов. Новосибирск: б.и., 65—105.

Рындзюнский П.Г. 1953. Городское население // Рожкова М.К. (отв. ред.). Очерки экономической истории России первой половины XIX в. Москва: Изд-во соц.-полит. лит., 276—358.

Рындзюнский П.Г. 1958. Городское гражданство дореформенной России. Москва: Изд-во АН СССР.

Рындзюнский П.Г. 1959. Мелкая промышленность, ремесло и мелотоварное производство // Рожкова М.К. (отв. ред.). Очерки экономической истории России первой половины XIX века. Москва: Изд-во соц.-полит. лит., 62—117.

Рындзюнский П.Г. 1966. Изучение городов России первой половины XIX в. // Шунков В.И. (отв. ред.). Города феодальной России. Сборник статей памяти Н.В. Устюгова. Москва: Наука, 65—74.

Рябухин Е.И. 1968—1974. Большевистские организации Урала в борьбе за нелегальную партию пролетариата и укрепление ее связей с массами (1907—1914): В 4 ч. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та.

Савич А.А. 1925. Прошлое Урала (Исторические очерки). Пермь: б.и.

Самосудов В.М. 1970. Революционное движение в Западной Сибири (1907—1914 гг.). Учеб. пособие. Омск: б.и.

Сафронова А.М. 1975. К истории народных училищ Урала второй половины XVIII в. // Ольховая Л.В. (отв. ред.). Вопросы истории Урала 13. Свердловск: б.и., 26—38.

Свободин А. 1956. Первая колония декабристов в Кургане // Глебов С.С. (отв. ред.). На земле Курганской. Литературно-художественный сборник 4. Курган: Красный Курган, 279—282.

Селезнева В.Т. 1955. Очерки по истории здравоохранения на дореволюционном Урале. Молотов: Кн. изд-во.

Скипина И.В. 1990. Церковное образование в Тобольской губернии в первой половине XIX в. // Религия и церковь в Сибири. Тезисы материалов научной конференции. Тюмень: ТО «Лад», 37—43.

Скубневский В.А. 1985. Города Сибири пореформенного времени в освещении современной советской историографии // Зиновьев В.П. (отв. ред.). Вопросы историографии и источниковедения Сибири периода капитализма. Томск, 84—97.

Слудковская И.А. 1976. Развитие народной школы на Урале в XIX веке. Учеб. пособие. Пермь: б.и.

Слукин В.М. 1988. Тайны уральских подземелий. Свердловск: Средне-Урал. кн. изд-во.

Сметанин С.И. 1978. Разложение сословий и формирование классовой структуры городского населения России (1800—1861 гг.) // Исторические записки 102. Москва: Наука, 153—182.

Соловьева А.М. 1988. Крестьянская промышленность Сибири во второй половине XIX в. Новосибирск: Наука СО.

Соловьева Е.И. 1981. Промыслы сибирского крестьянства в пореформенный период. Новосибирск: Наука СО.

Сутырин Б.А. 1966. О некоторых особенностях развития речного транспорта в Камском бассейне в XIX веке // Горовой Ф.С. (отв. ред.). Вопросы истории Урала. Пермь: б.и., 142—148.

Сутырин Б.А. 1967. История городов Урала в XVIII—XIX вв. в советской исторической литературе // Историческая наука на Урале за 50 лет. 1917—1967: Материалы III научной сессии вузов Урал. экон. района (ист. науки). Вып. 1: История СССР. Свердловск: б.и., 55—58.

Сутырин Б.А. 1970. Транспорт Урала в период промышленного переворота (1840—1880-е гг.). Из истории речного транспорта Камского бассейна // Вопросы истории Урала. Промышленный переворот в горнозаводской промышленности Урала XIX в. Сб. 10. (Ученые записки УрГУ. Т. 105. Сер. ист. Вып. 20). Свердловск, 66—93.

Сутырин Б.А. 1975. К истории Ирбитской ярмарки второй четверти XIX в. // Сутырин Б.А. (отв. ред.). Уральский археографический ежегодник за 1973 год. Свердловск: б.и., 21—26.

Тальская О.С. 1975. Борьба администрации с влиянием декабристов в Западной Сибири // Горюшкин Л.М. (отв. ред.). Ссылка и каторга в Сибири (XVIII — начало XIX в.). Новосибирск: Наука СО, 72—93.

Тарасов Ю.М. 1984. Русская крестьянская колонизация Южного Урала: вторая половина XVIII — первая половина XIX в. Москва: Наука.

Терещенко Е.И. 1974. К вопросу о неземледельческих промыслах государственных крестьян Южного Зауралья в первой половине XIX в. // Из истории Южного Урала и Зауралья. Вып. 8. Ч. 1. Челябинск: Челяб. пед. ин-т., 3—19.

Терещенко Е.И. 1991. Рыночные отношения государственных крестьян и купеческий торг Южного Урала и Зауралья в первой половине XIX в. // Аграрный рынок в его историческом развитии. XXIII сессия Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Москва: Ин-т истории СССР, 180—183.

Титов Г. 1990. Возникновение пароходства в Обь-Иртышском бассейне. Новосибирск: Кн. изд-во.

Устюгов Н.В. 1961. Основные черты русской колонизации Южного Зауралья в XVIII в. // Шунков В.И. (отв. ред.). Вопросы истории Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: Кн. изд-во, 67—74.

Фильгус В.Е. 1967. Революционные демократы А.И. Иконников и Ф.П. Некрасов в Тобольской губернии // Исторический сборник. Т. 33. Вып. 1. Тюмень, 115—139.

Фильгус В.Е. 1968. Деятели русского и польского освободительного движения 60-х годов XIX в. в тобольской губернии // Дьяков В.А. (отв. ред.). Связи революционеров России и Польши XIX — начала XX в. Москва: Наука, 294—312.

Черныш М.И. 1959. Развитие капитализма на Урале и Пермское земство. Пермь: Кн. изд-во.

Черныш М.И. 1970. Неурожаи 1890—1891 гг. на Урале и их социально-экономические последствия // Ученые записки Пермского госуниверситета. № 227. Вып. 1: Исследования по истории Урала. Пермь, 224—246.

Чудновских В.А. 1975. Комплектование рабочей силы на Богословских заводах во второй половине XVIII в. // Вопросы истории Урала 13. Свердловск, 12—25.

Шагинян М. 1945. Ушковская плотина // Нижний Тагил. Свердловск: Свердловгиз, 38—41.

Шамахов Ф.Ф. 1957. Школа Западной Сибири в конце XIX — начале XX вев. Томск: Изд-во Томск. ун-та.

Шамахов Ф.Ф. 1955. Общественно-политическое движение шестидесятих годов и начальная школа Западной Сибири во второй половине XIX века // Ученые записки Томского гос. пед. ин-та. Т. XIV (Юбилейный). Томск, 81—143.

Шамахов Ф.Ф. 1966. Школа Западной Сибири между двумя буржуазно-демократическими революциями (1907—1917 гг.). Томск: Изд-во Томск. ун-та.

Шориков Ф.К. 1948. Из истории города Туринска. Туринск: Изд-во газ. «За коммунизм!».

Шпалтаков В.П. 1980. Динамика численности и структура городского населения Западной Сибири в дореформенный период (1795—1860 гг.) // Колесников А.Д. (отв. ред.). Проблемы исторической демографии СССР: Сб. статей. Томск: Изд-во Томского ун-та, 61—71.

Шпалтаков В.П. 1990. Городская ярмарочная торговля в Западной Сибири в первой половине XIX в. // Обменные операции городов Сибири периода феодализма. Сборник научных статей. Новосибирск: б.и., 28—43.

Шунков В.И. 1946. Очерки по истории колонизации Сибири в XVII — начале XVIII в. Москва; Ленинград: Изд-во АН СССР.

Шунков В.И. 1956. Очерки по истории земледелия Сибири. Москва: Изд-во АН СССР.

Шунков В.И. 1974. Вопросы аграрной истории России. Москва: Наука.

Яковлев В.Д. (отв. ред.). 1963. Участники польского восстания 1863—1864 гг. в Тобольской ссылке: очерк. Тюмень: Кн. изд-во.

Якунин П.Ф. 1956. О деятельности Н.И. Лобачевского в области народного просвещения // Историко-математические исследования 9. Москва, 129—144.

Яровой Г.В. 1975а. Негорнозаводская промышленность Пермской губернии и крестьянские промыслы в дореформенный период // Вопросы истории Урала 13. Свердловск, 39—67.

Яровой Г.В. 1975б. Рынок и товарное обращение на Урале в дореформенный период // Вопросы аграрной истории Урала. Свердловск: УГУ, 42—67.

Яцунский В.К. 1958. Основные этапы генезиса капитализма в России // История СССР 5, 70—80.

Яцунский В.К. 1973. Социально-экономическая история России XVIII—XIX вв. Избранные труды. Москва: Наука.

Глава 4

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Н.Н. ОГЛОБЛИНА КАК ИСТОРИКА-СИБИРЕВЕДА В ОЦЕНКАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕНЫХ

Известный архивист и историк конца XIX — начала XX в. Н.Н. Оглоблин на основе материалов архива Сибирского приказа подготовил четырехтомное «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 гг.)», издал более сорока статей, посвященных прошлому Азиатской России. Его вклад в изучение судеб Сибири в XVII—XVIII вв. отмечен многими исследователями.

С.В. Чирков — единственный из ученых, кто отнес Н.Н. Оглоблина к московской школе русских историков начала XX в., причислил автора «Обозрения...» к старшей группе московских архивистов — старозаветным архивистам, наследникам приказных традиций (подобно А.Н. Зерцалову) (Чирков 2005: 132). (Заметим, что в появившемся одновременно очерке об археографической деятельности В.О. Ключевского из монографии С.В. Чиркова про Н.Н. Оглоблина умалчивается (Чирков 2005: 33—85)). Принадлежность Н.Н. Оглоблину большого числа исследований, прежде всего по сибирской истории, противоречит взгляду на этого ученого как архивиста и археографа, и только. (По С.В. Чиркову, наряду с Н.Н. Оглоблиным всего лишь издателями источников были С.А. Белокуров, С.К. Богоявленский, Н.Н. Ардашев, И.Ф. Колесников, С.А. Шумаков (Чирков 2005: 131). Относительно двух первых такая оценка тоже едва ли справедлива).

«Сибиреведом-архивистом» назвал Н.Н. Оглоблина и Н.И. Никитин (Никитин 1987: 104). Приведенное определение должно считаться односторонним. К тому же, как писал сам Н.И. Никитин, Н.Н. Оглоблин — глубокий знаток сибирских архивных материалов — верно заметил, что военно-служилый люд вынес «на своих плечах все дело завоевания Сибири» (Никитин 2012: 73).

Первая часть «Обозрения...», изданная в 1895 г., получила высокую оценку ученых.

Так, по мнению В.С. Иконникова, обилие данных и систематизация материала в этом труде позволяют причислить его к числу самых обстоятельных и ценных исследований по истории (Шохин 1988: 206).

В отзыве о 1-й части «Обозрения...» В.Г. Васильевский и А.С. Лаппо-Данилевский указали на систематизацию и точную передачу автором многочисленных сведений о делопроизводстве сибирских учреждений, что восполнило существенный пробел в исторической литературе и дало возможность ученым ориентироваться в массиве ранее неопубликованного документального материала (Васильевский 1899: 3).

Вместе с тем выдающиеся историки считали, что нередко при изложении содержания документов в труде Н.Н. Оглоблина отсутствуют подробности, а это лишает читателя необходимых порой данных.

С точки зрения В.Г. Васильевского, хотя автор, как указано в предисловии в «Обозрении...», намеревался избегать деталей того, что относится к «исследованию», однако часто пытался объяснить рассмотренный материал, но сделал выводы, часто оспариваемые другими учеными.

В.Г. Васильевский и А.С. Лаппо-Данилевский признали «Обозрение...» Н.Н. Оглоблина полезным вкладом в современную русскую археографическую литературу, отметив громадный объем изученного ученым материала (например, до 1114 таможенных «приходных и соболиных» книг) и верную систематизацию им источников (Васильевский 1899: 4).

По мнению В.Г. Васильевского, незначительные погрешности работы Н.Н. Оглоблина не умаляют значимости проделанного им огромного труда. Эта оценка содействовала присуждению автору «Обозрения...» премии имени А.М. Сибирякова (Васильевский 1899: 5).

В отдельной рецензии А.С. Лаппо-Данилевского также подчеркнуты достоинства труда Н.Н. Оглоблина.

А.С. Лаппо-Данилевский находил, что отсутствие до выхода в свет «Обозрения...» Н.Н. Оглоблина надлежащего описания множества ценнейших исторических материалов не позволяло исследователям приступить к систематическому ознакомлению с документами, касающимися истории Сибири. По мнению рецензен-

та, Н.Н. Оглоблин заполнил значительный пробел в русской археографической литературе, в частности, благодаря рассмотрению огромного массива документов таможенного управления.

Впрочем, по замечанию А.С. Лаппо-Данилевского, исследование Н.Н. Оглоблина коснулось лишь столбцов и книг Сибирского приказа, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции (Лаппо-Данилевский 1899: 8).

На взгляд А.С. Лаппо-Данилевского, к документам «по сношениям местного управления и населения с центральным управлением» ученый относит многочисленные разнообразные материалы Сибирского приказа, при этом незаслуженно оставляя без внимания другие важные документы, такие как отписки, направляемые представителями воеводского и таможенного управления в Сибирский приказ (хотя указывал во введении своего труда на то, что собирался изучить документы Сибирского приказа, охватывающие не только XVII, но и XVIII в., по 1768 г. включительно). С точки зрения А.С. Лаппо-Данилевского, Н.Н. Оглоблин, поставивший задачу просмотра всех документов, боясь увеличить и без того большой объем своего труда, в результате допустил значительные пробелы (Лаппо-Данилевский 1899: 9).

В оценке А.С. Лаппо-Данилевского, указатели, составленные Н.Н. Оглоблиным, лишены полноты, так как в них отражены не все документы, рассмотренные ученым.

На взгляд А.С. Лаппо-Данилевского, пользоваться этими указателями не всегда удобно, и ориентирующая в массе материала таблица существенно могла бы помочь в его изучении. Кроме того, Н.Н. Оглоблин не уделил внимания ценовым росписям ясака по причине якобы недостаточной их важности для историка, автором лаконично рассмотрены таможенные приходные и соболиные книги. А.С. Лаппо-Данилевский, как и В.Г. Васильевский, сделал вывод о том, что Н.Н. Оглоблиным в целом даны излишние подробности при изложении документального материала, однако часть его описана мимоходом. (Примером служит обыскная книга тобольской таможенной избы за 1635/36 г.). В труде Н.Н. Оглоблина нередко отсутствуют обстоятельные перечисления документов, о чем сожалеет рецензент (Лаппо-Данилевский 1899: 10).

Некоторые материалы, которым Н.Н. Оглоблин уделил внимание, с точки зрения А.С. Лаппо-Данилевского, весьма нечетко представлены читателю. Среди таких документов были «поживотные приходные книги» мангазейских целовальников (1629/30 г.). При этом Н.Н. Оглоблин, как считал А.С. Лаппо-Данилевский, не показал различия между «животами, товарами и капиталами». Неточности у Н.Н. Оглоблина отмечены рецензентом также в описании таможенных (общих) приходных книг относительно десятинной таможенной пошлины (Лаппо-Данилевский 1899: 11).

А.С. Лаппо-Данилевский с недоумением ссыался на сведения Н.Н. Оглоблина о поанбарной пошлине и упрекнул его за отсутствие данных о полавочной пошлине в Сибири (Лаппо-Данилевский 1899: 12). По мнению рецензента, Н.Н. Оглоблину следовало подробно разъяснить, в чем заключались упоминаемые им сборы. А.С. Лаппо-Данилевским отмечена и необходимость более подробного изложения содержания отписки таможенного целовальника Я. Котельникова якутскому воеводе Ф. Бибикову, касающейся приема Чечуйского острожка от прежнего целовальника и отправки в Якутск соболей и денег. К упущениям исследователя А.С. Лаппо-Данилевский относит и то, что при перечислении рукописных сборников проезжих памятней Н.Н. Оглоблин не пояснил, в каких изданиях их можно встретить (Лаппо-Данилевский 1899: 13).

А.С. Лаппо-Данилевский нашел чрезмерно обстоятельным описание Н.Н. Оглоблиным некоторых материалов, являющихся общераспространенными, например, документов о злоупотреблениях (об осмотре «животов» березовского воеводы А.А. Плещеева-Мешкова и выявлении у него пушнины при проезде через Урал).

А.С. Лаппо-Данилевский полагал, что самостоятельность служилых людей появилась гораздо позднее, чем представлялось Н.Н. Оглоблину. Последний ссыался только на один случай, как писал А.С. Лаппо-Данилевский, относительно царского указа 1646 г., содержащего распоряжение таможенным головам с выборными целовальниками сибирских городов, кроме Тобольска, выдавать торговым и промышленным людям проезжие грамоты, отпускать их со всеми товарами (Лаппо-Данилевский 1899: 14).

На взгляд А.С. Лаппо-Данилевского, Н.Н. Оглоблиным признается факт подчиненности таможенных голов воеводам, однако в отдельных частных проявлениях. Например, результаты деятельности таможенных изб обязательно сообщались воеводам, и последние вправе были привлекать голов к участию в разных хозяйственных и торговых операциях воеводского управления (Лаппо-Данилевский 1899: 15). А.С. Лаппо-Данилевский также полагал, что Н.Н. Оглоблин смешивает теоретическую точку зрения с практической, и в «Обозрении...» заметны следы лишь предварительного изучения некоторых материалов.

Объяснения его автора А.С. Лаппо-Данилевским не всегда признаются удачными. Предположения Н.Н. Оглоблина рецензенту также зачастую кажутся малообоснованными, к примеру, о торговле крестьян Н. и Д. Пахомовых мягкой рухлядью (Лаппо-Данилевский 1899: 16).

По заключению Н.Н. Оглоблина, назначение выборных людей в другие города делало таможенных голов более независимыми от местных воевод. С точки же зрения А.С. Лаппо-Данилевского, при таких назначениях злоупотребления местных голов никак не уменьшались, как и влияние земских людей.

Несмотря на указанные недостатки «Обозрения...», А.С. Лаппо-Данилевский считал эту работу весомым вкладом в современную русскую археографию — трудом, способствующим прочному и твердому движению науки, почему признавал Н.Н. Оглоблина достойным премии имени А.М. Сибирякова (Лаппо-Данилевский 1899: 17, 18).

В оценке И.М. Каманина, обстоятельный и целесообразно «сортированный» труд Н.Н. Оглоблина — описание актовых книг и других документов — не имеет аналога. И.М. Каманин при этом напомнил про мысль академика Н.Ф. Дубровина о зависимости качественного составления описания архивов от хорошего их устройства (Каманин 1895: 3).

На взгляд И.М. Каманина, «Обозрение...» Н.Н. Оглоблина адресовано в первую очередь лицам, интересующимся документальным фондом МАМЮ. Рецензент считал первоочередной задачей Н.Н. Оглоблина распределение источников на однородные подгруппы с привязкой к столбцам и книгам Сибирского приказа, что ранее было предложено Ф.П. Истоминым. И.М. Каманин ус-

матривал разницу в проектах разделения материала у Ф.П. Истомина и Н.Н. Оглоблина лишь в многообразии документальных данных, используемых последним.

И.М. Каманин находил вполне оправданной классификацию материала «Обозрения...» на 4 части (документы воеводского управления, документы таможенного управления, документы по сношениям местного самоуправления с центральным управлением, документы центрального управления) и полагал, что само содержание материала привело Н.Н. Оглоблина к мысли распределить его таким способом (Каманин 1895: 3).

Как писал И.М. Каманин, логическое распределение материалов в «Обозрении...» позволяет выделить определенные документы в отдельные группы, и при необходимости эти документы легко обнаружить (Каманин 1895: 6—8).

В оценке рецензента «Обозрение...» Н.Н. Оглоблина является последним словом науки, бесценным, кропотливым трудом, которому не случайно отведено место в разделе «Исследования» широко известных «Чтений в Обществе истории и древностей российских» (Каманин 1895: 9—10).

В представлении И.М. Каманина «Обозрение...» имело в первую очередь научное, а затем уже практическое значение, предназначаясь исследователям «сырого» архивного материала, а потому использованная Н.Н. Оглоблиным классификация документов наиболее удобна для их целенаправленного систематического рассмотрения (Каманин 1895: 11).

А.И. Андреев, признававший «Обозрение...» Оглоблина незаменимым пособием «для всех работающих по истории Сибири», указал, что вначале его автор лишь предполагал редактирование Миллером текстов актов, привезенных из Великой Северной экспедиции. Позднее, пользуясь указанием А.А. Гоздаво-Голомбиевского относительно неисправности одного из этих документов, Н.Н. Оглоблин счел, что Миллер крайне небрежно, с грубыми ошибками переделал подлинник, т.е. проявил «недобросовестное отношение» к источнику. Наконец, в более поздней работе на основании еще двух подлинников, копии которых есть в миллеровских сборниках актов, Н.Н. Оглоблин сделал вывод о произволе «отца сибирской истории» при копировании документов как его историографическом методе.

Некоторые исследователи поддержали эти суждения. Однако, писал А.И. Андреев, «выводы Н.Н. Оглоблина основаны только на трех случаях, относящихся к одному из самых плохих в смысле выполнения сборников копий», Миллер сам не снимал копий и редко сличал их с подлинниками, провинциальные же канцеляристы едва ли старались переписывать верно, часто были и не способны это делать в силу малограмотности (Андреев 1965: 157—159; Андреев 1999: 130, 131).

По заключению выдающегося историка XX в., в целом вывод Н.Н. Оглоблина неоснователен, часто миллеровские копии очень точны, да и при наличии ошибок, искажений эти копии остаются незаменимым источником по сибирской истории (Андреев 1999: 132).

С.В. Бахрушин тоже находил, что вряд ли подобно Н.Н. Оглоблину «можно ставить в вину Миллеру те недочеты, которые были допущены не отличавшимися грамотностью переписчиками из местных канцелярий при полной невозможности за недостатком времени самому производить сверку» (Бахрушин 1955: 110).

С.В. Бахрушин отмечал, что Н.Н. Оглоблин, «давший хорошее описание дел Сибирского приказа», сам по ним подготовил несколько статей по истории хантов XVII в. В оценке крупнейшего историка-сибироведа прошлого века, Н.Н. Оглоблин верно определил индивидуальный характер «бывшего служилого татарского землевладения ... в противоположность общности ясачного землевладения» (Бахрушин 1955: 188, 230).

По замечанию С.В. Бахрушина, в «Обозрении...» Н.Н. Оглоблина ошибочно сказано, что в документах умалчивается о западносибирском восстании 1660-х гг., а также не раскрыты информационные возможности некоторых архивных дел (Бахрушин 1999: 231).

На взгляд С.В. Бахрушина, Н.Н. Оглоблин в статье о знаменах «не делает различия между осяками и осяко-самоедами (селькупами)» (Бахрушин 1955: 110).

Ф.А. Кудрявцев полагал, что Н.Н. Оглоблиным главной причиной восстаний XVII в. считались злоупотребления воевод, доходившие в Сибири до грандиозной степени и приводившие к ухудшению условий жизни населения. (Н.Н. Оглоблин писал, что бунты были прямо пропорциональны воеводским злоупотребле-

ниям и иногда длились несколько лет, превращаясь в активные военные действия с осадой и прямым изгнанием из городов воевод, которых заменяли выборные судейки, «мирские круги, советы, думы». Н.Н. Оглоблин признавал эти органы временными, ибо после отстранения народом злоупотреблявших воевод из Москвы направлялись вновь назначенные, которые, по словам Ф.А. Кудрявцева, вскоре также нарушали права сибирского населения) (Кудрявцев 1939: 4).

А.В. Ефимов, говоря об изучении Н.Н. Оглоблиным биографии С. Дежнева, отмечал, что ученый исследовал челобитные знаменитого землепроходца и его товарищей и опубликовал эти документы в ряде статей. Но в представлении А.В. Ефимова Н.Н. Оглоблин, как и Г.Ф. Миллер, не систематизировал сведения о походе С. Дежнева, не раскрыл научного и культурно-исторического значения русских географических открытий XVII в. в Сибири. Тем не менее А.В. Ефимов признавал труды Н.Н. Оглоблина новым этапом в изучении истории похода С. Дежнева, экспедиций восточносибирских служилых и торговых людей вообще (Ефимов 1951: 9, 10).

В оценке В.А. Александрова статья Н.Н. Оглоблина о «женском вопросе» в Сибири — единственная на эту тему; о различных правонарушениях при заключении браков автор писал, однако, по незначительному архивному материалу. Привлекая дополнительные сведения, В.А. Александров оспорил вывод Н.Н. Оглоблина о невзыскательности сибирских нравов в XVII в. (Александров 1964: 139—140).

В.Г. Мирзоев, относивший Н.Н. Оглоблина к представителям радикального крыла либерализма, отмечал, что все творчество этого ученого связано с документальным фондом МАМЮ. Будучи историком-архивоведом, Н.Н. Оглоблин уделил наибольшее внимание сибирскому источниковедению, истории открытия и изучения Сибири, борьбе местных казаков против воеводского управления. Объединяющей, по мнению В.Г. Мирзоева, темой всех трудов Н.Н. Оглоблина была роль народа в истории Сибири, оценка ее прошлого как результата деятельности русского и коренного населения. Н.Н. Оглоблиным признавались заслуги сибиряков перед мировой наукой, он также интересовался классовыми волнениями в Сибири.

На взгляд В.Г. Мирзоева, масштабное «Обозрение...» создавалось как указатель для изучения истории Сибири, и автором приводились различные документы (важные и незначительные, старые и новые, достоверные и недостоверные). По мнению В.Г. Мирзоева, при этом Н.Н. Оглоблин использовал тот же принцип сбора и классификации документов, что и в подготовленном им прежде «Обозрении историко-географического материала XVII и начала XVIII веков». В процессе работы Н.Н. Оглоблину пришлось выяснять степень достоверности фактического материала; при этом ученый заметил и недостатки в издании документов Г.Ф. Миллера (Мирзоев 1970: 375, 376). В.Г. Мирзоеву подобно С.В. Бахрушину и А.И. Андрееву думалось, однако, что данным «отца сибирской истории» следует доверять, несмотря на интуитивное суждение Н.Н. Оглоблина по этому вопросу.

Как писал В.Г. Мирзоев, Н.Н. Оглоблин вслед за Г.Ф. Миллером раскрыл достоинства исторических трудов С.У. Ремезова. Н.Н. Оглоблин выполнил и глубокий анализ источников ремезовской «Чертежной книги». Именно благодаря Н.Н. Оглоблину, полагал В.Г. Мирзоев, роль творчества С.У. Ремезова была признана и оценена историками (Мирзоев 1970, 377).

Немаловажное значение видный специалист по сибирской историографии придавал работам Н.Н. Оглоблина, посвященным географическим открытиям, сделанным простыми сибиряками. Н.Н. Оглоблин, писал В.Г. Мирзоев, находил обязательным освещать такие открытия русских людей. Так, он подробно изучил деятельность С. Дежнева (Мирзоев 1970: 378), обнаружив его первую челобитную, подтверждающую факт открытия им пролива, затем названного Беринговым, еще в 1648 г. В.Г. Мирзоев отмечал заслуги Н.Н. Оглоблина и в изучении деятельности В. Атласова. Об открытии им Камчатки свидетельствуют, по заключению видного археографа рубежа XI—XX вв., «скаски» о первом камчатском походе, составленные В. Атласовым (Мирзоев 1970: 379). Среди первопроходцев, деятельность которых была исследована Н.Н. Оглоблиным, В.Г. Мирзоев называет и Стадухина, Селиверстова, Реброва.

Н.Н. Оглоблин, согласно В.Г. Мирзоеву, называл в числе причин волнений тяготы службы XVII в. в сибирских городах, произвол властей, столкновение государственного начала с народ-

ным, стремление избавиться от гнета воевод, переселиться в необжитые районы отдельным свободным «миром»; ученым в ряде статей был определен состав восставших и описано тяжелое положение населения, даже суровая женская доля в Сибири (Мирзоев 1970: 380, 381). Анализируя деятельность Н.Н. Оглоблина, В.Г. Мирзоев пришел к выводу, что замечательный архивист считал XVII в. периодом народных восстаний против злоупотреблений воевод, сословной борьбы.

В представлении В.Г. Мирзоева Н.Н. Оглоблин ставил на первое место в истории Сибири деятельность инородцев, а следующее отводил первопоселенцам, судя по статьям об остояцких «знаменах» и остояцких князьях XVII в.

В.Г. Мирзоевым подчеркивается несомненный вклад Н.Н. Оглоблина в сибирскую историографию. Благодаря сдержанным оценкам при установлении исторических фактов его труды, прежде всего грандиозное «Обозрение...», по мнению В.Г. Мирзоева, актуальны в любое время. Недаром, на его взгляд, работы Н.Н. Оглоблина были приняты за основу многими видными последующими учеными, например, А.И. Андреевым (Мирзоев 1970: 382).

С точки зрения М.Б. Шейнфельда, ко времени начала работы над «Обозрением...» (1886 г.) Н.Н. Оглоблин был уже опытным историком-архивоведом; так, совместно с Н.В. Калачовым он разработал новый метод научно-тематического архивного описания, примененный в «Обозрении историко-географических материалов, заключающихся в книгах Разрядного приказа» (1884 г.). М.Б. Шейнфельд отметил расхождения между Д.Я. Самоквасовым и Н.Н. Оглоблиным в оценке научного значения «Обозрения...» (Шейнфельд 1973: 271), подчеркнув, что его автор не был сторонником и юридического подхода к классификации, и не использовал группировку документов по социально-политическому признаку. По мнению М.Б. Шейнфельда, в основе научно-тематического «Обозрения...» лежал формальный метод классификации документов в зависимости от ведомственного признака (документы воеводского, таможенного, местного и центрального управлений). Н.Н. Оглоблин признавал достоверность и содержательность использованных источников, а также указывал на отражение в них жизни народа. По степени ценности, считал

М.Б. Шейнфельд, Н.Н. Оглоблин выделял отписки и грамоты, документы о ссыльных, злоупотреблениях служилых людей и хозяйственные дела. Не менее важными автор считал челобитные духовных, служилых, торговых, промышленных людей, ясачных и пашенных крестьян, гулящих людей. Н.Н. Оглоблин ссылался на «голос народа», звучащий в изученных документах (Шейнфельд 1973: 272). (Сохранилось письмо Н.А. Попову от Н.Н. Оглоблина (за 10 ноября 1891 г.) с указанием, что порядок восхождения от дел местного управления к делам центрального управления принят вследствие вторичности деятельности московского относительно сибирского).

М.Б. Шейнфельд напомнил, что рецензировавший «Обозрение» Д.Я. Самоквасов, признавая достоинства этого труда, писал о малой пользе его для науки. М.Б. Шейнфельд же полагал, что присуждение премии Академии наук имени А.М. Сибирякова Н.Н. Оглоблину и использование «Обозрения...» в развитии историографии как незаменимого руководства, которое раскрывало содержание массива архивных документов по истории Сибири XVI—XVII вв., обнаруживают ценность, даже необходимость подобных исследований (Шейнфельд 1973: 273).

М.Б. Шейнфельд отметил, что с работ Н.Н. Оглоблина, использовавшего конкретный материал, началось освещение народных социальных движений XVII в. в Сибири. С точки зрения красноярского историка, Н.Н. Оглоблин пришел к пониманию социальных корней народных бунтов. М.Б. Шейнфельд подчеркивал, что в статье «Бунт и побег на Амур “воровского полка” М. Сорокина» злоупотребления воевод отходят на второй план, а основной причиной мятежа оказываются тяготы сибирской службы, лишь усугубленные произволом власти. (Н.Н. Оглоблин писал 15 октября 1900 г. С.И. Шубинскому о том, что в своих исследованиях он делает упор не на воеводские злоупотребления, а на выступления народа против них). По мнению М.Б. Шейнфельда, закономерные причины народного восстания (стремление отделиться от государевых воевод, жить свободной общиной) вырачительно раскрыты Н.Н. Оглоблиным в статье о Нерчинском заговоре (Шейнфельд 1973: 274, 283).

Тот же историограф подчеркивает, что Томский бунт 1637—1638 гг., характерный, по Н.Н. Оглоблину, для социальных дви-

жений в Сибири XVII в., в его оценке возник в результате воеводских злоупотреблений и стремления представителей власти обогатиться. При этом Н.Н. Оглоблиным было показано серьезное столкновение интересов «мира» служилых людей с интересами государя. Причиной Томского бунта 1648 г. Н.Н. Оглоблин называл и ухудшение положения трудового населения, выразившееся, в частности, в росте повинностей крестьян. Томский бунт, по мнению М.Б. Шейнфельда, описан Н.Н. Оглоблиным как стандартное народное движение в ответ на воеводские злоупотребления. При рассмотрении этого бунта Оглоблин показал острое столкновение низших категорий служилых людей со всем политическим и социальным укладом Московского государства, указывая на «мир» как самостоятельную ячейку в государстве. Попутной причиной Томского бунта Оглоблин считал ухудшение положения трудового населения, связанное со спекуляцией хлебом, сокращением хлебного жалованья, увеличением повинностей. Как находил М.Б. Шейнфельд, в Красноярском бунте 1695—1698 гг. Н.Н. Оглоблиным было выделено две группы участников: одна часть считала, что существует возможность устроиться самостоятельно и навсегда, другая верила в существование лояльных воевод (Шейнфельд 1973: 275, 276).

На взгляд М.Б. Шейнфельда, тяготы сибирской порубежной службы представлялись Н.Н. Оглоблину одной из второстепенных причин бунта и побега на Амуре «воровского полка» М. Сорокина. Нерчинский же заговор показал стремление служилых людей отделиться от государевых воевод и зажить самостоятельной жизнью свободной общины, находил Н.Н. Оглоблин.

Якутская «фрознь» детей боярских и казаков была изображена Н.Н. Оглоблиным как проявление борьбы между отдельными группами населения. Несмотря на сочувствие Н.Н. Оглоблина к угнетенным, хотя и в качестве общечеловеческой позиции, он, по мнению М.Б. Шейнфельда (что было присуще советской историографии), не переходил границы либерализма. В представлении М.Б. Шейнфельда, у Н.Н. Оглоблина служилые сословия заслоняли классовую структуру, а классовую борьбу ученый исследовал вовсе не как проявление внутренней антагонистичности общественных отношений, почему точка зрения Н.Н. Оглоблина

на сословные антагонизмы нередко впоследствии оспаривалась (Шейнфельд 1973: 274—276).

М.Б. Шейнфельд признавал грандиозное «Обозрение...» Н.Н. Оглоблина важнейшим рубежом в разработке актового материала исторического сибиреведения.

Среди ценных работ источниковедческого характера, оставленных Оглоблиным, Шейнфельд выделял работы о Ремезове, о землепроходцах и мореходах Дежнев, Атласов, Ребров, Селиверстов и других (Шейнфельд 1973: 24, 273).

Е.В. Чистякова указывала на то, что Н.Н. Оглоблин подробно раскрыл ход томского восстания 1648 г. и рассмотрел также восстания 30-х гг. XVII в. в Томске, перечислив группы их участников (Чистякова 1975: 211, 212, 217, 218).

Е.В. Чистякова, указав, что «в движении 1634 г. участвовали не только казаки, зачисленные “по литовскому списку”, но и пашенные крестьяне», отказалась называть его заговором «томской литвы», как поступил Н.Н. Оглоблин. У И.Р. Соколовского такая позиция вызывает недоумение, ибо в данном случае «литва» — это не название «литовского списка», а определение государственной принадлежности, которое может распространяться на крестьян, да и заговор «литвы» — определение из отписки воевод, и нет оснований ему не верить (Соколовский 2004: 34).

И.Р. Соколовский вслед за Н.Н. Оглоблиным пишет о возможности оттока «литвы» из Сибири, подчеркивая, что игнорирование такой возможности может невольно привести к грубым искажениям динамики численности данной категории «служилых людей» (примером этого является работа Н.Ф. Емельянова) и даже к фальсификации общей картины ее положения в Сибири верить.

Н.Н. Оглоблин, в отличие от своих предшественников, говорил о возможности различать по фамилиям «черкас», белорусов и поляков среди служилых людей, что, на взгляд И.Р. Соколовского, обозначило новый подход к проблеме «литовской» ссылки в Сибирь (Соколовский 2004: 37, 53).

Как отметил И.Р. Соколовский, выводы Н.Н. Оглоблина о пребывании «литвы» и «немцев» в Сибири в той или иной мере оказали влияние на работы П.М. Головачева, З.Я. Бояшиновой,

В.А. Александрова, Р.Ф. Лещенко, В.Н. Курилова и А.А. Люцидарской (Соколовский 2004: 23, 30, 32, 36, 40).

Д.Я. Резун подчеркивал обстоятельность подхода Н.Н. Оглоблина к проблеме «литвы» в Сибири XVII в., полагая, что тот относил к ссыльным только таких «литовских людей», которые вследствие измены отправлялись в Сибирь, чаще всего в Томск, где, занимая административно-хозяйственные должности, не испытывали ограничений и подчинялись лишь общим правилам.

На взгляд известного новосибирского историка последних десятилетий, Н.Н. Оглоблин показал, что служба, объединяющая «литву» однородными интересами и родственными связями, способствовала изменению ее характера в сторону подвижности, активности, отстаивания своих интересов (Очерки истории белорусов... 2001: 8, 9).

В представлении Д.Я. Резуна Н.Н. Оглоблин обратил особое внимание на социальные движения, хотя упустил при этом их экономическую подоплеку. Д.Я. Резун считал работу Н.Н. Оглоблина, посвященную красноярскому бунту 1695—1698 гг., первым из трудов о классовой борьбе в городах Сибири XVII в., где эта тема рассмотрена на конкретном материале, отражающим и особенности событий в Красноярске, и общие закономерности восстаний в других сибирских городах (Резун 1978: 159).

По наблюдению Д.Я. Резуна, красноярский бунт был выделен Н.Н. Оглоблиным среди волнений, основной причиной которых являлось недовольство плохими администраторами. Столкновение нужд сибирских служилых людей с интересами московских воевод и других «начальных людей», по мнению исследователя, сделало бунт неизбежным. Не последнюю роль в его возникновении сыграли и воеводские злоупотребления, что привело к противостоянию «мира» служилых людей с поборниками интересов «великого государя». В оценке Д.Я. Резуна методы исследования Н.Н. Оглоблина присущи буржуазному ученому-объективисту. По определению видного историографа конца прошлого века, Н.Н. Оглоблину было свойственно внимание к выборным организациям восставших, отсутствие бранных эпитетов применительно к повстанцам, признание произвола местной и центральной администрации, умение осуществлять социальный анализ противоборствующих сил. Д.Я. Резун полагал, что обращение Н.Н. Ог-

лоблина к красноярскому бунту со временем привело к появлению первого марксистского монографического исследования по истории классовой борьбы в Восточной Сибири в конце XVII века — книги Ф.А. Кудрявцева (Резун 1978: 160, 161).

По словам Д.Я. Резуна, «Обозрение...» Н.Н. Оглоблина — «ценное археографическое описание научно-исследовательского характера», содержащее «важные наблюдения по фактической истории присоединения и освоения Сибири», а в своих «Архивных мелочах» ученый «опубликовал пересказ очень многих интересных фактов из истории Сибири».

Тысячи документов, хранившихся в фонде Сибирского приказа, как отметил Д.Я. Резун, были обнаружены именно Н.Н. Оглоблиным. Так, он выявил ценную «Ведомость сибирских городов» 1701 г. (Резун 1996: 11, 27).

По наблюдению Д.В. Раева и Д.Я. Резуна, однако, характеристика дела о переводе 500 стрельцов в Сибирь в 1635 г. «в знаменитом труде Н.Н. Оглоблина ... в основном ... ограничивается перечнем документов (Раев, Резун 2004: 13).

В числе документов Сибирского приказа Н.Н. Оглоблиным были изучены окладные книги, позволяющие судить о различных аспектах истории Азиатской России. По наблюдению М.И. Наврот, Н.Н. Оглоблин среди 1214 указанных им окладных книг выделял 6 типов (Наврот 1956: 185—186).

А.С. Чупров вслед за М.Б. Шейнфельдом констатировал серьезный вклад Н.Н. Оглоблина в изучение городских восстаний и волнений XVII столетия. Н.Н. Оглоблиным было опубликовано восемь статей на эту тему с подробным освещением событий томских восстаний 1637—1638, 1648 гг., нарымского бунта 1649 г., побега на Амур из Илимского острога полка М. Сорокина в 1645—1655 гг., якутского конфликта 1668—1669 гг., красноярского бунта 1695—1698 гг. и нерчинского заговора, так что, по наблюдению А.С. Чупрова, исследования Н.Н. Оглоблина имеют широкие хронологические и географические рамки (Чупров 1984: 149, 151).

На взгляд историографа, этим работам свойственно не простое изложение фактов городских восстаний, а выявление и объяснение причин волнений, среди которых назывались тяготы службы в Сибири, расхождение интересов служилого населения и нужд

государства, злоупотребления и конфликты воевод, неудовлетворительное материальное положение рядовых служилых людей, сбор натуральных повинностей, разница в положении казаков и детей боярских, раздоры между коренными жителями и русскими, протесты против ссылки, «национальный вопрос», факт привлекательности необжитых земель Амурского края и Дальнего Востока. Однако А.С. Чупров находил невзаимосвязанными заключения Н.Н. Оглоблина (признавая необходимость объяснения историком каждой причины) (Чупров 1984: 152) и упрекал его в отсутствии внимания к волнениям среди таких слоев населения, как крестьяне, посадские, ясачные, промышленные и вольные люди.

Л.М. Горюшкин и Н.А. Миненко тоже считали Н.Н. Оглоблина первым исследователем народных движений в Сибири, полагая, однако, что ученому не удалось вскрыть социально-экономические причины волнений (Горюшкин, Миненко 1984: 94).

По указанию В.А. Александрова и Н.Н. Покровского, Н.Н. Оглоблин изучал восстания 1630-х и 1640-х гг. в Томске, Красноярский бунт конца XVII в. и сделал вывод о том, что редкий сибирский воевода избегал сысков (Александров, Покровский 1991: 246, 252, 272). В.А. Александров и Н.Н. Покровский обратили внимание и на замечание Н.Н. Оглоблина о том, что для делопроизводства Сибирского приказа обычным документом была войсковая челобитная с просьбой о производстве избранного служилыми людьми лица в ту или иную командную должность (Александров, Покровский 1991: 153).

Н.Н. Покровский констатировал, что томское восстание 1648—1649 гг. начало изучаться в конце XIX в., когда Н.Н. Оглоблин приступил к публикации документов Сибирского приказа, среди которых были перечислены и столбцы, содержащие документальный материал об этом движении. (Специальная статья Н.Н. Оглоблина, посвященная восстанию в Томске, вышла в свет в 1903 г.). Н.Н. Покровский отмечал значение, которое Н.Н. Оглоблин придавал размерам и сплоченности томичей, участию в движении служилых и жилецких людей. Но Н.Н. Покровский обратил внимание на отказ Н.Н. Оглоблина последовательно излагать и анализировать материал (данную «прерогативу» он предоставлял последующим исследователям) (Покровский 1989: 7, 9).

Л.И. Шохин посвятил специальную статью работе Н.Н. Оглоблина над «Обозрением столбцов и книг Сибирского приказа», отметив, что замысел этого труда возник у автора еще в период обучения на архивном отделении Петербургского археологического института (Шохин 1988: 200).

По сведениям Л.И. Шохина, Н.Н. Оглоблин приступил к сбору материала для «Обозрения...» с ноября 1886 г., а первую часть труда намеревался закончить к 1888 г. Согласно журналу выдачи архивных документов, Н.Н. Оглоблин в конце мая 1886 г. изучал описи книг Сибирского приказа, в июне — столбцов, в июле — вязок, после чего приступил к просмотру документов. Сохранилась докладная записка Н.Н. Оглоблина в адрес Н.А. Попова от 24 декабря 1887 г., свидетельствующая о неполноте, недостоверности, иногда и нелепости заголовков, отсутствии в архиве документов, почему автору «Обозрения...» пришлось использовать лишь последние (Шохин 1988: 201).

По данным В.Н. Самошенко, Н.Н. Оглоблин приступил к работе над «Обозрением...» в 1887 г., приурочив работу над ним к 300-летию юбилею присоединения Сибири к России. В период издания «Обозрения...» бытовало негативное отношение к подобным публикациям, но труд Н.Н. Оглоблина современники оценили весьма высоко. Причиной профессионального успеха этого труда В.Н. Самошенко считает знания, квалификацию и способности его автора, который проявил себя настоящим исследователем (Самошенко 1989: 140, 146).

Полемизируя с Н.Н. Оглоблиным, утверждавшим, что «литва» имела элементы самоорганизации, Н.И. Никитин показывает, что иностранцы принадлежали не только к верхним («дети боярские», «конные казаки»), но и к нижним ступеням служилой иерархии (например, «пешие казаки»).

Н.И. Никитин назвал Н.Н. Оглоблина крупнейшим знатоком сибирских материалов, в частности документов о С. Дежневе (Никитин 1999: 40).

По замечанию И.Р. Соколовского, по мере разбора фонда Сибирского приказа и составления «Обозрения...» Н.Н. Оглоблин публиковал ряд небольших статей, посвященных различным вопросам сибирской жизни.

На взгляд И.Р.Соколовского, историки, писавшие вслед за Оглоблиным, получили прекрасное архивное руководство и возможность разрабатывать описанные им архивные богатства, концентрируя свое внимание на том или ином типе источников, уже известном «Обозрению...» (Соколовский 2004: 49).

Как констатирует И.Р. Соколовский, без обращения к «Обозрению...» не обходится ни одна сибиреведческая работа в течение без малого ста лет. Но эта книга не содержит историографии сибирской истории, автор ограничивается лишь сообщениями, «какие из документов Сибирского приказа уже напечатаны и в каких именно изданиях». Тем не менее в комментариях к документам содержится богатая информация о ссылке в Сибирь и служебной деятельности отдельных лиц польско-«литовского» происхождения, например, о томичах П. Сабанском и А. Михайлевском.

И.Р. Соколовский обратил внимание на полемику Н.Н. Оглоблина с П.Н. Буцинским. Первый из этих историков писал, что далеко не все ссыльные иноземцы оставались навсегда в Сибири, напротив, многие из военнопленных были только временными поселенцами Сибири и затем возвращались на родину вследствие заключения мира и «размена вязней» (т.е. взятых в плен). Н.Н. Оглоблин считал, что саму цифру ссыльных, приведенную в книге П.Н. Буцинского (1889 г.), «смело можно увеличить едва ли не вдвое». Н.Н. Оглоблин в отличие от П.Н. Буцинского полагал, что часть литвы, вынужденная оставаться в Сибири в силу разных обстоятельств, например, по случаю женитьбы на русских, по мотивам ссылки (если это были не «военнопленные, а «изменники-черкасы», или преступники), «не видела в Сибири второго отечества и не переставала забывать и постоянно стремилась к первому (на родину. — *И. С.*), тяготясь жизнью в Сибири».

С точки зрения И.Р. Соколовского, Н.Н. Оглоблин почти безоговорочно считал, что в большинстве случаев «литва» появлялась в Сибири в качестве ссыльных людей «из военнопленных, разного рода “изменников” и проч.», и как альтернативу ссылке рассматривал возможность добровольного переселения немногих иноземцев (прежде всего черкас) в русле движения «гуляющих людей».

Н.Н. Оглоблин называл «литву» белорусами, а «черкас» малороссами и тут же оговаривался, что «под литвою в XVII в. разумелись не одни только белорусы и литовцы в собственном смысле, но также и поляки, черкасы, латыши и подданные Польского государства», причем в состав «литовских миров» иногда входили немцы и даже французы. По мнению Н.Н. Оглоблина, «литовского списка казаки» целиком состояли из иностранцев, хотя определить их реальную национально-государственную принадлежность в некоторых случаях затруднительно. Как представлялось Н.Н. Оглоблину, «если в этих отрядах служилой “литвы” можно иногда хотя бы по фамилиям отличить черкасов от поляков и белорусов, то уже в общей массе сибирского крестьянства даже по этим признакам нельзя отделить малоросса и др. “литвы” от великоросса».

На взгляд ученого, присутствие в Сибири «ссыльных иностранцев, конечно, поднимало культурный уровень местных служилых людей».

И.Р. Соколовский ставит в заслугу Н.Н. Оглоблину введение в научный оборот целого вида делопроизводственных источников (так называемые «дела о ссыльных»). В работе о событиях, за которыми с его «подачи» закрепилось наименование «заговора томской “литвы” 1634 года», Н.Н. Оглоблин пошел за текстом воеводской отписки, и, по наблюдению И.Р. Соколовского, у видного археографа содержится лишь слабый намек на то, что данный источник мог быть тенденциозен (но не предпринимает попытки вскрыть причины этой предвзятости) (Соколовский 2004: 20).

В.Д. Пузанов находил справедливым вывод Н.Н. Оглоблина о том, что в Сибири воеводы (особенно в южных уездах) нередко зачисляли на службу крестьян и ссыльных (Пузанов 2011: 60).

В.Д. Пузанов, считавший «Обозрение...» важным и нужным для науки трудом, содержащим много новых материалов, обратил внимание и на критику Н.Н. Оглоблиным копий актов, привезенных из Сибири Г.Ф. Миллером (Пузанов 2010: 25, 63, 66). А.Б. Каменский, однако, писал, что критика Н.Н. Оглоблиным Г.Ф. Миллера как историка и источниковеда не учитывала, что никакого опыта копирования документов в начале сибирского путешествия «у Миллера, как, впрочем, и ни у кого другого в России того времени еще не было, как не существовало еще ни-

каких правил и археографических приемов» (Каменский 2012: 279).

А.С. Зуев обращал внимание на содержащиеся «Обозрения...» Н.Н. Оглоблина важные сведения, касающиеся перевода на службу в Сибирь 54 иностранных офицеров и рейтар с целью организации в Тобольске рейтарского полка (Зуев 1998: 11—20).

С точки зрения Г.Ю. Колевой, рассматривая вопрос о составе «литвы» в Сибири, Н.Н. Оглоблин практически отождествлял понятия «литвы» и казаки «литовского списка» (Колева 2014: 120). (Исследовательница не согласилась с таким выводом).

А.К. Матюков находит интересной исследовательскую установку Н.Н. Оглоблина, получившую развитие в исследованиях XX в.: знамена инородцев — это зародыш примитивного искусства живописи (Матюков 2013: 183).

А.И. Костановым был подчеркнут весомый вклад Н.Н. Оглоблина в изучение сибирской и дальневосточной проблематики XVII — первой половины XVIII в. (Костанов 2007: 34).

Таким образом, творческое наследие Н.Н. Оглоблина как историка-сибироведа часто интересовало отечественных ученых и удостоилось большей частью положительных отзывов. Обстоятельнее всего оно рассмотрено А.С. Лаппо-Данилевским, В.Г. Мирзоевым, М.Б. Шейнфельдом, Л.И. Шохиним и И.Р. Соколовским. Исследователи подчеркивали уникальность «Обозрения...», удачную систематизацию в нем громадного, ранее почти неопубликованного документального материала, что дало возможность довольно свободно ориентироваться в различных архивных «делах», отражающих едва ли не все стороны прошлого Сибири конца XVI — второй трети XVIII столетий. Вместе с тем и современники Н.Н. Оглоблина, и последующие историки иногда упрекали его в недостаточной подробности изложения содержания документов наряду с чрезмерной ввиду задач «Обозрения...» детальностью при описании многих из них (так, явными пробелами страдает характеристика материалов таможенного делопроизводства), в неполноте справочного аппарата этого труда, ставили под сомнение ряд выводов ученого, которому не всегда удавалось избегать в сугубо археографической работе исследовательского подхода. Порой в историографии обращалось внимание на неубедительность аргументов Н.Н. Оглоблина относи-

тельно степени достоверности копий дел, привезенных из Сибири Г.Ф. Миллером, и трактовок причин восстаний и волнений в сибирских городах XVII в. Вместе с тем, по заключению большинства исследователей, «Обозрение...» остается незаменимым пособием в процессе архивных разысканий по истории Азиатской России и служит одним из вершинных достижений отечественной архивоведческой мысли конца XIX в.

Литература

Александров В.А., Покровский Н.Н. 1991. Власть и общество: Сибирь в XVII в. Новосибирск: Наука.

Александров В.А. 1964. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). Москва: Наука.

Андреев А.И. 1965. Очерки по источниковедению Сибири. Вып. 2: XVII век (первая половина). Москва; Ленинград: Наука.

Андреев А.И. 1999. Труды Г.Ф. Миллера о Сибири // Миллер Г.Ф. История Сибири. Т. 1. Москва: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 66—149.

Бахрушин С.В. 1999. Восстание в Западной Сибири в 1662—1665 гг. // Отечественная культура XVIII—XX веков: Сборник статей и материалов. Брянск, 246—253.

Бахрушин С.В. 1955. Научные труды. Т. 3. Ч. 2. Москва: Изд-во АН СССР.

Васильевский В.Г. 1899. Отчет о присуждении премии имени почетного гражданина А.М. Сибирякова // Зап. имп. Академии наук по историко-филологическому отделению. VIII серия. Т. IV. № 3. 1—18.

Горюшкин Л.М., Миненко Н.А. 1984. Историография Сибири дооктябрьского периода (конец XVI — начало XX в.). Новосибирск: Наука.

Ефимов А. 1951. Документы об открытиях русских землепроходцев и полярных мореходов в XVII веке // Орлова Н.С. (сост.) Открытия русских землепроходцев и полярных мореходов XVII века на северо-востоке Азии: Сборник документов. Москва: Изд-во географической лит., 6—48.

Зуев А.С. 1998. Дело о полке Эгерата (К вопросу об организации в Сибири в 1660-х гг. полков нового строя) // Социокультурное развитие Сибири (XVII—XX века): Межвузовский сборник научных трудов (Бахрушинские чтения 1996 г.). Новосибирск: Новосибирский государственный университет, 11—20.

Каманин И.М. 1895. Чем должны быть описи архивов? Киев: типография Корчак-Новицкого.

Каменский А.Б. 2012. К вопросу о становлении русской исторической науки // Рогожин К.М. (отв. ред.). Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). Сборник статей к 80-летию члена-корреспондента РАН В.И. Буганова. Москва: РОССПЭН, 276—289.

Колева Г.Ю. 2014. Иноземный контингент в составе служилых людей Сибири: казаки «литовского списка» // Вестник Сургутского государственного педагогического университета 4 (31), 118—127.

Костанов А.И. 2007. Документальная история Сибири: XVII — середина XIX вв. Владивосток: Дальнаука.

Кудрявцев Ф.А. 1939. Восстания крестьян, посадских и казаков Восточной Сибири в конце XVII века. Иркутск: Иркутское областное изд-во.

Лаппо-Данилевский А.С. 1899. Отзыв о сочинении Н.Н. Оглоблина «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа» // Зап. имп. Академии наук по историко-филологическому отделению. VIII серия. Т. IV. № 3. 1—18.

Матюков А.К. 2013. Пиктография обских угров: история изучения // Северный регион: Наука, образование, культура 1 (27), 181—189.

Мирзоев В.Г. 1970. Историография Сибири (Домарксистский период). Москва: Мысль.

Наврот М.И. 1956. Окладная книга Сибири 1697 г. // Проблемы источниковедения 5. Москва: Изд-во АН СССР, 184—209.

Никитин Н.И. 2014. Военные факторы колонизации Сибири XVII века как объект специального изучения // Российская история 3, 72—90.

Никитин Н.И. 1999. Землепроходец Семен Дежнев и его время. Москва: РОССПЭН.

Никитин Н.И. 2012. О «старой» ермаковской сотне (к истории одного мифа) // / Рогожин Н.М. (отв. ред.). Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). К 80-летию члена-корреспондента РАН В.И. Буганова. Москва: РОССПЭН, 224—231.

Никитин Н.И. 1987. Сибирская эпопея XVII века: Начало освоения Сибири русскими людьми. Москва: Наука.

Очерки истории белорусов в Сибири в XIX—XX вв. 2001. Новосибирск: Новосибирский государственный университет.

Покровский Н.Н. 1989. Томск 1648—1649 гг.: Воеводская власть и земские миры. Новосибирск: Наука.

Пузанов В.Д. 2011. Военная политика Русского государства в Западной Сибири (конец XVI — начало XVIII в.). Сургут: ООО «Таймер».

Пузанов В.Д. 2010. Военные факторы русской колонизации Западной Сибири: конец XVI — XVII вв. Санкт-Петербург: Алетейя.

Раев Д.В., Резун Д.Я. 2004. О посылке иноземцев Сибирь в 1635 г. // Сибирский плавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI — начала XX века. Новосибирск: Сибирский хронограф, 13—21.

Резун Д.Я. 1978. К истории изучения сибирского города XVII века в русской дореволюционной исторической науке (к постановке вопроса) // Города Сибири (эпоха феодализма и капитализма). Новосибирск: Наука, 143—163.

Резун Д.Я. 1996. Предисловие // Первое столетие сибирских городов: XVII век. Новосибирск: Сибирский хронограф, 9—35.

Самошенко В.Н. 1989. История архивного дела в дореволюционной России. Москва: Высшая школа.

Соколовский И.Р. 2004. Служилые «иноземцы» в Сибири XVII века (Томск, Енисейск, Красноярск) / Под ред. Д.Я. Резуна. Новосибирск: Сибирское отделение РАН.

Чирков С.В. 2005. Археография в творчестве русских ученых конца XIX — начала XX века. Москва: Языки славянской культуры.

Чирков С.В. 2005. В.О. Ключевский и развитие отечественной археографии в конце XIX — начале XX века // В.О. Ключевский и проблемы российской провинциальной культуры и историографии: Материалы научной конференции: Пенза, 25—26 июня 2001 года. Кн. 1. Москва: Наука, 117—138.

Чистякова Е.В. 1975. Городские восстания в России в первой половине XVII века (30—40-е годы). Воронеж: Воронежский государственный университет.

Чупров А.С. 1984. Историография городских восстаний и волнений в Сибири XVII в. // Историография городов Сибири конца XVI — начала XX вв. Новосибирск: Наука, 146—155.

Шейнфельд М.Б. 1973. Историография Сибири (конец XIX — начало XX вв.). Красноярск: Красноярский педагогический институт.

Шохин Л.И. 1988. О работе Н.Н. Оглоблина над «Обозрением столбцов и книг Сибирского приказа» // Источники по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск: Наука, 198—210.

Список сокращений

МАМЮ — Московский архив Министерства юстиции

РБС — Русский биографический словарь

РС — Русская старина

Глава 5

О ФОРМИРОВАНИИ ОСНОВНЫХ ПОДХОДОВ К ОСВЕЩЕНИЮ ПРОЦЕССОВ РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ СЕВЕРА И СИБИРИ СЕРЕДИНЫ XVI ВЕКА В РАННЕЙ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (НА ПРИМЕРЕ СБОРНИКОВ СТАТЕЙ «ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ КОЛОНИЗАЦИИ СЕВЕРА», ВЫП. 1 И «ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ КОЛОНИЗАЦИИ СЕВЕРА И СИБИРИ», ВЫП. 2)

При переходе от одной историографической парадигмы к другой явно проявляется «единство и борьба старого и нового», что, в частности, можно наблюдать при изучении русской колонизации Севера и Сибири в первые годы становления советской исторической науки. Важнейшим «первоэлементом», отразившим многие противоречия того времени в историографии русской колонизации Севера и Сибири, в том числе применительно к середине XVI в. — времени неофициального околоправительственного кружка Ивана IV («Избранной рады»), — стал 1-й выпуск сборника «Очерки по истории колонизации Севера», который увидел свет в русле исследовательской программы Комитета Севера при Русском географическом обществе (далее — РГО) в 1922 г. (Предисловие 1922а). В том же году был издан и второй сборник «Очерков...». (Предисловие 1922б). Представляется, что нужно обратить особое внимание на первый выпуск, так как он по сути представляет собой историографическое исследование, проводившееся в 1919—1920 гг. в рамках Северных колонизационных экспедиций при колонизационной части Комиссариата земледелия (бывшем Переселенческом управлении) (Предисловие 1922а: 5). В.А. Данилейко предполагает, что создание при РГО постоянного Комитета Севера в марте 1921 г. было связано со стремлением Наркомпроса «приблизить в начале 1920-х гг. деятельность РГО к хозяйственным нуждам страны и широкой просветительской работе» (Данилейко 2009: 90—91; Данилейко 2013: 167).

Изучив протоколы учредительных мероприятий, эта исследовательница пришла к заключению, что Комитет Севера играл

не только информационно-координирующую роль, но и имел право «собственного почина в деле исследования Севера России». Комитет Севера мог создавать подчиненные ему исследовательские структуры (Данилейко 2009: 90; 2013: 167). Интересно, что изучение «колониционных вопросов» обществом виделось в единстве с «экономическими» и «статистическими» и было названо в четвертой, предпоследней, очереди стоящих перед комитетом задач. Его статус внутри РГО объясняет то, что во главе этого комитета встал председатель РГО Ю.М. Шокальский (Данилейко 2009: 90).

По словам В.А. Данилейко, подготовка в рамках комитета к печати в 1921 г. сборников «Очерки по истории колонизации Севера», «Русский Север, его колонизация — земельный быт» и двух первых «Справочников Комитета Севера» «дают представление об интересах участников Комитета в вопросах истории и краеведения» (Данилейко 2009: 91).

Из-за полного прекращения финансирования комитета к концу 1922 г. многие из этих работ не были опубликованы. Удалось лишь выпустить второй выпуск «Очерков...», но уже с расширенным тематическим определением «...по истории колонизации Севера и Сибири». Думается, что публикацию второго выпуска «Очерков...» во многом следует связывать с тем, что в планах комитета на 1922 г. предусматривалось развертывание курсов по «североведению» в крупных вузах Петрограда (Данилейко 2013: 167).

В.А. Данилейко считает, что прекращение финансирования не прервало работу большинства научных сотрудников организации (Данилейко 2009: 92). При этом исследовательница, не обнаружив текущей документации Комитета Севера за 1923 г., сделала вывод, что «Комитет тогда прекратил свое существование» (Данилейко 2013: 167). По указанию В.А. Данилейко, самостоятельность Комитета Севера как «научно-исследовательское учреждение» «официально получил лишь в марте 1921 г.» (Данилейко 2009: 92). Она полагает, что в интересы Комитета Севера в целом в 1921 г. входили «исключительно районы Русского Севера» (Данилейко 2009: 90). Но уже предисловие к первому выпуску «Очерков...» позволяет в этом усомниться: в своеобразном микроанонсе второго выпуска отдельной главой

обозначена «История колонизации Сибири» (Предисловие 1922а: 6).

Программа исследований, отразившаяся в сборнике, была составлена «при участии» С.Ф. Платонова (Предисловие 1922а: 5), который состоял в президиуме РГО. Целью сборника, как явствует из предисловия, служило доказательство следующего тезиса: «...промышленная колонизация Севера и его возрождение даст надлежащие результаты, если это промышленное завоевание будет протекать параллельно с завоеванием земледельческим...». Процессы русского продвижения на Север европейской части России и в сторону Урала и Сибири в первом сборнике освещали Г.Ф. Чиркин, С.Ф. Платонов и А.И. Андреев. В.Г. Дружинин посвятил свои изыскания более поздней старообрядческой колонизации.

В предисловии ко второму сборнику прямо указывается, что сборник является «непосредственным продолжением» первых «Очерков по истории колонизации Севера», но название второго сборника очерков включало и указание на Сибирь.

Редакцией сборника отмечалось, что работа над очерками велась под эгидой Комитета Севера при РГО, но проект является продолжением деятельности, начатой при содействии Северной колонизационной экспедиции.

Обоснование необходимости «Очерков...», выраженное при публикации первого выпуска сборника, в предисловии ко второму было выражено максимально лаконично: «прошедшее является основой для будущего (выделено в источнике. — В. З.)». Думается, что представленная акцентуация отражает некоторую фронду широко распространенному убеждению первых лет советской власти:

Весь мир насилья мы разрушим
До основания, а затем
Мы наш, мы новый мир построим, —
Кто был ничем, тот станет всем.

(«Интернационал». Государственный гимн РСФСР в 1918—1922 гг.).

По мнению редколлегии второго выпуска «Очерков...», «практическая работа по грядущему возрождению потрясенного войной и революцией русского народного хозяйства» невоз-

можно без создания «исторических предпосылок» посредством обращения к прошлому опыту освоения регионов.

При этом редколлегия сборника апеллирует к высказыванию К.Д. Кавелина о том, что «когда-нибудь точные исследования восстановят точно процесс постепенного распространения русского племени на огромной территории...». Видимо, понимая, что краеведение, переживавшее расцвет в начале XX в., вступает в полосу кризиса, редколлегия от лица Комитета Севера при РГО и Северной колонизационной экспедиции призвала не только научные учреждения, но и «отдельные научные силы» изучать процессы колонизации по примеру первых двух сборников, но применительно к «остальным районам нашей обширной страны».

В предисловии к первому сборнику редколлегия анонсировала очерки (без указания авторов) с конкретной формулировкой темы: «По истории колонизации Пермско-Вятского края», «Истории колонизации Сибири» и «Иноземный торг на русском Севере в XVI и XVII веках» (Предисловие 1922 а: 6). Если первый выпуск составили пять очерков, то второй — только три: С.Ф. Платонова, С.В. Бахрушина, Г.Ф. Чиркина.

По замыслу редколлегии очерк С.Ф. Платонова «Иноземцы на русском Севере в XVI—XVII веках» должен был дополнить его концепцию, отраженную в двух очерках из первого выпуска сборника; «Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX в.» С.В. Бахрушина представлялся в предисловии как продолжение изучения колонизации страны «к востоку от Пермского края», исследованию которого были посвящены очерки не только С.Ф. Платонова, но и А.И. Андреева в первом выпуске сборника; роль Г.Ф. Чиркина эволюционировала от вводно-описательной к продолжению работы С.В. Бахрушина в конкретном ключе как «Очерк колонизации Сибири XIX и начала XX века». С.Ф. Платонов и Г.Ф. Чиркин продолжили участие в «Очерках...», новым же для сборника автором стал С.В. Бахрушин; А.И. Андреев и В.Г. Дружинин не представлены своими работами в сборнике.

Г.Ф. Чиркин определил тему изысканий при работе над своим разделом первого выпуска «Очерков...» как «историко-экономические предпосылки колонизации Севера». В предисловии

к сборнику оговорено, что получившийся очерк является обобщением результатов работ С.Ф. Платонова, А.И. Андреева, В.Г. Дружинина. Впервые эти изыскания Г.Ф. Чиркина были представлены в виде доклада в «Северном Комитете» при РГО. Изначально очерк Г.Ф. Чиркина мыслился в творческом коллективе как средство, которое «обобщает исторические изыскания ... с явлениями и запросами нового времени» (Чиркин 1922а: 6).

Уже в самом начале «Очерков...» Г.Ф. Чиркин обозначает идеологическую основу исследования: «...Исторические интересы при обсуждении проблемы земли и населения должны стоять на первом месте...», ссылаясь при этом на мнение Д.И. Менделеева (Чиркин 1922а: 6). Ученый указывает, что «гнездовая организация» расселения русских на Севере объясняется не только влиянием географического фактора, но и «фактами историко-социологическими». Вывод ученого еще раз утверждает этот дискурс: «Синтез прошлого с явлениями нового времени и запросами к лесным богатствам Севера внутреннего и мирового рынка» позволяет в конечном итоге быть уверенным в том, что новая колонизация «повернет Север на тот путь былой здоровой жизни, идя по которому Московская Русь получила ... обильные плоды». Подобное вливание сил необходимо и в современный автору «обескровленный организм России» (Чиркин 1922а: 26).

По мнению Г.Ф. Чиркина, историкосообразный подход к современным проблемам освоения богатств Севера «...облегчает ... практическую работу по планомерности (последовательности) вовлечения в народохозяйственный оборот пустующих и мало-населенных земельных пространств».

Г.Ф. Чиркин пытается свести воедино мнения дореволюционных историков относительно причин подъема колонизации Севера в XVI—XVII вв. Так, исследователь считает этот подъем результатом в равной степени и природных богатств Севера (С.Ф. Платонов), и общности «приемов тогдашней промышленной техники» (А.А. Кизеветтер) (Чиркин 1922а: 16). Г.Ф. Чиркин подчеркивает, что важность Севера для Московского государства обусловили два фактора: невыгодность развития на этой территории помещичьего хозяйства и появление иностранной (прежде всего английской) торговли в условиях потерь контроля

над торговыми путями Балтики по итогам Ливонской войны (Чиркин 1922а: 17—18).

На взгляд ученого, первопроходцами в колонизации Поморья выступили новгородские бояре, за которыми «по проторенным путям пошли и “обычные” новгородские люди — мелкие промышленники и пахари из крестьян и пахари из иночествующей братии». По мнению Г.Ф. Чиркина, эти категории населения, не имея достаточно ресурсов, вынуждены были селиться рядом с «хозяином», а не на «свободной земле». Этот механизм колонизации в виде «покручины» якобы и стал первопричиной гнездового типа колонизации Севера (Чиркин 1922а: 9).

Как представлялось Г.Ф. Чиркину, монастырская колонизация проявляется как «торгово-промышленная фактория», которая в конце концов вытесняет такую же факторию, но уже боярскую (Чиркин 1922а: 9). При этом роль монастырей, по мнению ученого, все более возрастала: «монастыри оказывались стержнями, вокруг которых происходил оборот хозяйственной культивировки диких земель и их освоения трудовым людом» (Чиркин 1922а: 15). Чтобы подкрепить высказанные заключения относительно монастырской колонизации, автор прибегает к публицистическому стилю, называя первые монастыри на новых территориях «передовыми бойцами колонизации Севера» (Чиркин 1922а: 15) (и это в условиях начавшейся борьбы с церковными организациями!). Опираясь на исследования С.Ф. Платонова, в том числе помещенные в том же сборнике, Г.Ф. Чиркин утверждает, что с течением времени все заметнее встает крестьянская колонизация. Автор подчеркивает тесную взаимосвязь церковной и народной колонизации, прослеживающуюся через взаимодействие иноческих «пустынь» с крестьянским «миром», которые тянулись друг к другу. Ученый, ссылаясь на авторитет В.О. Ключевского, отмечает, что «это “взаимодействие” не всегда было взаимным содействием» (вплоть «до поля классовой борьбы»), но при этом «конфликты не определяли ... обычного отношения крестьянства и иночества...» (Чиркин 1922а: 13).

В оценке Г.Ф. Чиркина боярское, монастырское и вольнокрестьянское колонизационные течения образуют капиталистический тип колонизации (Предисловие 1922а: 10).

По мнению историка, сопротивление черемис монастырской колонизации не прекратилось и после падения Казани в 1552 г., даже после основания русских крепостей Козьмодемьянска, Цивильска, Кокшайска, Санчурска, Уржума, когда был «проложен новый путь от Нижнего через Яранск к Вятке» (Чиркин 1922а: 15). При этом автор ссылаясь на сообщение начала XVI века (С. Герберштейна), а также на работу А. Смирнова «Черемисы».

Г.Ф. Чиркин считал, что до «завоевания Сибири» «просачивание» туда и в Пермь русского населения шло из Поморья с Севера (Чиркин 1922а: 16).

Исследуя ход «Колонизации Сибири во второй половине XIX — начале XX вв.» в рамках очерков, помещенных во второй выпуск сборника, Г.Ф. Чиркин в общих чертах изложил свое видение сущности колониационного процесса, привлекая наблюдения, сделанные как отечественными учеными 70—80-х гг. XIX в. (В.О. Ключевским, Н.Н. Романовым, В.Н. Григорьевым, И.А. Гурвичем, А.А. Исаевым, А.А. Кауфманом), так и зарубежными исследователями. Основой для всех последующих построений Г.Ф. Чиркина является тезис В.О. Ключевского о том, что «колониационное движение русского народа» — это процесс «размещения русского народа по принадлежащей ему территории до ее природных границ», который носит естественный характер. Последний задается природно-географическими условиями: «наши заселяемые окраины составляли и составляют с коренной Россией одно нераздельное территориальное целое»: «те же степи, те же леса, тот же континентальный климат» (Чиркин 1922б: 85). Как видим, историк дал более расширенное историографическое обоснование по сравнению с предыдущей своей работой.

Описывая динамику колониационного движения в ретроспекции, Г.Ф. Чиркин отмечал, что прерванное монголами, «движение русских на юг и восток возобновилось» только в XVI в. «...и с тех пор постепенно усиливалось и расширялось» (Чиркин 1922б: 83).

Исследователь отмечал, что движение аграрного населения России на Восток задавалось и политическими и экономическими причинами. При этом, как следует отметить, историк, стремясь доказать преобладающее влияние экономических факторов

колониционного процесса над политическими («правового порядка»), в некоторой мере предвосхитил взгляды сформировавшейся чуть позже «школы Покровского», правда, не прибегая к термину «торговый капитал» (Чиркин 1922б: 84). Но чуть далее историк несколько противоречит себе: «едва ли не преобладающий численно элемент русских переселенцев в Сибири в первые столетия владения ею представляли беглые из Европейской России помещичьи крестьяне» (Чиркин 1922б: 87).

Отсюда вытекает и главный вывод исследователя, отмеченный редакцией сборника курсивом: «Только то расширение территории русского государства оказывалось прочным, при котором за воином шел пахарь, за линией укреплений вырастала линия русских деревень» (Чиркин 1922б: 85).

Попыткой связать опыт дореволюционной историографии с только формирующимися идеологемами ранней советской историографии можно объяснить развернутый характер пассажа Г.Ф. Чиркина: «Всякое общественное потрясение, всякое общественное учреждение, в той или иной степени нарушавшее права и интересы всего народа или его отдельных классов, заставляло многих или некоторых искать спасения в бегстве» (Чиркин 1922б: 84).

Все причины политико-правового характера историк классифицировал по двум группам: причины общего и частного характера. К первой группе Г.Ф. Чиркин относил закрепощение крестьян, религиозные притеснения, а ко второй — злоупотребление властью какого-либо воеводы или помещика. Вторичность политико-правовых причин переселенческого движения историк видел в том, что «образование ... вольных поселений возможно было только в старой Руси с ее безлюдьем и бездорожьем», а «в старину “вольница” в конце концов попадала в сферу влияния государственной власти и или уничтожалась, или подчинялась ее требованиям» (Чиркин 1922б: 84).

Среди экономических причин колониционного процесса исследователь на первое место выдвигает «законы развития земледелия», которые «в значительной мере определяют собой и характер расселения... по государственной территории» (Чиркин 1922б: 84).

Механизм проявления экономических факторов Г.Ф. Чиркину представлялся следующим образом: «Экстенсивное земледелие ... скоро приводит к относительному перенаселению., выход из создавшегося положения двоякий: или перейти к более совершенным формам хозяйства, или переселиться в малолюдную местность с нетронутыми еще почвами» (Чиркин 1922б: 84). Осуществление первого варианта, по мнению ученого, требовало многих условий: «наличности известного капитала, благоприятного состояния рынка, наконец, известной культурности», а второй путь имел прежде всего природно-географические преимущества.

На взгляд Г.Ф. Чиркина, «первые шаги русских в Сибири» протекали в XVI—XVII вв. и изначально «носили характер военной колонизации»: «Начиная с похода Ермака, военные экспедиции, продвигаясь вглубь страны и покоряя инородцев, основывали остроги и городки, служившие опорой русского господства в крае» (Чиркин 1922б: 86).

Историк отмечал, что правительством переселенческое движение часто оценивалось «спорно» с точки зрения «народно-хозяйственного значения», но «роль его в государственном строительстве становилась несомненной» (Чиркин 1922б: 85).

Как видим, воззрения Г.Ф. Чиркина приобретают все больший крен в сторону концепции «торгового капитала» «школы Покровского» и представляют собой один из вариантов интеграции результатов работы дореволюционной историографии в контекст идеологием молодого советского государства. Даже не все участники «Очерков...» безоговорочно поддержали этот шаг исследователя.

Так, А.И. Андреев в очерке «Колонизация Севера в XVI—XVII веках», помещенном в первом выпуске «Очерков...» несколько корректирует выводы Г.Ф. Чиркина. Например, А.И. Андреев пишет, что так называемый «западный» путь из новгородских пятин не утратил своего значения и в XVI в., как и другие пути миграций на Север (Андреев 1922: 38). Ученый в отличие от Г.Ф. Чиркина утверждает, что русская колонизация Кольского полуострова началась только с 1560-х гг. (Андреев 1922: 38).

А.И. Андреев связывал развитие Каргополья в XVI в. с деятельностью в первую очередь Соловецкого и Кирилло-Белозерского монастырей, что нашло отражение в официальной документации — сотных грамотах 1555—1556 гг. (Андреев 1922: 40). Ученый указывает на то, что выгодное положение оз. Важ привело к образованию такой перспективной области, как Чаронда (Андреев 1922: 40).

По наблюдениям А.И. Андреева в XV и в XVI вв. колонизация земель бассейна р. Ваги происходила одновременно с двух направлений — с Каргаполя и Вологды. В 1548 г. местная «пустынь» получила жалованную грамоту на окрестные земли. Согласно А.И. Андрееву, колонизация юго-восточной части Важской области начинается только во второй половине XVI в. (Андреев 1922: 41).

Ссылаясь на Важскую уставную грамоту 1552 г., А.И. Андреев указывает на то, что в середине XVI в. наблюдался отток в другие края и «под руку» монастыря русского населения из Важского края, что было связано с последствиями «дурного управления княжеских наместников» (Андреев 1922: 42).

Ввиду отсутствия писцовых и переписных книг за XVI—XVII вв. по Важскому уезду, как осознает А.И. Андреев, он вынужден реконструировать процессы в крае на основе данных прежде всего по Каргопольскому уезду (Андреев 1922: 43).

Описывая колонизацию земель выходцами якобы из Вычегодского края (Андреев 1922: 45.) по Пинеге и Мезени, А.И. Андреев указывает на то, что русские поселения здесь стали появляться только в XVI в. В доказательство историк указывает на то, что именно в 1545 г. в жалованной грамоте аборигенам определяется место торговли с русскими — Лампожня (с 1551 г. — Окладникова слобода), т.е. место, где в XVIII в. возник г. Мезень (Андреев 1922: 44).

Ученый считает, что колонизация самого морского побережья Белого моря на так называемом «Зимнем берегу» производилась в XVI в. выходцами из «низовских земель» Волго-Окского междуречья (Андреев 1922: 45—46).

А.И. Андреев бегло рассматривает колонизацию бассейна р. Печоры, приводя сведения за конец XV — первую четверть

XVII вв., просто экстраполируя соответствующие данные на весь период (Андреев 1922: 46).

Как видим, в целом А.И. Андреев избегает каких-либо теоретических обобщений, сосредоточивая внимание на историко-ведческих аспектах темы.

Современный исследователь В.В. Митрофанов отмечает, что напечатанные в двух выпусках «Очерков...» статьи С.Ф. Платонова легли в основу его монографии «Прошлое русского Севера» (Митрофанов 2005: 105).

С.Ф. Платонов в разделе «Низовская колонизация на Севере» связывает изменения в колонизации Вятского края и Перми с «завоеванием Казани и Сибирского Кучюмова царства». Присоединение Казани, по заключению историка, «связало Вятскую землю с Нижегородским краем и Москвою; а завоевание Сибири поставило Вятку на пути между Московским центром и вновь приобретенною окраиною» (Платонов 1922а: 62). Именно этой тенденцией ученый объясняет то обстоятельство, что до середины XVI в. о Вятском крае «летопись сообщала в связи с военными операциями Москвы против Казани и «луговых» черемис или в связи с походами вятчан на север». По мнению С.Ф. Платонова с 1560-х гг. Вологда приобретает центральное значение в организации освоения Севера (Платонов 1922а: 62, 68).

Описывая русскую колонизацию Пермского края, С.Ф. Платонов указывает, что традиционно этот край защищал русское Поморье от набегов татар (Платонов 1922а: 62—63). Строгановых исследователь считал «наивиднейшими представителями Новгородской колонизации в Перми» среди «немногих уцелевших» при московской колонизации края, которые не только «владели вотчинами в Устюжском уезде и по р. Вычегде», но и торговали с инородцами и занимались солеварением (Платонов 1922а: 63). С.Ф. Платонов указывает на то, что Строгановы сначала распространили «свои хозяйственные заимки» на земли бассейна рек Кама и Чусовая, а уже потом получили жалованные грамоты от Ивана IV, начиная с первой (1558 г.). Исследователь не выделял условия царских пожалований относительно каждой грамоты, а оценивал их как единый комплекс, действовавший с 1558 г. и создававший «исключительно льготное положение на Каме и в Приуралье» (Платонов 1922а: 63). Главные

льготы заключались в том, что население пожалованных земель «...состояло в их юрисдикции и было изъято из ведения местной администрации»; «Строгановы подлежали суду только государя московского...», «...были освобождены на длительный срок от податей, повинностей и торговых пошлин» (Платонов 1922а: 64).

При этом С.Ф. Платонов рассматривает как «особые обязанности по защите края от инородцев», а не привилегию, «право поставить “собою”, т.е. на свои средства, укрепленные городки с гарнизонами...». Исследователь указывает: эти городки служили не только для того, чтобы «ходить и воевать» «черемису, остяков, вотяков и ногай, которые государю изменили», но и для защиты промыслов и торговли Строгановых (Платонов 1922а: 63).

С.Ф. Платонов определяет и состав сформированного Строгановыми на свои средства войска: «охочие люди, казаки и стрельцы» (Платонов 1922а: 63). Исследователь указывал, что Строгановы изначально «не могли обойтись силами местного населения» и «нанимали на службу бродячих “вольных” казаков» с Дона и Волги. Воссоздавая механизмы строгановской колонизации, С.Ф. Платонов ссылался на исследования Д.И. Иловайского и А.А. Дмитриева (Платонов 1922а: 63), а апеллируя к работе В.И. Огородникова (1920 г.), указывает на то, что «постепенно земли Строгановых перешли за Уральский хребет» до р. Тобола и поставили их в соприкосновение с Сибирским ханством» (Платонов 1922а: 63). По утверждению выдающегося историка, Строгановы действовали во взаимосвязи с «государевыми воеводами и наместниками, сидевшими в городах Чердыни и Соликамске» (Платонов 1922а: 63).

С.Ф. Платонов отмечает, что используя указанные меры, правительство привлекло опыт, полученный ранее в процессе колонизации «на далеком северо-западе, в Поморье», но тогда объектом приложения выступал агент другого типа — Соловецкий монастырь (Платонов 1922а: 63). В представлении ученого рассмотренный ход колонизации впоследствии привел к тому, что «...вся Пермь начала работать на Сибирь разными способами...» (Платонов 1922а: 64).

В статье, помещенной во втором выпуске «Очерков...», С.Ф. Платонов заявляет о том, что дает краткое изложение на-

блюдений, сделанных им в первом выпуске относительно русской колонизации Севера и Пермского края с целью создания фона для освещения обстоятельств первичного проникновения иностранцев в регион. Однако в действительности автор кратко излагает и новые элементы своего видения русского колониационного продвижения на восток. Так, например, историк выдвигает тезис о том, что «по многим причинам в середине XVI столетия трудовое население Московских центральных областей тронулось с своих мест и начало выселяться на окраины государства» » (Платонов 1922б: 7). Среди этих причин — «завоевание инородческих земель, бывших под властью казанских татар», неудачная Ливонская война в сочетании с «внутренними осложнениями», то, что «земля в Московском центре была уже повыпахана и население испытывало нужду в “угожей” земле». Агентов новой, сельскохозяйственной колонизации («как простого пахаря, так и крупного сельского хозяина»), пришедшей на смену боярско-купеческой, по мнению историка, двигала «возможность перейти с истощенного суглинка на нетронутый чернозем». Примерно первые десять лет «правительство само поощряло это переселение», прежде всего на земли Нижнего и Среднего Поволжья (так называемые «низовские земли»). При этом С.Ф. Платонов подчеркивал, что основной поток переселенцев шел с «верховских» земель, то есть с Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья» (Платонов 1922б: 8). Все эти факторы, по мысли ученого, привели к тому, что процессы колонизации стали протекать «быстро и решительно», и не только в законных формах, но и как «незаконный выход, “побег”» (Платонов 1922б: 8). По его мнению, при Московской власти на русском Севере из представителей крупного капитала остались лишь монастыри, особенно Соловецкий.

Все отмеченные дополнения можно отнести на тот счет, что очерк С.Ф. Платонова, помещенный во втором выпуске сборника, посвящен больше событиям последней трети XVI — XVII вв., что вызвано, как думается, не только событийной канвой, но и стремлением автора создать стройную картину того, как «пользуясь московскими смутами и ослаблением обычно зоркого административного надзора, иноземцы проникали в самые потаенные углы московского севера и брали из первых рук

местные товары; часть которых считалась “заповедными” и в нормальное время могла попадать в чужие руки только с царского соизволения» (Платонов 1922б: 17). Представляется, что этот вывод С.Ф. Платонова следует связывать с фактами иностранной интервенции на русский Север в годы Гражданской войны начала XX в.

Ученый указывает на то, что «результатом всех изысканий англичан и голландцев являлись не научные трактаты, а торговые договоры с московским правительством, стремившиеся использовать (и по возможности монопольным способом) исследованный край». Объяснение этому видится в том, что движущей силой проникновения голландцев и англичан на северо-восточную территорию Московского государства, по мнению академика, в основном выступали «мотивы коммерческие», а «дух научного исследования руководил лишь немногими путешественниками» (Платонов 1922б: 13—14). Отсюда проистекает и «энергичность» в действиях иностранцев.

Описывая предприятия иностранцев, С.Ф. Платонов усматривал в отмеченной им «энергичности» не столько авантюризм, сколько «отвагу» и «мужество», «умелое поведение», которые у исследователя вызвали «удивление и почтение» (Платонов 1922б: 10, 12).

С.Ф. Платонов называет «первым англичанином, увидевшим Москву», Ричарда Ченслера (в сборнике — Чанселор (Richard Chancellor)), который случайно попал в устье Северной Двины в 1553 г. Ричард Ченслер был представителем «общества купцов-искателей для открытия стран», целью которого был «морской путь в Индию и Китай» (именно в таком порядке). Исходя из этого ученый полагает, что английский капитан «хорошо разыграл взятую на себя роль самозванного (видимо, оценочное суждение. — В. З.) посла», что позволило ему завязать отношения с представителями местной администрации не только в «Холмогорах», но и в Москве. С.Ф. Платонов называет лиц, сопровождавших Р. Ченслера в Москву, «товарищами, которые сказались купцами». Итог деятельности Р. Ченслера ученый видел в том, что «для своих соотечественников он дал практические ценные указания о вновь открытой им стране и о возможности правильных с нею сношений» (Платонов 1922б: 10—11). С.Ф. Платонов

указывает, что английский путешественник «не всегда справедливо осуждал» «русских людей», описывая «порядки московские и нравы». По мнению ученого, на Р. Ченслера жители Московии «не произвели хорошего впечатления». Историческое значение экспедиции Р. Ченслера исследователь видит еще и в том, что он показал пример другим английским путешественникам, среди которых ученый особо выделяет «проявивших мужество» в борьбе с природой Севера (Стефена Борро (Burrough)) и юга, а также с «кочевниками» (Антон или Энтони Дженкинсона).

Ученый оценивал миссию Стефена Борро как попытку «достигнуть по крайней мере устьев реки Обь». С.Ф. Платонов особо подчеркивает: С. Борро удалось дойти до Новой Земли (в 1556 г.) благодаря тому, что он состоял в экспедиции Р. Ченслера.

Историк отмечает, что А. Дженкинсон был опытным путешественником, посетившим Турцию, Палестину, Северную Африку. Первое его появление в Москве академик относит к 1557 г., когда маршрут экспедиции А. Дженкинсона пролегал от Холмогор до Вологды, а оттуда — в Москву. Вообще историк создает своеобразный интинеарий А. Дженкинсона, что служит обоснованием для рассмотрения интереса иностранцев к русскому Северу как проявления внимания к Азии в целом (Платонов 1922б: 11—12). В Московском государстве А. Дженкинсон находился зимой 1557—1558 гг., 1561—1562 гг., 1566 и 1571—1572 гг. С.Ф. Платонов отмечает, что А. Дженкинсон — «единственный в XVI веке ... образованный западноевропеец, проникший в Среднюю Азию» (Платонов 1922б: 11). Своим наследием А. Дженкинсон, как писал С.Ф. Платонов, «доселе полезен одинаково историку и географу», не говоря уже о современниках. Эта полезность проистекает, по мнению академика, из двух факторов: «выдающейся наблюдательности» английского путешественника и широкого охвата его отчетов, в которых отразились «географические наблюдения и намерения, торговые справки, этнографические описания, дипломатические переговоры» (Платонов 1922б: 12).

Голландцы в России, согласно С.Ф. Платонову, появились позже англичан, только в 1565—1566 гг., и первыми из них бы-

ли Симон фон Салинген и Корнелиус де Мейер Симонсон — представители антверпенской торговой палаты.

С.Ф. Платонов подчеркивал особую роль Печенгского монастыря и его игумена Трифона в начальный период торговли с норвежцами в Вардегузе, что явилось предпосылкой появления англичан в России (Платонов 1922б: 8).

Как видим, статьи С.Ф. Платонова, помещенные в «Очерки...», отражают последовательное расширение круга рассматриваемых историком вопросов, показывают, что основные элементы представленной концепции С.Ф. Платонова не претерпели существенных изменений в период работы над «Очерками...». Вторая статья все же несет на себе следы большего влияния времени.

Согласно разысканиям В.В. Митрофанова, сохранилась переписка С.Ф. Платонова с С.В. Бахрушиным за 1920 г., из которой явствует, что при подготовке статьи, помещенной во втором выпуске «Очерков...», С.В. Бахрушин интенсивно консультировался с С.Ф. Платоновым не только по плану статьи, но и вплоть до подборки источников (Митрофанов 2005: 134).

По мнению С.В. Бахрушина, «Русская колонизация к востоку от Урала в различные периоды своей истории направлялась и руководилась различными задачами и целями», «в связи с эксплоатацией природных богатств Сибири» (Бахрушин 1922: 44, 48). Для XVI—XVII вв. ученый выделяет в качестве главной одну такую цель, «узкую задачу» — пушнину, за которой отправлялись «ежегодно толпами» (Бахрушин 1922: 44, 48). В этом русле историк отмечал в качестве ключевого вектора колонизации Зауралья и Сибири народно-стихийное движение, которое определял как вековую тягу «промышленного населения северо-восточных областей России дальше на восток — на промыслы» (Бахрушин 1922: 49).

Народно-стихийную колонизацию историк считал процессом, подчиненным «пушному» фактору. Механизм этой ветви колонизационного движения, протекавшего прежде всего в направлении севера Западной Сибири, особенно в Мангазейский край, С.В. Бахрушин описывал так: «по мере того, как истреблялся соболь во вновь открытых землях, русские промышленни-

ки стремились дальше на восток, не задерживаясь в старых становищах, не страшась новых опасностей» (Бахрушин 1922: 45).

Для С.В. Бахрушина уже в 1922 г. было ясно, что народно-стихийная колонизация в восточном направлении если не предшествовала правительственному вектору, то протекала параллельно ему: «вслед за ними (русскими промышленниками. — В. З.), и часто с ними вместе продвигались и служилые люди» (Бахрушин 1922: 45).

Этим объясняется то, что С.В. Бахрушин подробно описывает пути проникновения в Сибирь через Урал. Печерский путь, по мнению ученого, имел два разветвления в европейской части России, в Сибири он также раздваивался на южную и северную части. Южная достигала современной Тюмени, а Северная — Обской и Тазовской губ (Бахрушин 1922: 18). Ответвлением печерского пути историк считает «страшный» морской путь в Югру — в Обскую и Тазовскую губы, который, якобы, использовался поморскими промышленниками, а не только «случайными искателями приключений», с начала XVI в. до 1620 г. (Бахрушин 1922: 21). Несколько по-иному, чем в очерке С.Ф. Платонова, С.В. Бахрушин описывает проникновение морским ответвлением печерского пути «английских исследователей» в Сибирь. Историк отмечает, что этот путь впервые стал известен только английскому путешественнику Стефену Борро именно в 1556 г. (хотя далее упоминал про исследование этого пути другим англичанином — Виллоби — в 1553 г.) (Бахрушин 1922: 22). В отличие от С.Ф. Платонова С.В. Бахрушин не признавал А. Дженкинсона причастным к изучению морских путей в Сибирь. Из наследия этого экспедитора ученый привлекает лишь «маленькую нелепую запись» о «Malgomsaia» (Мангазее), составленную якобы на основе «Сказания о человецех незнаемых». Значение этой записи историк видел не только в последовавших «отважных морских предприятиях», но и в появлении «смелых научных гипотез» (Бахрушин 1922: 22). Ученый находил, что все предпринятые англичанами попытки проникнуть в Сибирь морским путем во второй половине XVI — начале XVII в. были «тщетными» (Бахрушин 1922: 22).

Для С.В. Бахрушина Югра — это только Нижнее Приобье. Историк полагал, что этимология слова «Югра» восходит к «зы-

рянскому прозвищу остяков (ханты)» «Егра», хотя у Г.Ф. Миллера в его коми-зырянском словаре это слово означает «болото» (Бахрушин 1922: 18). Несколько далее ученый отмечает, что купцы Волжской Булгарии, «подобно русским», зауральских жителей «называли именем Югры («Юра»)» (Бахрушин 1922: 23). Корни же слова «Мангазея» ученый выводит от «имени одного из туземных самоедских племен». Историк, ссылаясь на «Сказание о человецах незнаемых», датированное первой третью XVI в., считает, что русские познакомились с Мангазеей «не позднее начала XVI века» (Бахрушин 1922: 18, 20) посредством стихийной народной колонизации.

Далее С.В. Бахрушин поясняет, что «...эти промышленники в главной своей массе принадлежали к выходцам с русского Поморья, преимущественно восточной его части ... холмогорцы, мезенцы, кеврольцы». А «второе место занимают жители крупных центров торговли пушниной на Печёрском пути: Устюга и Соли Вычегодской с их уездами». В сравнительно немногочисленную, но сыгравшую большую роль в освоении Сибири группу С.В. Бахрушин объединяет «полу-русское, полуинородческое население» «Печёрского края», «зырян» и «вымичей» Вычегоды и Печёры. В качестве третьей территориальной страты колонизаторов историк выделял «очень незначительную, но крупную по размеру своих торгов и промыслов» группу «представителей больших торговых городов Московского государства: Москвы, Ярославля, Н. Новгорода и Казани». Историк видел в том, что Великий Новгород «посылал своих промышленников за Урал», «отголосок тех ... времен, когда Печорский путь принадлежал новгородцам» (Бахрушин 1922: 51).

При этом в качестве исходной базы продвижения по печёрскому пути С.В. Бахрушин называет Вымь. Усть-Вымская епархия, по его мнению, заняла специфическое положение «полусветской и полу-церковной пограничной марки». Ведь «владыко не только проповедует христианство среди окрестных дикарей», не только «распространяет русское влияние на северо-восток и за Урал», но и выполняет роль посредника между великим князем Московским и его югорскими вассалами, что проявлялось в «печаловании» «за всех этих югорских, кодских и вогульских князьков» перед московским правителем; владыка «выхлопаты-

вал им “опасные” грамоты для проезда в Москву»; при его участии между аборигенными князьями и князьями вымскими заключались мирные договоры (Бахрушин 1922: 19). Сообщение С. Герберштейна, относящееся к началу XVI в., позволило С.В. Бахрушину заключить, что на Северном Урале перевалочная база располагалась с начала XVI в. на месте позже построенного города Пустозёрска (Бахрушин 1922: 20). С.В. Бахрушин, не указывая на сделанные в первом выпуске А.И. Андреевым наблюдения о том, что русские поселения на Пенеге и Мезени появляются только в середине XVI в., фактически расширяет эти наблюдения: «на всем протяжении Печёрского пути ... вырастает ряд промышленных слободок и становищ: Окладникова слобода на Мезени, Лампожня на Куме, Усть-Цилемская и Ижемская слободки». Их резко возросшее значение ученый объясняет тем, что г. Устюг после покорения Казани становится связующим звеном между Архангельском и Средним Поволжьем. В XVI в. в Мангазейском крае возникает ряд русских городков, самым крупным из которых являлся Зырянский городок (Бахрушин 1922: 20).

Для середины XVI в., по мнению историка, печёрский путь имел вторичное значение и использовался для стихийной колонизации северной части Западной Сибири, так как «был слишком отдален от Москвы, чтоб им можно было совершить прочное завоевание Зауралья». Именно этим С.В. Бахрушин объяснял то, что лишь «временами отдельные югорские князьки обязывались доставлять дань в великокняжескую казну» (Бахрушин 1922: 19). Историк отмечал важность этого пути для колонизации Сибири в XVI—XVII вв., ибо по нему шло «очень большое движение за Урал» (Бахрушин 1922: 20).

Второй путь, Камский, по мнению ученого, стал интенсивно эксплуатироваться «с завоевательными целями» русскими, особенно в рамках правительственной колонизации «с завоеванием Казани и освоением Камских путей». Историк констатировал, что Камский путь в европейской части России функционировал «в теснейшей связи с Печёрским путем» (Бахрушин 1922: 19, 23—24). С.В. Бахрушин указывал на то, что на Урале этот путь разветвлялся на два пути:

1. От Соли Камской на север, на Чердынь, р. Лозьва, р. Тавда.

2. От Соли Камской на юг по р. Сылве или по р. Чусовой на р. Туру.

При этом во втором ответвлении более известным ученый считал путь через р. Чусовую.

Колонизационное пространство по реке Каме историк изображал как «лесные дебри.., среди которых были разбросаны редкие “улусы” вагуличей и остяков» (Бахрушин 1922: 24).

По мнению С.В. Бахрушина покорение ханты и манси Среднего Приобья произошло раньше образования Сибирского ханства (Бахрушин 1922: 23—24). Последнее, на взгляд исследователя, состояло «из ряда более или менее независимых татарских и туземных княжеств, весьма слабо объединенных под властью сибирского царя...» «чисто внешним способом» (Бахрушин 1922: 26, 27). Ученый, ссылаясь на С.У. Ремезова, считал, что столица Сибирского ханства изначально именовалась Кашлыком, а второе ее название, Искер, переводится как «старое городище» (Бахрушин 1922: 26). Русские же, по мнению С.В. Бахрушина, называли этот город Сибирью. Кашлык предназначался для «временного пребывания на случай нашествия врагов», а потому имел «только укрепленное деревянным тыном и окопами становище» (Бахрушин 1922: 27). С.В. Бахрушин отмечал, что Сибирское ханство, основывавшееся на торговле пушниной, имело устойчивые контакты с Бухарой и Казанским ханством, что «вместе с мануфактурными товарами в него проникали начатки магометанской культуры» (второй раз — «способствовали внедрению среди них (сибирских татар. — В. З.) магометанской религии и культуры»), причем именно из Бухары, а не с территории Казанского ханства (Бахрушин 1922: 24, 27). Представляется, что такая конструкция сформировалась под влиянием идей, высказанных М.Н. Покровским, о важности «торгового капитала». Только так представляется логичным применение конструкта «магометанская культура» вместо привычного — мусульманство.

По словам ученого, «слабости Сибирского царства способствовало ... непрерывавшееся в течение целого столетия соперничество за сибирский престол между бухарскими шибанидами...

и местными беками “Тайбугина рода”...» (Бахрушин 1922: 27). В качестве фона для изучения колониизационного процесса историк отмечал, что «...сибирские ханы после падения Казани признали власть московских государей, и одно время Эдигар, а за ним и его победитель Кучум обязались было платить дань в Москву, но подчинение это было номинальное». Следует подчеркнуть, что с точки зрения С.В. Бахрушина, формальный вассалитет от московского царя был признан не только Тайбугидами, но и сибирскими Чингизидами — Шейбанидами (Бахрушин 1922: 27).

«Расположенное на Тавде» Пелымское княжество вогулов, «сравнительно высоко стоявшее в культурном отношении», по наблюдениям ученого, на протяжении всего XVI в. «беспрестанно беспокоило своими набегами пермские окраины» (Бахрушин 1922: 30).

По определению С.В. Бахрушина, возникшая в XV в. Чинги-Тура в следующем столетии превратилась в «важный торговый пункт на камско-обском пути» (Бахрушин 1922: 24).

Всю массу колонизаторов народно-стихийного вектора С.В. Бахрушин делит «в социальном отношении» на две группы: «торговые люди» и «промышленные люди». «Торговых людей», которые «возили в Сибирь для продажи русским людям и для мены с инородцами русские товары» и «организовывали в широком масштабе промышленные экспедиции за соболем», по подсчетам историка, было мало. Они, по его мнению, «свои операции редко производили лично, чаще через своих родственников, приказчиков или людей». В качестве поставлявшихся товаров историк перечислял «предметы продовольствия, мануфактуры, медные и железные изделия, кожи и обувь, а для дикарей бисер, бусы, олово и т.д.» (Бахрушин 1922: 51).

С.В. Бахрушин отмечает кардинальное отличие правительственной колонизации Сибири от колонизации торгово-промышленной (предпринимателей) или народно-стихийной, хотя фактор у них был один — пушнина. Так, для историка главным мотивом «...сначала единственным, зато чрезвычайно сильным...» правительственной колонизации на восток выступал «сбор мехов в виде дани с инородцев и десятая пошлина натурой с русских промыслов...» (Бахрушин 1922: 44). Материальным прояв-

лением этого интереса московского правительства выступала «соболиная казна», которая «играла» «роль современного золотого фонда»: «при недостатке металлических денег, меха шли и на жалованье служилым людям и на награды боярам и духовным лицам, и на подарки иностранным “патентатам”, на милостыню восточным церквям», но этот фонд «давал возможность правительству сосредоточить в своих руках всю внешнюю торговлю мехами и вместе с тем ссужать московских купцов пушным товаром для торговли» (Бахрушин 1922: 45). С.В. Бахрушин отмечает естественность такого положения дел «при крайней примитивности тогдашних финансов, слабом развитии денежного оборота и полном почти отсутствии торгового кредита» (Бахрушин 1922: 45). Именно этими факторами ученый объяснял не только «самый характер открытия и завоевания Сибири», но и быстроту, с которой оно произошло (Бахрушин 1922: 45).

Попытки подчинить племена Урала и Зауралья московское правительство предпринимало с XV — начала XVI в. (Бахрушин 1922: 19).

Интересно, что правительственное продвижение на восток С.В. Бахрушин именует «оккупацией страны». Историк имел в виду то, что «строились города, содержались гарнизоны, заводилось земледелие» (Бахрушин 1922: 44), т.е. велись «лихорадочные поиски все новых “неясачных” инородцев, новых плательщиков ясака и “поклонных соболей”» (Бахрушин 1922: 45). По мнению ученого, «зимовья, основанные промышленными людьми и ясачными сборщиками на далеких — сторонних речках, вырастали постепенно в административные центры, из которых производился в последующее время планомерный сбор ясака с дикарей и таможенных пошлин с промышленников» (Бахрушин 1922: 45).

Поэтому С.В. Бахрушин рассматривал эволюцию владений Строгановых на Урале и в Зауралье как процесс, изначально заданный, с единым комплексом параметров, согласно которым «возникло своеобразное частновладельческое государство, почти независимое от центра и всецело подвластное “именитым людям” Строгановым», а потому он и не рассматривает, как и С.Ф. Платонов, каждую жалованную грамоту Строгановых отдельно. Ученый фиксирует основные этапы эволюции владений

Строгановых: 1558, 1579, 1589, 1623/24, 1647 гг. «по официальным данным XVI и первой половины XVII вв.», хотя жалованных грамот только при Иване IV Строгановым было выдано четыре: в 1558, 1564, 1568 и в 1574 гг. (Г.Ф. Миллер называл три: за 1558, 1568 и 1574 гг.). С.В. Бахрушин прямо связывает покорение Казани в 1552 г. с выдачей первой жалованной грамоты Строгановым в 1558 г. на камские и чусовские земли. По получении этой жалованной грамоты Строгановы «в ближайшее десятилетие последовательно захватывают речные пути дальше на Сибирь, Чусовую и Сылву», а в 1574 г., по мнению ученого, «торопятся обеспечить себе возможности дальнейшего захвата этого пути». В доказательство приводится выдержка из жалованной грамоты от 1574 г.: «в Сибирской стороне за Югорским Камнем, на Тагчее и на Тоболе реке, и на Иртыше и на Оби, и на иных реках». Появление «частновладельческого государства» Строгановых для историка стало возможным потому, что оно возникло «на границах русского мира (выделено С.В. Бахрушиным. — В. 3.), на перепутье между Европой и Азией». Деятельность Строгановых в его глазах имела положительное значение, так, например, он называет Строгановых «смелыми предпринимателями» (Бахрушин 1922: 24).

Движущим механизмом строгановской колонизации С.В. Бахрушин считает «поиск рассола», т.е. солеварение, а не промысел пушнины или развитие сельского хозяйства. Для обеспечения работы соляных варниц, по С.В. Бахрушину, вначале вспомогательную роль играло развитие не только земледелия, пушного промысла, но и рыболовства. Государство, по мнению ученого, сразу предоставляло «широкие льготы» инициаторам и участникам строгановской колонизации: «освобождение поселенцев на известный срок от государственных податей». Самим же Строгановым, по наблюдениям историка, давались следующие льготы: «право непосредственного сбора и доставки в Москву» податей, «суд над населением вотчин», «свободный рынок», «призыв на льготу неписьменных и нетяглых людей».

С.В. Бахрушин разделяет первоначальное видение колонизационного движения на восток как правительством, так и Строгановыми, и явления, не входившие в расчеты современников.

Так, например, «расчищая леса и призывая людей на новые места, Строгановы...», — пишет ученый, — ...должны были применять меры к защите поселенцев от нападений инородцев». С.В. Бахрушин считает, что без поддержки правительства «Строгановым приходилось каждый шаг свой на восток закреплять постройкой укрепленных острожков, снабжать их артиллерией и содержать в них за свой счет гарнизоны». К числу таких городов С.В. Бахрушин относит Канкор (1558 г.), Кергедан или Орел (1564 г.), Яйвенский городок, Нижне-Чусовской городок (1568 г.), Сылвенский городок. По словам ученого, «в целом все эти городки образовали на путях в Сибирь законченную укрепленную черту, об которую неоднократно разбивались набеги зауральских инородцев...» (Бахрушин 1922: 26).

В оценке ученого «Строгановские городки являлись одновременно и опорными пунктами для наступательного движения Строгановых на восток и для новых захватов», причем «московское правительство само склонно было считать одной из обязанностей Строгановых “из своих острогов наши земли пермские оберегать”». Дальнейшее колонизационное продвижение на восток, по мнению С.В. Бахрушина, происходило двумя способами: «экономическим» и военно-экспедиционным.

«Экономический путь» заключался в том, что «люди строгановых “украдом” проникали для промыслов в вотчины чусовских вагуличей». «Сами вагуличи ... попадали в кабальную зависимость от Строгановых».

Военно-экспедиционный путь, в представлении С.В. Бахрушина, проявился в том, что в 1574 г. Строгановы «официально испросили разрешение ... воевать на сибирского салтана.., утвердиться за Уралом постройкой крепостей на Тоболе и других реках» (Бахрушин 1922: 26). Быт русских колонистов на Урале ученый предлагает оценить на основе сведений, сохранных Житием преподобного Трифона Вятского.

Тот факт, что сибирский хан Кучум «захватывает речные пути, ведущие за Урал, подчиняет своему влиянию пелымских вагуличей, и племянник Кучума Махмет-Кул уже в 1573 году вторгается в русские пределы “дорогу проведати” на Пермь», ученый объяснял «дальностью расстояния» от Москвы, как бы не беря в расчет силы Строгановых на Урале, считал изложен-

ные факты свидетельством расхождения интересов московского государства и «частновладельческого государства» Строгановых (Бахрушин 1922: 27).

Именно в этом контексте лежит вывод ученого о том, что «первоначально агрессивная политика Строгановых встречала мало сочувствия в правительственных кругах Москвы...» (Бахрушин 1922: 28).

Итог колонизационной деятельности Строгановых С.В. Бахрушин определял на основе официальных данных XVI — первой половины XVII в. Для оценки политики «Избранной Рады» историк отводит в качестве рубежа 1579 г., когда «приблизительно через 20 лет после первого пожалованья, во владениях Строгановых мы находим 1 городок и 39 деревень и починков с 203 дворами».

Ученый указывает и на традиционно экстенсивный характер развития сельского хозяйства на берегах Камы: поселенцы «труды к трудам прилагати, лес сещи, сеяния ради хлебнаго», «подсеку» «огнем попалять» «яко же обычай». По данным С.В. Бахрушина, «наряду с развитием хлебопашества развивались соляные промыслы: в 1623 г. ... 24 варницы.., в 1647 г. — 31» (Бахрушин 1922: 24—25).

Как видим, даже в основных моментах работа С.В. Бахрушина дает возможность увидеть следы значимого расхождения с концепцией С.Ф. Платонова, представленной в двух выпусках «Очерков...». Особенно ярко это видно по оценке роли народного и правительственного векторов колонизационного движения. Так, например, С.В. Бахрушин обращает более пристальное внимание, нежели остальные авторы, на экономические факторы деятельности Строгановых по продвижению на восток.

Представляется, что публицистический характер «Очерков...» привел к тому, что в сборниках практически (за единичным исключением) отсутствует ссылочный аппарат, а все отсылки к источникам или историографии имеют лаконичный характер. Вместе с тем, отмеченная лаконичность явно не отразилась на содержательном уровне представленных в сборниках статей. Оно довольно детальное и подробное.

Воззрения Г.Ф. Чиркина, С.Ф. Платонова, А.И. Андреева и С.В. Бахрушина относительно русской колонизации отличает

крайне осторожное отношение (с точки зрения идеологической нейтральности) к подбору ссылок. Это привело к тому, что в «Очерках...» слабо отражались историографические дискуссии. Лишь Г.Ф. Чиркин пытается иногда решить некоторые историографические задачи, доставшиеся от дореволюционной науки. Акцент же в основном был сделан на источниковедческие изыскания. При этом можно наблюдать экстраполяцию отмеченных тенденций относительно и временного интервала, и территории в силу ограниченности корпуса источников, особенно у А.И. Андреева.

Г.Ф. Чиркин, С.Ф. Платонов, А.И. Андреев единодушно указывают на положительное значение монастырской колонизации Севера (в русле дореволюционной парадигмы). Думается, что С.Ф. Платонов по сравнению не только с С.В. Бахрушиным, но и с Г.Ф. Чиркиным и А.И. Андреевым скромнее оценивает вклад вольно-народной колонизации в освоение Севера и Сибири. Возможно, знакомство именно с рабочими материалами, собранными при работе над первым выпуском сборника «Очерков...» и стало одним из стимулов к появлению вскоре концепции С.В. Бахрушина о первичности торгово-промысловой колонизации Сибири применительно к правительственной колонизации. Впервые в отечественной историографии в разбираемых сборниках показаны пути проникновения русских людей в конкретную местность, подчеркнуто сходство механизмов колониационного движения, показана роль иностранцев в развитии русской колонизации Сибири.

В материалах сборников, особенно в разделах Г.Ф. Чиркина, ощутимо влияние «школы Покровского». Приметой времени, думается, также следует признать и тезис о длительном сопротивлении «черемисы» русской колонизации. При этом в первом сборнике, в отличие от второго, еще нет утверждения, что это сопротивление являлось «борьбой с царизмом». Примечательно для советской историографии той поры признание С.Ф. Платоновым видной роли Строгановых в колонизации Урала и Зауралья.

Заключение В.А. Данилейко о том, что Комитет Севера в 1921 г. сосредоточился на изучении колонизации «Русского Севера», не затрагивая Сибирь, как видно, не совсем корректно.

Во-первых, этот комитет унаследовал интерес к европейскому северу России от Северных колонизационных экспедиций 1920 г., а те, в свою очередь, основывались на выводах, сделанных совещанием при колонизационной части Комиссариата земледелия. Во-вторых, как явствует из представленных в сборнике работ, должное освещение получили и попытки интеграции Сибири, предпринимавшиеся «Избранной Радой». В-третьих, изменение отнюдь не только названия, но и содержательной направленности второго выпуска «Очерков...» (с усилением сибирской компоненты) в изучении русской колонизации северо-восточных территорий Евразии произошло не в 1922 г., а годом раньше, когда сборник только готовился к печати.

Как видим, содержание и обстоятельства, связанные с выходом «Очерков...» в свет, позволяют гораздо глубже представить всю сложность и неоднозначность влияния опыта дореволюционной историографии на формирование основных подходов к освещению процессов русской колонизации Севера и Сибири середины XVI в. в ранней советской историографии

Литература

Андреев А.И. 1922. Колонизация Севера в XVI и XVII веках // Очерки по истории колонизации Севера. Вып. 1. Петроград: Государственное изд-во, 37—46.

Бахрушин С.В. 1922. Исторический очерк заселения Сибири до половины XIX века // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Вып. 2. Петроград: Государственное изд-во, 18—79.

Данилейко В.А. 2009. К истории Комитета Севера (1920—1922 годы) // Исторический ежегодник. Сборник научных трудов. Новосибирск, 88—93.

Данилейко В.А. 2013. Научные организации 1920—1930-х гг. и их роль в изучении севера Сибири // Вестник Томского государственного университета. Сер. История 2 (22), 166—169.

Митрофанов В.В. 2005. Проблемы истории Новгорода Великого, Поморья и Сибири в творчестве С.Ф. Платонова. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та.

Платонов С.Ф. 1922 а. Низовская колонизация на Севере // Очерки по истории колонизации Севера. Вып. 1. Петроград: Гос. изд-во, 47—69.

Платонов С.Ф. 1922 б. Иноземцы на Русском Севере в XVI—XVII веках. // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Вып. 2. Петроград: Гос. изд-во, 7—17.

Предисловие. 1922 а // Очерки по истории колонизации Севера. Вып. 1. Петроград: Гос. изд-во, 5—6.

Предисловие. 1922 б // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Вып. 2. Петроград: Гос. изд-во, 5—6.

Чиркин Г.Ф. 1922 а. Историко-экономические предпосылки колонизации Севера // Очерки по истории колонизации Севера. Вып. 1. Петроград: Гос. изд-во, 7—26.

Чиркин Г.Ф. 1922 б. Очерк колонизации Сибири второй половины XIX и начала XX века // Очерки по истории колонизации Севера и Сибири. Вып. 2. Петроград: Гос. изд-во, 79—132.

Глава 6

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ДЕПОРТАЦИИ КАЛМЫЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ

За последние двадцать лет был опубликован внушительный массив исследований, посвященных проблематике политических репрессий в отношении народов СССР. Их содержание позволяет выделить несколько существенно различающихся авторских позиций.

Одним из первых обратился к теме репрессий в отношении народов СССР Н.Ф. Бугай. Исследователь полагает, что усиление тоталитарного режима обусловило в национальной политике появление таких жестких мер, как депортация целых народов и групп населения. Эта репрессия рассматривалась в качестве одной из мер по ослаблению конфликтности, во-первых, между властью и народами, а во-вторых — между разными народами. По мнению историка, власти считали ее эффективным средством для улучшения криминогенной обстановки (Бугай 1995: 5).

Ведущий специалист по истории спецпоселения В.Н. Земсков пишет о том, что депортация на спецпоселение являлась целенаправленной государственной политикой освоения необжитых и малообжитых районов страны посредством насильственных переселений, средством выравнивания трудовых и демографических ресурсов между западными и восточными регионами СССР (Земсков 2005: 281). При этом при проведении депортации преследовались, в первую очередь, политические цели (Земсков 2005: 282). В частности, депортация народов служила как «цели ускорения ассимиляционных процессов в советском обществе, так и ликвидации в перспективе этих народов в основном за счет ассимиляции в более крупных этнических массивах и, частично, за счет завуалированного геноцида и ослабления биологического потенциала, что достигалось многократным превышением смертности над рождаемостью при насильственном переселении и в первые годы жизни на спецпоселении» (Земсков 2005: 284).

П.М. Полян полагает, что депортации мыслились насущным и эффективным орудием социальной инженерии, причем орудием «гуманным», поскольку тем или иным социально-неблагонадеж-

ным контингентам отказывалось не в праве на жизнь (тогда бы это был геноцид), а «всего-навсего» в праве на свободу (Полян 2005: 10).

Исследуя политику государства в отношении спецпереселенцев в 1930—1950-е гг. на материалах региона вселения (Коми АССР), Н.М. Игнатова, приходит к выводу, что «именно экономические потребности государства играли приоритетную роль в осуществлении массовых принудительных переселений», а «спецпереселенцы стали в своем роде “заложниками” экономических потребностей государства, приписными рабочими на лесозаготовках, шахтах, рудниках и фабриках» (Игнатова 2009: 41). Автор заключает, что «политика спецпереселения строилась исходя из потребностей регионов» в рабсиле (Игнатова 2009: 41).

Опора в основном на нормативно-правовые документы «карательного» ведомства привела Л.П. Белковец к мысли о том, что «переселения народов в годы Великой Отечественной войны, введенные государством ограничения некоторых прав части советских граждан, режим спецпоселения и нарушения “законных прав” переселенных народов не представляли собой репрессивного механизма» (Белковец 2003: 298), а «политика СССР в отношении депортированных народов в 1940—1950-е гг. не может быть квалифицирована как преступление по причине отсутствия всех элементов такого преступления, как геноцид». Спецпоселение, по мнению автора, являлось «...своеобразным способом использования трудовых ресурсов, в целях восстановления разрушенного войной хозяйства и освоения малонаселенных территорий Зауралья» (Белковец 2003: 301).

С.А. Красильников, исследуя действия власти в отношении ссыльных крестьян, показал, что государственная политика на протяжении 1930-х гг. формировалась и эволюционировала под воздействием императивов социального («ликвидация кулачества как класса»), экономического («утилизация трудового потенциала репрессированных») и геополитического («зачистка» приграничных районов от «неблагонадежных» «социально-опасных элементов») характера (Красильников 2007: 361—362).

Именно комплексный анализ и внимание к изменениям в политике сталинского режима позволили автору обратиться к проблеме вторичных компенсаторных репрессий (Красильников

2003: 135). Отметим, что механизм проведения подобной акции в отношении калмыков остается не изученным. В исследованиях Л.Ф. Гизатуллиной и Е.В. Борковой фиксируется лишь сам факт расселения и пребывания калмыков в северных округах (Боркова 2004: 136—143; Гизатуллина 2005: 84—88). В работах А.И. Вольхина и С.А. Папкова мы можем найти отдельные сведения о последующих вторичных репрессиях в отношении калмыков (Вольхин 1999: 88—90; Папков 2012: 314—315).

Под редакцией С.А. Красильникова и А.А. Шадта вышло несколько сборников «Маргиналы в советском обществе» (Красильников, Шадт (отв ред.) 2001; 2006; 2007). По этой проблематике были опубликованы две коллективные монографии (Красильников и др. 2007; 2010). В них спецпереселенцы (в том числе калмыки) рассматриваются как маргинальная группа, порожденная целенаправленной репрессивной и дискриминационной политикой сталинского режима (Красильников, Шадт 2010: 3). А.А. Шадт полагает, что «депортировав и поместив в систему этнической ссылки десятки народов и народностей СССР, государство создало этнических маргиналов, лишенных естественной среды обитания и традиционных механизмов самовоспроизводства» (Шадт 2010: 414). Из логики построений авторов следует, что действия государства определяются ими как «политика принудительной маргинализации» депортированных этнических групп (Красильников и др. 2010: 6, 366).

Чтобы очертить весь спектр позиций относительно действий власти в отношении калмыков, необходимо обратиться к работам, специально исследующим вопросы депортации, спецпоселения и репатриации калмыцкого народа.

Калмыцкие авторы (К.Н. Максимов, В.Б. Убушаев, В.Н. Авлиев, Е.А. Бембеева и др.) в своих исследованиях обосновывают тезис о депортации и спецпоселении как о «политике геноцида» в отношении народа (Максимов 2009: 583; Убушаев В.Б., Убушаев К.В. 2007: 315; Бембеева 2008: 253). По мнению К.В. Убушаева, депортация «значительно эволюционировала в условиях тоталитарного режима Сталина. Из средства “разгрузки” этнической напряженности она постепенно превращается в рычаг “решения” национального вопроса» (Убушаев 2003: 56). Доказательством при этом служит указание на огромные общие демографические

потери калмыцкого народа («не менее 40 % исходного населения») (Авлиев 2004: 116).

Особняком стоит позиция этнолога Э.Б.М. Гучиновой, которая призывает «не мериться геноцидами» (Гучинова 2005: 263), вводит в научный оборот понятие «депортационная травма». Депортационная травма — это «переживание, сохранение и трансляция в народной памяти вынужденных переселений, которые по политико-идеологическим и культурным причинам долго замалчивались в официальной истории и часто табуировались в массовом сознании» (Гучинова 2005: 11—12). Исследователь приходит к заключению, что в период депортации этничность приобрела стигматизированный характер, показывая инструменталистское усвоение народом травмы, а также механизмы и пути сохранения целостности и культурной самобытности группы в экстремальных условиях (Гучинова 2005: 13, 268—270).

На основании описанных позиций можно констатировать существенную поляризацию взглядов на проблемы депортации и спецпоселения в современной историографии. Сопоставление различных точек зрения на политику советской власти дает основания говорить о происходящем в современной историографии переходе от обособленного рассмотрения депортации и спецпоселения в рамках репрессивной, национальной или экономической политики советского государства к многоаспектному анализу формирования и эволюции политики сталинского режима, реконструкции способов и последствий ее осуществления в отношении этнических депортантов. Особенно выделяются в этом плане новейшие исследования С.А. Красильникова, А.А. Шадта и В.В. Сарновой.

Вместе с тем обозначенные подходы вскрывают наличие существенных исследовательских проблем. Так, В.В. Сарнова пишет о том, что для первых лет ссылки этнических депортантов был «характерен процесс скоротечной маргинализации», которому способствовала жилищная неустроенность (Сарнова 2010: 348). Хотя очевидно, что неустроенность была характерна и для эвакуированного населения, которое не являлось маргинальной группой. Сама же В.В. Сарнова указывает, что «для скорейшего “обустройства” спецпереселенцев централизованно выделялись значительные ресурсы всех видов» (Сарнова 2010: 351). Это, на

наш взгляд, противоречит тезису о «маргинализации» этнических групп со стороны власти.

А.А. Шадт связывает переход к дисперсному принципу расселения (в противоположность «кулакам», изолированно размещенным в спецпоселках) депортированных народов с изменением приоритетов спецпоселения. По его мнению, «этнические депортации не ставили задачу изоляции существующих или потенциальных коллаборационистов». Он полагает, что «дисперсное расселение этнических депортантов среди инокультурного окружения должно было, по мнению организаторов данных акций, привести к постепенной ликвидации этнического сознания переселенных народов...», оно «...сыграло основную роль в этнической маргинализации депортированных в Сибири, спровоцировав их ассимиляцию» (Шадт 2010: 364). Нам подобное заключение представляется спорным в части целенаправленной деятельности органов власти в этом вопросе. Отметим, что Н.Ф. Бугай считает сомнительными «различного рода суждения ... о создании режима распыления народов на территории в 100—200 раз превышающей исходную» (Бугай 2006а: 5).

В.Б. Убушаев и К.В. Убушаев, придерживаясь мнения о «геноциде народа» в местах поселения, ставят под сомнение сам факт выдачи государством спецпереселенцам-калмыкам скота на спецпоселении (Убушаев В.Б., Убушаев К.В. 2007: 154). В то же время К.Н. Максимов, разделяющий тезис о «геноциде», говорит о фактах изъятия у калмыков полученного скота за неуплату налогов (Максимов 2004: 278—279). В.В. Сарнова, приводя данные ОСП УМВД Томской области, где «упоминается о факте полного расчета» с калмыками «за скот и зерно, оставленные на месте прежнего жительства», сетует на то, что «нельзя... точно сказать, производился ли этот расчет за все оставленные продукты или только за те, которые подтверждались квитанциями, выданными по всем правилам» (Сарнова 2003: 68). Точно так же А.А. Шадт говорит о том, что «"благие намерения" руководства не были выполнены, об этом косвенно говорит отсутствие каких-либо архивных материалов о выполнении подобных просьб» о выделении ссуд, стройматериалов и скота немцам в послевоенный период (Шадт 2010: 413).

Большой вклад в изучение калмыцкого спецпереселения внес Б.У. Серазетдинов (Серазетдинов 2003; 2005; 2010), который впервые обратился к вопросу роли труда спецпереселенцев в обеспечении продовольственной безопасности, установил факты халатного отношения местных руководителей к использованию целевых долгосрочных кредитов, предназначенных калмыкам в Сургутском районе, обратил внимание на отсутствие достаточной информации о государственной программе кредитования у ее адресатов — отдельных депортантов (Серазетдинов 2005: 160—170).

Применительно к исследуемой территории Е.В. Боркова, справедливо указывая на то, что отпускаемые государством кредиты на строительство индивидуального жилья «местными органами не использовались в полной мере» (Боркова 2004: 138), не дает ответа на главный вопрос о причине такого положения с кредитованием. Автор констатирует, что продовольственная помощь, а также скот, выделявшийся калмыкам областными организациями, распределялись «несвоевременно и бесконтрольно», хотя не приводит данных, позволяющих проследить процесс в динамике (Боркова 2004: 140). Г.Г. Реммель ошибочно полагает, что продукты по постановлению СНК СССР от 28 января 1945 г. калмыкам «выдавались» (Реммель 2000: 182), хотя на самом деле они спецпереселенцам продавались (ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 153. Л. 8).

Е.Л. Зберовская по результатам исследования режима спецпоселений в годы войны приходит к выводу о выделении внутри национальных спецконтингентов «отдельных групп, имевших некоторую правовую специфику», в частности, называет калмыков — бывших сотрудников НКВД (Зберовская 2006: 74). Исследователи говорят также о «неопределенности статуса» коммунистов на поселении (Сарнова 2005: 103).

К сожалению, в дальнейшем авторы не предпринимали попыток специального исследования положения «внутринациональных групп», что порождает противоположные мнения и не позволяет сформировать четкого представления о политике властей в отношении всех депортированных. Не является исключением в этом смысле и публикация Ф.Л. Синицына, раскрывающая обстоятельства деятельности отдельной группы калмыков-коммунистов в Сибири, но не затрагивающая проблему их статуса и

причин сохранения партийности на поселении (Синицын 2011). К примеру, распространена точка зрения, согласно которой спецпереселенцы в целом (Саганова 2001: 125) и калмыки в частности (Убушаев В.Б., Убушаев К.В. 2007: 85) на спецпоселении не принимались в ряды ВКП (б)/КПСС. Напротив, А.С. Пиманов придерживается мнения о том, что калмыки не желали вступать в партию, хотя имели такую возможность (Пиманов 2002: 133).

Отдельно необходимо сказать о теме репатриации калмыцкого населения. Принципиально важным представляется вывод В.Н. Земскова о том, что период массового освобождения спецпереселенцев (1954—1960 гг.) был не отрицанием предшествующих, а их логическим продолжением (Земсков 2005: 283). Сегодня эта тема рассматривается в общем контексте процесса реабилитации граждан России (Бугай 2006б: 120—125).

Калмыцкими авторами процесс репатриации народа неразрывно связывается с вопросом административно-государственной и территориальной реабилитации, при этом отмечается роль самовольного возвращения граждан в ускорении этого процесса (Запариваный 2008: 47—83; Лиджиева 2007: 81—106). Процесс выезда населения из Сибири изучается с точки зрения хозяйственного и политического возрождения Калмыкии и роли репатриантов в нем (Лиджиева 2007: 355—419). Именно вниманием к возрождению автономии можно объяснить тот факт, что В.Б. и К.В. Убушаевы пишут: «XX съезд партии поручил всем партийным и государственным органам ликвидировать последствия репрессий во всех сферах государственной политической и общественной жизни СССР» (Убушаев В.Б., Убушаев К.В. 2007: 333), в то время как И.В. Лиджиева говорит о половинчатости мер власти, т.к. в текстах указов, регламентирующих снятие калмыков со спецпоселения, речь шла о том, что люди были высланы в связи с обстоятельствами военного времени, а теперь их пребывание на спецпоселении не вызывается необходимостью (Лиджиева 2007: 80). Подобные неувязки, на наш взгляд, свидетельствуют об отсутствии целостного видения проблемы.

Вышеизложенное требует от нас тщательного изучения политики властей по репатриации калмыков с точки зрения региона бывшего спецпоселения, т.к. специалисты, занимающиеся «кал-

мычкой ссылкой» на территории сибирских областей, не проводили таких исследований.

Анализ исторической литературы показывает, что исследователями создана солидная база для системного изучения проблем заявленной темы. Специалистами введено в научный оборот большое количество источников. Это позволило выявить общие для «спецконтингента» проблемы (численность депортантов, «скученность» расселения, нестабильность снабжения, «охват» обучением детей, адаптация к новым условиям и др.) (Загороднюк 1998: 29—30; Боркова 2004: 137—139; Гизатуллина 2003: 148), дать определение ключевым дефинициям, таким как «депортация», «спецпоселение» и др.

Депортация определяется современными авторами как процесс принудительного переселения отдельных социальных и этнических групп, осуществляемый специально уполномоченными органами государства с целью предупреждения политических преступлений в их среде (Шадт 2010: 360).

В современной исторической науке понятие «спецпоселение» понимается по-разному. Спецпоселение — ограничение прав граждан по месту жительства (в том числе депортированных — по новому месту жительства), прежде всего права на свободное передвижение (Бугай 1998: 8). Л.П. Белковец видит в спецпоселении методы социальной изоляции целых групп населения, народностей с их насильственным переселением в отдаленные регионы страны, лишением имущества, «с поражением в правах» или введением политических ограничений (Белковец 2003: 28). Наиболее точное определение этого термина, по нашему мнению, дал А.А. Шадт. В его трактовке спецпоселение — это «система принудительного расселения депортированных лиц на определенной территории с последующим установлением административного надзора за ними со стороны специально уполномоченных органов», а также «комплекс мер административно-принудительного характера, направленный на размещение и установление контроля за депортированными и экономическое использование их рабочей силы» (Шадт 2006: 72).

Изучение историографии позволяет говорить о плюрализме мнений относительно феноменов депортации и спецпоселения. Отечественные исследователи видят в государственных меро-

приятиях стремление улучшить криминогенную обстановку (Н.Ф. Бугай), средство ускорения ассимиляции (В.Н. Земсков), удовлетворения экономических потребностей государства (Н.М. Игнатова), орудие социальной инженерии (П.М. Полян), маргинализации (С.А. Красильников, А.А. Шадт, В.В. Сарнова) или инструмент «ограничения некоторых прав» граждан, не имеющий репрессивного механизма (Л.П. Белковец). Авторы пишут о различных типах политики: политике спецпереселения (Н.М. Игнатова), геноцида (В.Б. Убушаев, К.В. Убушаев), депортационной политике (П.М. Полян). Нужно отметить, что основные идеи, высказываемые российскими исследователями, в значительной мере пересекаются с позициями их зарубежных коллег, что отражает постепенное сближение в видении научных проблем.

В заключение отметим, что в некоторых работах последних лет отчетливо прослеживается отход от духа и буквы закона, а иногда и фактическое отрицание ныне действующих Постановления Верховного Совета СССР «Об отмене законодательных актов в связи с Декларацией Верховного Совета СССР от 14 ноября 1989 г. “О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав”» от 7 марта 1991 г., законов РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» от 26 апреля 1991 г., «О реабилитации жертв политических репрессий» от 18 октября 1991 г. (Бугай 2006б: 138—182). Данное направление неоднородно и включает себя как публицистику (Мартиросян 2008; Пыхалов 2008), содержащую прямолинейную апологетику сталинизма, зачастую опирающуюся на тенденциозно интерпретируемые или напрямую фальсифицированные источники, так и специальные научные исследования, отличительной чертой которых является стремление оправдать органы госбезопасности советского государства, доказав, что эти структуры имели «право на репрессии» граждан, поскольку спецоперации по выселению этносов из мест исконного проживания являлись «разновидностью внесудебных полномочий» органов ГБ (Мозохин 2011: 275). По мысли авторов, карательные функции спецслужбам делегировали партия и правительство, а подручные Л.П. Берии являлись лишь инструментом в руках ВКП(б)/КПСС (Вольхин 1998 403).

При этом главным и «бесспорным аргументом» обоснованности выселения целых народов служит оправдание этого акта «интересами государственной безопасности», что позволяет, в частности, Д.В. Гаврилову, вовсе отрицать преступность тотальных депортаций народов (Гаврилов 2012: 8—9). В этой связи не удивительно, что ответом на подобные просталинские публикации становится появление книг, вновь рассказывающих о геноциде народов в сталинские времена (Нухажиев, Умхаев 2009).

Начало 2000-х гг. можно определить как новый этап развития историографии репрессий в отношении народов СССР в целом и калмыцкого народа в частности. Рубеж первого десятилетия XXI в. отмечен появлением ряда историографических исследований проблем депортации (Бугай 2012; Кропачев 2011; Кропачев, Кринко 2012; Степанов 2009а; 2009б), что позволяет видеть в теме этнических репрессий сегодня не только отдельное исследовательское направление, имеющее собственную проблематику (Бугай 1996), но и говорить о происходящей в научной среде концептуализации авторских позиций, появлении новых исследовательских подходов и парадигм, расширяющих поле научного поиска.

Литература

Авлиев В.Н. 2004. Калмыцкое народонаселение в конце XIX — XX в.: историко-демографическое исследование: Дис. ... канд. ист. наук. Элиста.

Белковец Л.П. 2003. Административно-правовое положение российских немцев на спецпоселении 1941—1955 гг.: Историко-правовое исследование. Новосибирск: Изд-во СО РАН.

Бембеева Е.А. 2008. Деятельность женщин Калмыкии в годы Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Элиста.

Боркова Е.В. 2004. Депортация калмыков в Тюменскую область (1944—1956 гг.) // Вестник ТГПИ 3, 136—143.

Бугай Н.Ф. 1995. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». Москва: АИРО-XX.

Бугай Н.Ф. 1996. Депортация народов в СССР — новое направление в отечественной историографии: проблемы изучения // Сахаров А.Н. (отв. ред.). Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. Москва: Наука, 506—513.

Бугай Н.Ф. 1998. Предисловие // Н.Ф. Бугай (отв. ред.). «Мобилизовать немцев в рабочие колонны... И. Сталин»: Сборник документов. (1940-е годы). Москва: Готика, 3—25.

Бугай Н.Ф. 2006а. Народы Украины в «Особой папке Сталина». Москва: Наука.

Бугай Н.Ф. 2006б. Реабилитация репрессированных граждан России (XX — начало XXI века): Книга-мониторинг. Москва: МНСК-пресс.

Бугай Н.Ф. 2012. Проблемы репрессий и реабилитации граждан: история и историография (XX в. — начало XX в.). Москва: Гриф и К.

Вольхин А.И. 1999. О характере арестов, осуществленных органами НКГБ Урала и Сибири в годы Великой Отечественной войны // Исторические чтения на Лубянке. 1997 г. Российские спецслужбы: история и современность. Москва; Великий Новгород: Изд-во НовГУ, 86—91.

Вольхин А.И. 1998. Роль органов госбезопасности в реализации спецпоселенческой политики советского государства в 1930—1940-х гг. // Урал в прошлом и настоящем. Екатеринбург: ИИА УрО РАН, 401—403.

Гаврилов Д.В. 2012. Двойные стандарты в оценке внутренней политики стран антигитлеровской коалиции в годы Второй мировой войны // Военно-исторический журнал 1, 3—9.

Гизатуллина Л.Ф. 2003. К вопросу о депортации населения в Омскую область в 1939—1944 гг. // Вестник ТГПИ 2, 142—150.

Гизатуллина Л.Ф. 2005. Депортация народов в Северо-Западную Сибирь в 1939—1956 годах: Дис. ... канд. ист. наук. Тобольск.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ).

Гучинова Э.-Б.М. 2005. Помнить нельзя забыть. Антропология депортационной травмы калмыков. Штутгарт: Ibidem.

Зберовская Е.Л. 2006. Спецпоселенцы в Красноярском крае (1940—1950-е гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Красноярск.

Загороднюк Н.И. 1998. Операция «Улусы» // Югра 1, 29—30.

Запариванный Р.И. 2008. Восстановление национальной автономии калмыцкого народа (1953—1958 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Элиста.

Земсков В.Н. 2005. Спецпоселенцы в СССР, 1930—1960. Москва: Наука.

Игнатова Н.М. 2009. Спецпереселенцы в республике Коми в 1930—1950-е гг. Сыктывкар: Изд-во Коми НЦ УрО РАН.

Кропачев С.А. 2011. Современная российская историография депортаций народов в годы Великой Отечественной войны // Вестник Челябинского гос. ун-та 47, 100—103.

Кропачев С.А., Кринко Е.Ф. 2012. Потери населения СССР в 1937—1945 гг.: масштабы и формы. Отечественная историография. Москва: РОССПЭН.

Красильников С.А. 2003. Серп и Молох. Крестьянская ссылка в Западной Сибири в 1930-е годы. Москва: РОССПЭН.

Красильников С.А. 2007. Спецпереселенцы // Красильников и др. Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920—1930-е годы). Новосибирск: ИД Сова, 287—373.

Красильников С.А., Шадт А.А. 2010. Введение // Красильников и др. Маргиналы в советском социуме. 1930-е — середина 1950-х гг. 2-е изд., расшир. и доп. Новосибирск: ИД Сова, 3—6.

Лиджиева И.В. 2007. Основные этапы реабилитации репрессированных народов (на материалах Калмыкии): Дис. ... канд. ист. наук. Элиста.

Максимов К.Н. 2009. Репрессии против калмыцкого народа и его реабилитация (1943—1950-е гг.) // Максимов К.Н. (отв. ред.) История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: В 3 т. Т. 2. Элиста: ИД Герел, 580—641.

Максимов К.Н. 2004. Трагедия народа: Репрессии в Калмыкии. 1918—1940-е гг. Москва: Наука.

Красильников С.А., Шадт А.А. (отв. ред.). 2001. Маргиналы в советском обществе 1920—1930-х годов: историография, источники. Новосибирск: Институт истории СО РАН.

Красильников С.А., Шадт А.А. (отв. ред.). 2006. Маргиналы в советском обществе: механизмы и практика статусного регулирования в 1930—1950-е годы: Сборник научных статей. Новосибирск: Институт истории СО РАН.

Красильников С.А., Шадт А.А. (отв. ред.). 2007. Маргиналы в советском обществе: институциональные и структурные характеристики в 1930—1950-е годы: Сборник научных трудов. Новосибирск: Институт истории СО РАН.

Красильников и др. 2007. Маргиналы в социуме. Маргиналы как социум. Сибирь (1920—1930-е годы). Новосибирск: ИД «Сова».

Красильников и др. 2010. Маргиналы в советском социуме. 1930-е — середина 1950-х гг. Новосибирск: ИД «Сова».

Мартirosян А.Б. 2008. Сталин и репрессии 1920—1930-х гг. Москва: Вече.

Нухажиев Н.С., Умхаев Х.С. 2009. Депортация народов: ностальгия по тоталитаризму. Элиста: НПП «Джангар».

Папков С.А. 2012. Обыкновенный террор. Политика сталинизма в Сибири. Москва: РОССПЭН.

Пиманов А.С. 2002. Калмыцкая ссылка в Тюменской области (1943—1957 гг.) // Сокова З.Н. (отв. ред.) Тюменский исторический сборник. Вып. 5. Тюмень: Изд-во Тюм. ун-та, 128—134.

Полян П.М. 2005. Депортации и этничность // Яковлев А.Н. (отв. ред.). Сталинские депортации. 1928—1953. Москва: МФД: Материк, 5—19.

Пыхалов И.В. 2008. За что Сталин выселял народы? Сталинские депортации — преступный произвол или справедливое возмездие? Москва: Яуза-Пресс.

Реммель Г.Г. 2000. Депортация калмыков в Омскую область // Известия ОГИК музея 8, 180—185.

Саганова Л.П. 2001. Спецпереселенцы-немцы в Бурятии (1941—1956 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ.

Сарнова В.В. 2003. Депортация калмыков в Западную Сибирь в 1943—1944 гг. // Красильников С.А. (отв. ред.). Гуманитарный ежегодник. Вып. IV: Сборник научных трудов аспирантов и соискателей. Новосибирск: НГУ.

Сарнова В.В. 2005. Принудительные миграции населения СССР в Западную Сибирь в период Второй мировой войны: Дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск.

Сарнова В.В. 2010. Этническая ссылка // Красильников и др. Маргиналы в советском социуме. 1930-е — середина 1950-х гг. Новосибирск: ИД «Сова».

Серазетдинов Б.У. 2003. Ссылка // Югра 9—10, 46—49.

Серазетдинов Б.У. 2005. Югра в годы войны. 1941—1945. Екатеринбург: Пакрус.

Серазетдинов Б.У. 2010. Рыбный фронт и его роль в смягчении продовольственной проблемы в СССР. 1941—1945 гг. Москва: б.и.

Синицын Ф.Л. 2011. Инициативная группа бывших руководящих работников Калмыцкой АССР и ее усилия по освобождению калмыцкого народа из спецпоселения (1944—1956 гг.) // Российская история 2, 125—141.

Степанов М.Г. 2009а. Депортация калмыков и северокавказских народов СССР в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.): краткие историографические заметки // Вестник Челябинского гос. ун-та. История 37, 166—170.

Степанов М.Г. 2009б. Репрессивная политика советского государства в 1928—1953 гг.: проблемы российской историографии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ.

Убушаев В.Б., Убушаев К.В. 2007. Калмыки: выселение, возвращение, возрождение. 1943—1959 гг. Элиста: Изд-во Калмыцкого ун-та.

Убушаев К.В. 2003. Депортация и правовая реабилитация калмыцкого народа: историко-правовые аспекты (1943—1991 гг.): Дис. ... канд. юрид. наук. Ставрополь.

Шадт А.А. 2006. Нормативно-правовая база этнической ссылки (регламентация политико-правового статуса российских немцев) (1940—1950-е гг.) // Красильников С.А., Шадт А.А. (отв. ред.). Маргиналы в советском обществе: механизмы и практика статусного регулирования в 1930—1950-е годы: Сборник научных статей. Новосибирск: Институт истории СО РАН, 72—102.

Шадт А.А. 2010. Этническая ссылка советских немцев // Красильников и др. Маргиналы в советском социуме. 1930-е — середина 1950-х гг. Новосибирск: ИД «Сова», 355—416.

Глава 7

ВЕТЕРИНАРНЫЙ УЧАСТОК КАК ВАЖНЕЙШЕЕ ЗВЕНО СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЕТЕРИНАРНОЙ СЛУЖБЫ В СССР (НА МАТЕРИАЛАХ ШИРОКОВСКОГО ВЕТУЧАСТКА ДАЛМАТОВСКОГО РАЙОНА КУРГАНСКОЙ ОБЛАСТИ 1940—1980-х гг.): ИСТОРИОГРАФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

История ветеринарии — одна из важных дисциплин ветеринарного образования. Значение исторических исследований в связи с этим очевидно. Без знания предшествующих этапов не может быть понята сущность успехов, достижений и проблем современной ветеринарии. Изучение истории ветеринарии имеет большое воспитательное значение, раскрывает гуманность отношения человека к животному, формирует уважительное отношение к профессии ветеринарного врача. Научное значение исследования также очевидно, поскольку в отечественной науке подобного труда не создано. Актуальность исследования заключается и в том, что его результаты могут найти применение в образовательном процессе. В связи с этим следует обратить внимание на то, что в советский и постсоветский периоды создано лишь несколько учебных пособий, посвященных истории ветеринарии.

Применительно к изучаемому региону история развития сельской системы ветеринарной службы изучена крайне слабо, что делает актуальным заявленное исследование. Отсутствуют исследования и о персоналиях — ветеринарных специалистах, чья жизнь была посвящена службе в ветеринарии.

Предметом исследования является не только история ветеринарии одного из районов Зауралья, но и ветеринарный участок как первичное звено советской системы ветеринарной службы. Его деятельность рассматривается на материалах Широковского ветеринарного участка Далматовского района Курганской области РСФСР.

В развитии государственной ветеринарной службы можно выделить четыре этапа.

I. Первые послевоенные годы (1945—1949 гг.) — самый трудный этап. Ветеринарная служба, несмотря на объективные слож-

ности, продолжала настойчивую работу по дальнейшему оздоровлению животноводства от различных болезней. Велась активная деятельность, направленная на ликвидацию имеющихся заразных болезней (ящур, бруцеллез, туберкулез, чума свиней и птиц). Основное внимание было направлено на оказание помощи колхозам и совхозам в выполнении планов развития животноводства и производства животноводческой продукции.

II. Начало 1950-х — 1968 гг. — до принятия нового Ветеринарного устава СССР. На том этапе видна интенсивная работа по восстановлению и перестройке государственной ветеринарной сети, осложнявшаяся проблемами материально-финансового и кадрового характера. Наличие государственной ветеринарной сети и повсеместный охват ветеринарным обслуживанием животноводства страны дал свои результаты. В указанный период в СССР наблюдалось снижение заболеваемости бруцеллезом. Были получены неплохие результаты по борьбе с туберкулезом. Ветеринары практически победили эмфизематозный карбункул. Нельзя не подчеркнуть, что советской ветеринарией были достигнуты существенные успехи по сокращению заболеваемости и смертности среди всех видов сельскохозяйственных животных. Это было обусловлено проведением активных ветсанитарных и профилактических мероприятий, а также созданием новых эффективных диагностических и лечебных средств и методов лечения животных. Практически победили сибирскую язву и справились с рожей свиней. Чума свиней в СССР также находилась на грани ликвидации. Несмотря на это оставалось еще много нерешенных проблем по оздоровлению животных от инфекционных, протозойных, гельминтозных, арахно-энтомозных и незаразных болезней (Скрябин 1967: 897).

III. 1968—1970-е гг. — этап наиболее успешного развития ветеринарной службы. Введение нового устава, четкая регламентация задач ветслужбы, разграничение полномочий государственной и ведомственной служб. На этом этапе произошло увеличение финансирования, позволившее начать процесс технического оснащения ветеринарных учреждений, увеличить число подготовленных ветеринарных врачей и ветфельдшеров. Предприняты попытки по улучшению материально-бытового положения ветеринарных специалистов. Работа практических ветеринарных уч-

реждений подкреплялась деятельностью биологической промышленности. 24 биофабрики выпускали 72 иммунобиологических препарата, в том числе 31 вид вакцин, 18 видов иммунных сывороток, 18 видов диагностических и 8 видов химиотерапевтических препаратов, многие препараты проходили стадию производственного испытания. Развитие ветеринарной науки также получило широкий размах в Советском Союзе. Научно-исследовательские учреждения оказывали большую помощь ветеринарным органам. Широко применялись предложения ученых Московской ветеринарной академии по проведению диспансеризации животных, особенно маточного поголовья. Больше внимания стало уделяться исследованиям качества кормов и обменных процессов в организме животных. Это стало новым направлением в ветеринарии, сыгравшим впоследствии важную роль в диагностике и профилактике незаразных болезней животных. С начала 1960-х до середины 1980-х гг. во всех категориях хозяйств происходило постоянное увеличение поголовья продуктивного скота: крупного рогатого скота — в 1,5 раза, свиней — в 1,3 раза. Это способствовало развитию и укрупнению ветеринарной службы, обслуживающей общественное стадо. Каждое крупное специализированное хозяйство этого периода имело в своем штате несколько специалистов высшего и среднего звена, которые занимались непосредственно всей ветеринарной работой при обслуживании своего стада.

IV. 1980—1987 гг. — этап стагнации, ухудшения ситуации в стране, снижения сельскохозяйственного производства и поголовья животных. Это время кризиса в ветеринарии, ее разгосударствления. XXVII съезд КПСС поставил перед ветеринарией страны решение следующих задач: усилить борьбу с заразными и незаразными болезнями животных, усовершенствовать государственную ветеринарную сеть, укрепить материально-техническую базу. Кардинальной задачей ветслужбы являлось дальнейшее снижение потерь от незаразных болезней. Незаразные болезни — болезни сельскохозяйственных животных, возникающие в результате нарушения правил кормления, содержания, ухода и хозяйственного использования животных. Экономический ущерб хозяйству от незаразных болезней складывается из снижения продуктивности, преждевременной выбраковки, вынужденного

убоя, падежа животных и затрат на лечебно-профилактические мероприятия. К незаразным болезням относятся: внутренние незаразные болезни, хирургические болезни, акушерско-гинекологические болезни (Скрябин 1968: 385). Для этого необходимо было широко использовать диспансеризацию животных, применять групповую терапию, лечебно-профилактические пункты, налаживать образцовую лечебную работу во всех колхозах, совхозах, животноводческих комплексах. Лечение животных при внутренних незаразных болезнях, как и при других болезнях, только тогда будет результативным, если оно целенаправленно и научно обосновано. Основная цель лечения — добиться полного выздоровления животного, восстановления его продуктивности и получения полноценной продукции.

В условиях перестройки не удалось избежать реформ и ветеринарной службе. Реорганизация выразилась в том, что ее вывели из подчинения Министерства сельского хозяйства и сделали структурным подразделением Государственного агропромкомитета СССР (Положение о главном управлении ветеринарии было утверждено 21 июля 1986 г.) (Третьяков 1988: 3), а в 1987 г. государственная ветслужба была расформирована и передана в колхозы.

Территориальные рамки исследования охватывают Зауралье, преимущественно Далматовский район Курганской области, но иногда автор выходит за указанные рубежи, чтобы показать общие процессы, характерные для сельской ветеринарной сети СССР, а также для выявления общих закономерностей и специфических особенностей исследуемого предмета.

Хронологические рубежи исследования охватывают советский период российской истории — с 1940-х гг. до конца 1980-х гг., когда отечественная ветеринария вполне успешно развивалась.

Методология исследования. Основной методологический подход — междисциплинарный. Он позволяет использовать методы и принципы различных наук, что обогащает исследование. Интеграция географии, истории, ветеринарии, экономики позволяют подойти к исследованию комплексно, рассматривая различные аспекты заявленного предмета исследования с точки зрения различных областей знаний.

Курганская область входит в состав Уральского региона, где ей в изучаемый период отводилась роль аграрного субъекта экономических взаимодействий. Рассмотрение истории развития ветеринарной участковой сети в Далматовском районе и изучение конкретного участка (Широковского) делает востребованным микроисторический подход.

Обращение к истории ветеринарии Курганской области, учитывая ее специфику, заставляет рассматривать процессы и явления в контексте статуса области как аграрной провинции Урала. Курганская область имела свои особенности, выражавшиеся в доминировании традиционных (а порой и патриархальных) ценностей. Особенно это видно на истории старожильского села Широковского, где устойчивость традиций была весьма распространенным явлением, а восприимчивость к инновациям проявлялась в те годы еще весьма слабо. Это отразилось на всех сферах жизни, в том числе и на взаимодействии ветеринарных специалистов и местного населения, а также колхозников-животноводов. Вероятно, здесь для объяснения некоторых событий, явлений, процессов уместно обращение и к одному из методологических подходов, способствующих изучению региональной идентичности (Побережников 2014). Для характеристики личности ветеринарного врача Г.И. Захаровой использовались данные психологических наук (в том числе теории личности).

Историография темы. В развитии историографии изучаемого периода выделяются два этапа: советский и постсоветский. Независимо от этапа все труды можно разделить на несколько групп:

1. Работы по истории ветеринарии СССР (в том числе различных его регионов).
2. Труды по аграрной истории региона (Урал и Зауралье).
3. Краеведческие издания по истории края (Зауралье, история Далматовского района, села Широковского).
4. Специальные ветеринарные труды.

Следует подчеркнуть, что в СССР изучением истории отечественной и зарубежной ветеринарии занимались лишь некоторые специалисты-любители. Большинство публикуемых работ по истории ветеринарии в те годы — это диссертации. По инициативе профессора В.М. Коропова при Московской ветеринарной академии в 1952 г. был создан небольшой музей «История ветерина-

рии» (Ветеринария 1952: 61). В 1960 г. в журнале «Ветеринария» появился специальный раздел по ее истории. Но все же в советское время изучение истории ветеринарии находилось в стране не на должной высоте. Не было создано и единого координирующего научного центра по изучению прошлого ветеринарии.

Для первого этапа было характерно издание ряда фундаментальных работ по истории ветеринарии СССР и ее отдельных регионов. Прежде всего, это «Ветеринарная энциклопедия» — первое в стране научно-справочное издание, содержащее основные сведения по всем вопросам истории, теории и практики ветеринарии. В 1970-х гг. было издано несколько работ, посвященных истории ветеринарии в ряде союзных республик (Джамбулатов 1971; Ибрагимов 1971). История ветеринарии исследуемого периода нашла отражение и в учебном пособии для подготовки ветеринарных врачей. В 1988 г. была опубликована книга «История ветеринарии» (Никитин, Калугин 1988), одним из авторов которой являлся Иван Николаевич Никитин — доктор ветеринарных наук (1980), профессор (1982), известный ученый.

По истории ветеринарии Курганской области была издана на том этапе лишь одна работа, отражавшая путь развития ветеринарии края до 1967 г. (Умов, Малокотин 1967). Ее авторы — ветеринарные врачи Курганской областной ветлаборатории А.А. Умов и С.П. Малокотин — систематизировали значительный исторический материал по периоду с конца XIX в. до начала 1967 г. В ведомственном архиве Далматовской ветстанции сохранилась рукопись этого труда, подаренного авторами. Она представляет собой машинописный текст объемом около 300 страниц (без пагинации). В ней авторы писали: «История ветеринарии Курганской области малоизвестна, потому что ею никто не занимался и никто не изучал». Именно в этой рукописи указывалось, что первым ветврачом области был В.П. Попов (Далматово). Как писали авторы, книга создавалась, в том числе и на основе материалов, присланных ветработниками области по просьбе А.А. Умова и С.П. Малокотина. Уже на тот момент эти ветврачи являлись старейшими в области, были участниками многих событий ветеринарной жизни. Свой труд они создавали, опираясь на архивы Кургана, Шадринска и особенно Далматовской ветлечеб-

ницы (это подчеркнуто авторами во введении) (Умов, Малокотин 1966).

Автор, осуществляя исследование в русле междисциплинарного подхода, придерживался в том числе и принципов аграрного исследования, поэтому в книге представлена достаточно широкая панорама сельскохозяйственного производства, прежде всего сферы животноводства Далматовского района и колхоза им. Свердлова. Следует пояснить, что исторически это была территория развитого сельского хозяйства. Однако специальных работ, в которых нашло бы отражение прошлое сельского хозяйства территории изучаемого периода, в отечественной историографии почти нет. Лучше, применительно к Зауралью, изучен период 1920—1930-х гг. (Пономарева 1966; Плотников 1985; 1992; 1994; Винниченко 1992). Академик В.В. Алексеев отмечал, что аграрная история Урала XX в. исследована неравномерно по периодам, не комплексно по содержанию, и в значительной степени идеологизированно (Алексеев 1998: 8). Это утверждение в полной мере относится и к одной из географических частей Урала — Зауралью.

При подготовке монографии использовалась, в частности, пропагандистская работа курганских авторов «Огни зовут», посвященная некоторым страницам истории колхоза им. Свердлова и с. Широковского. Ее авторы М.Д. Приходько (ответственный секретарь Курганского «Блокнота агитатора») и Н.П. Савельева (доцент Курганского сельскохозяйственного института) рассказывали о том, как началось и развивалось движение за коммунистический труд, как складывались новые отношения между людьми, приводили сведения о развитии села и колхозной экономики (Приходько, Савельева 1965).

Кроме исторических работ в монографии широко применялись специальные ветеринарные труды, работа с которыми осуществлялась в крупных научных библиотеках страны, в том числе Центральной научной сельскохозяйственной библиотеке (г. Москва), Краснодарской краевой универсальной научной библиотеке им. А.С. Пушкина, Свердловской областной универсальной научной библиотеке им. В.Г. Белинского (г. Екатеринбург), Курганской областной научной библиотеке им. А.К. Югова и др. Следует подчеркнуть, что ряд книг перешли автору от матери

(ветврача Г.И. Захаровой). Некоторые труды являются уникальными и представляют библиографическую редкость (Гутира, Марек 1934; Кадыков 1939; Коляков 1948; Евграфов 1956; Мозгов 1960; Студенцов 1961; Шарабрин 1964). В тот период действительно было создано большое количество фундаментальных ветеринарных трудов по всем основным областям ветеринарной науки и практики. Так, только в период 1968—1980-х гг., как указывает Т.И. Минеева, было издано 420 книг по ветеринарии (Минеева 2005: 315).

Следовательно, советский период историографии истории ветеринарной службы в СССР, РСФСР и в особенности Курганской области представлен все же незначительным комплексом работ, исследовавшим прошлое ветеринарной службы. Применительно к рассматриваемой теме специальные исторические работы не были созданы, и базовое звено ветеринарной службы (ветеринарный участок) не являлось предметом исследований.

Для второго этапа развития отечественной историографии темы характерно в первую очередь появление работ как научного, так и учебного характера, отражавших историю ветеринарии на разных этапах развития.

Постсоветский период ознаменовался и появлением новых учебных пособий по истории ветеринарии. Так, И.Н. Никитин в 1996 г. создал новый учебник по истории ветеринарии. В нем поэтапно рассматривалось становление советской системы ветеринарной службы, анализировалась документальная база развития ветеринарии, содержался материал о персоналиях. В 2006 г. учебник И.Н. Никитина был переиздан. В 2005 г. было опубликовано учебное пособие Т.И. Минеевой, в котором отражены истоки зарождения и этапы развития ветеринарии, показана ее неразрывная связь с общими процессами развития общества. В разделах, посвященных истории отечественной ветеринарии, рассказано о становлении ветеринарного законодательства, ветеринарного образования, о борьбе с эпизоотиями, о состоянии ветеринарии в военный период и в период новых экономических отношений (Никитин 1996; 2006; Минеева 2005).

На современном этапе появился также ряд исследований, посвященных развитию региональной ветеринарной службы. В их числе можно выделить следующие работы: «История ветерина-

рии в Якутии» (Карпов 2012), «Государственная ветеринарная служба Московской области» (2015), «История ветеринарии Пермского края» (Киприянов 2015) и др. Так, например, автором изучено становление советской системы ветеринарной службы на Обь-Иртышском Севере (1917—1941 гг.). Опубликовано несколько научных статей и монография (Алексеева 2009). Нами представлены сведения и по истории ветеринарии Ханты-Мансийского округа периода Великой Отечественной войны в специальном труде, посвященном развитию сельского хозяйства края (Алексеева 2012).

В 2015 г. вышла в свет книга об истории становления ветеринарной службы Ставрополя. Она приурочена к 120-летию со дня образования ветеринарной службы указанного края. Книга является продолжением изданного ранее первого тома и описывает события, охватывающие период советской власти с 1920-х по 1970-е гг. Книга посвящена ветеринарным специалистам, самоотверженный труд которых обеспечивал ветеринарное благополучие Ставрополя (Башкатов 2015).

Отрадно заметить, что появились работы обобщающего характера, рассматривающие историю ветеринарии с глубокой древности (Шабарин 2012), а также труды, описывающие историю ветеринарного образования в стране (Воронин и др. 2000), работы, посвященные этике ветеринарного врача (Панько 2004).

Нельзя не подчеркнуть, что особенностью современного этапа является появление исторических очерков, выполненных в управлениях ветеринарии субъектов Российской Федерации, которые стали доступны с появлением сети Интернет. В числе таких очерков и текст по истории ветеринарии Курганской области (Бобров 2015), в сжатой форме повествующий о ее становлении и развитии, в том числе и в советский период.

Таким образом, выявление степени изученности проблемы показало, что специальных исторических работ по заявленной автором исследовательской теме в отечественной науке не создано. Об истории ветеринарии исследуемого периода отсутствуют, к сожалению, сведения и в пятитомной истории Курганской области (Емельянов 1995—1999). Что касается локальных краеведческих изданий, то нельзя не указать работу далматовских краеведов (Грязнов и др. 2002), где представлен сюжет о возникновении

ветеринарной службы в Далматово, но при этом отсутствуют сведения об исследуемом нами периоде. Интерес представляет работа краеведа-любителя В.А. Широковой, подготовившей и опубликовавшей две книги по истории с. Широковского (Широкова 2013; 2015), где автор затрагивает в том числе и сельскохозяйственное производство колхоза им. Свердлова, упоминает о ветеринарном враче Г.И. Захаровой. Следовательно, научная актуальность темы очевидна, поскольку в отечественной науке ветеринарный участок как важнейшее звено системы государственной ветеринарной службы в СССР еще никогда не становился предметом научного исследования.

Литература

Алексеев В.В. 1998. Уральская историография на рубеже третьего тысячелетия // Урал в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции. Ч. 1. Екатеринбург: Банк культурной информации, 8.

Алексеева Л.В. 2012. Крестьянская страда в 1418 дней: сельское хозяйство Югры в годы Великой Отечественной войны. Нижневартовск: Изд-во НГТУ.

Алексеева Л.В. 2009. Становление советской системы ветеринарной службы на Обь-Иртышском Севере (1917—1941 гг.): Монография. Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та.

Башкатов Г.А. 2015. Ветеринарная медицина и ветеринарно-медицинские специалисты Ставрополя. URL: <http://www.vet-center.ru/component/k2/item/786-news> (дата обращения: 15.04.2015).

Бобров А.И. Из истории Управления ветеринарии Курганской области и развития ветеринарной службы на территории Курганской области. URL: <http://kurganobl.ru/upravlenie-veterinariii-kurganskoj-oblasti-1> (дата обращения: 20.05.2015).

Ветеринария. 1952. № 4. С. 61.

Ветеринарная энциклопедия: В 6 т. 1968—1975 / Скрыбин К.И. (гл. ред.). Москва: Советская энциклопедия.

Ветеринарное законодательство. 1988. Т. 4 / Третьяков А.Д. (под общ. ред.). Москва: Агропромиздат, 3.

Винниченко О.Ю. 1992. Крестьянство Зауралья в 1933—1941 гг. // Крестьянство Зауралья в 1929—1941 гг. Курган.

Внутренние незаразные болезни сельскохозяйственных животных 1964 / Шарабрин И.Г. (под ред.). Москва: Колос.

Воронин Е.С., Коробов А.В., Чекан В.А. 2000. Развитие ветеринарного образования в России. Москва: МГАВМиБ им. К.И. Скрябина.

Государственная ветеринарная служба Московской области. URL: old.guv.mosreg.ru/vedomstvo_head (дата обращения: 15.04.2015).

Гутира Ф., Марек И. 1934. Частная патология и терапия домашних животных. Перевод с 6-го переработанного немецкого издания / Павлушкин С.Н. (под ред.). Т. 3: Болезни мочевых органов, крови и кроветворения, селезенки, обмена веществ, нервной системы, органов движения и кожи. Москва; Ленинград: Сельхозгиз.

Джамбулатов М.М. 1971. К истории ветеринарии в Дагестане. Махачкала: Дагкнигоиздат.

Евграфов А.Р. 1956. Внутренние незаразные болезни сельскохозяйственных животных. Москва: Сельхозгиз.

Ибрагимов Б.Г. 1971. История ветеринарии в Азербайджане. Баку: ЭЛМ.

История ветеринарной медицины: Древний мир — начало XX в. 2012. Учебное пособие / Шабарин И.П. (ред.). Москва: КолосС.

История и современность ветеринарии Башкортостана: 1887—2012. 2012. Ч. 1 / Буранбаев В.С., Галимов Б.А. (под общ. ред.). Уфа: Здравоохранение Башкортостана.

История Курганской области: В 5 т. 1995—1999 / Емельянов Н.Ф. (отв. ред.). Курган: Зауралье.

Кадыков И.И. 1939. Общая хирургия. Москва: Сельхозгиз.

Инфекционные и инвазионные болезни лошадей. 1948 // Коляков Я.Е. (под ред.). Москва: Сельхозгиз.

Карпов В.С. 2012. История ветеринарии в Якутии. Якутск: ИД СВФУ.

Киприянов Ю.Н. 2015. История ветеринарии Пермского края. Кн. 3. Ч. 1: Ветеринарная служба Пермского края. 1951—2008; Ч. 2: Судьба солдата. Пермь: Пушка.

Коропов В.М. 1954. История ветеринарии в СССР. Москва: Сельхозгиз.

Край по имени Далмата. 2002. Т. 1: 1644—1924 / Грязнов Д.С., Лепихина Т.Н., Пономарева Г.А. (сост.). Курган: Зауралье, 261—264.

Материалы XXVII съезда КПСС. 1986. Москва: Политиздат.

Минеева Т.И. 2005. История ветеринарии. Санкт-Петербург: Лань.

Мозгов И.Е. Фармакология. 1960. Москва: Агропромиздат.

Никитин И.Н. 2006. История ветеринарии. Учебник. Москва: КолосС.

Никитин И.Н. 1996. История ветеринарии: Учебник. Москва: Колос.

Никитин И.Н., Калугин В.И. 1988. История ветеринарии. Москва: Агропромиздат

Плотников И.Е. 1994. Сельское хозяйство Зауралья в годы первой пятилетки (1929—1932 гг.) // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краеведческий сборник «В.П. Бирюков — ученый, писатель, краевед». Курган: Зауралье.

Плотников И.Е. 1985. Советы и крестьянство Урала в 1921—1932 гг.: Дис. ... д-ра ист. наук. Курган.

Плотников И.Е. 1992. Сплошная коллективизация в Зауралье // Крестьянство Зауралья в 1929—1941 гг. Курган: Зауралье.

Пономарева Р.Н. 1966. Некоторые вопросы организационно-хозяйственного состояния колхозов Зауралья в 1930 г. // Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Свердловск: УрО СССР.

Приходько М.Д., Савельева Н.П. 1965. Огни зовут. Челябинск: Южно-Уральск. кн. изд-во.

Профессиональная этика врача ветеринарной медицины. 2004 / Панько И.С. (под ред.). Санкт-Петербург: Лань.

Незаразные болезни. 1973 // Ветеринарная энциклопедия. Т. 4. Москва: Советская энциклопедия.

Современные проблемы ветеринарии. 1968 // Ветеринарная энциклопедия. Т. 1. Москва: Советская энциклопедия, 897.

Студенцов А.П. 1961. Ветеринарное акушерство и гинекология. Москва: Сельхозиздат.

Умов А.А., Малокотин С.П. 1967. Очерки истории ветеринарии Курганской области. Пособие для ветеринарных работников, студентов, преподавателей сельскохозяйственных вузов и техникумов. Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство.

Умов А.А., Малокотин С.П. 1966. Очерки истории ветеринарии Курганской области. Рукопись // Ведомственный архив Далматовской ветстанции.

Урал в контексте российской цивилизации: теоретико-методологическая концептуализация. 2014 / Побережников И.В. (отв. ред.). Екатеринбург: АСПУр.

Широкова В.А. 2013. Потомки Широкова. История села Широковского Далматовского района. Шадринск: Шадринский издательский дом.

Широкова В.А. 2015. Они вернулись с Победой (участники Великой Отечественной войны села Широковского). Шадринск: Шадринский издательский дом.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеева Л.В. — доктор исторических наук, профессор Нижневартковского государственного университета.

Бытко С.С. — студент гуманитарного факультета Нижневартковского государственного университета.

Зеленин А.В. — аспирант филиала Тюменского государственного университета в г. Тобольске.

Зубов В.Н. — методист, старший преподаватель Нижневартковского государственного университета.

Ершов М.Ф. — кандидат исторических наук, доцент, ученый секретарь Института обско-угорских народов.

Иванов А.С. — кандидат исторических наук, доцент кафедры естественнонаучных и гуманитарных дисциплин Сургутского института нефти и газа (филиала) Тюменского нефтегазового университета в г. Сургуте.

Митрофанов В.В. — доктор исторических наук, профессор филиала Южно-Уральского государственного университета (Научно-исследовательского университета) в г. Нижневартовске.

Силаева И.А. — кандидат исторических наук, начальник отдела кадров ООО «НПП «Сибгеокарта»».

Спичак А.В. — кандидат исторических наук, старший преподаватель Нижневартковского государственного университета.

Солодкин Я.Г. — доктор исторических наук, профессор Нижневартковского государственного университета.

Софронов В.Ю. — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории, философии и методик преподавания филиала Тюменского государственного университета в г. Тобольске.

Угрюмова М.В. — кандидат исторических наук, доцент Нижневартковского государственного университета.

Храмцов А.Б. — кандидат исторических наук, доцент Тюменского индустриальный университета.

Цысь О.П. — кандидат исторических наук, доцент Нижневартковского государственного университета.

Чореф М.М. — кандидат исторических наук, начальник управления научных исследований Нижневартковского государственного университета.

Шамсиева Э.Р. — магистр исторического образования, специалист по учету музейных предметов «Регионального историко-культурного и экологического центра», г. Мегион.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Раздел I. ПРОБЛЕМЫ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ ИСТОРИИ	
СИБИРИ XV—XX вв.	3
Глава 1. КИТАЙСКАЯ МОНЕТА В СИБИРИ: ПРИЧИНЫ ПРОНИКНОВЕНИЯ И ХАРАКТЕР ИСПОЛЬЗОВАНИЯ	5
Глава 2. САВВА ЕСИПОВ О ПЛЕНЕНИИ КНЯЗЯ СЕЙДЯКА (опыт интерпретации одного летописного рассказа).....	18
Глава 3. «ПОВЕСТЬ О СИБИРИ ... » САВВЫ ЕСИПОВА И СТРОГАНОВСКАЯ ЛЕТОПИСЬ ОСНОВНОЙ РЕДАКЦИИ: К РЕКОНСТРУКЦИИ ПРОТОГРАФА	29
Глава 4. РАННЕЕ РУССКОЕ ГРАДОСТРОИТЕЛЬСТВО В СИБИРИ ПО ДАННЫМ КНИГИ ЗАПИСНОЙ (к определению источников Сибирского летописного свода).....	40
Глава 5. ЭВОЛЮЦИЯ ФОРМУЛЯРА ИСПОВЕДНЫХ РОСПИСЕЙ В ПРИХОДСКИХ ЦЕРКВЯХ ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ В XVIII — НАЧАЛЕ XX ВЕКА.....	51
Глава 6. ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ ИНСПЕКЦИОННЫХ ПОЕЗДОВ ЕПАРХИАЛЬНЫХ АРХИЕРЕЕВ НА ТОБОЛЬСКИЙ СЕВЕР В XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА	84
Глава 7. ТРИ РУКОПИСНЫХ СТАРООБРЯДЧЕСКИХ СБОРНИКА ИЗ ОТДЕЛА РЕДКИХ КНИГ НАУЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА.....	106
Глава 8. НЕИЗВЕСТНАЯ РУКОПИСЬ О СИБИРСКИХ ИНОРОДЦАХ ТОМСКОЙ ГУБЕРНИИ	138
Глава 9. ФОТОДОКУМЕНТЫ В ИСТОРИИ РОССИЙСКИХ ЗЕМСТВ	205
Глава 10. ВЕТЕРИНАРНЫЙ УЧАСТОК КАК ВАЖНЕЙШЕЕ ЗВЕНО СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЕТЕРИНАРНОЙ СЛУЖБЫ В СССР (на материалах Широковского ветучастка Далматовского района Курганской области 1940—1980-х гг.): ИСТОЧНИКОВАЯ БАЗА ИССЛЕДОВАНИЯ	221

Глава 11. УСТАВЫ И ПРАВИЛА ГОРОДСКИХ УЧРЕЖДЕНИЙ КАК ИСТОЧНИК ПО РАЗВИТИЮ СОЦИАЛЬНОЙ ИНФРАСТРУКТУРЫ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА (на примере г. Тюмени).....	231
--	-----

**Раздел II. ПРОШЛОЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XVIII —
НАЧАЛА XXI СТОЛЕТИЙ239**

Глава 1. ПРОБЛЕМЫ РАННЕЙ ИСТОРИИ СИБИРСКИХ СЛУЖИЛЫХ ТАТАР В ИССЛЕДОВАНИЯХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ УЧЕНЫХ.....	241
Глава 2. ЭВОЛЮЦИЯ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДОВ НА РОЛЬ ЦЕРКВИ И ПРАВОСЛАВНЫХ МОНАСТЫРЕЙ РОССИИ (дореволюционный период).....	255
Глава 3. ГОРОДА ЗАУРАЛЬЯ КОНЦА XVIII — НАЧАЛА XX ВЕКА.....	294
Глава 4. ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ Н.Н. ОГЛОБЛИНА	324
Глава 5. О ФОРМИРОВАНИИ ОСНОВНЫХ ПОДХОДОВ К ОСВЕЩЕНИЮ ПРОЦЕССОВ РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ СЕВЕРА И СИБИРИ СЕРЕДИНЫ XVI ВЕКА В РАННЕЙ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (на примере сборников статей «Очерки по истории колонизации Севера», вып. 1 и «Очерки по истории колонизации Севера и Сибири», вып. 2)	347
Глава 6. ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ДЕПОРТАЦИИ КАЛМЫЦКОГО НАСЕЛЕНИЯ	375
Глава 7. ВЕТЕРИНАРНЫЙ УЧАСТОК КАК ВАЖНЕЙШЕЕ ЗВЕНО СИСТЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЕТЕРИНАРНОЙ СЛУЖБЫ В СССР (на материалах Широковского ветучастка Далматовского района Курганской области 1940—1980-х гг.): ИСТОРИОГРАФИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ.....	388
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ.....	400